

СОВРЕМЕННЫЙ НИГЕРИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

*Диксон Изхавини
Калу Окпи
Мохмед Тукур Гарба
Филип Фил-Эбози*

Scan Kreyder - 19.12.2018 - STERLITAMAK

Dickson Ighavini

**BLOODBATH
AT LOBSTER CLOSE**

Kalu Okpi

**THE SOUTH AFRICAN
AFFAIR**

Mohmed Tukur Garba

STOP PRESS: MURDER!

Philip Phil-Ebosie

DEAD OF NIGHT

СОВРЕМЕННЫЙ НИГЕРИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Диксон Игхавини

КРОВАВЫЙ ШАНТАЖ

Калу Окпи

БОСС ТЕРПИТ ФИАСКО

Мохмед Тукур Гарба

**НОВОСТЬ
ДЛЯ ПЕРВОЙ ПОЛОСЫ**

Филип Фил-Эбози

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

РОМАНЫ

Перевод с английского

Москва
«Радуга»
1989

ББК 84. 6Ниг

Н61

Составление *Д. Ханова*

Предисловие *Г. Анджапаридзе*

Редактор *З. Полякова*

Н61 Современный нигерийский детектив: Сборник.
Пер. с англ.— М.: Радуга, 1989.—336 с.

Сборник предлагает вниманию советского читателя произведения четырех нигерийских авторов: Калу Окпи, Диксона Игхавини, Мохмеда Тукура Гарбы и Филипа Фил-Эбози, выступающих в жанре детективно-приключенческой прозы.

Включенные в книгу повести в увлекательной форме отражают сложные социальные проблемы жизни крупнейшей африканской страны и представляют различные типы детективного повествования — от криминального романа до политического «триллера».

С $\frac{4803030100-181}{030(01)-89}$ 42-89

ББК 84. 6Ниг

ISBN 5-05-002387-4

© Составление, предисловие и перевод на русский язык издательство «Радуга», 1989

ИЗМЕНЧИВОСТЬ И СТОЙКОСТЬ ЖАНРА

«Самая большая ценность детектива в том, что это первая и единственная форма популярной литературы, в которой выражается поэзия современной жизни. Люди в течение необозримого времени жили среди могучих гор и непроходимых лесов, прежде чем обнаружили, что это может восприниматься поэтически. Справедливо предположить, что наши потомки в сумерках будут видеть трубы такими же темно-пурпурными, как вершины гор, и фонарные столбы такими же древними и привычными, как деревья, крупные города воспринимать как естественные и очевидные вещи, а детективные истории, несомненно, как своеобразную Илиаду. Право, кто не замечал, что в этих историях герой, то есть сыщик, проходит по Лондону одиноко и с такой самоуверенностью и свободой, как принц в сказке, разыгрывающейся на земле гномов, и во время этого непредвиденного путешествия омнибус блистает красками волшебного корабля. Огни города начинают сиять, как неисчислимые глаза множества джиннов, как хранители тайн, к тому же тайн жестоких, таких, что известны писателю, но не читателю. На каждом повороте пути указующий на них перст. Фантастическими контурами взмывают ввысь трубы, словно бурно и издевательски сигнализируя лишь о разгадке тайны».

Так много лет назад писал один из основоположников детективного жанра превосходный английский писатель Г. К. Честертон. Но какое отношение его апология традиционного британского детектива имеет к современному нигерийскому детективу? Да самое прямое. Прочтите, только внимательно, лежащий перед вами том, любезный читатель, и вы без труда убедитесь в том, что классик был прав. Разве не с той самой «самоуверенностью и свободой» проходит, простите, проезжает, и именно по Лондону Ониекс, герой романа «БОСС терпит фиаско»? Но это лежащее на поверхности доказательство. В нигерийском, как и в любом другом, детективе есть та самая «поэзия современной жизни», ее загадок и тайн, нередко жестоких, а иногда и кровавых...

Но как — спросит вьедливый и скептически настроенный читатель — совместить понятие «поэзия» и бандитов, орудующих в душной тропической ночи Лагоса? А если вспомнить одесских налетчиков, малопочтенные занятия которых были описаны Бабелем так, что вдруг в самом тексте, строении фразы, образе и метафоре начинала играть неожиданная, не для всех приемлемая, но безусловно — поэзия? А «Трехгрошовая опера» Брехта? Я, конечно, далек от того, чтобы сопоставлять масштабы дарований названных писателей с теми, кто стоит у истоков нигерийского детектива, делающего еще только первые шаги. Да и художественные задачи у них различны. Важно, чтобы читатель понял, что «поэзия», о которой говорит Честертон, свойственна детективному жанру, как и любому другому...

Стойкость детективного жанра в том, что со времен основоположников — Эдгара По, А. Конан Дойла и Г. К. Честертона — он в целом сохранил свои родовые черты: поэзию напряженной интриги, тайны и ее обязательного раскрытия.

Но знаток и любитель детективной литературы не пройдет мимо существенных изменений, которые претерпел жанр почти за полтора столетия своего существования. Сегодня мы с необыкновенной легкостью, наверняка шокировавшей бы не только Честертона, но и Агату Кристи, называем детективом произведения, детективом в традиционном смысле не являющиеся. Так, строго говоря, чисто детективной можно считать лишь одну вещь из данного тома — «Новость для первой полосы». Там есть загадочное убийство, расследование, которое ведет друг убитого, и зловещий преступник, личность которого устанавливается лишь в финале. «Под покровом ночи» и «Кровавый шантаж» — типичные криминальные романы. Преступники в них известны практически с самого начала, а читательский интерес поддерживается динамичным развитием сюжета, оставляющим исход единоборства сил Добра и Зла весьма проблематичным.

Без всяких колебаний политическим «триллером» можно назвать роман «БОСС терпит фиаско».

Иными словами, перед нами очевидное размывание границ жанра, ибо и в трех других произведениях, представленных в томе, легко просматривается политическая подоплека — отношения с ЮАР, произвол, беззаконие и коррумпированность нигерийского общества, буквально раздираемого социальными контрастами и противоречия-

ми. В книгах нигерийских прозаиков бьется неровный, прерывистый пульс живой жизни — они очень далеки от традиционного детектива-ребуса, описывающего раскрытие некоего локального преступления.

Калу Окпи предваряет основное действие своего романа прологом, в котором читатель получает исчерпывающую информацию о спецслужбах ЮАР и о том, какие акции они планируют против Нигерии. Таким образом, мы оказываемся в более привилегированном положении, нежели нигерийская контрразведка, которая в данном случае не может обратиться за помощью к соответствующим западным службам, тесно сотрудничающим с БОСС. Один из многочисленных парадоксов Нигерии состоит в том, что эта страна четкой прозападной, капиталистической ориентации оказывается в политической и отчасти даже в военной конфронтации с ЮАР. Такова закономерная расплата за самостоятельный курс в делах Африканского континента, за поддержку национально-освободительного движения на Юге Африки.

Нигерийская армия, создававшаяся в свое время по британскому образцу, и в самом деле одна из самых сильных и современных на континенте. Так что, изображая знания и умение Ониекса и его коллег, Окпи не грешит против истины. Реальная роль армии в жизни Нигерии очень значительна — за двадцать пять лет после получения страной независимости в ней произошло шесть военных переворотов. Но можно ли однозначно сказать, что военная диктатура в Нигерии сугубо реакционна? Вряд ли. Нередко военный переворот всего лишь реакция патриотически настроенных молодых офицеров на коррумпированность и казнокрадство «свободно и демократично» избранных профессиональных политиков.

Однако диктатура в любом случае остается диктатурой и несет с собой безнаказанность одних и произвол по отношению к другим. Именно потому так логично варьируется отношение к армии у разных авторов сборника. От, можно сказать, восторженного отношения у Окпи до резко критического у Фил-Эбози, у героя повести которого Ифриана Окона из-за пустякового столкновения с армейским капитаном разрушается налаженная и благополучная жизнь. Словом, и роль армии в Нигерии парадоксальна: с одной стороны, военная мощь служит гарантом независимости страны; с другой — не ограниченная ничем власть людей в мундирах ведет к элементарному беззаконию. Даже у адмирала, начальника Ониекса Хал-

лы, безусловно незаурядный ум сочетается с диктаторскими замашками.

Впрочем, в конкретной ситуации, описанной в книге Окпи, военные — настоящие патриоты не только Нигерии, но и всей африканской земли. Любопытна оценка, даваемая персонажами романа положению на Юге Африки, проблеме Намибии, необъявленной войне в независимой Анголе, которую ЮАР и ряд западных стран ведет руками марионеточной армии, возглавляемой Савимби, считающимся даже в официальных политических кругах Англии и США «борцом за свободу». Идейный замысел произведения Окпи шире его сюжетной основы — истории о том, как нигерийская контрразведка стремится предотвратить крупномасштабную диверсионную акцию ЮАР. Он рожден сложной, далекой от стабильности политической композицией современного мира, где все оказывается взаимосвязано и взаимозависимо... И результат единоборства на лондонских улицах Ониекса Халлы и агента БОСС Ван Смута может иметь далеко идущие последствия не только для Африканского континента...

Вместе с героем Окпи читатель погружается в некий немислимый, неприемлемый для обыденного сознания мир конспиративных квартир, секретных банковских счетов, международных авантюристов и террористов. Ониекс Халла, как и положено герою «триллера», чувствует себя в этом удивительном страшноватом мире как рыба в воде. Такова условность жанра и его родовая черта. Ониекс безусловно положительный герой, хотя иногда, к примеру в эпизоде со швейцарским банкиром, легко преступает нормы общепринятой этики. Но он движим благородной патриотической идеей служения родине, ее защиты от готовящейся агрессии, да и его противники вовсе не образцы нравственности.

Характерной особенностью африканского детектива вообще и политического «триллера» в частности является стремление авторов создать образ положительного героя — человека неподкупного, самоотверженного, ставящего долг перед родиной выше собственного преуспевания. Сходные тенденции очевидны и в произведениях писателей Кении, опубликованных издательством «Радуга» в 1987 г. в сборнике «Современный кенийский детектив».

Важно не упустить и то, что Ониекс выполняет свое сложное и рискованное задание с удовольствием и азартом. И это резко отличает его от усталых, разочарован-

ных и нередко циничных персонажей книг такого признанного мастера «триллеров», как англичанин Джон Ле Карре.

Но почему все-таки африканские писатели ищут положительного героя в контрразведчике или же в человеке, в одиночку бросающем вызов могучему гангстерскому синдикату? Скорее всего, причины коренятся в самой современной африканской действительности. Капиталистический путь развития не принес и не мог принести процветания широким массам африканских стран, завоевавшим в длительной и кровавой борьбе независимость. Лишь немногим, особенно тем, кому выпал шанс получить образование на Западе, удалось всеми правдами, а чаще неправдами сколотить состояние. Но люди, взявшие на вооружение лозунг «Обогащайтесь», не могут быть положительными героями современной африканской литературы хотя бы потому, что обогащение одних происходит за счет чудовищного обнищания других. Положительный герой обязательно должен обладать чувством справедливости, и писатели разумно ищут его среди тех, кто способен дать отпор агрессии и произволу как против государства, так и против отдельной личности.

Конечно, в книге Окпи заметны следы ученичества у маститых западных коллег. Особенно это относится к описаниям всевозможных схваток и потасовок. Но к чести автора следует сказать о том, что он последовательно стремится избежать однотонности, однозначности в делении героев на положительных и отрицательных. Он старается быть объективным. Так, Ониекекс иногда комичен в своей наивности, а Зельдер, офицер БОСС, хитер, умен и храбр. Роман «БОСС терпит фиаско» привлекает не только своей политической злободневностью, но и стремлением писателя отразить жизненные коллизии в их противоречивости и многообразии.

Думаю, сильны своей укорененностью в нигерийскую повседневность и остальные три произведения. В повести Гарбы «Новость для первой полосы» расследующий обстоятельства загадочной гибели своего коллеги и друга молодой журналист Тахир Хусейн приходит в полицейский участок, где получает удар кулаком в лицо, и спокойно с этим мирится, хотя и не чувствует за собой никакой вины. Во всяком случае, грубое обращение в полиции не вызывает у него никакого удивления. Значит ли это, что полиция не заинтересована в установлении истины и нахождении настоящего преступника? Вовсе нет.

Просто полицейские откровенно не любят журналистов, постоянно ждут от них подвоха и критики, заметим — достаточно обоснованной. А в данном конкретном случае полицейский видит в Тахире Хусейне сообщника убитого. Нет, недаром этот грубиян инспектор бросает Хусейну: «Мне лично наплевать на так называемую „свободу печати“». Тут мы сталкиваемся с еще одним нигерийским парадоксом. Политическая система страны изначально была построена по британской модели — многопартийная система, парламент и т. д. В Нигерии издается множество газет и журналов самых разных направлений и ориентаций. Так, Хусейн и покойный Фарук Аввал вдвоем начинают издавать журнал, быстро завоевывающий популярность. Однако британский парламентаризм не слишком органично привился на нигерийской почве. Дело не только в том, что гражданское, избранное народом правительство в одну ночь может быть заменено диктатурой военных. Проблема состоит в том, что партии в Нигерии чаще всего формируются не на основе определенной политической платформы, а по национальному и этническому принципу. Нигерия страна многонациональная, ее жители исповедуют самые разные религии, от традиционных языческих культов до привнесенного бывшими колонизаторами христианства. Север страны, где происходит действие книги Гарбы, населен племенами, говорящими на языке хауса, и религия их — ортодоксальный ислам. Поэтому читателя не должны удивлять мусульманские имена персонажей и нетерпимость к алкоголю жителей Кано. Лояльность к «землякам», а не к государству в целом оказывается краеугольным поведенческим принципом многих нигерийцев. Типичный пример тому Альхаджи Абдулла.

Тахир Хусейн — герой-одиночка, без долгих размышлений вступающий в единоборство с таинственной преступной организацией и в конце концов побеждающий. Конечно, в его успехе есть немалая доля обязательной условности жанра — зло должно потерпеть поражение. Но в характере Тахира и его поступках есть и иная логика. Его неопытность, наивность и безрассудство толкают его на действия, часто захватывающие преступников врасплох. В этом можно увидеть своеобразное развитие давней традиции классического британского детектива, в котором автор «поручал» расследование сыщику-дилетанту.

За Ониеком Халлой стоят все вооруженные силы Нигерии. Тахир Хусейн один. Могущественный противник

нередко загоняет его в угол, но Тахир не сдается. Он продолжает борьбу. Движет им не только желание мести, но и чувство справедливости, причем не для себя лично или своих «земляков» — его цель обезвредить банду, которая наносит ущерб государству в целом, а следовательно, его отдельным гражданам. Такие молодые люди, как Тахир или его приятель, честный и доброжелательный инспектор полиции Кабир, способны сделать для своей родины многое. Боюсь, правда, что подобных образованных, честных и самоотверженных людей в Нигерии еще явно не достаточно. Во всяком случае, в полиции пока, к сожалению, преобладают совсем иные типы.

Об этом совершенно открыто и откровенно рассказывает Фил-Эбози в повести «Под покровом ночи», познакомившись с которой читатель будет превосходно осведомлен об оперативной обстановке в Лагосе. Этот густо населенный город по вечерам далеко не безопасен — не рекомендуется ездить даже на машинах, не говоря уже о пеших прогулках.

Улицы Лагоса, да и вообще нигерийские дороги, кстати в большинстве своем великолепные, перегорожены самодельными полицейскими заставами, состоящими из пустых бочек, досок, бревен и т. д. Серьезного, если не сказать — сурового, вида полицейские в коротких шортах, но с автоматами, деловито останавливают машины, вдумчиво изучают водительские документы, тщательно осматривают багажники. Фил-Эбози, вероятно, не без оснований считает, что их цель — разжиться парой-другой найр.

Однажды мне пришлось возвращаться в Лагос из Аджиокуты, где с помощью нашей страны ведется строительство огромного современного металлургического комбината. Наш водитель торопился въехать в пригороды Лагоса до наступления темноты, которая будто в одно мгновение ниспадает на эту тропическую страну — около семи часов вечера вокруг тьма кромешная. Оказаться во тьме на шоссе вдаль от города — риск немалый. Кроме всего прочего, нигерийские водители, особенно обладатели престижных марок автомобилей «мерседес», «вольво» и других, отличаются необыкновенным лихачеством — об этом, кстати, пишет и Фил-Эбози. Картины из той моей нигерийской поездки до сих пор стоят у меня перед глазами. По всей стране обочины дорог буквально усеяны разбитыми машинами. На окраине любого мало-мальски солидного населенного пункта — фантасмагорическое автомобильное кладбище, где «скелеты» машин громоздятся

в два или три этажа. Так вот... По пути из Аджиокуты в Лагос наш автомобиль несколько раз останавливала полиция. Проверяли документы водителя, открывали и осматривали багажник. Естественно, никаких претензий они нам предъявить не могли... И право же, не трудно было судить по их недовольным лицам, насколько их разочаровала встреча с нами...

В книге Эбози есть очень важная линия, которую как бы подхватывает автор повести «Кровавый шантаж». Ифриан Окон, герой Эбози, — вполне процветающий служащий частной строительной фирмы, обладатель собственного дома и двух машин. Добился он всех благ упорным честным трудом и высокой квалификацией. Что ж, в динамичном нигерийском обществе это вполне возможно. А уж если деловой человек к тому же оборотистый, смекалистый и не слишком скованный моральными принципами, он может сколотить приличное состояние, обирая своих соотечественников или напрямую государство, весьма и весьма скоро.

Но драматическая судьба Ифриана свидетельствует о том, сколь иллюзорно и хрупко добытое благополучие. Цепь нелепых случайностей приводит безмятежное и налаженное бытие Ифриана к полному и окончательному краху. Впервые оказавшись в полиции, Ифриан сталкивается не только с безобразным произволом, но и с реальной жизнью большинства своих соотечественников, не имеющих собственного дома и счета в банке. Даже достигнутый им уровень сравнительного благополучия вовсе не служит гарантией того, что Ифриан обладает правами добиться справедливого решения, казалось бы, пустаковой проблемы.

То, что произошло с Ифрианом Оконом, можно расценить как чистую случайность. Но она в значительной мере определяется закономерностью и неотвратимостью происходящих в обществе процессов. Организованная преступность и коррумпированность властей предрежающих — военных и полицейских — не оставляют обыкновенному человеку никаких шансов на то, чтобы он обрел хотя бы относительную социальную защищенность. Ифриан быстро понимает, что ему остается надеяться лишь на себя. Творя возмездие, он испытывает чувство удовлетворения. Но прошлого покоя и благополучия уже не вернуть...

Несколько больше повезло Фрэнку Джиринде из повести «Кровавый шантаж». Ему попались честный началь-

ник полиции и честный частный детектив, которые помогли отвести грозящую его семье опасность. Писатель пытается исследовать социальный и психологический механизм коррупции, всегда существующей в государстве, где отсутствуют правовые гарантии безопасности его граждан. Фрэнк и сам не без греха. Он в свое время проворачивал некие незаконные операции и не далек от того, чтобы согласиться на предложение шантажирующих его гангстеров. Но жена удерживает его от этого нечестного поступка.

В «Кровавом шантаже» показан, так сказать, следующий, более высокий этаж организованной преступности в Нигерии. Тут уже не просто банда гангстеров, хватающихся за все, что попадает под руку, но настоящая корпорация со своим штабом, планирующей операции, армией, техническими специалистами. Подобная подпольная структура может служить значительным фактором и политической жизни страны — недаром во главе этого формирования стоит бывший офицер армии сепаратистов...

Думаю, логично будет повторить, что уже приходилось писать в связи с изданием сборника «Современный кенийский детектив». Африканский детективный роман, очевидно, еще находится на стадии своего становления. Привлекательность его не в том, что он технически совершенен и равняется на эталонные образцы жанра, а в том, что он рожден бурной, кипящей действительностью Африканского континента и может поведать о ней на удивление много. Не будет преувеличением сказать, что африканским прозаикам ближе всего детектив социальный и политический. И хотя найдутся наверняка читатели, которым мое суждение покажется спорным, все же рискну сказать о том, что мне эти два направления в развитии современного остросюжетного романа представляются наиболее перспективными. И потому уверен: африканских детективистов ждет в недалеком будущем настоящий успех.

Г. Анджапаридзе

Диксон Игхавини

КРОВАВЫЙ ШАНТАЖ

Dickson Ighavini

Bloodbath at Lobster Close

© Dickson Ighavini 1980

Перевод *Д. Ханова*

В кабинете менеджера по экспорту компании «Голд ойлз синдикат» резко зазвонил телефон. Фрэнк Джиринде вздрогнул и открыл глаза. Не так давно он был переведен на нынешнюю должность из отдела внутреннего сбыта. Повышение, да еще какое! Да, судьба благоволит к нему: и жалованье дай бог всякому, и дом, и преданная, любящая жена, и прелестные ребятишки...

Часы показывали семь вечера — Фрэнк имел обыкновение работать допоздна. Наговорив на диктофон несколько писем, которые наутро должна была отпечатать его секретарша мисс Биола, Фрэнк занялся оставшимися бумагами и не заметил, как задремал. На столе у Джиринде было четыре телефона: красный — связь с начальством, серый — с прочими служащими компании, черный — с городом через коммутатор и еще один черный — прямой городской. Именно он и трезвонил теперь. Недоуменно уставившись на него, Фрэнк потянулся к трубке.

— Алло? — Фрэнк сдержал зевок, прикидывая, кто бы это мог быть. — Я вас слушаю.

На другом конце провода незнакомый голос бодро произнес:

— Привет, Фрэнк. Вы не против, что я зову вас так запросто, по имени?

Фрэнк хмыкнул.

— Нет, разумеется, пожалуйста, — отозвался он дружелюбно, в тон незнакомому собеседнику. — А с кем я говорю? — спросил он, машинально чертя что-то на промокашке.

— Кто говорит, не важно, Фрэнк, не будем об этом... — Незнакомец замолчал.

— Да-да?

— Я вот что хочу сказать, Фрэнк: детки-то у вас чудные, особенно старший мальчик. Я своими глазами видел его, когда он шел из школы домой, и подумал: какой прекрасный ребенок... Впрочем, и другие у вас не хуже. — Говоривший прищелкнул языком в знак восхищения. — Знаете, Фрэнк, они играли одни, без всякого

присмотра. Нехорошо. Надо бы уделять им побольше времени.

Фрэнк замер, недоброе предчувствие закралось в сердце.

Спору нет, он часто засиживается на работе, и на детей времени не хватает, но кому взбрело в голову молоть об этом языком, черт подери?

— Боюсь, я чего-то не понимаю. Кто говорит? — сказал Фрэнк недовольно. Подавшись вперед, он склонился над столом. Не сорвалось бы с языка лишнее. Хотелось думать, что это кто-то из друзей, хотя друзей он узнавал по голосу, по крайней мере тех, кто мог бы так пошутить.

— Не важно кто! Сколько говорить об одном и том же? — В тоне незнакомца прорвалось раздражение. — Ваш путь, Фрэнк, до сих пор был устлан розами — в общем, не жизнь, а рай. Но, как известно, всему приходит конец. А что, если вас из вашего райского сада возьмут за ушко да и вытащат? Вам, верно, не хочется этого, а, Фрэнк?

У Джиринде кровь похолодела в жилах. Да ведь это не шутка — ей-богу, не шутка! Его голос от негодования задрожал:

— Не понимаю, о чем речь, совершенно не понимаю! — Мелькнуло желание бросить трубку, но она словно приросла к руке. — Что это за шутки!

— Да кто сказал, что я шучу? Я вижу, вы не понимаете. Так вот, что вы делаете в среду в девять утра?

Фрэнк лихорадочно соображал. Среда — это завтра.

— У меня будет... о господи! — опомнившись, Фрэнк оборвал себя на полуслове.

— У вас будет — что у вас будет, Фрэнк? — настаивал голос в трубке.

Джиринде сделал глубокий вдох. Он даст волю своему негодованию.

— Ладно, хватит. С этим пора кончать. Я не знаю, кто вы такой. Не знаю, острите или просто время у меня отнимаете. Если острите, то знайте: от ваших шуток меня воротит. Ясно? Вы что, думаете, я буду кому ни попадя говорить о своих делах?

Но на незнакомца тирада, похоже, не произвела впечатления.

— А что же говорят кому ни попадя?

— А вот что: или у меня голова не в порядке, или у вас, приятель! Всего! — выпалил Фрэнк, но голосу его

все-таки не хватало твердости. Он почувствовал: незнакомец знает, что он, Фрэнк, не бросит трубку.

Последовало молчание. Фрэнк замер, весь обратившись в слух. Он слышал, как там, на другом конце провода, затягиваются сигаретой. Наконец незнакомец произнес:

— Сдается мне, мистер Джиринде, вы деток своих не любите. А ведь детки-то прелестные, а? Ладно. Так с каким из них вам не жалко расстаться?

— Что-что?.. Как вы сказали? Каких деток вы имеете в виду? — Фрэнк судорожно прижимал трубку к уху. Его прошиб пот.

— Да все вы отлично слышали.— Теперь в голосе незнакомца зазвучали зловещие ноты.— Будете у доктора, поинтересуйтесь, сколько крови можно нацедить из человека. К вашему сведению: у двухлетнего малютки крови на три бутылки, у четырехлетнего — на пять, а у шестилетнего — на целых семь...— (Фрэнк почувствовал, что цепенеет, как в кошмарном сне. Голос, втекая в ухо, казалось, вытягивал душу.) — Так вот, скоро получите семь бутылок на продажу. Спокойной ночи, Фрэнк.

— Нет! Подождите! — крикнул Фрэнк не своим голосом. В горле у него пересохло. Что делать? Не набросишься же с кулаками на этот зловещий голос. О злодеяниях бандитов Фрэнк слышал немало — город Порткано кишмя кишел этими мерзавцами. Но никому и в голову не приходило, что он, Фрэнк Джиринде, может оказаться их жертвой! Газеты не раз живописали о зверствах бандитов — гангстеры Порткано отличались особой жестокостью. Бывало даже, что они убивали, распиная людей на крестах. Но зачем он-то им понадобился? Они же охотятся за важными птицами. И до дома, как назло, далеко, а время-то не терпит.— Что вы имеете в виду? — снова спросил Фрэнк, боясь, что разговор окончен, и вздохнул с облегчением, когда услышал:

— «В виду», «в виду»... Приедешь вот домой и увидишь, что я имею в виду.

Последние слова как ножом полоснули по сердцу. Фрэнк вскинулся:

— Вы мне угрожаете — хотите запугать! — Но голос его дрожал.— Не смейте трогать моих детей, слышите? Вы... Я сейчас же еду домой! И в полицию! Я...

— Неужели? А ты уверен, что до дома доедешь? До полиции доберешься? Ох, Фрэнк, хорошая встряска тебе нужна. Жил ты припеваючи, как сыр в масле катался,

потому ничего и не понимаешь. Ну так слушай. Ты не знаешь даже, откуда я звоню. Напротив дверей твоего кабинета сидит мой человек. Как действовать, он знает. И глаз с тебя не спустит. Попробуешь своевольничать, в полицию звонить — живым из кабинета не выйдешь. — (Может, эти угрозы — блеф, мелькнуло в голове у Фрэнка, но как узнать?) — А если мы тебя прикончим, детки твои тоже от нас не уйдут. Будь я на твоём месте, я бы поберег собственную шкуру, да и о детках позаботился. И, хорошенько подумавши, встретился бы с кем надо завтра в десять у отеля «Голубой лебедь». Ну, выбирай.

— Но у меня на это время назначена деловая встреча! Я...

— Знаю. Отмени ее.

— Но я не могу отменить! Дело слишком важное!

— Домой приедешь, тогда и решишь, что для тебя важнее.

— Пожалуйста, прошу вас... Не трогайте детей... Я приеду, куда вы велели! Только не трогайте... — Осекшись, Фрэнк сообразил, что говорит в глухую пустоту. На этот раз разговор вправду окончен! Его охватило щемящее чувство утраты — будто перед ним навсегда захлопнулись врата в обитель блаженства и счастья. Будто чьи-то цепкие холодные пальцы сомкнулись на горле. Никогда в жизни у него не было такого ощущения беспомощности. Если б он мог сию же минуту очутиться дома, со своими, чтобы взглянуть опасности в лицо! Фрэнк задыхался. В ярости он хлопнул трубку на рычаг, схватил дипломат и, едва не свалив стул, бросился со всех ног к двери. У двери он резко остановился и, чуть подумав, кинулся назад, к телефону. Но, сняв трубку, вспомнил произнесенные зловещим голосом слова: «Напротив дверей твоего кабинета сидит мой человек. Как действовать, он знает. Попробуешь своевольничать, в полицию звонить — живым из кабинета не выйдешь». Фрэнк замер. Господи! Если он позвонит в полицию, то, может, вообще не доберется до своих. Дико озираясь, Фрэнк положил трубку, затем подбежал к двери и запер ее на ключ. Вынув ключ, глянул в замочную скважину. Дверь выходила в холл для посетителей. Фрэнк увидел столик посреди комнаты, на нем вазу с цветами, журналы, сзади на стене книжную полку... Больше ничего нельзя было разглядеть. Он вернулся к телефону, но звонить в полицию не решился — духу не хватило.

Если эти мерзавцы похитили кого-то из детей и го-

товы даже на убийство, что вполне похоже на правду, звонить в полицию нельзя — они исполняют обещанное. Но если это розыгрыш, чья-то идиотская шутка? Фрэнк задал себе этот вопрос, набирая номер домашнего телефона. Не будь наивен, возразил тотчас внутренний голос. Ты же наяву слышал беспощадные слова — о каких шутках тут толковать!

Наконец трубку сняли — к телефону подошла жена.

— Джейн! Ты откуда говоришь? — произнес Фрэнк срывающимся от волнения голосом.

Жена мигом почуяла неладное.

— Из спальни... Милый, что-нибудь случилось?

— Дети где? — Фрэнк попытался овладеть голосом, но напрасно.

— Я сама собиралась тебе звонить, милый. Тут тебя дожидается какой-то человек, с полчетвертого уже. Сейчас он сидит с детьми.

Фрэнк не мог произнести ни слова. Он лишь оцепенело слушал.

— Минут десять назад, — продолжала жена, — я ушла на кухню, они смотрели телевизор. Я стала готовить тебе ужин. Этот человек сказал... Фрэнк! Ты меня слышишь?

Фрэнк будто очнулся.

— Джейн! Иди погляди, где они! И не выпускай их из виду! — проревел он.

Джейн на какой-то миг растерялась — никогда прежде муж не говорил с ней так. Она хотела было спросить, что же случилось, но не решилась. Швырнув трубку на кровать, она стремглав бросилась вон.

Первым делом она побежала в гостиную. Там детей не было. Куда они делись? Почему Фрэнк так странно говорил, так жутко закричал? Что стряслось? Детей не оказалось ни в детской, ни в библиотеке.

Был уже вечер, но за окном еще было светло. Дом Фрэнка Джиринде на Лобстер Клоус походил на обиталище островного царька — в вечерние часы сад перед домом был залит светом ярких ламп. Так уж повелось в Порткано: вилла, построенная по индивидуальному заказу, позволяет вам войти в круг людей уважаемых, но, если, в придачу, у вас есть еще и подсвеченный сад, уважение перерастает в восхищение. С фасадной стороны дома располагалась веранда с увитым цветами крыльцом. Слева от веранды — встроенный гараж. Справа — еще один вход в изящно обставленный холл — место, где члены семьи Джиринде коротали время в дождливые дни.

Не найдя детей и посетителя в доме, Джейн побежала на веранду. Там тоже никого не оказалось. Слабонервной Джейн назвать было нельзя — она не приходила в ужас по пустякам. Но уж коли ее охватывала паника, она отдавалась чувству целиком, совершенно теряла голову. Она вдруг осознала: дети пропали! По телу пробежала дрожь, она в отчаянии прижала руки к груди. По радио в последнее время нередко сообщали о похищении детей. Но посетитель, игравший с ними, не внушил ей тревоги. Он сказал даже, что любит детей — у него своих двое. Не верится, чтоб он мог оказаться бандитом.

— По-оль, где ты?! — крикнула Джейн что было сил. Но никто не отозвался.

Тогда она спустилась с крыльца и побежала к воротам — там была сторожка привратника, куда дети иногда ходили поиграть. У нее совершенно вылетело из головы, что Фрэнк ждет ее у телефона.

Пробежав полпути, Джейн увидела Ригала и Джойс. Ригал, вылитый отец, мчался по саду. Следом за ним поспевала, как могла, трехлетняя сестра. По одному их виду Джейн поняла, что случилось непоправимое. Прямо по клумбе она кинулась им навстречу.

Маленькая Джойс, завидя мать, расплакалась.

— Ригал! Что такое? Откуда вы бежите? Где Поль?

Джейн схватила сына, прижала его к себе. Подбежав к дочке, подхватила и ее. С детьми на руках она всматривалась в тот угол сада, откуда прибежали дети.

— Ригал, ну говори же. Где Поль? Где тот дядя, с которым я вас оставила?

— Дядя Винсент сказал, что мы не поедem.— Ригал едва сдерживал слезы.

— Не поедете? Куда не поедете? Ригал! — Мать вопросительно взглянула на дочку, та плакала. Джейн повернулась и пошла к дому.

— Дядя Винсент сказал, чтобы мы не садились в машину... Он уехал без нас!

— В какую машину, Ригал? Где Поль, а? Он что, в машине уехал? — Джейн беспомощно оглянулась. Для нее было новостью, что «дядя Винсент» приехал на машине. Должно быть, поставил где-то на улице, в укромном месте.

— Он сказал, что они поедут к папе на работу...

От такого известия Джейн совсем растерялась.

— Поедут к папе на работу? Но зачем? Этот человек ничего не сказал мне! — воскликнула она.

Тут Джейн вспомнила, что не договорила с Фрэнком по телефону, и побежала к дому.

Глава 2

Британский подданный Ричард Стонберд появился в Нигерии лет десять тому назад. Всем, кто с ним сталкивался, было известно, что он англичанин, но нельзя сказать, чтобы общение с ним доставляло удовольствие. В отличие от большинства своих соотечественников Стонберд был субъектом малосимпатичным. Начать с того, что прослыл он человеком, которому честные пути заказаны,— склонность к пороку была, похоже, неотъемлемой чертой его характера. К тому же люди далеко не все о нем знали. Не ведали они, например, о том, что, выдавая себя за чистокровного англичанина, Ричард забывал упомянуть, что по отцу он ливанец, а англичанин лишь по матери.

Не знали люди и о темном прошлом Стонберда, и о том, почему ему пришлось спешно покинуть Англию, когда запахло жареным. А ведь, если б не бежал он вовремя, может, выпало б ему на виселице болтаться. Некогда Стонберд служил в британской армии, впоследствии сделался «солдатом удачи», воюя за деньги в чужеземных войнах. Как солдат-наемник он был беспощаден и жесток, благодаря этому выжил и неплохо зарабатывал. А если деньгами разжился, какой еще с него спрос? На все прочее плевать он хотел.

Но вот уже два месяца, как дела у Стонберда шли из рук вон плохо. Рэкет, которым он в последнее время занимался, не выгорел, деньги иссякли, да к тому же Ричард чуял, что полиция села ему на пятки. Нуждаясь в наличных, он сбыв с рук по бросовой цене два из трех своих автомобилей. Но деньги, вырученные от этой продажи, уже подходили к концу. В последние дни Стонберд лихорадочно пытался поправить дела, но, похоже, все известные каналы были перекрыты. Он понимал, что время не терпит. Если кредиторы пронюхают, что он на мели, они мигом с ним разделаются — он ведь даже не выплатил до конца кредит за проданные автомобили! В течение нескольких дней Стонберд обдумывал, не отправиться ли на заработки в Зимбабве, где идет война. Там он смог бы предложить свои услуги. Но, поразмыслив, отказался от этой затеи. Во-первых, нет у него уже

прежних связей, а без них трудно пускаться в такое предприятие. Да и возраст дает о себе знать. Ему сорок, он раздобыл, к комфорту привык, и неохота ему вкушать опять прелести военно-полевой жизни. Да и потом, где только он на своем веку не воевал — и что в итоге имеет? Вьетнам, Камбоджа, Нигерия, Египет... Нет, с него довольно дикого кочевья!

Наконец Стонберд решил: он продаст свою виллу и, раздобыв таким образом денег, смоемся из страны подобру-поздорову. Два дня назад он поговорил со своим ближайшим дружкой Ральфом — сказал, что хочет продать дом, но о дальнейших планах умолчал. Ральф согласился переговорить с одной богатой шишкой, ничего определенного не обещая. Когда продаешь дом не спеша, без суеты, предупредил Ральф, можно выручить хорошие деньги; но когда продаешь, потому что срочно нужны наличные, покупатели это чувят и не очень раскошеляются.

И вот теперь дружки встретились снова.

Откинувшись в кресле, Ричард недоверчиво посмотрел на Ральфа.

— Это ты так шутишь, а? — заметил он с легким раздражением.

Ральф сидел напротив, выставив свои огромные руки. Он то и дело отхлебывал из бокала. Ральф нынче был многословен — развлекал Ричарда пустыми разговорами о том о сем.

— Да какие тут шутки. Я, когда речь идет о деле, не шучу, сам знаешь.

— Тогда к чему клонишь? — За несколько месяцев знакомства Ричард изучил своего дружка и видел, что теперь тот и вправду завел разговор о чем-то важном.

— О рэке с контрабандной нефтью слышал, наверное, а? — тихо спросил Ральф, пристально поглядев на собеседника.

— Не понимаю все-таки, к чему ты ведешь. Допустим, слышал краем уха, ну и что? Меня это как-то не волновало.

Ральф осушил бокал. Выпитое давало о себе знать — у него все больше развязывался язык.

— Сдается мне, теперь для тебя самое время поразмыслить об этом.

Ричард решил, что его приятель попросту хватил лишнего и плетет невесть что.

— Нет, меня это не интересует. Да и прочее не интересует.

Ральф пожал плечами.

— «Интересует», «не интересует» — разве в том дело, Рик? — Ральф поднес ко рту пустой бокал и, увидав, что бокал пуст, все-таки запрокинул его. — Ну ладно. Если не терпится продать дом этому ворюге за жалкие двадцать тысяч, делай как знаешь — удерживать не стану. Я-то думал, тебе настоящие деньги нужны, и, когда босс тут об одном деле упомянул, я сразу подумал про тебя, помочь захотел... Я тебя к водичке привел, но насильно пить не заставишь.

— По-моему, ты просто хватил лишнего, Ральф. Про какого-то босса толкуешь — первый раз слышу, что у тебя босс есть. Болтаешь невесть что, лапшу на уши вешаешь, а я этого терпеть не могу.

Ральф плеснул в бокал вина, в два глотка осушил его, сморщился, поставил бокал на столик рядом, лихорадочно обдумывая положение. Настал решающий момент, подумал он. Ральф обещал Окариме, что обработает Ричарда; срок, отпущенный боссом на обработку, подошел к концу. А если ты задание босса не выполнил, пеняй на себя — он уж поговорит с тобой, у босса разговор в таком случае короткий: пуля в затылок, и все дела. Вдруг Ричард упрется, тогда его, Ральфа, песенка спета. А может, пора поднажать — припереть Ричарда к стене? Собеседник Ральфа со своей стороны тоже обмозговывал ситуацию. Контрабанда? Нет, это дело гиблое, тут двух мнений быть не может. В контрабандные аферы стоит только ввязаться, потом, как ни старайся, не выпутаешься. Как говорится, назвался груздем... в общем, сиди и не рыпайся — раньше или позже тебя накроют и упекут за решетку.

Тут он опять подумал о доме. Неужели отдавать виллу за какие-то паршивые двадцать тысяч найр? Фантастика, черт подери! Он выложил в свое время семьдесят пять кусков за эту коробку, а с мебелью и прочим она обошлась, пожалуй, в сотню, и к тому же дома растут в цене с каждым годом... Но все-таки придется продавать, ничего не поделаешь. Зато он разживется монетами, которых так не хватает... Тут Ричард на миг осекся, вспомнив о долгах. Ба! Да ведь этих двадцати тысяч неостанет, даже чтоб разделаться с долгами! Подумав, однако, он решил, что в нынешнем положении насчет долгов можно и не беспокоиться. Уматывая из страны, он трубить об

этом не станет. Не исключено, правда, что кто-то из кредиторов случайно пронюхает о его планах. Надо будет действовать осторожней, чтоб свести риск к минимуму. Ричард внимательно поглядел на Ральфа. Вроде не так уж много и выпил, а видок такой, будто еле лыко вяжет. Ну и рожа, черт подери, ну и рожа: взглянешь на такую — повеситься захочешь. А ведь без этого кретина не обойтись, дом не продать...

— Ну, так я жду, Рик. Что-то долго с мыслями собираешься, резину тянешь.— Ральф решил, что от медоточивых уговоров пора переходить к нажиму. А уж по части нажима Ральф был непревзойденный мастер — настоящий «жесткий парень», что и говорить.

— Ничего я не тяну,— отозвался Ричард; он говорил, выбирая слова: ссориться с дружкой резона не было.— Я вот о чем думаю, Ральф. Как считаешь, не мог бы этот твой приятель выложить, скажем, тысячу сорок? Меня бы это больше устроило.

— Ты что, думаешь, если б из этого хрена можно было выудить больше, я бы не выжал, что ли?! — Ральф притворно сердито взглянул на приятеля.— А предложи он сорок кусков, неужто ты бы согласился, Рик?

Ричард пожал плечами.

— Да, Ральф, да. По мне, дело это все-таки более верное, чем влезать по уши в ваши безумные контрабандные затеи.

Ральф ошетинился.

— Почему же это безумные?

— А зачем меня-то в них тянете? У вас что, своих мозгов не хватает? Нет, меня в эти дела не заманишь.

Ральф окончательно расстался с надеждой уговорить дружку по-хорошему. Пора открыть карты.

— Ты, значит, думаешь, что поумней нас будешь, оттого-то и зовем тебя?

Несколько мгновений приятели мерили друг друга взглядами. Помня о задании Окариме, Ральф не дал воли злобе.

— Послушай, Рик,— проговорил он почти мягко.— Допустим, ты продашь этот дом за двадцать или даже сорок тысяч, ну а дальше что? Думаешь, кредиторы не насядут на тебя и дадут улизнуть? Да после того, как ты расплатишься за свой «феррари» и с ювелиром, у тебя на руках пшик останется, и...

— Ральф! — Ричард побледнел.— Откуда... откуда ты знаешь про «феррари» и ювелира?

Ральф видел, что попал в точку, и торжествовал.

— Что-то выпить еще охота,— сказал он, протягивая руку к бутылке.

— Оставь в покое мое вино,— рявкнул Ричард. В тоне его уже не было и следа дружелюбия. Свои долги он хранил в тайне и разглашения этой тайны не простит никому!

Ральф пожал плечами. Он чувствовал себя на коне. Если дело дойдет до кулаков, он без труда справится с Ричардом.

— Похоже, Рик, тебе бы очень хотелось, чтоб о твоих долгах никто не пронюхал.

— Да иди ты к черту! — огрызнулся Ричард. Плохо дело, думал он. При таком раскладе смотать удочки будет непросто.

— Ну и что теперь будешь делать, а? — спокойно проговорил Ральф.— Мне известно и про компанию «Лейкстоун джуэллинг». И про «Уэдрок», да и про остальные тоже. Рик, отчего ты решил, будто от всего этого можно так просто отмахнуться?

Ричард уставился на приятеля, не в силах вымолвить ни слова. Его душила злоба. Кто бы мог подумать, что у этого кретина есть в голове извилины? Он, Ричард, уже несколько месяцев под колпаком — и ни о чем не догадывался.

— Не понимаю, о чем толкуешь. Про что там тебе известно?

— Слушай, Рик. Ты знаешь, я человек терпеливый. Раз хочешь, могу рассказать с подробностями. «Лейкстоун джуэллинг» ты должен одиннадцать тысяч. «Феррари» — шесть тысяч триста. «Уэдроку» — две тысячи. «Кингсуэй сторз»...

— Замолчи! — крикнул Ричард. Он попытался встать, но ноги его не держали, и он тяжело плюхнулся в кресло. Он попался! Кто-то загодя забросил удочку, и он на эту удочку попался. «Лейкстоун» — компания со штаб-квартирой в Лондоне, «Феррари» — тоже иностранная фирма, значит, тут поработала чья-то дельная голова, иначе откуда бы взялись эти сведения!

— Ну уж молчать-то я не собираюсь,— небрежно бросил Ральф.— Я тебя предупредил, так ведь? Ну а теперь слушай, внимательно слушай.

Ричард Стонберд поморщился как от боли, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, потом открыл и молча уставился в потолок.

Едва Фрэнк Джиринде с женой переступили порог дома, послышался телефонный звонок. Чем дальше, тем больше голова у Фрэнка шла кругом, но при встрече с Джейн он сумел взять себя в руки и довольно-таки убедительно соврал. Тот человек с Полем, успокоил он жену, должно быть, разминулся с ним, в конце концов они сюда вернутся. Вымолвить правду было выше его сил.

— Подойди,— сказал он жене. Стараясь не выдать своего смутения, Фрэнк крепился как мог. Пока Джейн шла к телефону, он бросил портфель на диван, поднес руку к вентилятору на столике. Фрэнк догадывался, что звонят по его душу.

— Алло, добрый вечер, чем могу служить? — произнесла Джейн, не назвав себя. С некоторых пор она начала всякий телефонный разговор таким не совсем обычным приветствием. Несколько мгновений молчания, затем мужской голос в трубке проговорил медоточиво:

— Будьте любезны, позовите к телефону своего мужа. Прикрыв микрофон ладонью, Джейн обернулась.

— Тебя, Фрэнк.

Он взял трубку.

— Алло, я вас слушаю.

— Советую вам, Фрэнк: попросите-ка жену уйти из комнаты.

Джиринде сразу узнал голос — бодрый и холодный. Тот же человек звонил ему на работу. Зажав микрофон рукой, он бросил жене:

— Извини, Джейн, у меня разговор — на минутку.

Джейн, никогда без нужды с мужем не пререкавшаяся, вышла из комнаты. Она решила проведать детей.

— Так, что вам надо? — Фрэнк старался говорить спокойно, но твердо. — Где мой сын? Вы сказали...

— Не спешите, куда вы так спешите, мистер... э-э... Фрэнк? Сынок ваш жив-здоров, брыкается... пока что. Теперь слушай. Ты соображаешь, конечно, что сынка твоего мы могли прихватить где угодно — в школе, на улице, мало ли где. Но взяли прямо из дома. Зачем? А чтоб ты, Фрэнк, понял: никуда ты от нас не денешься, у нас руки длинные. И что не только ты у нас на примете, но и все твоё семейство. И что никакая полиция тебе не поможет. Ну, теперь понял — и решил?

— Послушайте, как же я могу решиться, если не знаю даже, с кем говорю, не знаю, чего вы хотите. Я ничего ровным счетом не понимаю! — Фрэнк чуть повы-

сил голос.— Возможно даже, что я не в состоянии выполнить ваши требования. Так как же можно обречь...

Голос в трубке оборвал его:

— В состоянии, в состоянии, Фрэнк... Был бы не в состоянии, мы бы тебя не трогали.

— Но я ведь понятия не имею, о чем речь! Ну хорошо. Допустим, я завтра приеду в назначенное место, что тогда? Вы отпустите моего сына?

— Ну, так быстро дело не делается, Фрэнк. Но я распоряжусь, чтоб его не трогали.

— Не трогали?! То есть как это? Вы что, распорядились, чтоб сейчас его «трогали»?

— Ну, не совсем, Фрэнк. Видишь ли...

— Послушайте, господин хороший. Я предлагаю вам сделку, хотите сделку?

— Сделку? Сделку — это можно. Какую же?

— Вы возвращаете моего сына, а вместо него берете меня, согласны? — предложил Фрэнк, но в тот же миг почувствовал, что предложение его нелепо. Его хватятся в компании, поставят на ноги полицию, а домашние окажутся в положении еще более беспомощном, чем сейчас.

— Не валяй дурака, Фрэнк, — после некоторого молчания сказал незнакомец. — Соображаешь? О семье кто заботиться должен — ты или твой сынок? Я понятно выражаюсь?

— Нет, — соврал Фрэнк.

— Ну ладно, я вижу, ты непонятливый. Тогда запомни вот что. Если попытаешься финтить, сильно пожалеешь об этом. Кровавую баню устроим тогда всему твоему дому. И запомни: завтра в девять ноль-ноль у отеля «Голубой лебедь». — В следующий миг послышался гудок отбоя.

Фрэнк долго стоял с телефонной трубкой в руке и остекленело глядел на нее. Он не слышал, как в комнату вошла жена.

— Фрэнк, что стряслось?

Он вздрогнул и попытался придать лицу невозмутимое выражение, но преуспел в этом лишь отчасти. Джейн испуганно вглядывалась в помрачневшее лицо мужа.

Неторопливым движением Фрэнк опустил трубку на рычаг. Он чувствовал, что притворяться более не в силах, — никакого лицедейства не хватит, чтобы скрыть то, что творилось у него внутри.

— Джейн, я должен тебе сказать кое-что, — начал Фрэнк, осторожно выбирая слова. Он обнял жену, но она чуть отпрянула назад, продолжая пристально глядеть

на мужа.— Я расскажу тебе, Джейн, но пообещай, что возьмешь себя в руки. Уверяю тебя, все обойдется, все будет хорошо.— Фрэнк никак не решался произнести самое страшное. Казалось, Джейн вот-вот сорвется с места и закричит.

— Фрэнк, что-нибудь с Полем стряслось? — Джейн с усилием выговаривала слова, глаза у нее от испуга сделались большими и круглыми. У Фрэнка закололо сердце. Он усадил жену, опустился на стул рядом, рука его лежала у нее на плече.— О Фрэнк, ну говори же. Кто тебе звонил? Что случилось?

Собравшись с духом, Фрэнк рассказал жене почти все, опустив лишь кое-какие подробности. Джейн выслушала известие молча.

— Фрэнк, но чего они хотят? Я не понимаю, бессмыслица какая-то! — воскликнула она, оправившись от первого потрясения.

— Если б я знал.— Фрэнк уже не пытался скрыть своего смятения. Что делать теперь? Он не понимал, что можно здесь сделать. С подобными ситуациями ему не приходилось сталкиваться. Он посмотрел на жену. Она сидела в глубокой задумчивости, чуть опустив голову.

— О чем думаешь, Джейн?

— Да так, сама не знаю,— проговорила она рассеянно. И, чуть помедлив, добавила: — Хорошо бы через полицию установить, откуда звонил этот тип. Он находился, должно быть, где-то неподалеку, потому что знал, когда именно ты приехал домой.— Фрэнк признал, что эта идея не лишена смысла. Но, как бы там ни было, в полицию обращаться нельзя, разве что в самом крайнем случае.

— Насчет звонка мысль неплохая.— Фрэнк на мгновение задумался.— Но что же делать сейчас? Просто сидеть и ждать? Эти типы, наверное, наблюдают за нашим домом, и, стоит нам пуститься в розыски, они отыграются на нашем мальчике.

— Думаю, мы не должны пока ничего предпринимать. Если мы выполним их условия, они не тронут Поля. Судя по всему, тот, что говорил с тобой по телефону, человек более или менее уважаемый, да и тот, который увез Поля, тоже не был похож на убийцу.

Фрэнк с изумлением поглядел на жену. Удивительный она человек все-таки. Не первый раз Джейн поражала его своей решительностью и оптимизмом, какие трудно ожидать при подобных обстоятельствах. Пару лет назад руководство фирмы проводило кампанию по сокраще-

нию штатов. У Фрэнка были веские основания опасаться, что его уволят. В свое время он не устоял перед кое-какими искушениями. Когда вы работаете по сбыту, особенно в нефтяном бизнесе, соблазнам несть числа. Бизнесмены, с которыми вы ведете переговоры, предлагают деньги или подарки. Раз-другой вы, допустим, отклоняете такие подношения, но потом вас начинают одолевать сомнения. А почему бы не взять? Разве это кому-нибудь повредит? И вы начинаете принимать подношения, но это не проходит бесследно. Каждая взятка оборачивается как бы закупоркой сосуда. И мало-помалу ваши «сосуды» приходят в никуда не годное состояние — так что болезнь трудно скрыть от окружающих. У Фрэнка екало от страха сердце, когда директорский топор опускался на головы его коллег; он ждал, что скоро доберутся и до него. Тогда-то Фрэнк и поделился с Джейн своими опасениями — считал, что жена имеет право знать о нем все. Он ожидал, что Джейн напустится на него. Но ошибся — ничего подобного не случилось. Она не только встретила дурные вести с поразительным спокойствием, но сумела и в него вселить уверенность, потому-то, может быть, его тайные страхи и не оправдались. Фрэнку повезло тогда, его грехи не вышли наружу.

— Как там наш Поль, а? Ему, наверное, очень плохо теперь — неудобно, страшно.

— Сейчас мы ничем не можем ему помочь, — отозвалась, чуть помедлив, Джейн. — Одна ночь в неприятной обстановке — это не так уж страшно. Я не верю, чтоб с ним дурно обращались.

— Ты как-то странно рассуждаешь, Джейн, — будто не впервой испытываешь подобное. Я так не могу. Типы, с которыми мы столкнулись, — это бандиты, отпетые негодяи. Они не...

— Теперь не время терять голову, Фрэнк. Ты сам говорил об этом. Ужасаться будем потом — когда они предъявят требования и надо будет решать. А пока мы просто беспомощны. Мы игрушки в чужих руках.

Ай да Джейн, думал Фрэнк. А он-то призывал ее не паниковать да не отчаиваться! Некоторое время он сидел молча, потом сказал:

— Если б знать, чего они хотят! Как ты думаешь, неужели денег?

— Из-за денег они не стали бы связываться с тобой — выбрали бы другого, — уверенно сказала Джейн. — Нет, на вымогателей они не похожи. Когда мы с тобой позна-

комились, помнишь, где я работала? В газете «Глоуб». Я немного знаю, как действует эта публика. Надеюсь, к утру мы что-нибудь придумаем. А сейчас одно могу сказать: если завтра, на встрече с ними, ты дашь слабину, пощады от них не жди.

Фрэнк жестом остановил ее.

— Джейн, мне пришла в голову мысль. А что, если позвонить моему приятелю — ну, тезке моему, тому самому, который в полиции? Он что-нибудь придумает.

Джейн непонимающе поглядела на мужа.

— Ты забыла, что ли? Тот самый мой приятель, который...

— Да я не забыла, Фрэнк. Я только думаю, стоит ли обращаться к нему сейчас, в нынешнем положении.

— Я думаю, стоит. Объясню ему, что случилось, и попрошу помочь, по-дружески, неофициально. — И Фрэнк, не долго думая, стал набирать номер.

Наконец Ричард заставил себя открыть рот. Покрасневшие глаза его были мутны, язык чуть заплетался.

— Чего тебе надо, Ральф, чего именно?

Ральф не спеша налил себе вина. Отхлебнув из бокала, сказал:

— Чего именно? Так ты согласен, значит, черт тебя подери?

— А, брось! На что согласен-то? — огрызнулся Ричард.

— Не горячись, Рик. Не надо ерепениться. Будь уверен, наша организация — дело стоящее. Еще ручки будешь целовать.

— Так. Организация, значит. Какая такая организация? — вырвалось у Ричарда.

— А ты думал, я с тобой по собственному желанию вожусь?

— Не тяни! Выкладывай давай: какая организация?

Ральф в хмельном глубокомыслии медлил с ответом. Босс наказывал ему лишнего не болтать, имен и адресов не называть, пока нет полной уверенности, что человек в их колоде. Будь Ральф потрезвей, он попрiderжал бы язык.

— Организация Джеральда Окариме — слышал о таком? — сказал он наконец.

У Ричарда мурашки по спине побежали. Хотя он и не был посвящен во все тайны подпольного мира Порт-

кано, ему были известны имена главных заправил, и потому он, конечно, слышал об Окариме. В лабиринтах преступного мира Порткано это была одна из самых зловещих фигур. Неужто Ральф в самом деле связан с таким чертом, как Окариме?

— Чья, как ты сказал? — переспросил Ричард.

— Чего притворяешься, ты прекрасно расслышал! — рывкнул Ральф, который испытывал раздражение, когда замечал, как при упоминании имени Окариме вздрагивают от страха парни не робкого десятка, парни, которым пальца в рот не клади. Почему Ральфа не боятся так, как боятся этого тщедушного человечка? Ну да ладно, пусть имя Окариме наводит страх на умы и сердца, зато без могучих мускулов Ральфа самому Окариме не обойтись.

Ричард откинулся в кресле. Ладно, коли разговор пошел напрямую, он будет говорить тоже напрямую.

— Допустим, я слышал это имя. Да только не верится мне, что ты завязан со зверем такого калибра, Ральф.

— А мне плевать, верится тебе или не верится! — Ральф не на шутку разозлился. — Окариме мой босс, я могу тебя с ним свести.

— Так, значит, ты всю дорогу водил меня за нос, Ральф. Я бы ни за что...

— Да ладно уж, проехали! Что мне сказать про тебя боссу — тыходишь в нашу игру?

— Рехнулся, что ли? С чего ты взял, что я буду связываться с этим спрутом? Сколько молокососов из-за него отправилось на виселицу, простачков вроде тебя! Сначала на четвереньках перед ним бегают, а потом, не успеешь оглянуться, финишируют на том свете. Нет, мне с ними не по пути. Спасибо. Я уж удовольствуюсь...

— А у тебя что, есть выбор, Рик? Заблуждаешься. Видел бы ты, какое у босса досье на тебя! Да тебе надо ему в ножки бросаться...

— Попридержи-ка язык, ты, крыса! Что ты там мелешь? Какое еще досье?

— Надоело мне с тобой пререкаться, Рик. Раз не хочешь по-хорошему, получай гранату! Ты в британской армии служил. А помнишь, почему оттуда вылетел? Так вот, Окариме известно про твои грязные дела в Лондоне, имей в виду.

Ральф рывком поднялся с кресла. Окариме в свое время наставлял его (Ральф и теперь слышал сиплый голос босса): «Этот человек очень опасен, он убийца,

наемник. До поры до времени злоба в нем дремлет, но, как только откроется, что мы копнули его грязное прошлое, он разъярится как черт. Надо быть наготове. Почему бы тебе не иметь рядом железного Лэрри — на всякий пожарный случай? Нельзя, чтоб дело сорвалось на этой стадии». Ральф успокоил босса: он, мол, умеет брать в оборот таких гавриков. Он изучил парня и в нужный момент прижмет его как пить дать. «Ну-ну,— отвечал босс.— Только запомни: этот человек нам очень нужен. В решающий момент он может выпустить когти. Ты вполне уверен, что обойдешься без Лэрри?» Ральф повторил, что беспокоиться не о чем, он возьмет Ричарда тепленьким и доставит боссу в наилучшем виде на блюдечке. «Ладно-ладно,— напутствовал Окариме.— Мне-то беспокоиться не о чем. Беспокоиться надо тебе. Если не ты его, а он тебя загонит в угол, имей в виду: сюда ко мне ты уже никогда не придешь, ни при какой погоде».

Лицо Ричарда побледнело, явно не предвещая ничего хорошего, и Ральфа кольнула мысль, что, быть может, он напрасно пренебрег советом Окариме насчет Лэрри. Железный Лэрри может голыми руками и гремучую змею скрутить.

Опустив руку в карман, Ральф нащупал холодную рукоять пистолета и чуть приободрился. Но полной уверенности в себе почему-то не было. В крайнем случае он будет стрелять, но пистолетом можно воспользоваться и как холодным оружием.

Ричард встал с кресла — его движения были рассчитанны, неторопливы, черты лица заострились. В течение нескольких мгновений приятели мерили друг друга исполненными ненависти взглядами. Ральф стиснул рукоять пистолета. Мертвенно-бледное лицо Ричарда производило на него жуткое впечатление. Ральф вспомнил, что перед ним — солдат-наемник, умеющий хладнокровно смотреть смерти в глаза. Ричард резко шагнул в сторону, и в тот же миг Ральф выхватил пистолет.

— Ну-ка стой, вояка, не двигаться! — крикнул он, поведя пистолетом, но Ричард даже не глянул в его сторону, он направился к двери, ведущей в спальню. — Предупреждаю, Рик, стой,— рывкнул Ральф. — Еще шаг — стреляю!

Ричард никак не среагировал на угрозу. Ральф нажал на спусковой крючок, не целясь. Грохнул выстрел, и пуля, скользя по дверному косяку (на пол полетели щепки), пробила дыру в двери. Ричард даже не оглянулся.

Черт подери, Окариме был прав, мелькнуло в голове у Ральфа, когда Ричард скрылся за дверью. На мгновение Ральф растерялся — он знал, что там, в спальне, Ричард держит оружие, сейчас он будет мстить! Надо бежать! Но Ральф быстро взял себя в руки. Нет, бежать нельзя — это провал, а провал ему не простят, он один из приближенных Окариме, он имеет дело непосредственно с боссом, и в случае провала его ждет скорая и неминуемая смерть на рассвете...

Прошло несколько минут. Наконец дверь спальни отворилась, и на пороге возникла фигура Ричарда Стонберда. Ричард переоделся: на нем был коричневый двубортный костюм, розовая сорочка, голубой галстук, на голове шляпа, на ногах коричневые туфли из крокодиловой кожи. Он застыл в дверном проеме, держа руки в карманах, вперившись взглядом в приятеля.

Ральф по-прежнему стоял с пистолетом на изготовку, подозрительно всматриваясь в его лицо. Ричард не спеша двинулся вперед, не вынимая рук из карманов. Это ловушка, подумал Ральф, в кармане у него пистолет. Вот-вот в руке его мелькнет большой вороненый палец — шестой. Но Ральф к этому готов, он пустит в ход пистолет. Делать нечего — самооборона. Другого выхода нет.

Когда Ричард приблизился на расстояние вытянутой руки, Ральф напрягся как струна. Пальцы его как бы одеревенели. Он попытался нажать на курок, но не смог. Он весь сжался, боясь выдать внутреннее смятение.

— Ну, идем,— бросил Ричард.

Глава 3

Джеральд Окариме, прямо скажем, красотой не отличался. Конечно же, у него, как и у прочих людей, были глаза, уши, нос и рот... Но если вы ищете в лицах благообразия и правильности черт, то облик этого человека вашей симпатии определенно не вызвал бы: физиономия, слепленная будто наспех и кое-как, облысевший череп с жалкими остатками волос, нелепые уши, торчащие в стороны будто локаторы. Одним словом, внешностью своей он походил на субъекта, как говорится, мешком из-за угла треснутого... Во время гражданской войны¹

¹ Имеется в виду война между правительством Нигерии и мятежниками-сепаратистами Биафры (1967—1970 гг.).

Окариме был офицером в армии мятежников, дослужился до полковника. Когда война подходила к концу, он сорвал свои знаки отличия и сменил военную форму на штатскую одежду, чтобы избежать поимки и суда. Смешавшись с толпой гражданских лиц, он, повинувшись лишь собственному чутью, устремился в Порткано.

С той поры Джеральд Окариме немало преуспел.

В преступном мире Порткано он стал четвертым человеком, и одному дьяволу известно, чего стоило это возвышение. Целеустремленный, жестокий и беспощадный, Окариме метил ныне на третье место в подпольной иерархии. Нет, собственноручно он теперь никого не убивал — прошли те времена. Всю грязную работу делали его расторопные подручные — такие, как Ральф.

И в материальном отношении дела Окариме шли неплохо. Настолько неплохо, что имел он гараж с четырьмя шикарными автомобилями (особенно хорош был синий «феррари»), имел громадный особняк в Порткано на улице Одудува и еще два дома в разных концах страны — убежища для своих молодчиков-мокрушников, которые там отлеживались, сбивая со следа полицию. Было у Окариме и особое пристрастие на досуге — свинг. Отдыхая от дел, он уединялся и, включив аппаратуру на полную мощность, слушал любимую музыку. Он испытывал особенное удовольствие, когда грохочущие ритмы штурмовали его барабанные перепонки.

— Ты говорил, здесь музыкой любят баловаться? — спросил Ричард, посматривая на закрытую дверь, откуда неся джазовый рев.

— Ты не глухой, чего переспрашивать? — огрызнулся Ральф.

Ричард метнул на дружка колющий взгляд. Они находились в особняке Окариме, в богато обставленной комнате — приемной. Они сидели здесь уже минут двадцать, ждали вызова. Музыка грохотала так, будто прямо здесь, в комнате, наяривал большой эстрадный оркестр. Ральф сказал, что у босса, мол, хобби такое, думал Ричард. Ничего себе хобби! Да от такой «музыки» оглохнешь в два счета. Даже здесь, за несколькими дверями, Ричарду было не по себе. Он нервничал.

— Я-то не глухой.

Приятели смили друг друга взглядами. Оба были раздражены.

— Ну, допустим, я повторю: хобби у него такое,

хобби. Ну и что дальше? Пойдешь его остановишь, что ли? — проговорил Ральф нехотя.

— Очень надо мне его останавливать. Но вот что я скажу: тот, кто слушает такой грохот, явно со сдвигом, а я со сдвинутыми не работаю.

Ответом Ральфа был жесткий взгляд.

— Мой тебе совет, приятель: не нарывайся. Если б кто другой тебя слышал — считай, нет тебя в живых. Так и запомни.

— Черта с два нет в живых! — вскинулся Ричард. Вскочив, он стал ходить по комнате взад-вперед.

По прошествии нескольких минут рев наконец оборвался. Ричард замер на месте и вопросительно посмотрел на Ральфа. Тот молчал — ждал, как видно. Вдруг из стены за спиной Ричарда пронзительно затрезвонил звонок. Ричард вздрогнул. Ральф поднялся и мотнул головой:

— Ну, пошли.

— Черт подери! — усмехнулся Ричард. — Держу пари, эта старая образина с самого начала знала, что мы тут дожидаемся.

Ральф, обернувшись, беззлобно заметил:

— Предупреждаю, Рик: с этой минуты, если ляпнешь что лишнее, пеняй на себя.

— Иди к черту.

Для встреч и совещаний Джеральд Окариме имел в своем особняке специальный зал. Здесь принимал он своих «лейтенантов», отсюда правил «империей». Однажды побывавшему здесь трудно было забыть это необычное помещение: пол, устланный блестящим черным паласом, кроваво-красный потолок, синие стены, диковинное, будто в подводном царстве, освещение.

Всякий впервые сюда входивший как бы окунался в темень и застывал у порога, ошеломленный и сбитый с толку. Когда глаза привыкали к сумраку, вошедший начинал различать посреди комнаты очертания большого стола со стульями вокруг. В слабом, мерцающем освещении не угадывались цвета, детали обстановки, не видно было, сидит ли кто на стульях. Во главе стола в особо сконструированном кресле с высокой спинкой располагался сам Окариме. Ричард пытался разглядеть лицо сидящего, но, сколько ни силился, оно растворялось в игре теней. Он знал босса лишь по мрачной репутации, связанной с его именем, и почувствовал, что надо собрать себя в кулак — наступил решающий момент.

— Мистер Стонберд,— заговорил Окариме.— Я проследил ваш жизненный путь и вынес о вас благоприятное впечатление, самое благоприятное. Знаете, во время здешней войны мы с вами в одном подразделении были.— (То была ложь, которую Ричард проверить не мог.) — Вы проявили себя молодцом, мистер Голдстоун, когда из плена бежали.— (Настоящая фамилия Ричарда была Голдстоун.)

У Ричарда внутри похолодело. Вот как. Ральф предупредил, что им известно о его армейских похождениях, но... в армии мятежников Ричард пробыл всего два месяца, он был уверен, что от их подразделения никого не осталось, все погибли. Значит, спасся тогда не он один. Нет, в Нигерии тюрьма ему не грозит — правительство не будет наказывать за участие в давно прошедшей гражданской войне. Хуже другое: это разоблачение может стать известным британским властям, одно разоблачение потянет за собой другое! Ричарда прошиб пот. Почва уходила у него из-под ног. Он лихорадочно пытался сообразить, какую линию поведения избрать, но все выходило плохо. Так и не найдя подходящего ответа, он счел за лучшее промолчать.

— Меня восхищает ваша бесхитростная простота, мистер Голдстоун... Или, может, это не простота вовсе и вы хотите себя выдать за эдакого белокрылого ангелочка? Что ж вы не заявите, приличия ради, что не понимаете, о чем это я толкую? Стоит иной раз и соврать...— Окариме усмехнулся.

В наступившей тишине было слышно дыхание присутствующих и легкое гудение кондиционера. Ральф сидел напротив, не спуская с Ричарда глаз, взирая на друга, как играющий кот на игрушечную крысу.

Ричард решил наконец. Набрав в легкие воздуху, он заговорил:

— Я хочу, чтобы между нами не было непонимания, мистер Окариме.— Ричард подался вперед. Ральф предостерегал его, но плевать на предостережения, решил он. Ричард никогда не совал нос в чужие дела и в свои совать не позволит! — Я думаю,— продолжал он,— нам не стоит ворошить былое: что было, то было. У всех нас есть в прошлом кое-что, вы тоже, должно быть, не ангел, мистер Окариме. Мы беседовали с Ральфом у меня дома, он намекнул кое на что — я заинтересовался. Если вы предложите что-то разумное, стоящее, я войду в игру. Но не думайте, что меня можно

принудить угрозами, этот номер не пройдет!

Ричард заметил, как напрягся его дружок, сидящий напротив. Предатель, мысленно рывкнул Ральф. Этот идиот Рик явно нарываяется на неприятности. Говорить с Окариме в таком тоне! Окариме такое не спустит. Ральф замер, ожидая развязки. Над столом повисла тишина.

Помедлив, Окариме нарушил молчание:

— Вы отчаянно смелый человек, мистер Стонберд... Но с чего вы взяли, что я не могу вас в угол загнать? У меня материала на вас предостаточно.

— Ответ простой, мистер Окариме, скажу, что думаю. На ваши угрозы я тоже могу ответить угрозой. Что помещает мне сообщить о вас в полицию? Любой суд найдет, за что вынести вам приговор.

Снова последовало напряженное молчание. Окариме произнес:

— Так вот вы о чем, мистер Стонберд... Но в таком случае у вас едва ли есть шанс... выйти отсюда живым.

— Еще бы! Важно, однако, вот что: я вхожу в игру потому, что решил это сам, до нашего разговора, а не потому, что испугался угроз.

— Понимаю...— проговорил Окариме. И, помолчав, продолжал: — Поверьте, мистер Стонберд, у меня как гора с плеч свалилась. Знаете ли, я люблю сначала ударить в поддых — для простоты жизни, но на этот раз я, может, и просчитался... чуть-чуть. Извините, если доставил вам несколько неприятных минут... мистер Стонберд.

Тут Ральф, к изумлению своему, увидел, как босс протянул Ричарду руку, протянул для рукопожатия. Бог ты мой! Неслыханное дело!

— Вы решили вступить в мою организацию, так будем друзьями, будем делать общее дело.

Окариме нажал невидимую кнопку в подлокотнике кресла. В стене позади Ричарда открылась дверь, и в зал вошли четверо.

— Прошу садиться, джентльмены,— бросил Окариме, обращаясь к вошедшим. И повернулся к Ричарду: — Шестьсот пятидесятый введет вас в курс дела. До свидания!

В следующий миг его кресло обернулось на 180 градусов и стало погружаться в пол. Через секунду-другую оно исчезло.

Джек Кленц собрался ехать в порт и уже надвинул на лоб шляпу, когда вдруг задребезжал телефон. Подходить к телефону было неохота — Джек спешил. Но в последний момент все-таки решил снять трубку — мало ли что. Поговорю коротко, и все дела, подумал он. Но, услышав знакомый голос Фрэнка Одоло, начальника уголовной полиции Порткано, Джек пожалел о своей опрометчивости. Однако он с ходу дал понять, что к долгим разговорам не расположен.

— Здравствуйте, шеф, в чем дело?

— Бросьте, Джек, не будьте букой. Вы не любите, когда звонят домой, знаю. Но я не смог застать вас в вашем бюро — два раза звонил. Там мне сказали, что вы со вчерашнего дня не появлялись. Что там у вас происходит?

— Не совсем понимаю вопрос, шеф.— Усмехнувшись, Кленц поморщился от резкой боли — прошлой ночью в схватке с тремя головорезами он пропустил два мощных удара в лицо.— Я еду сейчас в порт, тороплюсь. До свидания.— Произнося слова прощания, Кленц не собирался обрывать разговор, просто еще раз хотел дать понять, что очень спешит.

— Джек, не вешайте трубку! — предупредил Фрэнк Одоло.— Тут одно дело всплыло, важное дело, но разговор сугубо конфиденциальный, понимаете?

— Не понимаю. Я же сказал, что еду в порт; какие у меня там дела, вы знаете. Если...

— Джек, вот что,— прервал его Одоло.— Будьте дома, я еду к вам...— В трубке щелкнуло, разговор был закончен.

Кленц едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Экую свинью подложил ему давний друг, такого поворота Кленц никак не ждал.

Швырнув трубку на рычаг, он задумался. Дело конфиденциальное, сказал шеф. Конечно, Кленц волен поступить как угодно, он может сию минуту сесть в машину и рвануть в порт. Но шеф вроде просит помочь, и отказать ему Джек никак не может — Фрэнк Одоло тоже не раз по-дружески помогал ему.

Он прикинул, сколько времени придется ждать. Если шеф с шофером и тот помчит кратчайшим путем, они будут здесь минут через пятнадцать. Но Одоло, скорее всего, сам сел за руль и едет без сирены, стало быть, будет минут через двадцать, не меньше. Делать нечего. Пожав плечами, Кленц снял шляпу и расположился ждать.

Фрэнк Одоло появился в дверях, когда Кленц набирал номер своего сыскного бюро. Джек положил трубку, взглянул на часы.

— Привет, Джек.

— Привет, шеф.— Кленц посмотрел в окно и увидел служебную полицейскую машину, около нее шофера.

— Да, я не один,— заметил Одоло, перехватив взгляд Кленца.— Спешил, чтобы не упустить вас.

— Понятно. Так что стряслось?

— Фрэнка Джиринде знаете — менеджер из «Голден ойлз»?

— Знаю, но близко не знаком.

— Пока ларчик не вскрыт, дело, как я говорил, должно остаться сугубо между нами.

— Джиринде попал в передрыгу?

— Что-то вроде... Давайте сядем, Джек. Джиринде позвонил мне сегодня около полуночи — мы с ним друзья, вы знаете? — (Кленц кивнул.) — Так вот, он был сам не свой. Вчера у него похитили сына. Ну, как у них принято, сразу угрозы: если обратишься в полицию, сына убьем и всей твоей семье каюк.

— Что и следовало ожидать,— заметил Кленц, потирая саднящую челюсть. Да, случай серьезный: похищение, шантаж с угрозой убийства! — А что еще известно? Требуют выкупа? И как все произошло?

— Ну, по телефону много не расскажешь. А началось все с того, что какой-то тип позвонил ему на работу.

Одоло рассказал Кленцу то, что стало ему известно. Некоторое время оба сидели молча, размышляли.

— Ну, что надумали?

— Да ничего пока,— отозвался Кленц. Когда сталкиваешься с похитителями-шантажистами, подумал он, помни, что это беспощадные и расчетливые мерзавцы. Он взглянул на часы.— Вы сказали, тот тип звонил Джиринде еще раз, уже после похищения?

— Да.

— Тогда, похоже, дело не в выкупе,— заметил Кленц.— Джиринде встречается с ним сегодня утром?

— Да, так он сказал.— Одоло подался вперед. Он по своему обыкновению недоверчиво поглядывал на друга, не в силах предугадать ход его мысли.— Ну говорите, говорите, что вы там надумали?

Кленц помедлил.

— По правде сказать, немного. Положение, похоже, дрянь, по крайней мере пока. Мы даже не можем взять

под охрану семью — это будет замечено похитителями. Накрыть их во время встречи с Джиринде тоже не можем — не успеем. Сейчас восемь тридцать пять, пока до «Голубого лебедя» доедем, будет начало десятого, а их встреча, наверное, надолго не затянется. — Кленц помолчал мгновение. — У вас в тех местах есть люди?

Одоло кивнул:

— В самом «Голубом лебедя». Двое. В последнее время гостиница стала настоящим притоном, мы хотим докопаться — почему. Но что вы предлагаете? Неужели предпринять что-то прямо во время встречи? По-моему, это опасно.

— Выбирать не приходится. Свяжитесь с этими людьми. Если они знают Джиринде в лицо, они смогут выявить и контрагента. Хорошо бы для начала заполучить приметы этого типа.

— Джек! Но я же вам сказал, что дело пока неофициальное, понимаете? Мы не имеем права втравлять в него других. А если провал и все откроется?

— Придется рискнуть, шеф, другой зацепки у нас нет.

Несколько мгновений друзья молча поглядывали друг на друга. Наконец Одоло, пожав плечами, с видимой неохотой поднялся и направился к телефону.

Имена агентов, внедренных полицией в отель «Голубой лебедь», были Марк Эдибо и Франциска Гунбато. Ни тот, ни другая внешне ничем не выделялись среди обслуживающего персонала огромного гостиничного комплекса.

В восточном крыле отеля располагались своего рода меблированные комнаты, в которых могли проживать также работавшие в гостинице женщины. В одном из таких номеров и обитала Франциска Гунбато, или Франц, как звали ее подружки. Время от времени к ней заходили посетители, ищущие плотских утех. И время от времени среди них попадались полицейские агенты, уносившие с собой составленные ею донесения. Говорят, что, если ведьма хороша собой, люди забывают, что она колдовать умеет, и видят в ней обольстительную красоту, и только. Франциска была так красива, что никому и в голову не приходило в чем-то подозревать ее. В «Голубом лебедя» она, казалось, чувствует себя как рыба в воде.

Сведения, посылаемые Франциской, в некоторых

случаях были неожиданны и удивительны. Так, например, она сообщила, что Рафаэль Сотоми, считающийся, по всеобщему убеждению, хозяином «Голубого лебедя», владеет отелем лишь номинально, настоящим же хозяином заведения является небезызвестный Джеральд Окариме.

Марку Эдибо было двадцать четыре года. По окончании полицейской школы в Кадуне на севере страны он был направлен на работу в Порткано. «Злая» жизнь в таких огромных городах явление непростое, и ее пружины, как правило, скрыты от глаз. Чтобы повысить эффективность сыска в этом отношении, система слежки должна быть особой. Именно поэтому в полицейской школе будущих агентов обучали самым разным гражданским профессиям, и Марк получил подготовку официанта. В этой роли он и внедрился в отель «Голубой лебедь», и притом без особого труда. Поначалу, правда, метрдотель отказал ему — у Марка, мол, нет опыта работы, а гостинице требуются асы своего дела. Но Марк протянул руку с приличным подношением, метрдотель, переменившись в лице, обещал подумать и помочь. И сдержал обещание — через неделю в гостиничном ресторане появился новый официант.

Когда мягкий, вкрадчивый голос попросил позвать к телефону Марка Эдибо, девушка на коммутаторе была озадачена: кто это, Марк Эдибо?

— Я попробую найти его. Что-нибудь передать?

— Меня зовут Зелкану. Если Марк сможет, пусть позвонит. На случай, если он забыл, мой номер — 20060, добавочный «Ф».

Номер, записанный девушкой, был номером телефона в доме, где жила тетушка Фрэнка Одоло. Зелкану было кодовое имя. Когда оно произносилось без «у», это означало, что Марк должен позвонить шефу. Если же на конце появлялось «у», позвонить следовало срочно.

Марк как раз входил в зал ресторана, и метрдотель, окликнув его, сказал, чтобы он подошел к телефону, что на столике в углу; ухмыляясь, он предостерег молодого официанта: смотри, не очень-то с ней, это моя девушка, понял?

— Алло,— послышался в трубке мелодичный голос телефонистки.

— Здравствуйте. Я Марк. Чем могу служить?

— Вас просили позвонить, у меня записан номер телефона и имя. Зайдите.

— Спасибо. Буду через минуту.

Марк положил трубку. Метрдотель, как и следовало ожидать, не спускал с него глаз.

— Можешь идти, но смотри — побыстрей. И не забывай...

Марк поднялся на второй этаж. В небольшой телефонной помещалось коммутаторное устройство современного образца, два стула, на одном из них лежала кукла. Когда Марк вошел, телефонистка разговаривала с абонентом. Она вопросительно взглянула на него, потом жестом попросила подождать.

— А, вы и есть Марк,— сказала она, положив трубку. Она выудила бумажку с именем и номером телефона.— Этот человек просил, чтобы вы позвонили.

— Понятно. Будет время, позвоню. Спасибо.

Было без нескольких минут девять, когда Марк, улучив момент, вышел на улицу и зашагал к телефону-автомату за углом. Он позвонил не по тому номеру, который был записан на бумажке, но прямо в кабинет Фрэнка Одоло. Там ему сообщили, где находится шеф. Марк набрал номер Джека Кленца.

Когда в доме Кленца задребезжал телефон, хозяин дома и Одоло наперегонки ринулись к аппарату. Они ждали звонка уже двадцать минут, вскакивая и бросаясь к телефону всякий раз, как он подавал голос. Кленц оказывался расторопнее шефа, но трижды его ждало разочарование — звонок был «не тот». Одоло сел в кресло и с беспокойством наблюдал за Кленцем.

— Алло. Что вам угодно? — Начиная разговор по телефону, Кленц никогда без нужды не назывался.

— Здравствуйте. Я хочу поговорить с продавцом, с Зелканом... Можно его позвать?

Кленц жестом пригласил Одоло к телефону.

— Здравствуйте, Руфус... Слушайте внимательно,— начал тот, убедившись, что говорит с Марком.— Вы знаете в лицо Фрэнка Джиринде?

— Да, сэр.

— Отлично. Я должен был встретиться с ним у «Голубого лебедя» в девять утра. Но прийти не смогу. Возникли кое-какие осложнения. На встрече будет третье лицо. Я этого человека не знаю. Он-то нас и интересуется...

Фрэнк Джиринде подрулил к свободному месту на автостоянке, но из машины выходить не стал — неподвижно сидел, усталый, с ватной от бессонницы головой.

Минувшей ночью он так и не сомкнул глаз, без конца прокручивая в уме ситуацию. Да, Джейн не советовала пока обращаться к полиции, но чем больше он думал, тем яснее сознавал, что поступил верно. Вот и теперь он снова принялся перебирать все «за» и «против». Фрэнк Одоло, которому он звонил ночью, задавал вопросы по существу, такие же вопросы задал бы и сам Фрэнк, окажись тот на его месте. Да, Одоло человек умный, что и говорить, глупости, стало быть, не сделает. Но что он предпримет? Тип, шантажировавший Фрэнка по телефону, тоже, кажется, не глуп. А если эти негодяи узнают, что он звонил начальнику полиции, все кончено. «Кровавую баню устроим тогда всему твоего дому» — вот ведь что пообещали. Сердце снова сжалось от ужаса. Он уехал из дома, оставил жену с детьми без всякой защиты! На произвол бандитов! Фрэнк попытался сообразить, а могли он поступить иначе, но для усталого мозга эта задача казалась непосильной. Нет-нет, иначе он поступить не мог. Призови он полицию для охраны дома, смертельная опасность нависнет над его сыном. Нет, так не годится. Он твердил теперь себе, что сделает все, что от него ни потребуют, и все кончится хорошо. Ему возвратят сына. Он во что бы то ни стало должен добиться этого.

Фрэнк взглянул на часы на приборном щитке. До девяти еще несколько минут, еще есть время, можно посидеть в машине. Ему вспомнились слова жены: «...дашь слабину, пощады от них не жди».

Марк решил выйти на улицу через боковые воротца в цветочной изгороди, которые располагались между автостоянкой и восточным крылом гостиничного комплекса, ими пользовались в основном служащие отеля. Как только он миновал их, его тренированный глаз сразу стал отмечать мельчайшие подробности уличной суеты. В свое время его учили даже читать газету с большого расстояния. Марк постарался расслабиться, сбросить напряжение. Затем повернул налево, намереваясь обогнуть восточное крыло здания, и в этот момент приметил, как из одной автомашины вышел человек.

Вокруг было много других людей и других автомобилей, но профессионалы научены мгновенно выделять нужное среди массы ненужного. Он заметил, что человек, вышедший из автомобиля, не кто иной, как Фрэнк Джиринде. Сердце учащенно забилося. Марк наблюдал, как Джиринде медленно, но верно шагает к центральному входу в отель. Немного не дойдя до дверей, он остано-

вился. В нескольких метрах от него, в тени дерева, был припаркован «пежо-504». Чуть помедлив, Джиринде направился к машине. Подойдя, склонился к окну и, кажется, перебросился несколькими словами с сидящим внутри. Сам того не замечая, Марк двинулся вперед — ближе к месту, где стоял «пежо». Еще немного, и он увидел человека, с которым переговаривался Джиринде. Это был европеец. Джиринде подался назад, дверца машины распахнулась, и он сел внутрь. «Пежо» резко рванул с места и быстро скрылся из виду.

Похоже, встреча Джиринде с иностранцем продолжится в другом месте, подумал Марк. Ладно, он позвонит шефу и отчитается о том, что видел. Преследовать «пежо» он не в состоянии, да и не вправе. Марк двинулся назад в гостиницу, и тут его кольнула неприятная мысль. Задумавшись, он остановился. Почему они изменили место встречи? Может быть, потому, что узнали, что ими интересуется полиция? Не исключено тогда, что пронюхали и о нем!

Глава 4

— Почему втянули в дело полицию?

Фрэнк прошиб холодный пот. Рядом с ним, на заднем сиденье «пежо», сидел белокожий господин в темных очках, фетровой шляпе, голубом костюме в клетку. Фрэнк немало удивился, когда этот человек окликнул его из машины, стоявшей неподалеку от входа в отель, — Фрэнк не ждал свидания с иностранцем, тот, кто назначил встречу у «Голубого лебедя», имел местный, африканский, выговор. Но незнакомец в «пежо» упомянул о сыне: не желает ли Фрэнк потолковать о нем? Делать нечего, пришлось сесть в машину. «Пежо» рванул с места, потом повернул на магистраль, ведущую в южном направлении. Некоторое время они ехали в полном молчании. Молчание было нарушено лишь на перекрестке Мбу, в тот момент, когда на светофоре зажегся зеленый свет, тут-то незнакомец в темных очках и ошеломил Фрэнка вопросом насчет полиции. Фрэнк растерялся настолько, что несколько мгновений пребывал в ступоре, голова совершенно отказывалась работать. Незнакомец, как видно, наслаждался произведенным эффектом. Он невозмутимо молчал и ждал, когда его сосед очухается.

Чуть придя в себя, Фрэнк промолвил:

— Извините, я не понимаю, о чем это вы.— У него было ощущение человека, с которого сорваны все одежды, а он по инерции хорохорится — мол, помилуйте, разве я голый?

Ричард смерил Джиринде презрительным взглядом и, поправив шляпу, бросил:

— Будет врать-то! Я этого не люблю. Когда мне врут в глаза, я думаю: а уж не за дурака ли меня принимают!

— Да нет, я не вру! — воскликнул Фрэнк, но неуместная горячность протеста выдавала его с головой. Глаза незнакомца были скрыты за стеклами очков.

— Я сказал, хватит изворачиваться,— заметил он.— Впрочем, не имеет особого значения, что вы тут бормочете. Факт остается фактом: вы вчера звонили, а именно начальнику Управления уголовной полиции Фрэнку Одоло.— Ричард пересказал в двух словах содержание ночного телефонного разговора.— И Одоло обещал помочь. А сегодня утром он связался с Джеком Кленцем, но вам это имя, наверное, ни о чем не говорит. Это частный детектив, раньше работал в полиции. В начале девятого Одоло, выехав из Управления, направился к своему приятелю Кленцу. О чем они там говорили, нам неизвестно, зато известно другое: что в «Голубом лебеде» у полиции есть агенты. Мы-то их знаем, но они понятия не имеют, что мы уже сели им на хвост; пусть и дальше будут в неведении, нам это на руку.

Ричард сделал паузу и взглянул на соседа. Фрэнк замер в оцепенении, вжавшись в угол. Он был ни жив ни мертв. Довольная ухмылка скользнула по лицу Ричарда. Он не спеша протянул руку, достал массивную сигару «Ритц» и сунул ее в рот. Но закуривать не собирался. Пусть клиент малость придет в себя. Помедлив, Ричард проговорил:

— Вы поняли, зачем я все это рассказываю, мистер Джиринде?

Фрэнк сидел не шевелясь, он как будто и не слышал вопроса. «Кровавую баню устроим тогда всему твоему дому»,— в который раз вспомнил он угрозу. Его не отпускала мысль о том, что он беспомощен — беспомощен, как раненый и запертый в клетке зверь.

— Так вы поняли, зачем я все это рассказывал? — невозмутимо повторил Ричард.

Фрэнк стряхнул оцепенение.

— Не понял. Зачем же вы это рассказывали? — пробормотал он.

— Я хочу, чтобы вы поняли: мы организованы, мистер Джиринде. Хорошо организованы. Перехитрить нас вам не удастся, не надейтесь на это. Выбросьте эту глупость из головы. И не ждите помощи от полиции. Даже если они попытаются вам помочь, мы с ними справимся. Полиция нам не страшна. И вообще, когда на карту поставлена ваша жизнь, жизнь вашей семьи, на полицию полагаться не стоит. Ваши побуждения понятны, мистер Джиринде, вы о сыне думали, о семье. Это естественно. Мы тоже люди, понять можем... У меня у самого дети. Но, какими бы ни были ваши побуждения, вы совершили промах, притом опасный. Но он еще исправим. Только для этого вам надо образумиться, начать по-настоящему, без дураков сотрудничать с нами. А полицию мы нейтрализуем, для нас это дело плевое. Вот так-то, мистер Джиринде. А иначе ничего хорошего не выйдет.

Ричард поглядел на соседа — примерно так змея взирает на жертву, заглатывать которую пока нет нужды.

— Могу ли я узнать, что именно вы от меня требуете? — сказал наконец Фрэнк после продолжительного молчания и впервые шевельнулся, сел посвободней. Он обретал уверенность — то ли потому, что незнакомец был мягкоречив, то ли потому, что вспоминалось предостережение жены.

— Я смотрю, вы о сыне что-то не спрашиваете. Вам что, безразлично, что с ним?

— Здесь нет того, с кем я говорил по телефону, — проговорил Фрэнк, тяжело вздохнув. — Где он? И насколько я понимаю, с сыном моим ничего не случилось. К тому же вы пока не назвали своих требований. Разве я отказал вам в чем-нибудь? Нет ведь. Естественно, что с ним ничего не случилось. Кстати, а где все-таки вы его держите?

Фрэнк говорил без заискивания, почти небрежно. Уловив перемену тона, Ричард встревожился.

— Я вижу, вы чересчур понятливы, мистер Джиринде. Лицу, говорившему с вами по телефону, здесь делать нечего. Всеу свое место и время.

Они приближались к пригородной зоне. Впереди была автострада Эйч-7.

— Куда мы едем? — спросил Фрэнк.

— Не ваша забота. Водитель знает — куда. Когда доедем, тогда продолжим разговор.

С этого момента в кабине «пежо» воцарилось молчание. Некоторое время машина неслась по автострате, удаляясь от города. Водитель постоянно оглядывался и,

когда сзади появлялась какая-нибудь машина, пропускал ее вперед. Затем он сбросил газ и замедлил ход. Пропустив еще пару автомобилей и подождав, когда на дороге никого не будет, он внезапно развернулся на 180 градусов и помчался назад к городу.

Марк не успел как следует разглядеть пассажира на заднем сиденье «пежо-504». Несколько раздосадованный этим обстоятельством, он направлялся теперь к телефонной будке, расположенной в трех кварталах от отеля. Марк шел энергичным, без спешки шагом — излишней торопливостью можно обратить на себя внимание. Войдя в будку, вынул листок бумаги, шариковую ручку и набросал на листке воображаемый список покупок.

Кленц только что переговорил по телефону с секретаршей и отменил поездку в порт. Шеф, со своей стороны, собирался ехать в Управление — там он просмотрит дела о похищениях детей с целью шантажа: изучение старых досье может навести на след в нынешнем случае. А Кленц останется дома и будет дожидаться звонка от Марка. Кленц снял трубку.

— Да?.. Руфус? Что случилось? — Он поманил шефа пальцем.

Фрэнк Одоло нахмурился и бросился к телефону. Едва не своротив стол, схватил трубку.

— Да, Руфус... Зелкан слушает.

— Сообщаю следующее, сэр. Обходя территорию отеля, я заметил вашего друга — того, первого. Он вышел из машины на автостоянке, затем направился к центральному входу в отель, но, немного не доходя, остановился и вступил в разговор с пассажиром, сидевшим в синем «пежо-504». Пассажир — *сырое мясо*. Затем ваш друг сел в «пежо», и они тотчас уехали в южном направлении. — Помедлив, Марк прибавил: — Я думаю, *идет дождь*, сэр.

— Да, по-видимому, так, — несколько неуверенно отозвался Одоло, бросая взгляд на Кленца. Фрэнк Одоло не был скородумом — чтобы прийти к выводу, ему надо было обмозговать ситуацию не торопясь, с разных сторон. Кленц — другое дело, голова у него работает намного проворней. — Слушайте, Руфус. Позвоните по добавочному «Ф» и уходите. Времени на сборы пять минут. — Дав отбой, Одоло повернулся к Кленцу. — Встречу перенесли в другое место и быстро свернули! — бросил он с досадой. — Джек, как по-вашему, что это значит? Руфус

считает, что он раскрыт, и я думаю, так и есть. Я дал ему указание выйти из игры. Мои люди, выходит, раскрыты? Но когда же это произошло? Наверняка не сегодня, по крайней мере, не сейчас. Джек, дело приняло опасный оборот.— Шеф был встревожен не на шутку. Резко рванув стул, он сел.

— Джиринде ведь звонил вам вчера? — спросил Кленц задумчиво.

— Да, около полуночи.

— Допустим, кто-то подслушал разговор.

Одоло нахмурился.

— Вы хотите сказать, телефон прослушивался? — резко спросил он.

— Не знаю, но похоже на то. Если они подслушали разговор, тогда понятно, почему они переменили место.

— Но чей телефон — мой или его?

— Скорее, его, им это легче.

Одоло откинулся на спинку стула. Уф! Эким олухом он порой оказывается рядом с умным Джеком! Ему и в голову не пришло... А ведь точно — чей-то телефон был на крючке!

— Но тогда Джиринде едет на верную смерть! — Одоло вскочил.— Пойдемте! Надо скорее переворосить...

— Минутку, шеф,— Кленц жестом руки остановил друга.— Ворошить гнездо, думаю, рано.

— Да гори оно синим пламенем! Как это рано?!

— Если б они хотели его убить, то убили бы до свидания у гостиницы.

Одоло недоуменно уставился на Кленца.

— То есть?

— Мне многое неясно, шеф, но, насколько я понимаю, мы тут имеем дело с могущественной организацией. Они уверены в себе — пожалуй, даже чересчур. Ваш разговор они наверняка подслушали и после этого все-таки решили: пусть Джиринде явится на встречу, как условились, а мы его прямо оттуда заберем.

— Но как, по-вашему, они с ним поступят, Джек? Одно с другим не стыкуется. А что, если нам перейти к активным действиям — и начать с гостиницы? Руфус говорит, что тот субъект в машине — белый. А белого у нас найти куда легче черного — стоит только ему высунуться.

— Так он белый? — переспросил Кленц.

— Так Руфус говорит. И поехали они в южном направлении, то есть в нашу сторону.

— Какая машина?

— Синий «пежо-504». За рулем, вероятно, шофер.

Шляпа, лежавшая на столе, в мгновение ока очутилась у Кленца на голове. Одоло с изумлением поглядел на друга: опять что-то придумал.

— Джек, в чем дело, куда вы? Что еще? — Да, поспевать за таким бойким парнем, как Кленц, задача не из легких. Фрэнку Одоло скоро стукнет пятьдесят, реакция у него уж не та, что прежде. Он не мог угнаться за приятелем даже тогда, когда знал его намерения, но когда Джек принимал решения, не открывая карт, Фрэнк Одоло и вовсе терялся.

— Куда? Искать их! — бросил Кленц на ходу.

Одоло последовал за ним.

— Но это же безумие! — воскликнул он. — Вы сами сказали, с кем мы имеем дело. Надо подождать, что доложит Руфус.

— Нет, шеф, ждать не могу, — сказал Кленц, оборачиваясь. — Обещаю: буду вести себя так, что они меня не заметят. Постараюсь. — Кленц уже запирает дверь. — А вы поезжайте в Управление, вышлите вооруженных людей в штатском в Лобстер Клоус, пусть перекроют подступы к дому.

— Да погодите же, Джек. — Чтобы догнать стремительно шагнувшего Кленца, Одоло пришлось пробежаться трусцой. — Я должен вам сообщить кое-что. Вы еще не знаете, чем наши люди занимались в «Голубом лебеде». Картина пока не полная, но вот что удалось установить: настоящий хозяин отеля — Окариме.

На сей раз удивляться пришлось Кленцу.

Опустив трубку на рычаг, Марк смял в кулаке листок с перечнем «покупок». Во время разговора он держал его перед глазами, делая вид, будто читает по нему. Выйдя из телефонной будки, он небрежно обронил скомканный листок на тротуар и зашагал к гостинице. Этот листок — кость, брошенная для возможного соглядатая. В дверях ресторана Марк столкнулся с метрдотелем, вид у того был недовольный. С того момента, как его девушка позвала Марка к телефону, он поглядывал на молодого официанта с подозрением.

— Где был? — спросил он, встав в дверях.

Надо было быстро сообразить, что ответить. Кто-то мог увидеть, как Марк входил в гостиницу с улицы, зна-

чит, нельзя соврать, что он был на кухне или отлучался в туалет.

— Привет.— Марк протянул руку для дружеского рукопожатия, но не был понят.— Извините, что не предупредил вас раньше. Моя жена родила здорового мальчугана! Я звонил по этому поводу.

— А-а, приятели! Что ж молчал, счастливчик этакий? Поздравляю! Ну, с тебя причитается, верно? Давай-давай!

Марк отнекиваться не стал. Надо умаслить этого типа, иначе не отвяжется, а после можно будет незаметно уйти к Франциске.

— Пожалуйста, сэр, раз с меня причитается.— Марк вручил вымогателю хрустящую найровую купюру.

— Отлично, Марк, отлично! Найду время, жену твою поздравлю.— Ловко скрутив купюру меж пальцев, метрдотель двинулся в зал.

— Спасибо. Вы так добры, сэр,— улыбнулся Марк, тронувшись вслед за метрдотелем.

Они прошествовали через зал. Подходило к концу время завтрака, но в ресторане все еще было довольно оживленно и шумно. Посетители в этот час — главным образом деловые люди: бизнесмены, администраторы компаний, посещающие ресторан, прежде чем отправиться на работу. Марк взглянул на часы — 9.15. Пройдя через зал, он вышел в коридор, повернул направо к лестнице и помчался вверх, прыгая через три ступени.

Когда он подходил к комнате, где жила Франциска, по спине вдруг пробежал легкий озноб. Перед дверью он остановился, бросил взгляд направо, налево. В коридоре не было ни души. Марк хотел было постучать, но передумал. Он повернул дверную ручку — заперто. Глянул в замочную скважину — ключа в замке не было. Тогда он вынул свой собственный ключ и отпер дверь.

В небольшой, убого обставленной комнатке, среди неимоверного беспорядка (повсюду были разбросаны предметы женского туалета), Марк сразу увидел Франциску. Она лежала на полу, полуобнаженная, в сбившейся ночной рубашке. Нет, она не спала — тело спящей не может быть таким холодным. Франциска была мертва!

Кленц, расположившийся на заднем сиденье, первым заметил синий «пежо-504». Это случилось напротив французского посольства, неподалеку от перекрестка Коло,—

шофер Кленца Майк совершал в тот момент головокружительные маневры в плотном автомобильном потоке. Уже четверть часа они колесили по улицам города в районе предполагаемого маршрута синего «пежо». Кленц не сомневался в мастерстве своего шофера — тот был настоящий волшебник, способный творить за рулем чудеса. Майк крутил баранку, искусно лавируя среди автомашин, а Кленц внимательно смотрел по сторонам, устроившись так, чтобы его самого нельзя было увидеть со стороны.

— Эй, Майк,— Кленц, подавшись вперед, тронул Майка за плечо,— давай-ка поближе вон к той машине. Похоже, она.

Шофер предпринял объездной маневр. Повернув, он выехал на боковую дорожку, некоторое время мчался по ней, затем опять выбрался на главную дорогу. От синего «пежо» их отделяли теперь всего четыре автомашины. Надвинув шляпу на лоб, Кленц вытянул голову и всмотрелся.

— Да, они,— твердо проговорил он.— Теперь надо быть осторожней. Они будут смотреть, нет ли «хвоста»...

Майк проворчал что-то себе под нос.

Началось преследование синего «пежо», и в течение четверти часа все шло хорошо. Время от времени Майк исчезал из поля зрения «пежо», сворачивая вбок и двигаясь по параллельным улицам, затем, поворачивая обратно, снова пристраивался ему в хвост. Майк знал город как свои пять пальцев — не только магистрали, но и все без исключения проезды и улочки.

Внезапно он резко сбросил скорость, съехал с дороги на обочину — это случилось вблизи выезда на автостраду Эйч-7. Кленц, о чем-то задумавшись, за дорогой в этот момент не следил. Лишь когда Майк заглушил мотор, до него дошло, что дело неладно. Кленц растерянно огляделся, но синего «пежо» нигде не было видно. Ищи теперь ветра в поле!

— Майк! Да ты что?! Почему встал?

Обхватив голову руками, шофер молчал. Спешить с ответом было не в его характере.

— Помните, босс, какую штуку выкинул тогда Кроз-мат с компанией? Ну, в той гашишной истории? Ну вот, только что меня едва не поймали на тот же трюк.

Кленц откинулся назад — он все понял.

— Так-так... Ну а если они действительно направлялись в Ибадан? Да, теперь уж их не достать...— Никогда нельзя знать наперед, прибегнет ли преследуемый к этой

хитрости, с помощью которой избавляются от «хвоста» или засекают его. И хитрость-то элементарная. Выезжаешь на автостраду, нажимаешь до упора газ и гонишь вперед — ограничений скорости на автострате нет. Затем резко сбавляешь ход и, развернувшись на 180 градусов, гонишь обратно.

— Да, не достать.— Майк смущенно почесал в затылке.— Но, если я верно вас понял, босс, уж лучше было потерять их, чем если б нас засекли?

— Это-то верно, Майк.— Кленц расположился на сиденье поудобней. Что теперь остается делать? Сидеть и ждать — вдруг «объект» все-таки возвратится?

Марк выудил из пачки сигарету и закурил.

— Чуть дальше есть поворот, сэр. Предлагаю подождать там. Думаю, они вернутся.

— Хорошо, Майк. Сделаем, как говоришь. Давай вперед.

Пятью минутами позже синий «пежо» пронесся мимо того места, где они встали. Майк бросил торжествующий взгляд через плечо, Кленц кивнул в ответ. Майк на автостраду выезжать не стал, Кленц, со своей стороны, никаких указаний не давал — шоферу видней, каким путем ехать вдогонку. Но когда Майк, развернувшись, направил машину в проулок, ведущий совсем в другую сторону, Кленц, по правде говоря, забеспокоился. Что такое?

Они выскочили на какую-то улицу и довольно долго мчались по ней. Затем повернули и начали кружить по улочкам и переулкам, которые, похоже, представляли собой нескончаемый лабиринт. И вдруг откуда ни возьмись перед ними в отдалении замаячил знакомый синий «пежо». Кленц от удивления тихо крикнул. И стал укорять себя за то, что опять, в который уж раз, недооценивает охотничий инстинкт своего шофера.

Когда синий «пежо» свернул на Огандайю, Майк притормозил. Огандайю — одна из улочек, которые, напоминающая ступеньки лестницы, соединяют между собой магистралю Рими и Огор, протянувшиеся через весь Порткано с востока на запад. Поэтому Майк знал, что с магистрали Рими на магистраль Огор он может проехать по одной из параллельных Огандайю улочек.

Но если шофер Кленца был специалистом по неприметному преследованию, то за рулем синего «пежо» сидел водитель, отличавшийся острым нюхом на преследова-

телей. С какого-то момента у Бенсона (так звали водителя) возникло смутное подозрение, что за ними увязался «хвост», и он глядел в оба. Хотя, какая именно машина вела наблюдение, он сказать не мог. Одну, впрочем, он засек дважды в зеркале заднего вида и все глядел, не мелькнет ли она в третий раз. Нет, третьего раза так и не случилось. Поэтому Бенсон решился рассказать о своих страхах, лишь когда они подъезжали к месту назначения.

— Сдается мне, у нас «хвост»,— бросил он через плечо Ричарду.

Ричард резко подался вперед.

— Черт тебя подери! Почему не сказал раньше? — вскипел он, стараясь говорить как можно тише, и бросил быстрый взгляд на Джиринде. Ему захотелось обернуться, чтоб глянуть в заднее стекло, и он с трудом подавил это желание.

— Не уверен был, босс,— пробурчал сквозь зубы Бенсон.

Ричард взял себя в руки.

— Сейчас видишь его, Бен? — Плохо дело, думал он. До Ви-Ви-Экс рукой подать. Подъезжать туда с «хвостом», конечно, нельзя, но и не кататься же по городу до бесконечности.

— Сейчас нет. Мелькнул пару раз, а сейчас нет.

— Ладно, Бен, ничего.— Ричард метнул злобный взгляд в сторону. Давить на Бенсона не время, подумал он, а то вскинется еще.— Я сам с ними разберусь.

Протянув руку, он взял микрофон радиопередатчика и нажал кнопку.

— Привет, Ви-Ви-Экс. Говорит Эр-Экс-Эл. Где Ральф? — Ричард беспокойно глянул в сторону Джиринде.

— В доме,— нелюбезно отозвалось радио. (Молодчики из «Мертвой хватки» — такое имя присвоил своей организации Окариме — уже легко узнавали Ричарда по голосу. Но особого почтения к нему они не испытывали. Может, он и неплох в деле, считали они, но с какой стати этого новенького вдруг поставили ими всеми командовать — они-то давно лямку тянут!)

— О'кей, заводите мотор, держите машину наготове. Мы будем через минуту.— Ричард отключил микрофон.

Через минуту Бенсон затормозил около стоявшего у тротуара черного «меркурия», за рулем которого сидел шофер.

— Извините, мистер Джиринде, но нам придется пересесть в другую машину,— сказал Ричард.

— Что ж, я человек подневольный.— Фрэнк, прокручивая в уме ситуацию, пришел к неутешительному выводу: ему, несомненно, грозит смертельная опасность. И приторные манеры господина в темных очках его с толку не сбывают. Фрэнк знал о повадках гангстеров по книгам и фильмам. Гангстер может говорить с соперником и сладко улыбаться, но стоит тому расслабиться и улыбнуться в ответ, как он наносит удар.

Черный «меркурий» рванул с места, увозя двух пассажиров...

Промчавшись по одной из параллельных Огандайю улочек, Майк выехал на магистраль Огор и остановился близ перекрестка. Они с Кленцем ждали появления синего «пежо» и не обратили внимания на черный «меркурий» с затененными стеклами, который выехал с улицы Огандайю минутой позже. Минуты через две Кленц, встревожившись, сказал:

— Давай-ка поищем. Прокатимся немножко не останавливаясь...

— Сию секунду, сэр,— ответил Майк, переключая скорость.

Они подъехали к Огандайю как раз в тот момент, когда «пежо-504» тронулся с места в сторону магистрали Рими.

— В машине нет пассажиров,— присвистнув, бросил Майк через плечо и тут же понял, что их облапошили.— Что делать будем, сэр? — быстро спросил он.

Кленц задумался.

— Следуй за ним. Может, он нас приведет куда-нибудь.

— А что, если порыскать тут, может, наткнемся на их логовище,— посоветовал Майк.

— Нет. Слишком рискованно. Черт возьми, они одурачили нас самым дешевым образом — переменили машины!

Марк застыл у мертвого тела, парализованный ужасом. Он понимал, что надо отвести глаза, оторваться от страшного зрелища, но не мог заставить себя отвернуться. Прошла, должно быть, минута. На миг ему почудилось, что он впал в забытие. Франциска — и мертва?! Такое могло быть лишь в страшном сне.

Боль пронзила все его существо. Он покрылся испа-

риной. То, что он испытывал к Франциске, он не испытывал ни к кому. Ему случалось и раньше влюбляться, но прежние влюбленности бледнели по сравнению с чувством к Франциске. Он любил ее! По-настоящему любил!.. Но надо взять себя в руки. Он в комнате, где совершенно убийство, угроза нависла и над ним. Постепенно боль потери уступала место чувству опасности. Убийцы, должно быть, где-то поблизости, подумал Марк, ждут момента, чтобы разделаться со мной. Надо успокоиться, нельзя терять ни минуты. К таким испытаниям его и готовили много лет в полицейской школе. Или он возьмет себя в руки, или — скорая смерть.

Марк вспомнил: несколько дней назад Франциска передала ему записку. Она дала понять, что вышла на какой-то важный след. Но на какой именно, не сказала. И еще она предупреждала, чтобы он, Марк, остерегался. Значит, действительно они пронюхали про него. Где же она совершила промах? В личном деле, с которым он в свое время ознакомился, Франциска характеризовалась как умелый агент, действующий расторопно и точно. Что же она такое обнаружила, что не убереглась?

Марк осмотрелся. В комнате все было перевернуто вверх дном: убийцы, очевидно, что-то искали. Надо осмотреть тело — отчего умерла Франциска? Вглядевшись, Марк замер. Ужас оледенил кровь. Не поверив глазам, Марк склонился ниже. В глазах у него потемнело. Низ живота Франциски был огромной уродливой раной с вывороченными обугленными краями. Ее пытали! Какое безжалостное животное это делало! Марк почувствовал, как к горлу подступает тошнота. На миг ему стало так плохо, что он едва устоял на ногах.

Наконец Марк овладел собой. Собираясь с мыслями, он взглянул на часы. Они показывали 9.36. Нанимаясь на работу, Марк получил в Управлении подробный план отеля и изучил его. Он вспомнил, что в этом крыле здания в конце коридора есть телефон. Им пользуются главным образом «девицы» и их клиенты, когда хотят, чтобы еду из ресторана принесли в номер. Связь через коммутатор, поэтому сама Франциска никогда не пользовалась им для деловых разговоров.

Придется рискнуть, решил Марк. Другого выхода нет — надо срочно позвонить в Управление. Он подошел к двери и уже собирался было открыть ее, но остановился. Мелькнула мысль: а что, если в коридоре его уже поджидают убийцы? А он не вооружен. И кроме того,

он так и не понял, что же эти мерзавцы искали в номере Франциски. Надо срочно найти ответ на этот вопрос.

Тем временем на первом этаже отеля, в зале ресторана, появился Содом Экс — широкоплечий детина лет тридцати с холодными, как камень, глазами, возвращенный в дебрях преступного мира и проведенный в этих дебрях большую часть жизни. Если организация «Мертвая хватка» была подобна спруту, то Содом был одним из его смертоносных щупальцев. Подчиняясь непосредственно Ральфу, он выполнял приказы об убийствах. На этот раз приказ был ликвидировать двух «подсадных уток» в отеле «Голубой лебедь». Расправившись с Франциской, Содом отправился на дом к Марку — он посчитал, что одного из агентов лучше убрать не в гостинице, а прямо дома, чтобы шума было меньше. Но, не застав Марка дома, возвратился в отель. Он посидел некоторое время в холле, затем решил, что пора переговорить с метрдотелем. Метрдотель Джеймс не первый раз встречался с Содомом, он страшился этого субъекта пуще огня. Когда Содом появлялся в гостинице, кто-то обязательно умирал.

Толстым, как сарделька, пальцем Содом поманил к себе Джеймса, и тот, соорудив приветливую улыбочку, тут же устремился навстречу. Содом двинулся в угол зала, и Джеймс засеменил сзади. От волнения метрдотель даже немного задыхался. Содом был немногословен.

— Две недели назад ты принял на работу человека; где он? — Холодные глаза убийцы уставились на Джеймса.

Обстоятельства, при которых в отель были взяты «подсадные утки», показались кой-кому подозрительными. Выяснили, что один из агентов устроился по рекомендации метрдотеля, хотя сам метрдотель, судя по всему, связей с полицией не имел. Под беспощадным взглядом Содома Джеймс совсем пал духом.

— О ком вы, сэр, как его зовут?

— Брось представляться! Как зовут, сам знаешь, — Марком. Где он?

Джеймс от страха едва не обмочился. За ту рекомендацию, будь она неладна, он взял у Марка пятнадцать найр. Если про это узнают, ему каюк!

— Я думаю, сэр, он наверх пошел, сэр, на этаж, сэр... Я... — Джеймс осекся, поймав на себе колющий взгляд.

— Когда пошел? — ровным без выражения голосом спросил Содом.

— Минут десять назад, сэр. Точно не скажу, не глядел на часы.— Джеймс почувствовал, как внутри у него все похолодело. Это конец!

— К десяти пятнадцати пусть мне подадут рому со льдом и соком,— не глядя на метрдотеля, распорядился Содом и двинулся по направлению к лестнице. Он шел наискосок через зал, между столиков, за которыми восседали ничего не подозревающие посетители, его движения были спокойны и быстры. Джеймс оцепенело смотрел ему вслед.

Марк стоял посреди комнаты, осматриваясь и размышляя. Куда ни глянь, все разворочено, выпотрошено. Найти здесь что-то было бы нелегко даже в том случае, если бы он знал, что именно следует искать. Но, к сожалению, Марк этого не знал. Как быть? Внезапно его осенила догадка. Глянув на распростертое на полу безжизненное тело, Марк вспомнил, что у Франциски, как и у него, был портативный магнитофон. Он принялся его искать и довольно быстро установил, что магнитофон исчез. А может быть?.. Кажется, теперь он понял, что именно надо искать. Не записала ли Франциска нечто важное на магнитофон? Маловероятно, но не исключено. А если да, то что бы это могло быть? Марк перевернул стол и тщательно осмотрел его изнутри. Пусто. Прячут обычно в местах, которые на самом виду, подумал он.

Взгляд упал на мусорную корзину, валявшуюся в углу комнаты. Минуты две тщательных поисков — и Марк нашел наконец то, что искал! Это была магнитофонная лента, намотанная на катушку для ниток и спрятанная в батоне хлеба; неудивительно, что те, кто обыскивал комнату, не нашли ее. Так, значит, Франциска понимала, что сама уже передать ленту не сможет. Знала, что обречена!

Как ни тяжело было на сердце, Марк решил поторопиться. Он положил катушку с лентой в карман, запихнул вываленный мусор обратно в корзину, толкнул ее в угол. Выпрямившись, повернулся к распростертому на полу телу, чтобы бросить прощальный взгляд на Франциску. И — замер на месте. В комнате, прислонившись спиной к двери, вперив в Марка холодный взгляд, стоял широкоплечий дюжий молодчик с пистолетом в руке.

С утра пораньше Йово принимала ванну и, глянув в окошко ванной комнаты, увидала, как из номера Франциски вышел какой-то мужчина. Он запер дверь на ключ и огляделся, будто хотел убедиться в том, что его никто не видит. Затем положил ключ в карман и с невозмутимым видом двинулся прочь. Странно, мелькнуло в голове у Йово, у некоторых девушек есть постоянные мужчины, и у них, конечно, может быть свой ключ. Но, насколько ей известно, у Франциски такого друга не было. Если уж на то пошло, у нее никогда ни с кем не было серьезных отношений. Тут что-то не так, подумала Йово. В гостинице бывали кражи и ограбления, и случалось, воры проникали в номера, воспользовавшись поддельными ключами.

Йово не разглядела как следует лицо мужчины, вышедшего из комнаты Франциски, — слишком далеко было. Она помылась на скорую руку, вышла в коридор и постучала в дверь Франциски. Никто не отозвался. Она постучала второй раз, третий — ответа не было. Йово возвратилась к себе. Ее подмывало рассказать о виденном мужчине, который провел у нее ночь и собирался теперь уходить, но в конце концов она решила, что лучше помолчать, — может, Франциска просто вышла куда-то, а тот человек пошел относить ей ключ.

Когда Йово проводила посетителя и возвратилась к себе на этаж, было уже без чего-то восемь. Убедившись в том, что дверь Франциски по-прежнему заперта, Йово не на шутку встревожилась. Куда Франциска могла деться в такую рань? Помнится, она никуда не собиралась сегодня выходить: Франциска всегда делилась с Йово своими планами. Йово решила, что надо позвонить в полицию и рассказать о своих подозрениях — на всякий случай. Она знает, конечно, как воспримут там ее рассказ. Скорее всего, и слушать не станут. Как только услышат, что им звонит девушка из «Голубого лебедя», тут же на смех поднимут или ругаться начнут. Будто мы не граждане своей страны, с обидой подумала Йово, направляясь к телефону-автомату.

Полицейский сержант Ритцу Йоган дежурил в то утро в компании с рядовым Битрусом Атимбой и потому держал себя подчеркнуто начальственно. Прочие сержанты находились кто где: одни дежурили на своих участках, другие были на задании, третьи — в отпуске. Когда зазвонил телефон, Битрус читал газету.

— Сними трубку, — рявкнул Ритцу на подчиненного, —

и убери с глаз долой эту газету, ты на службе, понял?

Битрус хмыкнул и, пробормотав что-то под нос, нехотя побрел к телефону.

Ритцу был убежденным сторонником жестких мер и спуску подчиненным не давал.

— Ты думаешь, тебе деньги платят, чтоб ты здесь газеты читал? — продолжал он распекаль рядового, вынимая из-за уха огрызок карандаша. — Хорошо, если половину понимаешь, а то, может, и того меньше: через два слова на третьё?! — Такие уколы особенно задевали Битруса, уж кто-кто, а Ритцу знал слабые места своих подчиненных.

Но как бы ни был Битрус уязвлен и зол, трубку он снял.

— Управление полиции. Говорите, я вас слушаю. — Некоторое время Битрус молчал и неопределенно хмыкал, затем переспросил: — Да? «Голубой лебедь»?..

Ритцу насупился. Опять эти чертовы проститутки, подумал он с раздражением. Сержант Ритцу Йоган испытывал ко всем значным заведениям профессиональную ненависть, а к «Голубому лебедю» — особенно. Место шикарное, ничего не скажешь, но неприятностей не оберешься!

— Ваша подруга?.. Но вы не знаете... — продолжал переспрашивать Битрус.

— Дай трубку, — прорычал Ритцу. — Эти девки воображают, что нам больше нечем заниматься. Да? В чем дело? Послушай, дорогая, мы вами и так по горло сыты. — Едва сдерживаясь, он несколько мгновений молчал, затем его прорвало: — Ты знаешь, сколько сейчас времени? Да она, наверное, ночью переутомилась и дрыхнет еще. А ты полицию попусту беспокоишь! Поищи как следует, в дверь постучи, подожди немножко. — Ритцу ненадолго умолк; выслушав новые объяснения девицы, он чуть смягчился. — Как, говоришь, тебя зовут? Йово? Как-как? Кеинде. — Он записал имя и фамилию в журнал. — А как подружку звать? Фран... А, Франциска. — Сержант Йоган записал и это имя. Оно, разумеется, ни о чем ему не говорило — в полиции лишь ограниченный круг лиц знал о внедренных в «Голубой лебедь» агентах. — Ладно, приедем — разберемся. — Ритцу повесил трубку. Разумеется, он и не подумает посылать кого-нибудь в отель — больно надо. Но составит по всей форме донесение о поступившем телефонном звонке. Порядок есть порядок — обычная, как говорится, текучка.

Фрэнк Одоло вошел в свой кабинет, когда на часах было двадцать минут десятого, но — о боже! — до чего же возбужден и взвинчен он был! Если уж быть точным, Фрэнк Одоло не вошел, а ворвался в кабинет. Его секретарь Фред, случившийся в тот момент в дверях, был вынужден отпрянуть в сторону, чтобы дать шефу дорогу. Фред уж давно не видал шефа в таком состоянии и не смог скрыть своего изумления.

— Мэтта немедленно ко мне, бегом марш! — рявкнул шеф.

Мэтт возглавлял в Управлении оперативный отдел, ответственный за подготовку и проведение вооруженных операций по борьбе с опасными преступниками. Тяжело опустившись на стул, Одоло надавил кнопку звонка. Дверь приоткрылась, и в щели появилась голова констебля, которая, однако, тут же скрылась — свирепое выражение лица начальника испугало полицейского; только через несколько секунд, собравшись с духом, констебль вступил в кабинет.

— Принеси кофе, черный, без сахара.

Шеф углубился в занятие, прерванное им из-за поспешного свидания с Кленцем. Он пролистал папку с текущими донесениями до конца, но не нашел рапортов после 7 часов утра (материалы должны были поступать к нему ежечасно). Он уже потянулся к кнопке, чтобы отдать соответствующее распоряжение, когда появился дежурный курьер с очередной порцией донесений. Шеф прорычал «спасибо» и положил папку перед собой. Вошел констебль с чашкой кофе на подносе.

— Боже ты мой, я же *черный* кофе просил! А ты что мне принес? Забери и принеси настоящий кофе.

Констебль удалился, недовольно ворча.

Одоло принялся просматривать последние донесения. И тут в глаза ему бросилось — «Франциска», «Голубой лебедь»...

— Фред! — закричал он, давя что есть мочи на кнопку в столе, и в нетерпении вскочил со стула.

В кабинет вбежал Фред, а следом за ним Мэтт — они судачили в соседней комнате о необычайном состоянии начальника.

— Фред, немедленно дежурного сержанта Ритцу Йогана ко мне — чтоб через две минуты был здесь! — Шеф повернулся к Мэтту. — У нас, похоже, большая неприятность. Один из агентов в «Голубом лебеде», кажется, накрывлся. — Одоло похлопал по папке с донесениями.

«Накрылся» могло означать что угодно — раскрыт, пропал, похищен, убит...

Мэтт прочел донесение.

— Но, шеф, не было никаких сигналов об опасности. Как могли Франциску раскрыть?

— Понятия не имею,— сухо ответил Одоло. Стоит только заикнуться о происшедшем, подумал он, как одно потянет другое и придется открыть все.

— О, бросьте, шеф.— Мэтт почтительно улыбнулся. В улыбке его, однако, сквозил упрек.— Вы же не с наивными детьми говорите... Утром сюда звонил Марк — ничего не сказал, вас спрашивал. Я думаю, он не стал бы звонить в Управление по пустякам — что-то случилось. Так что случилось?

Фрэнк Одоло пожал плечами. Раньше или позже, решил он, история все равно всплывет. И без помощников ему не обойтись. Шила в мешке не утаишь.

— Пожалуй, я вам откроюсь, Мэтт. Простите, что сразу не сказал, не мог.— Опершись на стол, Одоло сообщил подчиненному о похищении сына Джиринде и последовавших событиях.

Выслушав, Мэтт отозвался не сразу.

— Шеф,— наконец проговорил он,— тут что-то не так; или, может, я чего-то не понимаю. Вы что, собирались действовать в одиночку? Позвольте не поверить...

Шеф недовольно поморщился. Да, не о том я хлопочу, совсем не о том, подумал он. Умалчивать о Кленце бессмысленно.

— Я обратился за помощью к Джеку. Он уже включился в дело,— сказал Одоло смущенно.

— Понятно,— отозвался Мэтт. Кленца он знал неплохо — как-никак они коллеги и несколько раз работали сообща, когда Кленц, по просьбе шефа, помогал полиции. Похитители-шантажисты — гремучая смесь. Иметь с ними дело — все равно что бомбу голыми руками разряжать. Но с Кленцем дело сделать можно. Если Джек за этих мерзавцев примется, им не поздоровится.— Да, я думаю, Джек тут будет в самый раз.

В следующее мгновение дверь в кабинет распахнулась, и на пороге возник сержант Ритцу Йоган. Он тяжело дышал — чтобы исполнить приказ начальника, ему пришлось нестись галопом.

— Входите, сержант. Это ваше донесение?

Ритцу, склонившись над столом, взгляделся в лист

бумаги и узнал свой почерк. Вытянувшись по стойке «смирно», он подтвердил:

— Да, сэр.

Начальник полиции внушал страх и трепет полицейским чинам, и Ритцу не был среди них исключением. Когда Фред сообщил ему, что шеф ждет его «на ковре» через две минуты, Ритцу готов был не бежать, а лететь, если б смог.

— Кого послали на место происшествия и что они доложили?

Ритцу стоял, переминаясь с ноги на ногу. Кого он послал и что доложили? Никого он не посылал — он не придал никакого значения этому звонку. Проклятье! Он так надеялся на повышение в ближайшем будущем, а теперь вожаемого повышения не видать как своих ушей!

— Я никого не послал, сэр. Я думал...— Ритцу осекся, остолбенев от ужаса.

Шеф вперил в него испепеляющий взгляд.

— Вы никого?..— Не dokonчив фразы, Одоло изумленно глянул на Мэтта, который не отрываясь смотрел на Ритцу.— Ясно, сержант. Можете идти.

— Я сожалею, сэр. Я...

— Вон! — заорал на него Мэтт, и Ритцу выскользнул из кабинета, как нашкодивший школьник.

— Мэтт, немедленно шлите туда своих парней,— распорядился шеф, как только незадачливый сержант исчез за дверью.— Скажите им, чтоб были начеку: дело, может быть, нешуточное. И отрядите нескольких ребят на виллу Фрэнка Джиринде — для охраны подступов к ней. Игра пойдет теперь в открытую. Встретимся в «Голубом лебеде».

Мэтт, ни секунды не мешкая, бросился выполнять приказ. Одоло достал из ящика стола полицейский кольт 45-го калибра и вложил его в кобуру под мышкой. Нахлобучив шляпу, он стремительно вышел из комнаты.

Глава 5

Звонок телефона в очередной раз вывел Джейн из задумчивости. С той минуты, как муж выехал из дома, она сидела на кушетке без движения, не в силах ничем заняться. Ригал и Джойс играли около телевизора. Джейн с самого утра не спускала с них глаз. Конечно, если бандиты заявятся сюда, она не сможет оказать сопротивления,

единственное, что она может, — не выпускать детей из поля зрения. Когда она думала о муже и старшем сыне, ее охватывала тоска. Прошло уже два часа, как Фрэнк выехал на свидание с гангстерами, а от него ни слуху ни духу. От этих негодяев можно ждать чего угодно. Это же не люди, а звери. Всякий раз, как телефон подавал голос, Джейн с надеждой хватала трубку. Но надежда не оправдывалась. На сей раз она помедлила, прежде чем снять трубку.

— Алло! — проговорила она и, затаив дыхание, вслушалась. Это он, наконец-то! — Фрэнк, откуда ты? Ты едешь домой? А Поль? — Джейн в ужасе замерла. — Он с тобой! Фрэнк, господи, как я счастлива!

После разговора с мужем Джейн некоторое время еще сидела с трубкой у уха, тихо ее поглаживая.

— Ригал! Джойс! Поль скоро придет домой! — радостно возвестила она, забыв о том, что дети не в состоянии разделить с ней радость события. Погримасничав, Ригал и Джойс недоуменно поглядели на мать и, не долго думая, возобновили игру. Что ж тут такого особенного, что Поль придет домой? Подумаешь! Они сто раз видели, как он приходит домой из школы.

Джейн пошла умыться. Теперь, когда худшее, похоже, позади, она может привести себя в порядок. Утром, пока дети были в ванной, Джейн всплакнула — она не хотела, чтобы дети заметили неладное. Слезы, пролитые, когда тебя некому утешить, пусть так и останутся с тобой.

Через четверть часа к дому подкатил на машине Фрэнк, но — о боже! — у него был такой ужасный, такой пришибленный вид! Хотя поначалу Джейн этого не заметила. Счастливо улыбаясь, она выбежала с детьми навстречу мужу и Полю, подхватила мальчика на руки, обняла его. Но, повернувшись к мужу, мгновенно переменилась в лице.

— О Фрэнк, что с тобой — что они с тобой сделали?! Ты себя чувствуешь нормально?

— Конечно, Джейн. — Фрэнк выдавил улыбку. — Все нормально, устал только.

Жена шагнула ему навстречу, и он обнял ее. Они стояли обнявшись, а дети, щебеча, веселой гурьбой устремились к дому. Вслед за детьми в дом вошли и родители.

— Все оказалось хуже, чем мы могли себе представить, Джейн.

— Фрэнк, ты мне расскажешь все-все, но чуть позже.

А сейчас пойдй прими душ, а я пока искупаю Поля и приготовлю ему что-нибудь поесть.

— Душ подождет. Мне надо позвонить.

Джейн испытующе посмотрела на мужа и почувствовала, что спорить с ним сейчас бесполезно.

— Хорошо. Иди звони. А я пока искупаю и накормлю Поля. Ладно?

— Милая моя Джейн... — Фрэнк через силу улыбнулся, в глазах его мелькнуло восхищение. — Благодарю тебя за все.

Джейн ничего не сказала в ответ. Она поцеловала его в щеку и вышла.

Она хочет отвлечь меня от тягостных мыслей, от того, что меня гложет, думал Фрэнк, сидя у телефона. Страх переполнял его. Ему предстояло сейчас принять трудное решение — на карту поставлено благополучие всей семьи. Или он обрекает своих близких на несчастье, или спасет их. В глубине души он сознавал, что решение, к которому он склонялся, не спасительно, скорее наоборот — в долгосрочной перспективе по крайней мере. Но слаб человек и по слабости своей ближайших последствий страшится больше, чем отдаленных. А может, случится чудо, благодаря которому все тяготы разрешатся сами собой? А может, нельзя поступить иначе?

И, как человек, разрубивший наконец гордиев узел, Фрэнк решительно набрал номер. На лице его застыло отсутствующее, хмурое выражение, зубы были стиснуты. Он подождал, пока на другом конце не снимут трубку, затем, настроившись на подобающий тон, произнес:

— Алло, здравствуйте. Могу я поговорить с начальником Управления?

— Да! — отозвался бодрый голос. — Кто говорит?

— Фрэнк Джиринде. Я хочу поговорить с начальником по срочному делу.

— Одну минуту.

Прошло несколько мгновений, и в трубке послышался другой голос:

— Здравствуйте, мистер Джиринде. К сожалению, начальника нет на месте, но, если вы хотите что-то сообщить, мы ему передадим.

— Спасибо. Нет, сообщить ему мне нечего. Передайте только, чтобы он срочно мне позвонил... Телефон мой у него есть. Спасибо. — Фрэнк положил трубку.

— Здравствуй, Марк. Ну вот ты и доигрался. Дай-ка мне ленту — ту, что в карман сунул. И пошевеливайся, а то хуже будет.

Содом, с пистолетом на изготовку, не спеша двинулся вперед, не спуская с Марка глаз. Его взгляд не обещал ничего хорошего. Прикидываться непонимающим бесполезно, мелькнуло в голове у Марка. Доигрался, как сказал этот... Марку достаточно было нескольких мгновений, чтобы понять, с кем он имеет дело. Перед ним был профессиональный убийца. Ощущение безвыходности охватило его.

— Так вот кто замучил бедняжку — ты, значит! Думаешь, это сойдет тебе с рук?

— Заткнись, ублюдок. Говорить будешь, когда спросят. А ну, выкладывай ленту! Даю тебе десять секунд, не успеешь — получишь пулю в ногу. Я тебе устрою медленную смерть.

Глянув на часы, Содом уставился на Марка. Его тонкие губы кривились в усмешке. Он опустил дуло пистолета, метя, как и обещал, в ногу.

Марк не обманывался насчет своего отчаянного положения. Выбора у него нет. С простреленной ногой он уж точно не сумеет отомстить за смерть Франциски. И убийца, можно быть уверенным, стрельбой по ногам не ограничится, так что в любом случае он лентой завладеет. Марк вынул катушку и протянул ее гангстеру. Пока тот забирал катушку, в голове у Марка вихрем пронеслось несколько способов внезапного нападения, но все они, решил он, обернутся лишь самоубийством. Хотя Содом был широкоплеч, Марк мог бы попробовать с ним сладить, не будь тот вооружен.

— А теперь сядь-ка вон там.— Содом показал на стул у кровати.— Я задам тебе кой-какие вопросы, а ты на них ответишь, только без вранья.

— С чего ты решил, что я заговорю? Ее-то ты говорить не заставил...

От этих дерзких слов Содом пришел в ярость. Он терпеть не мог, когда его уличали в чем-то или перечили. Скажи такое кто-то из дружков-приятелей, он мигом отправил бы наглеца на тот свет. Но Марк не из его дружков, хотя жить ему тоже осталось считанные минуты. Злобно усмехнувшись, Содом попытался осадить обидчика:

— Думаешь, я тебя расколоть не сумею? Да людишки вроде тебя в пыли у моих ног валялись, когда до них доходило, что им конец пришел. Ты, видать, еще надеешь-

ся на что-то, на избавление надеешься.— Содом кивнул на труп Франциски: — Эта твоя баба тоже надеялась. Она говорить не хотела, это точно, она уперлась. Но вот теперь мертвая лежит — и что ж осталось от ее упрямства? Когда ты рядышком ляжешь, что с твоим упрямством будет, а? — Содом лютой ненавистью ненавидел полицию и полицейских и не скрывал этого.— Так вот, первый вопрос такой. Ты на полицию работаешь. Зачем тебя посадили сюда, в «Голубой лебедь»? — Держа Марка под прицелом, он отступил назад и прислонился к двери.

— Для начала я хотел бы знать, с кем говорю. И потом, ты небось думаешь, что сможешь обойтись без второго убийства. От одного трупа проще избавиться, чем от двух.— Марк пытался выиграть время. Ах, если б он вовремя дал знать в полицию, теперь была бы хоть надежда. Если бы да кабы...— Когда я...

Содом нажал на спусковой крючок, раздался хлопок, пуля, вылетев из ствола с глушителем, чиркнула по рукаву рубашки и задела предплечье. Дернувшись вперед, Марк схватился за левую руку и ошеломленно поглядел на Содома, в глазах его сверкнула ненависть. Содом криво усмехнулся.

— Я убиваю не торопясь, запомни это. Ты, я вижу, из тех умников, кто считает, что перед полицией надо на карачках ползать. Думаешь, я тебя прикончу, а потом в знак почтения потащу мимо полицейского отделения, чтоб на меня твои дружки поглядели? С минуты на минуту к гостинице подъедет пикап, из тех, что белье в прачечную возят. Сюда придут парни с контейнерами. Положат туда ваши трупы и спокойненько унесут. Ну, что скажешь, полицейский умник? Я свое дело знаю и сделаю, будь уверен.

— Ты, может, и смог бы сделать его, да полицию не обойдешь, я уже сообщил куда следует, жди, скоро придут. Мимо них не проскользнете — никакие трюки не помогут!

На миг в глазах гангстера мелькнул страх — так, во всяком случае, показалось Марку.

— По-моему, ты просто время тянешь,— бросил Содом, пожав плечами.— Что еще тебе остается! Ну хватит, кончать пора.— Он взглянул на часы.— Самое время тебя к праотцам отправлять, храбрец-молодец.— Содом прицелился, метя в сердце. С такого расстояния и слепой не промахнется.

Марк закрыл глаза, шепча слова последней молитвы.

Секунда-другая — и все, конец. Тело невольно напряглось в ожидании смертельного толчка...

Даже несколько дней спустя, когда Марк окончательно пришел в себя на больничной койке, он не мог до конца понять, как все вышло. Он помнил лишь, что внезапно дверь с грохотом соскочила с петель и в комнату с криками ворвались люди. Содом вместе с дверью совершил стремительный бросок вперед и рухнул на Марка. От удара Марк потерял сознание.

В мгновение, когда дверь толкнула Содома в спину, он успел-таки нажать на курок. Но опоздал на долю секунды, и пуля угодила Марку не в сердце, а чуть правее и выше.

Операции «Мертвой хватки» планировались с таким расчетом, чтобы успех был обеспечен наверняка. Ричард разрабатывал планы, Ральф их исполнял. Вот и на этот раз, прежде чем позвонить Фрэнку Джиринде, Ричард заранее обсудил с Ральфом идею приобретения помещения поблизости от дома Фрэнка.

Найти такое помещение оказалось делом довольно простым. Один из сподручных Ральфа, Джайд Хассан, как-то в разговоре похвастал Ральфу, что у него есть шикарная подруга и что живет она в районе Лобстер Клоус. Выяснилось, что подруга Джайда живет прямо напротив Джиринде — через улицу. Ральф побеседовал с Джайдом: пусть он договорится со своей дамой, чтобы в одной из комнат ее дома дня на два поселился его приятель. Ральф попросил Джайда об этом «одолжении» так, что отказать было нельзя, в противном случае Ральф, похоже, стер бы своего сподручного в порошок. И Джайд, как ни тошно ему было, согласился. За несколько дней до начала операции в дом подруги Джайда внесли аппаратуру для подслушивания. А за день до того, как в кабинете Фрэнка Джиринде раздался положивший всему начало звонок, там же появился некто Камаран, которому было поручено работать на этой аппаратуре.

Незнакомец, пришедший к Джиринде в первый день операции с «визитом», разумеется, прекрасно знал, что не застанет хозяина виллы дома, — Воле Питерс (так звали незнакомца) хорошо изучил распорядок дня Фрэнка. Этот негодяй с обезоруживающе доброй улыбкой умел, как ни странно, завоевывать симпатии детей. И он не только увез в неизвестном направлении Поля Джиринде, но и успел

установить повсюду в доме микрофоны подслушивания. Лишь одного он не успел — вставить подслушивающее устройство в телефонный аппарат...

Высадив Фрэнка Джиринде у перекрестка Мампа, Ричард велел шоферу ехать к Окариме, а после доклада боссу направился домой. Тут он позволил себе чуть-чуть расслабиться. Сделав коктейль из виски и рома со льдом, Ричард с бокалом в руке не спеша подошел к телефону. Нельзя сказать, чтобы пока все шло как по маслу, но если на этого Джиринде как следует надавить, он покорится. Все людишки раньше или позже покоряются.

Окариме сказал, что «весьма доволен», и изволил даже похлопать Ричарда по плечу. Жалкий недоносок! Он, видите ли, доволен. Еще бы! Кто обмозговал всю операцию? Ричард! Кто установил контакт с южноафриканцами и договорился о продаже им нефти? Кто предложил наладить связи с другими клиентами? Нет, это Ричард должен быть доволен, а не этот чертов гном!

Ричард набрал номер, по которому должен был находиться Камаран — человек, ответственный за прослушивание дома Джиринде. Ему не терпелось узнать, что же там у Джиринде происходит. Надо проследить, как всходят посеянные им, Ричардом, семена. Не исключено, хоть и маловероятно, что этот субъект снова попытается что-нибудь выкинуть у них за спиной. На другом конце провода сняли трубку.

— Алло... — послышался женский голос.

Ричард нахмурился.

— Здравствуйте. Простите, кто говорит?

— Меня зовут Банми. Что вам угодно?

— У вас должен быть мой друг, позовите его.

— Одну минуту, сэр.

Телефонный аппарат в доме Банми был переносной, с длинным шнуром. Взяв аппарат в руку, девушка подошла к бывшей своей комнате и постучала. Дверь открыл Камаран — он был явно недоволен ее появлением.

— В чем дело? — грубо спросил он.

— Вас к телефону. Я...

— Ладно. — Камаран заграбастал телефонный аппарат. — И вали отсюда. — Он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

В мгновения, когда дверь была открыта, Банми расслышала голоса, доносящиеся из радиозаписывающего уст-

ройства на ее туалетном столике: два слабых голоса, мужской и женский. Банми видела за свою жизнь немало детективных фильмов, читала детективные книжки, поэтому воображение ее разыгралось. Ее подмывало пошпионить немножко, но что-то подсказывало ей, что лучше не совать нос в это дело. Когда Банми позволила друзьям Джайда расположиться на время у себя, она думала, что окажется в центре интересных событий. Но со вчерашнего дня ей удалось заглянуть в комнату лишь дважды, да и то ненадолго. Камаран наводил на нее страх. Он казался человеком вне закона. К тому же он все время запирался на ключ.

Фрэнк Одоло стремительно вышел из здания полицейского управления и направился к машине. Несколько мгновений спустя она с включенной сиреной вырвалась на улицу. В машине Одоло связался по радио с Кленцем и, не вдаваясь в объяснения, сообщил, что они встретятся в отеле «Голубой лебедь».

Потеряв из виду Ричарда с Джиринде, Кленц катил не спеша по Бимбо-авеню, направляясь в свое сыскное бюро. От Бимбо-авеню до «Голубого лебедя» было рукой подать, и Кленц подоспел к отелю даже чуть раньше шефа.

Увидав, как шеф выскочил из резко затормозившей у отеля машины и с пистолетом в руке сломя голову бросился к входным дверям, Кленц недоуменно крикнул:

— Что происходит, шеф?

Но Одоло так спешил, что не обратил внимания на друга. Старик эдак совсем себя доконает, подумал Кленц, бросаясь вслед за ним и вытаскивая на ходу пистолет.

По гостинице уже рассредоточивались оперативники из группы Мэтта. Оповещенные по радио, некоторые из них примчались на место чуть раньше. В команде Мэтта, надо сказать, ребята были как на подбор — бывшие головорезы, переученные на исправных волкодавов. Несколько молодых в штатском и в форме сопровождали шефа.

Посетители ресторана, увидав вбежавших в зал вооруженных людей, испугались. Некоторые повскакали с мест и недоуменно озирались. Другие, роняя бокалы, бросились наутек.

Одоло знал, где находится комната Франциски, и устремился прямо к лестнице. За ним следовали Кленц, Майк и часть оперативников Мэтта. Прочие его молодцы

перекрыли к этому времени все входы и выходы из гостиницы. В коридоре второго этажа Одоло дал знак, чтобы следовавшие за ним двигались осторожно и тихо.

Йово уже давно вела наблюдение из окошка ванной комнаты. Она ждала появления полиции. Догадываясь, что с ее подругой случилось что-то страшное, Йово плакала. Проживши пять лет в Порткано, знаешь, что случается тут всякое. Но «высовываться» она боялась — всякий, кому жить еще охота, давным-давно понял, что в Порткано «высовываться» не следует. Йово видела, как в комнату Франциски вошел официант Марк, а потом другой мужчина, тот самый, которого она заметила еще прежде, утром. Тут уж она испугалась по-настоящему.

При появлении полицейских Йово выбежала из своего укрытия.

— Они там, внутри! — лихорадочно зашептала она, показывая на дверь Франциски.

— Сколько их? — спросил Одоло.

— Двое.

Часть полицейских сгрудились у двери, другие рассредоточились по коридору и лестнице, готовые действовать по первому знаку. Шеф приложил ухо к замочной скважине и услышал, как чей-то голос за дверью произнес: «Самое время тебя к праотцам отправлять...» Ждать было нельзя.

— Быстрее! — шепнул Одоло Кленцу. Будь дверь стальной, Кленц, несмотря на всю свою мощь, быть может, и не высадил бы ее с первого удара, но дверь, по счастью, не была стальной и с грохотом слетела с петель.

В те минуты, когда начальник полиции Порткано мчался на машине к отелю «Голубой лебедь», Джейн Джиринде, накормив сына, пришла в гостиную, где ее ждал муж. Они были наконец одни и могли начать разговор, но что-то мешало им. Они испытующе глядели друг на друга. Джейн заговорила первой:

— Что ж. Я готова. Либо ты расскажешь мне все, либо ничего. Что им надо?

Фрэнк отозвался не сразу — было видно, что ему тяжело, что он недоволен собой. Он поглядел в потолок, затем проговорил:

— Джейн, они потребовали, чтобы я тебе ничего не говорил, но я думаю, так у нас не выйдет. — Он выжидательно посмотрел на жену, она промолчала. — Ты пом-

нишь Намкфо, замбийца,— он работал до меня на моем месте?

— Да, Фрэнк. Он имеет к этому отношение?

— Косвенное.— Фрэнк осторожно выбирал слова.— Как видно, в экспортном отделе делались дела особого рода, но не буду вдаваться в подробности... Эти типы, Джейн,— контрабандисты, промышленяющие нефтью, понимаешь? Ты знаешь, наша компания экспортирует сырую нефть, перерабатывается она за границей. За всякую партию нефти, отправляемой из портов Нигерии, платится определенная экспортная пошлина министерству финансов. Так вот, в двух словах: эти типы промышленяют контрабандным вывозом нефти, сырой и переработанной. То есть вывозят нефть, а пошлину за нее не платят. От меня им надо, чтобы я регулярно поставлял сырую нефть. Разговор тут идет, конечно, не о мелочах, а о больших поставках, крупных партиях.— Фрэнк помолчал, о чем-то задумавшись.— Но это еще не самое скверное. Кажется, они сплавляют нефть в Южную Африку — или по крайней мере собираются это делать. Покуда в деле, я буду получать десять процентов.

Джейн пристально посмотрела на мужа. Взгляд у нее был какой-то странный, резкий — пожалуй, она никогда раньше так на него не глядела.

— Фрэнк, тебя что, эти десять процентов интересуют?

Фрэнка поразила грубоватая прямота вопроса, в таком тоне жена прежде с ним не говорила.

— Вопрос не в десяти процентах, Джейн. Я о семье нашей думаю. Неужели ты считаешь...— Взглянув на жену, Фрэнк осекся.— Джейн, ты о чем задумалась? — спросил он встревоженно.

— Не знаю, конечно... Только это серьезно, очень серьезно. Что за человек мой муж — вот что я хочу понять...

Фрэнк поморщился. Нет, он с ума сошел, он не должен был ей говорить! Ведь знал же, чувствовал, что Джейн его не поймет, упрется. Да она понятия не имеет, с кем им пришлось столкнуться. Судя по тому, как эти негодяи организованы, они способны черт знает на что. Пока до них полиция докопается, они столько дров успеют наломать! Вырежут его со всей семьей — и глазом не моргнут! Пытаться их перехитрить — безумие! Верное самоубийство! Джейн ничего не понимает. Надо переубедить, уговорить ее.

— Джейн, погоди, не торопись,— начал Фрэнк прими-

рительным тоном.— Зачем вставать на дыбы? Ей-богу, это по-детски. Ну неужели тебе и смерть не страшна? Пойми, Джейн, эти негодяи пойдут и на убийство, им это ничего не стоит.

— А если б, Фрэнк, судьба переменялась и тебе выпало бы разорение, бедность,— (Фрэнку на миг показалось, что жена вняла его доводам),— неужели ты бы пошел на преступления, стал контрабандистом? Мне начинает казаться, в тебе есть какая-то гнилая жилка, Фрэнк.

Пораженный, Фрэнк не сразу нашелся что сказать. Он с изумлением посмотрел на жену: о чем она говорит? Но вдруг догадался: Джейн хочет, чтобы он не поддался этим негодяям. Муж и жена внимательно, и на какое-то мгновение без неприязни, посмотрели друг другу в глаза.

— Джейн, ты не ведаешь, что говоришь.— Фрэнк придвинулся к жене и попытался ее обнять. Она отстранилась.

— Когда ты вернулся с Полем, надо было сразу звонить в полицию, Фрэнк.

В глазах Джейн вспыхнул огонек. Фрэнк знал, что этот огонек означает: Джейн собирается стоять на своем до конца. Нет, он должен переубедить ее, она должна осознать всю серьезность положения.

— Я вижу, ты в воинственном настроении, Джейн, и ничего не хочешь слушать. Но успокойся, прошу тебя, постарайся меня понять. Чего ты хочешь? Чтобы я принял решение, из-за которого погибнет вся наша семья? Ты требуешь от меня слишком многого, Джейн. На карту поставлена жизнь наших детей, твоя жизнь, моя. Ты что, думаешь, я пожертвую всеми нами ради каких-то паршивых баррелей нефти?! Нам угрожают смертью, понимаешь? Смертью! Пусть полиция ищет и ловит этих мерзавцев. Я даже, может быть, и помогу ей; но потом, когда моей семье не будет угрожать смерть. Пусть полиция занимается своим делом, в конце концов она так или иначе до них доберется. Я готов принять на себя удар, но если ударят только по мне, а не по моей семье.

Доводы Фрэнка как будто утихомирили Джейн. Помолчав немного, она глубоко вздохнула и, глядя мужу в лицо, проговорила:

— Фрэнк, я хочу сказать тебе одну тайну.— Голос ее был спокоен. Приободрившись, Фрэнк подался вперед, собираясь слушать.— Сколько мы живем с тобой, я ни разу не обмолвилась тебе об этом. Знаешь, как я думала об африканцах, когда выходила за тебя замуж? Я думала, все они тупицы. Дикари. Я выходила за тебя замуж — прости

меня, Фрэнк, — из любопытства. Я хотела испытать новые ощущения и понять, что это за люди — чернокожие. Ты не знаешь по-настоящему человека, когда он тебе приятель или друг. Муж — другое дело... Я думала тогда так: удовлетворю любопытство и разведусь, вернусь домой. Но это все в прошлом, Фрэнк. Я люблю тебя. Я полюбила твой народ — уж скоро десять лет, как я живу здесь. До замужества, когда я слышала жалобы африканцев на дискриминацию, я думала: ну, это все пустые притязания, зачем им права? Но теперь я все понимаю, Фрэнк. Я твоя жена, твоя плоть. И твоя страна стала теперь моей...

Фрэнк глядел на жену, растерянно улыбаясь. Он был ошеломлен. Ему казалось, что жена делает сейчас эти признания, чтобы выбить у него почву из-под ног, покорить его. Но что же делать? Из глаз Джейн катились слезы, голос ее дрожал и срывался, а он, как ни хотел, не находил нужных слов утешения.

— Как можно предать эту страну ради спасения собственной шкуры? — (Фрэнк открыл было рот, чтобы произнести что-то, но жена остановила его.) — Детей можно отправить к моим родителям в Лондон. Подумай, Фрэнк, если ты начнешь сотрудничать с этими типами, пойдешь на предательство, я уже не смогу остановить тебя. Но и бросить не смогу... Конечно же, я понимаю, ты пойдешь на это ради нас, Фрэнк. Прости мне жестокие слова. Но, ради бога, Фрэнк, не верь этим негодяям. Это мерзавцы, бесчестные типы, от них можно ждать какой угодно подлости. Если ты с ними свяжешься, наша жизнь все время будет под угрозой. Они будут шантажировать тебя до бесконечности. Пойми, мы должны довериться полиции, Фрэнк. Даже если она нас не защитит, все-таки о нашей беде узнают... У меня...

Тут они вздрогнули — так вздрагивает спящий, когда его резко тронут за плечо. Рядом на столике пронзительно дребезжал телефон. Фрэнк склонился к нему и взял трубку. Вероятно, это Фрэнк Одоло, подумал он...

— Алло! — прорычал в трубку Камаран. Он был уверен, что звонит Ричард, но сейчас ему было на все плевать — злоба душила его. Да и кто из «Мертвой хватки» не разъярился бы, услышь он, какие разговоры ведутся в эти минуты в доме Фрэнка Джиринде.

— Да. Что там у тебя? — сердито бросил Ричард. Он

терпеть не мог, когда с ним разговаривали в резком тоне.— Почему девка до сих пор болтается в доме?

— Да черт с ней, с девкой, не беспокойтесь. Тут вот что, послушайте-ка...— И он, увеличив громкость, положил трубку перед динамиком радиозаписывающего аппарата.

Ричард прислушался. До него донеслись слова Джейн Джиринде «я хотела испытать новые ощущения и понять, что это за люди — чернокожие...». Ричард напрягся, лоб его покрылся испариной. Он залпом осушил стоявший под рукой бокал. На него накатывало бешенство. Когда жена Джиринде произнесла «не верь этим негодьям», терпение Ричарда лопнуло, он надавил на рычаг. И тут же набрал номер Джиринде.

— Алло, Фрэнк Джиринде у телефона...— начал приветливо Фрэнк. Но в следующее мгновение выражение лица его резко переменялось. Он замер, услышав брошенные в холодном бешенстве слова:

— Из-за длинного языка твоей жены, Джиринде, семьеке твоей пришел конец. Жди вестей!

— Одну ми...— закричал было срывающимся голосом Фрэнк, но осекся — Ричард уже бросил трубку. Внутри у него все похолодело.

— Что такое, Фрэнк? Кто это? — Джейн вскочила, увидав бледное, как полотно, лицо мужа.

Фрэнк от волнения охрип, но голова у него соображала неплохо.

— Видимо, они слышали наш разговор, Джейн. Собирай детей. Мы едем в полицию!

Ричард Стонберд в тот миг уже набирал номер Ральфа. Он был вне себя от ярости и едва понимал, что делает. Черт подери, он только что доложил Окариме, что все идет как по маслу! А Окариме, как известно, не прощает провалов. Если немедля не убрать этого мерзавца Джиринде, положение будет хуже некуда — Джиринде может запросто его опознать! Кажется, черт возьми, его подвела самоуверенность — он решил, что десятью процентами заткнет рот этому болвану. Просчитался! Но кто ж предполагал, что кретин Джиринде совсем ополоумеет и пойдет трепать языком с женой! Эк она разостлалась перед ним! Он и дрогнул, конечно. Ясно теперь, что он отрезанный ломоть. Скоро он поставит на ноги всю полицию, с ужасом думал Ричард.

Ральф снял трубку.

— Ральф, собирай парней, пусть гонят во весь опор в

Лобстер Клоус. Операция по ликвидации — бросить все силы, уничтожить всех до единого! — И Ричард швырнул трубку на рычаг.

Офицер полиции лихо отдал честь и вручил шефу донесение.

— Только что получено по радио, сэр.

К этому моменту Марк и Содом, раненный при стычке с полицией, уже были увезены в больницу; туда же отправили тело Франциски. Фрэнк Одоло, сопровождаемый Кленцем и Майком, направлялся к выходу из отеля. Пробежав глазами бумажку, он оглянулся через плечо.

— Кстати, Джек. Как там вышло с нашим другом? Вы его обнаружили?

— Да. Но потом потерял. Бумажка имеет к нему отношение?

— Да нет.— Шеф увлек Кленца в сторону.— Джек, похоже, неприятности у друга продолжаются. Он вернулся домой. Просит, чтобы я ему позвонил. Наверно, хочет поблагодарить за бездействие. Кстати, я распорядился, чтобы Мэтт выслал парней для охраны его дома. Сейчас они, должно быть, уже там.

— Когда думаете ему позвонить, шеф? — помедлив, спросил Кленц.

— Когда выдастся свободная минута. А почему, собственно, вы спрашиваете? Хотите заниматься этим дальше? Не надо, Джек. Пока я не скажу, не надо.

— Все-таки я бы советовал позвонить Джиринде не откладывая. Небезынтересно, что он сообщит. Сказанное им, может быть, даже натолкнет нас на след убийц...

— Черт возьми! Вы правы, Джек.— Фрэнк Одоло ускорил шаг.— За мной, ребята, едем в Лобстер Клоус! Звонить ни к чему.

На улице, у входа в отель, он чуть задержался, отдавая распоряжение офицеру полиции:

— Джолом, остаётся за старшего. Я еще сюда вернусь,— бросил он на ходу.

— А позвонить бы Джиринде не мешало, шеф,— заметил Кленц, когда машина, рванув с места, взяла курс на Лобстер Клоус.

— Нет, Джек. Мне надо поглядеть ему в глаза. Если он «влип», я по выражению лица увижу.

— Вы заранее знаете, что он скажет?

— Конечно. Он пошел на сделку с ними, в противном

случае они его не отпустили бы. А если б отпустили, то без сына, и приехал бы он не домой, а в полицию. Теперь он попытается от нас отвязаться.

Приспустив боковое стекло, Кленц выбросил окуроч.

— Да, наверное, так, шеф. Но я о другом. Мы ведь пришли к выводу, что его телефон прослушивается, верно? И, позвони мы ему сейчас, эти типы, конечно же, подслушали бы разговор. А сказать мы могли бы следующее: «Слава богу, мистер Джиринде, что вы и ваш сын снова дома, что вы целы и невредимы. У нас одной заботой меньше», то есть дали бы понять, что больше этим делом заниматься не будем. А сами...— Но Кленц не успел досказать свою мысль — раздался радиосигнал.

Кленц наклонился вперед и нажал кнопку приема.

— Говорит Эс-22. Шеф, вы меня слышите? Внимание! На дом по проезду Лобстер Клоус совершенно нападение. Их оказалось больше, чем нас.— Речь оборвалась, и из радиоприемника послышались щелчки выстрелов, затем глухой удар, после чего все стихло...

Джайд Хассан ехал к Банми — он хотел провести свою девушку, посмотреть, не увивается ли там за ней Камаран. Но вышло, что до Банми он так и не добрался.

По пути ему предстояло миновать отель «Голубой лебедь». Неподалеку от отеля пронеслась, обгоняя Джайда, полицейская автомашина, но Джайд не придал этому обстоятельству никакого значения. Его мысли были в тот момент сосредоточены на другом: как он поступит с Камараном, если заметит, что тот клеится к Банми? Проезжая мимо «Голубого лебедя», он увидел скопление полицейских машин, толпу людей у входа. Так как Джайд знал, кто является настоящим владельцем отеля, он заинтересовался происходящим. Поставив свою шикарную «моррис-марину» на стоянке поодаль, он пошел к центральному входу в гостиницу. Несколькими минутами позже у входа затормозила санитарная машина, из нее выскочили санитары с тремя носилками и скрылись в здании отеля. Джайд застыл в напряженном ожидании. Появление носилок означало, что кого-то ранили или убили. Кого же?

В одном из тех, кого вынесли на носилках, Джайд почти сразу узнал Содома. Содом был жив и, по-видимому, только легко ранен. Стараясь не выдать волнения, Джайд неторопливо зашагал прочь. Лишь отойдя от

гостиницы на порядочное расстояние, он со всех ног бросился к своей «моррис-марине». Вскочив в нее, рванул вперед и подкатил к ближайшему телефону-автомату. Он решил позвонить Ральфу. Но у Ральфа никто не отзывался. Джайд, выругавшись, бросил трубку.

Подумав, он набрал номер Ричарда. До сих пор он никогда напрямую не связывался с Ричардом — правила это запрещали. Джайд мог ему телефонировать лишь в случае чрезвычайных обстоятельств. Трубку сняли почти мгновенно. Ричард ждал известий из Лобстер Клоус, и настроение у него было преотвратное.

— Ну?! — зарычал он.

— Говорит Джайд. Я зво...

Ричард едва не сорвался на крик:

— Ах ты, черт тебя побери?! Кто просил тебя...

— Понимаю, сэр, но... только что в «Голубом лебеде» была перестрелка. — (Ричард насторожился.) — У меня на глазах Содом вынесли на носилках и увезли.

— Экая скотина! Он мертв? — с надеждой спросил Ричард, прекрасно осведомленный о том, что должен был делать Содом в отеле, — два дня назад Ричард дал Ральфу соответствующее распоряжение.

— Нет, жив. Он ранен и, похоже, выживет, сэр.

— Так. Ладно. Немедленно поезжай в «зону-7», там встретимся.

Ричард грохнул трубку на рычаг и поглядел в окно, на небо, как будто там, в вышине, крылась причина навалившихся на него злоключений.

Глава 6

Для охраны дома Джиринде отрядили четырех полицейских — Реймонда Беста, Энтони Аволло, Виктора Кубанси и Джонатана Аджило. Все они были в штатском, вооружены, на место прибыли в обычной машине и заступили на дежурство, когда не было еще половины одиннадцатого. Реймонд и Энтони остались сидеть в машине, а Виктор и Джонатан укрылись на территории усадьбы неподалеку от ворот, по обе стороны дорожки, ведущей к дому. Привратник из своей сторожки их даже не заметил.

Энтони и Реймонд сидели в машине молча, погруженные в свои мысли. Энтони, однако, принадлежал к тому типу людей, которые подолгу молчать не умеют. Время приближалось к одиннадцати, и тягомотина ожидания доконала его.

— Знаешь, что меня бесит? Что некоторые имеют глупость твердить, будто все головы равны! — шутливо проворчал он, похлопывая себя по могучему загривку. Автомобиль стоял на улице против ворот, на самом солнцепеке.

— А ты не согласен? — вяло откликнулся Реймонд.

В одиннадцать утра в Порткано солнце уже в зените. В машине, не имевшей кондиционера, становилось все жарче. Реймонд подумал, что скоро она прожарится настолько, что живыми они из нее не выберутся. Но надо сидеть и ждать — так приказано. Энтони выглянул из окна. Лобстер Клоус — место тихое, движение здесь оживленным не назовешь. Реймонд, сидевший за рулем, первым заметил, как на дорогу выехали, направляясь в их сторону, две автомашины. Они приближались, и на передней зажглась мигалка, что могло означать только одно: они собирались сворачивать в ворота Джиринде.

— Смотри-ка, куда они едут, Тони. Мэтт не говорил, чтоб мы останавливали и проверяли машины?

— Не говорил, но проверить надо, иначе какая мы охрана? — Подозрительные машины, замедлив ход, уже почти поравнялись с ними. — Давай-ка взглянем, кто в них там, не вооружены ли. — Тони, вздохнув, стал выбираться из автомобиля. Реймонд последовал за ним.

Тони насторожился, когда увидел, сколько людей, притом молодых, сидит в передней машине. Он потянулся за пистолетом на поясе, но слишком поздно. Машина стала поворачивать к воротам. Тони крикнул: «Эй, по...» — и рухнул замертво на дорогу.

Внезапно прогремевшие выстрелы послужили сигналом Виктору и Джонатану, они выбежали из кустов с оружием на изготовку. Передняя машина, выпустив очередь по Тони, уже въехала в ворота. Вторая резко затормозила, из нее выскочили три молодчика. Услыхав выстрелы — это уже Виктор и Джонатан открыли стрельбу по передней машине, — они пригнулись: им показалось, что стреляют по ним. Реймонд был готов к встрече с такой бандой. Выезжая на операцию, он, по счастью, догадался взять с собой не только пистолет, как Тони, но и автомат. Увидев, как упал Тони, он кинулся ничком на цветочную клумбу у дороги и, перевернувшись, успел рывком направить в нужную сторону автомат. Выпущенная им очередь скосила одного из троих бандитов. Двое оставшихся в поисках укрытия побежали к воротам, стреляя от бедра. Пуля попала Реймонду в плечо, но он, бросившись назад к маши-

не, сумел на ходу выстрелить в ответ, держа автомат одной рукой. Он хотел дать сигнал о помощи по радио, в противном случае тот, кого они должны охранять, будет наверняка уничтожен.

Двое молодчиков добежали до сторожки у ворот, и один из них, ворвавшись внутрь, выстрелил в привратника — тот пытался дотянуться до лука со стрелой, висевшего на стене. От выстрела в упор старика отбросило к стене, и он медленно осел на пол. Второй гангстер заметил, как Реймонд, поднявшись с клумбы, кинулся к машине, и мигом сообразил — зачем. С автоматом в руках головорез рванулся вперед.

Успев крикнуть в радиопередатчик: «Их оказалось больше, чем нас...», Реймонд заметил, откуда грозит опасность. Он нырнул под автомашину и стрельнул бегущему по ногам. Тот упал как подкошенный и уже на земле был добит второй очередью. Третий гангстер выскочил из сторожки и, быстро оценив обстановку, с ходу открыл огонь. Реймонд не успел даже пошевелиться, как был убит там же, под машиной.

Тем временем автомобили подкатили к вилле Джиринде и с визгом затормозили перед крыльцом. Из них выскакивали вооруженные гангстеры...

Едва Фрэнк сказал, что надо срочно всей семьей ехать в полицию, Джейн, не теряя ни секунды, бросилась в комнату к детям. Не прошло и пяти минут, как Поль, Ригал и Джойс были готовы. В руках Джейн несла кое-какие детские вещи.

— Да что ты, Джейн. Не будем же мы там ночевать! Оставь одежду.

Джейн бросила одежду на стул, и семья, предводительствуемая Фрэнком, двинулась к выходу. Когда они вышли на крыльцо, Фрэнк заметил на улице автомашину — она стояла неподалеку от ворот. Он тронул жену за плечо. Она остановилась, недоуменно взглянув на него, затем проследила за его взглядом.

— Возвращаемся в дом, Джейн. Думаю, это их машина. Мимо них мы не сможем пробраться незамеченными.

Они вернулись в дом.

— Позвоним в полицию, запрем все двери, будем ждать... — Фрэнк попытался улыбнуться, но улыбки не получилось. Одной рукой Джейн притягивала к себе Ригала, а на другой держала расплакавшуюся Джойс. Сама она

уже не могла сдерживать слезы. Поль стоял рядом с матерью, в его глазах застыл испуг — перенесенное минувшей ночью не прошло для него бесследно. Фрэнк бросился в гостиную к телефону, и Джейн с детьми поспешила за ним. Как Джейн ни старалась охранить детей, чувство тревоги передалось и им.

Фрэнк набрал номер полиции — занято. Набрал еще раз — снова занято.

— Запри двери, Джейн. Поль, помоги маме.

Джейн не двинулась с места — она оцепенела от страха. Фрэнк, поморщившись, бросил трубку и сам побежал к двери, затем принялся за окна. Джейн с детьми тенью следовала за ним. Возвратившись в гостиную, Фрэнк предпринял еще одну попытку дозвониться. На этот раз удачную.

— Алло. Полицейское управление слушает.

— Прошу вас, примите меры. Я звоню с Лобстер Клоус. Тут...

Услыхав название улицы, дежурный полицейский прервал Фрэнка:

— Одну минуту.— Он связался с оперативным отделом.— Сэр, звонок с улицы Лобстер Клоус.

— Соедините,— последовал ответ.— Алло, Мэтт у телефона.

— Я говорю с Лобстер Клоус. На улице, у ворот моего дома, стоит какая-то машина. Думаю, это...

— Минуту, сэр. Машина серый «вольво»?

— Да. Откуда вы знаете?

— Это наша машина. По распоряжению начальства я послал сотрудников для охраны вашего дома. Их четверо, они расположились, вероятно, где-то вокруг. Они вас не побеспокоят, мистер Джиринде. Алло? — (У Фрэнка будто гора с плеч свалилась. От радости он на мгновение даже онемел.) — Алло, вы меня слышите, мистер Джиринде?

— Да, конечно. Я...

— Ну что, Фрэнк? — спросила Джейн, готовая к наихудшему.

— Нет, Джейн, это полиция. Это полицейская машина, понимаешь?

У Джейн от радости подкосились ноги, со вздохом облегчения она рухнула в оказавшееся за спиной кресло.

Фрэнк сказал в телефонную трубку:

— Простите. Я-то подумал...

— Ну что вы, мистер Джиринде. Это нам надо бы

принести извинения. Мы должны были вас предупредить.

— Я вот что хочу сказать. По-моему, надо бы прислать сюда еще людей. Мы обнаружили, что нас подслушивают. Думаю, что и этот разговор прослушивается. Мне только что по телефону пригрозили, что придут расправиться с нами.

— Не беспокойтесь. Чувствуйте себя в полной безопасности. Дом окружен нашими людьми, вас никто не тронет.

Едва Фрэнк опустил трубку на рычаг, с улицы послышались звуки стрельбы. Дом его стоял на небольшом возвышении. Фрэнк кинулся к входной двери и глянул наружу в щель жалюзи. Внутри у него все оборвалось — он увидел, как из черной автомашины перед домом выскочили трое, в руках у них были автоматы. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: это гангстеры, те самые, что посланы уничтожить его семью! Он дернулся, как ужаленный, в глазах заметалась смертельная тревога.

— Быстрее, Джейн! В заднюю дверь. За забор и через кустарник — на улицу! Быстрее! — В спешке Фрэнк не подумал о подслушивающих устройствах.

В глазах Джейн мелькнул ужас.

— А ты?

— Обо мне не беспокойся! — Фрэнк подталкивал жену к кухне. — Я попробую их задержать до приезда полиции...

— О Фрэнк! Бежим вместе, вместе!

— Уходите! — крикнул Фрэнк, выпроваживая Джейн с детьми в заднюю дверь.

Камаран, дежуривший в комнате Банми, слышал, как Фрэнк связался с полицией по телефону и сообщил о машине у ворот дома. Затем до его ушей донеслись слова: «Нет, Джейн, это полиция. Это полицейская машина». Физиономия Камарана перекосилась от страха. Полиция! Но, как бы ни был Камаран перепуган, в панику он не впал — с бьющимся сердцем по-прежнему оставался на посту. Камаран верил в могущество организации, был убежден, что она, если надо, и полицию одолеет. Затем он услышал: «Быстрее, Джейн! В заднюю дверь». И дальше: «Я попробую их задержать до приезда полиции». Не долго думая, Камаран схватил пистолет и бросился вон — он знал, где находится дом Джиринде и как к нему подобраться с тылу.

Банми сидела у окна, испуганная и пораженная происходящим. Неподалеку развернулся самый настоящий бой! Неужели это все на самом деле? Или ей мерещится?

Позади с грохотом распахнулась дверь, и Банми обернулась. Она с изумлением уставилась на пистолет, зажатый в руке Камарана, на его лицо, перекошенное от злобы.

— Куда вы?! — удивленно воскликнула она неожиданно для самой себя.

— Заткнись, дура! — Камаран сплюнул и выбежал вон. Но на ступенях крыльца остановился и оглянулся: Банми смотрела ему вслед круглыми от страха глазами. В нем будто щелкнуло что-то, и он повернул назад. Девушка в тот же миг поняла: это за ней! Она вскочила и кинулась бежать. С порога гостиной Камаран навел пистолет и выстрелил. Пуля настигла девушку посреди комнаты, Банми дернулась и ткнулась лицом в кресло. Камаран выстрелил еще раз, чтобы было наверняка. И, повернувшись, кинулся наружу. Черт с ней, с аппаратурой, на ходу решил он. Надо во что бы то ни стало прикончить эту бабу с выводком, а то ускользнут! Где-то справа в отдалении послышался вой полицейской sireны, он взял левее и побежал по дорожке, ведущей в кустарник, далее этот кустарник тянулся вплоть до изгороди, которой была обнесена усадьба Джиринде. Там, где дорожка уходила в сторону, он свернул и побежал через кустарник. Полицейские sireны неслись уже со всех сторон.

Камаран выругался и побежал дальше, рыская глазами по кустам. По бескровному лицу гангстера катил пот, он задыхался — бежать для него, заядлого курильщика гашиша и марихуаны, было сущей мукой.

Камаран уже совсем выдохся и перешел на шаг, когда увидал невдалеке женщину с детьми. Смахнув пот, он чуть наддал шагу. Джейн тащила на руках Ригала и Джойс, а Поль бежал впереди — он знал путь через кустарник. Не остановись Джейн при звуках донесшейся от виллы перестрелки, она, вероятно, успела бы выбежать на улицу невредимой — Камаран не догнал бы ее. Но она стояла и молила небо, чтобы муж передумал, чтобы спасался бегством заодно с ними! До желанной улицы оставалось еще немало, но сквозь редкий кустарник уже были видны дома на другой стороне. И тут Джейн услышала шум за спиной. Она обернулась. И, вскрикнув от ужаса, бросилась прочь что было сил.

Фрэнк влетел в кладовую и схватил двустволку и револьвер. Заряжать приходилось в дикой спешке. У крыльца он увидел уже не одну, а две машины. Он

успел втолкнуть в оба ствола патроны и изготовиться для стрельбы. Гангстеров было уже пятеро, с хмурыми лицами они устремились к входной двери.

Стоя у окна, Фрэнк наблюдал за ними в щель жалюзи, в ту же щель он просунул и дуло ружья. Гангстеры так торопились, что не дали себе труда поглядеть на окна. Фрэнк нажал на курок, от отдачи его с непривычки качнуло назад — давно не брал он ружья в руки. Один из молодчиков подпрыгнул и повалился на ступени крыльца. Остальные, растерянно озираясь, бросились врассыпную в поисках укрытия. Однако расторопностью они не отличались. Фрэнк нажал на другой курок, и еще один из нападавших упал на землю. Но он был жив и, с трудом встав на четвереньки, уполз за ближайший куст. Пока наступавшие находились в замешательстве, Фрэнк успел перезарядить ружье.

Спасение было не за горами. Сигнал о помощи, посланный Реймондом, был передан патрульным машинам по всему Порткано. Они получили приказ мчаться в Лобстер Клоус. Патрули, оказавшиеся в момент объявления тревоги неподалеку, уже подъезжали к месту событий.

Боеспособных гангстеров оставалось теперь лишь трое. Вой полицейских сирен раздался в тот миг, когда они предприняли вторую попытку ворваться в дом.

Фрэнк был ранен в грудь и корчился от боли — отстреливаться он уже не мог. Гангстеры пошли на приступ и принялись с ожесточением крушить стеклянную дверь. Обойти дом, чтобы зайти с тылу, им и в голову не пришло. Из-за лошадиной дозы «кайфа», выкуренного «для смелости» перед выездом, они плохо соображали. С красными, налитыми кровью глазами, они помнили твердо лишь о том, что надо уничтожить всех подряд в этом доме. А потому требуется высадить дверь! И в этот самый момент в их уши ворвался надсадный вой сирен. Полицейские машины были уже у ворот. Головорезы в ужасе переглянулись.

— Парни, кончаем! Он наверняка готов. Сматываемся! Полиция!

Сбежав с крыльца, они устремились в одну из машин. Лежавший за кустом раненый дружок слабым голосом позвал их, но им было не до него. Через несколько минут территория вокруг дома Джиринде была запружена полицией.

Увидев Джейн, Камаран торжествующе ухмыльнулся и победил вдогонку. Джейн споткнулась и упала. Поль, оглянувшись, увидел это и кинулся к ней.

— Беги прочь, Поль! Прочь! — крикнула Джейн, поднимаясь, — она по-прежнему не отпускала от себя младших детей. Поль, подбежав, схватил Джойс и потащил ее вперед; мать не воспротивилась — не было сил.

Камаран уже навел пистолет, чтобы выстрелить, но вдруг услышал где-то совсем поблизости вой сирены и непонятный рев — как будто машина преодолевает препятствие. Он остановился, озираясь. Но, увидав, что Джейн уже поднялась и убегает, Камаран выстрелил. Пуля угодила женщине в поясницу, она упала ничком, выпустив из рук Ригала.

— Бегите прочь! — крикнула она слабеющим голосом.

Камаран, спотыкаясь, устремился к Джейн, рассчитывая добить ее, а потом и детей, но в этот миг заметил полицейскую машину — со страшным ревом она неслась к нему прямо через кусты. Камаран остолбенел. Черт! Легавые с ума сошли! Прут не разбирая дороги! И он обратился в бегство.

Гангстеры, попытавшиеся спастись бегством на автомашине, на полпути к воротам разглядели, что Лобстер Клоус перегорожена патрульными машинами: их там уже ждали и готовы были открыть огонь.

На место событий прибыл Фрэнк Одоло с Кленцем. Оставив автомобиль у ограды, они подбежали к воротам. Там, укрывшись за патрульной машиной, залегли в засаде четверо из дорожной полиции.

— Вон они едут, сэр, — бросил через плечо один из них.

Но едва он произнес это, черная машина с беглецами с визгом затормозила, вильнула в сторону и, развернувшись, понеслась по цветочным клумбам назад к дому.

— Их надо догнать! Вдруг они попытаются взять заложников?! — крикнул, вскакивая с земли, Кленц. (Если только те еще живы, добавил он про себя.) И вместе с Одоло и другими полицейскими он устремился вперед, к вилле Джиринде, укрываясь при случае за кустами и деревьями. Они открыли стрельбу по удаляющейся черной автомашине, но с этого расстояния огонь из пистолетов не мог причинить беглецам вреда.

Черная машина затормозила перед домом, и трое мо-

лодчиков, выскочив из нее, кинулись к крыльцу. Кленц прицелился и выстрелил, и один из троих упал. Но затем с трудом поднялся и заковылял вслед за остальными. Кленц снова выстрелил, его примеру последовали другие.

— Не давайте им передышки! — крикнул Одоло.

Гангстеры добежали до крыльца и, обернувшись, открыли ответный огонь. Полицейские рассеялись, стараясь спрятаться за кустами. Кустарник, конечно, не лучшее укрытие от автоматного огня, но гангстеры на крыльце не имели и такого. Двое вели теперь стрельбу, а третий пытался выбить входную дверь. Но положение их становилось с каждой секундой все безнадежней — полицейские, двигаясь перебежками, уже приблизились к ним на расстояние пистолетного выстрела. Один из наступавших, вскрикнув, упал, потом другой. Но мгновением позже дернулся и повалился с крыльца уже гангстер. Двое оставшихся бросили автоматы на землю и, подняв руки, сошли вниз навстречу наступавшим — они уже не помышляли о сопротивлении.

— Эй, кто-нибудь, вызовите «скорую помощь»! — крикнул Кленц, когда арестованных под усиленной охраной уводили. На место событий прибывали все новые и новые патрульные машины, потому что по городу не был пока дан отбой.

С шефом, Майком и двумя старшими полицейскими чинами Кленц двинулся в дом. Входная дверь подалась от легкого удара — гангстеры не зря в нее колотили.

— Господи! — вырвалось у Кленца, когда он заметил на полу кровь. Правда, крови было немного. Тут же валялось охотничье ружье и несколько стреляных гильз.

— Кто-то ранен? — Шеф выглянул из-за спины Кленца. Увидав багровое пятно и брошенное рядом ружье, он тяжело вздохнул. — Фрэнк! — позвал он.

Между тем Кленц молча направился в кухню. Шеф заглянул в спальню — никого там не было. Тогда он тоже пошел на кухню, но Кленца там уже не было.

— Джек?! — Распахнув дверь на заднее крыльцо, шеф увидал Кленца — тот стоял невдалеке, у забора. Одоло двинулся к нему. — Эй, Джек, что вы здесь делаете? Куда вы собрались?

— Полагаю, шеф, они здесь прошли. Дверь с кухни была отворена, кроме того, по пути пятна крови. Очевидно, они двигались в сторону вон той улицы. — Кленц махнул рукой.

В это время из дома вышли оба полицейских и вместе

с Кленцем и Одоло двинулись по свежему следу, который вел в заросли кустарника. Всюду была кровь, они прибавили шагу, затем перешли на бег. И наконец увидели тех, кого искали.

Глава 7

Как только Фрэнк Джиринде с женой и детьми отправились на патрульной машине в больницу, Кленц и Одоло вернулись на место главных событий. Виллу Джиринде и усадьбу вокруг нее очищали от следов побоища. Полицейские убирали тела убитых. Труп привратника в той же сидячей позе, спиной к стене, что в момент убийства, все еще находился в сторожке, но на него уже было наброшено покрывало. Собрались зеваки. Некоторые женщины тихо плакали. Когда тело Реймонда подняли с земли и понесли к санитарной машине, кто-то в толпе заплакал навзрыд.

— Там обнаружено еще тело, сэр.

— Где, сержант?

— Там.— Полицейский махнул рукой на дом через дорогу. Одоло и Кленц двинулись вслед за ним.— Люди видели, как из него выбежал человек. Мы пошли посмотреть и наткнулись на убитую женщину...

Переглянувшись, шеф и Кленц переступили порог коттеджа. Тело убитой застыло в неестественно скрюченном положении между кушетками в гостиной комнате.

— Приметы выбежавшего мужчины есть?

— Да, сэр.

— О'кей, передайте их по радио. И скажите, чтобы по городу дали отбой.— Одоло повернулся к Кленцу, внимательно осматривавшему лицо убитой.— Ну как, Джек, что думаете?

— Пока почти ничего. Но, очевидно, это не шальная пуля. В нее стреляли дважды. Э! — Кленц издал вдруг неопределенное восклицание и задумчиво огляделся.

— В чем дело, Джек? — удивился Одоло.

Кленц хотел было сказать что-то, но раздумал. Чуть помедлив, он спросил:

— Кто владелец этого дома, вы знаете?

— Скоро выясним.

— Сержант, вызовите сюда экспертов, да побыстрей,— бросил Кленц. И обратился к шефу: — Нужно осмотреть комнаты.

Толкнув одну из дверей, Кленц глянул внутрь, вошел. На кровати лежала книжка в дешевой обложке. Он носовым платком взял ее и прочел написанное на ней имя: Банни Адеола. Тут его окликнул Одоло.

Он стоял посреди другой комнаты, разглядывая радио-записывающее устройство на туалетном столике. На полу чернел телефонный аппарат со съехавшей набок трубкой — похоже, ее бросили в спешке. Кленц с шефом переглянулись.

— Кажется, интересная находка, Джек,— сказал Одоло.

Кленц хмыкнул в ответ и в задумчивости оглядел радиоманитофон.

— Ага. Так я и думал. Он самый.

— Что значит «он самый»?

Но Кленц не удостоил Одоло ответом. Используя носовой платок, он включил аппарат на воспроизведение. «Здесь микрофончик, Сэм...» — донеслось из динамика. Кленц нажал на «стоп».

— Думаю, это он, шеф, их радиоманитофон. Отсюда прослушивали разговоры в доме Джиринде...— И, чуть помедлив, добавил: — Знаете, шеф, дело это мне все меньше нравится. Ну, как будто нарочно, все ключики к ларцу подсовывают, бери не хочу.

Кленц снова включил радиоманитофон. Перемотав кассету назад, он нажал на воспроизведение. Из динамика послышался голос Фрэнка Джиринде: «Быстрее, Джейн! В заднюю дверь. За забор и через кустарник — на улицу! Быстрее!» Кленц с шефом переглянулись. Далее донеслось: «А ты?.. Обо мне не беспокойся! Я попробую их задержать до приезда полиции... О Фрэнк! Бежим вместе, вместе!..» Кленц остановил магнитофон.

— Да... не знал...— проговорил Одоло, покачав головой.— Наверное, он служил в армии. Не думал я, что он такой храбрец.— Одоло смотал кассету и, вынув ее из магнитофона, положил в широкий карман пиджака.

— Думаю, что фамилия хозяина дома — Адеола. Вам это имя что-нибудь говорит? — спросил Кленц.

Шеф кивнул.

— Я знаю многих Адеола. Так его зовут Адеола?

— Видимо, да. Этой фамилией надписана книжка — я нашел ее на кровати в той комнате.

— Не похоже, чтобы хозяева действовали заодно с гангстерами. Видимо, девушку держали заложницей, а при бегстве застрелили.

Вошли увешанные фотокамерами и прочей техникой эксперты.

— О'кей, Хитлер, поработайте тут на всю катушку. Порошка не жалеть, сыпьте повсюду, чтоб ни одного «пальчика» не упустить, ясно?

— Да, сэр.

— Если появится хозяин дома, дайте знать, я его лично хочу допросить, вы поняли?

— Да, сэр.

— Отлично. Идемте, Джек.

Одоло и Кленц быстрым шагом двинулись к машине. Майк уже сидел за рулем.

— Куда едем, шеф?

Они открыли дверцы и уже собрались было сесть, когда их окликнул Мэтт. Он только что прибыл в Лобстер Клоус.

— Привет, Мэтт. Что вы тут делаете?

— Гляжу, не надо ли помочь,— виновато улыбнувшись, отозвался тот.— Что, Джиринде серьезно ранен, шеф?

— Да, серьезно. У жены ранение в поясницу, у него — в грудь, но жизнь обоих вне опасности. Мы сейчас едем к нему в больницу побеседовать.

— Я поеду с вами. Здесь мне делать нечего. Джиринде звонил из дома в Управление — предупреждал, что ему грозят расправой. Я, кажется, сплеховал, надо было быть расторопней...

— Бросьте убиваться попусту, Мэтт. Тут не ваша вина. Не могли же вы в мгновение ока перенестись с одного конца города на другой — у вас нет крыльев. Мы сделали все, что было в наших силах. Что так обернется, разве мы ожидали? Не мудрите. Вышлите кого-нибудь из своих ребят, чтоб сменили охрану в больнице.— Чуть помедлив, Одоло добавил: — Вот что, Мэтт, держите-ка свою команду наготове — ваши ребята могут скоро понадобиться.

Мэтт вопросительно посмотрел на Одоло, пытаясь понять, что же тот имеет в виду. Но бесстрастное лицо шефа было непроницаемо.

— Поехали, Джек.

Сдайся Камаран в руки полиции, может, смерть и не настигла бы его так скоро.

Он догадывался, конечно, что магнитофон, брошенный им впоыхах в доме Банми,— непростительный промах.

Он ринулся сломя голову на улицу, чтоб прикончить жену Джиринде с детьми, но и здесь не преуспел... За магнитофон его по головке не погладят! Обратившись в бегство при виде патрульной машины, Камаран долго петлял по кустам, затем, выскочив на улицу, остановил такси. Его приметы, подумал он, скоро будут переданы по радио по всему городу. Камаран вышел из такси за несколько кварталов до «зоны-7» и оставшийся путь проделал пешком. «Зона-7» — мозговой трест организации. Для появления там рядового нужны веские основания.

Камаран позвонил у ворот, и охранник, открывший окошко в двери, недоуменно и брезгливо воззрился на него, будто на глаза ему попался грязный, шелудивый пес.

— Ну чего лыбишься — не узнал, что ли? — прорычал Камаран, утирая нос рукавом, что было верным признаком нервозности. А если Камаран нервничал, от него можно ждать всякого.

— Чего тебе надо? — спокойно осведомился охранник.

— Да брось ты кобениться, дай пройти,— злобно бросил Камаран, и, наклонившись, шепнул: — На меня легавые напали. Пусти...

— А ну-ка вали отсюда. Нам тут только легавых не хватало. Убирайся!

Камаран едва удержался, чтоб не врезать охраннику кулаком по физиономии.

— Ты что, не понимаешь, что ли?! Я с Лобстер Клоус. Там полно легавых!

Охранник, переменившись в лице, открыл дверь и махнул рукой — проходи, мол. Когда Камаран вошел в дом, Ральф набирал номер телефона. Опустив трубку, он повернулся к вошедшему.

— В чем дело, Камаран? Твое место в Лобстер Клоус.

— Ага. Да только там теперь полиция — яблоку негде упасть. Я пытался...

Ральф нахмурился.

— Я что-то не понял. Где полиция?

— В Лобстер Клоус. В доме Джиринде, вокруг — повсюду. Босс, мне надо срочно нырнуть и залечь.— Камаран старался не встречаться с «боссом» взглядом.

Ральф опустил на стул. Ему стоило немалых усилий не выдать охватившей его растерянности. Полиция, черт возьми. Вот те на! Он помедлил, собираясь с мыслями, а когда открыл рот, заговорил чуть охрипшим голосом:

— Насчет нырнуть подождешь — об этом не тебе решать, а мне. Что стряслось в Лобстер Клоус? Когда и как появилась полиция?

Камаран, сглотнув слюну, рассказал Ральфу, как все было. Как он выстрелил в бежавшую жену Джиринде, как кинулся ее добить, но увидел, как прямо через кустарник к нему мчатся какие-то психованные кретины на патрульной машине. И как ему удалось от них улизнуть, прячась в кустах и высокой траве. И как он бросился назад, на свой пост, чтобы забрать магнитофон с кассетами, но увидел, что дом кишмя кишит легавыми. Было очевидно, что Ральф не поверил ни одному слову Камарана.

— Где магнитофон с кассетой, Камаран? — спросил Ральф тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Ральф не допускал и мысли, чтобы его подручный посмел оставить на месте убийства такие опасные улики. Не мог же он настолько голову потерять! Вероятно, где-то припрятал пленку — припрятал, чтобы потом шантажировать или выгодно продать!

— Простите, босс. Я думаю так: я поеду туда и заберу ее. — Камаран, разумеется, сказал заведомую неправду. В Лобстер Клоус он не сунется ни за какие деньги, он еще с ума не сошел. Он просто-напросто даст деру. Стоит ему выскочить из «зоны-7», он берет ноги в руки — и поминай как звали!

— Ты же сказал, что там в доме полно полицейских, — напомнил Ральф как ни в чем не бывало. На шее у него вздулась и подрагивала вена.

Камарана прошиб пот. До него дошло, какого он дал маху. Он облизнул пересохшие губы и опять сглотнул слюну.

— Так-то оно так, но я попытаюсь. Там можно подобраться сзади, полиция об этом не знает. — Камаран прибегнул к отчаянной лжи, но, едва проговорил, сообразил, что Ральф на нее не купится. Глаза у него лихорадочно забегали — как у крысы, загнанной в угол. Лицо окаменело. Командуя шестью десятками головорезов и убийц, Ральф знал, как с ними обращаться. Он умел их скручивать в бараний рог. Он чувал момент, когда становится горячо.

Ральф быстро выхватил из-под стола пистолет.

— У тебя есть оружие, Камаран? Вынь-ка его, — сказал он спокойно, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся. Ральф знал: в этот миг смерть грозит и ему.

Камаран удивленно вскинул брови, но повиновался — вынул пистолет и бросил его на стул.

— Что собираетесь делать, босс?

— Куда ты дел пленку и магнитофон, Камаран? Последний раз спрашиваю.

Камарана бросило в жар, потом в холод.

— Да что вы, босс? Я же сказал, там остались. Я еду и заберу, вот увидите.

— Заткнись, скотина! Бросить магнитофон! С его помощью легавые могут запросто выйти на всех нас! — Только теперь до Ральфа дошло, что Камаран сказал правду. — Убирайся с глаз моих долой.

Камаран чуял: Ральф задумал недоброе. Он подозрительно покосился на пистолет в руке «босса», облизнул языком пересохшие губы. По лицу его градом катил пот.

— Вы... Не надо этого, босс. Я честно! Клянусь вам, я...

— Убирайся, пока я не передумал, крыса чертова. Пошел вон! — Ральф наклонился вперед, вперясь в несчастного подручного тускло-стылым, мертвенным взглядом.

Камаран попятился к двери, не спуская глаз с пистолета. Ральф навел пистолет, целясь ему в лицо. Испустив вопль проклятия, Камаран резко повернулся и кинулся бежать. Но тут грохнул выстрел. Пуля пробила Камарану затылок. Он навалился на дверь и, цепляясь за ручку, осел на пол.

Не сводя глаз с мертвого тела, Ральф долго стоял, раздумывая. Каких только ублюдков не шлет ему судьба — лишь бы спутать все планы! Положение его теперь — хуже некуда. Знать бы, черт подери, как из него выпутаться! Если полиция сцапала кассету, а эта глупая крыса к тому ж наследила повсюду, вся организация может погореть! Если выцарапать кассету, положение, глядишь, и удастся поправить, а нет — всем крышка. По ней они и на него выйдут! Черт побери, операция-то обернулась полным провалом! А ведь он говорил Ричарду: не надо брать мальчишку, зачем? Эта чертова баба тогда бы ни о чем не пронюхала, все сошло бы нормально!

Зазвонил телефон. Ральф насупился и нехотя двинулся к аппарату.

— Да. Кто говорит? — мрачно сказал он.

— Ральф? Окариме хочет тебя видеть, немедленно. Предупреждаю по-дружески: он рвет и мечет... — Трубку бросили. Ральф скривился и вышел.

Ричард въехал в ворота «зоны-7» и подрулил на стоянку под навесом. Заглушив мотор, некоторое время сидел, глядя перед собой невидящим взглядом. Раскурил сигару, но, выдохнув дым пару раз, выбросил ее в окно. Выбравшись из машины, он направился в дом.

Он застал Ральфа с Вики, одной из двух девиц, обитавших в «зоне-7». При появлении Ричарда Вики вышла.

— Н-да... — хмыкнул Ричард. — Я смотрю, ты еще и на куколок время находишь!

— Мы говорили о делах, — скучным голосом отозвался Ральф.

Ричард, пожав плечами, сел.

— Да ладно... Есть известия от Адомы? — (Поль Адома, будучи старшим офицером полиции, «дружил» и с Окариме. Вся надежда была теперь на него.)

Когда Ральф явился по срочному вызову в особняк к Окариме, тот и в самом деле рвал и метал! Поль Адома только что проинформировал его, что в Лобстер Клоус его людьми арестованы молодчики Ральфа. Кто, черт возьми, так по-идиотски провел операцию?! Что Ральф собирается предпринять, чтобы поправить дело?!

После встречи с Окариме Ральф не находил себе места, он ломал голову над тем, как выбраться из создавшегося положения. Исподлобья, покрасневшими глазами он глядел на своего приятеля — надо хоть с кем-то посоветоваться, хотя знал, что Ричард для этого не совсем подходящая фигура.

— Сегодня все идет наперекосяк, — начал Ричард невозмутимым тоном. — Содома взяли, полиция усилила в больнице охрану вокруг Джиринде с семейкой. Теперь до них не доберешься, а Джиринде-то знает меня в лицо, опознать может. Какие меры думаешь принять, Ральф?

— Ну а что, по-твоему, надо сделать? — спросил Ральф. Хотя операция и сорвалась, он по крайней мере старался как мог. Зачем требовать от него невозможного?

— Это твоя забота, не моя. Ладно... говори, зачем я тебе понадобился, зачем вызвал меня? — хмуро спросил Ричард, давая понять, что советчиком по делам Ральфа он выступать не намерен.

— После разговора у босса я кое с кем связался и узнал, кто занимается делом Джиринде. Те же люди хлопочут в «Голубом лебеде». Не попробовать ли их убрать?

- Вопрос опять не по адресу. А о ком речь?
- О двух главных фигурах.
- О ком все-таки? — как бы нехотя поинтересовался

Ричард.

— Фрэнк Одоло, начальник полиции, и Джек Кленц, его приятель, частный детектив.

Ричард, подумав, спросил:

— А с ответным ударом полиции справишься?

Ральф пожал плечами.

— В таком разе придется рискнуть,— сказал он.— Тут уж ничего не поделаешь.— И, впившись взглядом в дружка, добавил: — Как, по-твоему, такое дело лучше про-вернуть? Ты думаешь, это несложно?

— Кто сказал, что несложно? — парировал Ричард.

— Ладно.— Ральф пожал плечами.— Только перестань делать вид, будто тебя все это не касается. Ты по уши в это влез. Если фирма лопнет, погоришь и ты. Я позвал тебя, потому что мне совет нужен — хочу, чтоб ты помог мне.

— Вношу поправку. Ребеночек этот твой, и только твой. Ты меня в заваруху не втягивай. Если план даст осечку, расхлебывать кашу будешь ты. Никаких советов я тебе, считай, не давал. Если что посоветую, то так, в виде одолжения,— и чтоб об этом ни одна душа не узнала, понял? Ну а теперь выкладывай. Что сам-то думаешь?

Ральф бросил на дружка долгий взгляд, исполненный злобы, и покачал головой.

— А зачем я тебя звал? Потому и позвал, что не знаю — как.

— Ну, начни со слезки,— скривившись, выдавил из себя Ричард.

— Я думал об этом, но время не терпит. К тому же Содом ранен, самые надежные парни убиты или арестованы. И времени в обрез, и людей не знаю где взять.

— Ну, тогда берись за дело сам,— заметил Ричард со скучающей миной на лице. Ральф испытующе посмотрел на приятеля.— Случай-то особый, Ральф.

— А ты, вижу, решил отсидеться в кустах: мое, мол, дело сторона?

— Что ж тут удивительного? — Ричард пожал плечами.— Ну, думаю, я тебе больше не нужен? — Он подался вперед, собираясь встать.

— «Не нужен» не то слово.— Ральф нахмурился.— Я жду распоряжений — и распоряжений от тебя.

Ричард оторопело уставился на Ральфа.

— Ты... С какой стати ты их ждешь от меня? Ты что, не слышал, что босс сказал? Твои люди заварили кашу, тебе ее и расхлебывать! А мне до этого дела нет.

— Ты слышал про ленту у той полицейской шлюхи из «Голубого лебедя»? Она теперь в руках полиции. Ты знаешь, что на ней записано. А забыл — напомню: с этой записью тебя можно в два счета засадить за решетку. Дальше — еще одна кассета, та, которую этот раззява бросил в Лобстер Клоус. Адома, будем надеяться, приберет к рукам ту и другую и нам передаст, но и мы не должны сидеть сложа руки: надо во что бы то ни стало самим попытаться заполучить их, иначе вся фирма может пойти ко дну. Тогда ведь и тебе не поздоровится.

— Ты, Ральф, верно, меня за дурака принимаешь, — сказал после некоторой паузы Ричард и, склонившись, вдавил сигару в пепельницу.

— Нет, отчего же... Если тебе жить не надоело, слушай, что скажу. Ты, голуба, думаешь, что всех облапошишь, но ты забыл — ты в этих краях чужой, а не я. Думаешь, обведешь всех вокруг пальца и унесешь ноги до того, как гром грянет? Не надейся — не выйдет. Учти, с этого момента за тобой будет ходить «хвост». Если попробуешь удрать из города или к порту сунуться, получишь пулю в затылок — и даже понять не успеешь, откуда она прилетела... Так я иду к Окариме?

— Ты что, угрожаешь мне? И не думай — не на того напал! — огрызнулся Ричард, подаваясь вперед.

— А я не угрожаю. Я предупреждаю. До сих пор мы неплохо ладили. Я просто хочу, чтоб ты понял: меня вокруг пальца не обведешь, и не пробуй.

В какое-то мгновение Ричард, казалось, взорвется и с кулаками накинется на Ральфа — его трясло от ярости. Его загнали в угол! Еще до того, как Ральф объявил о «хвосте», он этот «хвост» почуял. Чертовски дурацкое положение! И как раз в тот самый момент, когда к бегству все готово! К порту теперь не подобраться... Ричард, однако, как ни трудно это было, овладел собой и почти спокойно проговорил:

— Ну хорошо. Ладно. Свяжись с Робсоном — пусть соберет на дело своих парней.

В кабинете заместителя начальника полиции проходило созданное Фрэнком Одоло совещание. Присутствовали старшие офицеры Управления, а также Кленц.

Допросы гангстеров, арестованных в Лобстер Клоус, поначалу, как и следовало ожидать, дали немного. Бандиты были неразговорчивы. Допрашивали их по одному, но они, как сговорившись, посылали следователей к черту и говорить отказывались. На одного из них, однако, полицией еще прежде было заведено дело. Из досье узнали, что у этого типа есть подружка, от которой он без ума. Кленц поддал мысль воспользоваться этим обстоятельством. Когда гангстеру пригрозили, что на допросы по его делу будет вызвана и его возлюбленная, Карл Контега дал хотя неполные, но очень важные показания. Ему была обещана защита от мести гангстеров...

Собравшиеся на совещание прослушали три кассеты — ту, что была захвачена у Содома, ту, которую оставил на месте преступления Камаран, и, наконец, кассету с показаниями Карла Контеги. Ндим, один из присутствовавших на совещании полицейских чинов, выключил магнитофон. Слово взял Фрэнк Одоло.

— Джентльмены, я попросил вас собраться здесь, потому что для ареста такой крупной птицы, как Окариме, необходимы совершенно неопровержимые улики, а также разрешение верховного комиссара... — Начальник полиции сделал паузу, обведя взглядом непроницаемые лица присутствующих. — Итак, джентльмены, прослушав записи на этих кассетах, вы, вероятно, согласитесь, что мы располагаем более чем достаточными основаниями для его ареста. Первая запись свидетельствует о том, что между Джеральдом Окариме и неким представителем чужой страны имела место встреча. На ней обсуждались перспективы контрабандного вывоза нефти из Нигерии. Как я уже отмечал, кассета с этой записью стоила жизни одному из наших надежнейших агентов. В комментарии этого агента в конце пленки указано, что встреча произошла около двух недель назад. Мы не знаем и уже никогда не узнаем, почему эта пленка не была нам передана раньше. На второй кассете — показания арестованного Карла Контеги. Он свидетельствует, что от некоего Ральфа (фамилия которого арестованному якобы неизвестна) он получил приказ убить Фрэнка Джиринде со всей семьей. Я рассказал вам уже об инциденте, по-

влекшем за собой этот приказ. Нам известно, кто такой Ральф,— на этого человека у нас есть досье. Карл Контега признался также, что состоит на службе в преступной организации, именуемой «Мертвая хватка»,— организации, занимающейся шантажом и вымогательством. Он утверждает, что ему неизвестно, кто стоит во главе «Мертвой хватки», и у меня есть основания верить ему. Он убежден, однако, что лицо, возглавляющее организацию, владеет одновременно и отелем «Голубой лебедь». Согласно информации из других источников, гостиница эта принадлежит человеку небезызвестному в городе — Джеральду Окариме. На третьей кассете, как мы слышали, записан разговор двух достойных уважения, отважных людей. Как показала экспертиза, отпечатки пальцев, обнаруженные на кассете, принадлежат некоему Джону Камарану. Камаран — бежавший из-под стражи опасный преступник. В течение двух лет мы полагали, что этот человек убит, и вот он всплыл именно в этом деле. Надеюсь, на этот раз он от возмездия не уйдет. Как я сообщил уже в кратком донесении начальству, мой личный друг Фрэнк Джиринде однажды позвонил мне и попросил в частном порядке помочь ему — у него похитили ребенка. Подробный отчет о том, что произошло после этого, будет представлен в скором времени. Вероятно, следует поставить вас в известность, что мы приняли самые серьезные меры для обнаружения преступников: они не должны покинуть пределов страны. Мы наглухо перекрыли им возможные пути бегства по воздуху, морю и суше. Легче верблюду пролезть сквозь угольное ушко, чем этим негодьям миновать наши заслоны. В случае необходимости нам обещана помощь со стороны армии. Наконец последнее. Рассмотрев представленные улики и свидетельства, вы должны высказаться о том, следует ли в настоящее время производить арест Окариме. Благодарю за внимание.

Под одобрительные аплодисменты собравшихся Фрэнк Одоло сел. Вслед за начальником полиции должен был выступить его заместитель Поль Адома. Последний несколько замешкался от волнения, но никто из присутствующих не обратил на это внимания. Незадолго до этого совещания Окариме вышел на связь с Полем Адомой через Ральфа. Поля попросили обратить внимание на попавшие в распоряжение полиции три кассеты. Окариме, сообщил Ральф, очень интересуется этими кассетами и готов приобрести их по любой цене, какую Поль

назовет. По любой цене! Вот это да! У Поля Адомы даже в горле пересохло. В этой жизни, как и у каждого, у него были свои нелегкие заботы. Да и немудрено! Поль имел трех жен и десятерых детей (двое были «на подходе»)! Всю жизнь он, бедняга, добывал деньги на их содержание, и чем больше добывал, тем больше забот обрушивалось на его голову.

Адома и прежде сотрудничал с Окариме, но все прежние сделки были сущим пустяком по сравнению с нынешней. По любой цене, какую он назовет! Да это та самая золотая жила, о которой он давно мечтал. Теперь его ничто не остановит — он свое возьмет. Совещания он ждал, сгорая от нетерпения. Его подмывало стащить кассеты немедленно, до того, как совещание начнется. От нетерпения у него дрожали руки; чтобы скрыть от присутствующих эту дрожь, Полю пришлось опереться о стол. Но когда он наконец заговорил, голос его прозвучал твердо.

— Джентльмены, мы с огромным интересом выслушали сообщение нашего уважаемого начальника. Вы, должно быть, согласитесь: мы столкнулись здесь со случаем непростым и даже, можно сказать, деликатным.— Адома сделал паузу и оглядел собравшихся.— Возможно, я уже высказывал эту мысль раньше; позволю, однако, повторить ее еще раз: полиция города Порткано — лучшая полиция в стране благодаря бесконечной преданности делу и неутомимой энергии таких людей, таких самоотверженных патриотов, как Фрэнк Одоло и Джек Кленц...— Присутствующие поаплодировали, и Поль, в знак признательности, чуть склонил голову. Простофили! — подумал он. Это дурачье ни о чем, конечно, не догадывается.— Итак, преступники не застали нас врасплох, да и когда, собственно, они нас врасплох заставляли? Я без колебания могу утверждать, что, располагая такими свидетельствами,— Поль мрачно кивнул на лежавшие на столе кассеты,— мы можем считать, что преступники у нас в руках. Теперь мне предстоит проинформировать верховного комиссара, без санкции которого мы, как известно, не можем принять окончательного решения.— Поль на миг умолк. Ляпнешь одно неверное слово — и пропал! — Мне надо будет отвезти ему эти кассеты — прежде, чем принять решение, комиссару следует их прослушать.— Поля прошиб пот. Не слишком ли торопливо он говорит? Не слишком ли напирает на кассеты? Не выдает ли его лицо? Поль посмотрел на кол-

лег — нет ли в их глазах недоверия или сомнения? Нет, ничего такого вроде бы не было. Но ведь все они, подумал он, профессионалы и умеют скрывать свои чувства.— Итак, с вашего позволения, джентльмены, я беру эти кассеты и возвращаю их завтра утром, после посещения верховного комиссара.

Поль сел, отирая платком пот, катившийся градом по его жирному лицу.

— Думаю, эти кассеты — вещь взрывоопасная, сэр. Вам понадобится охрана,— заметил Кленц.

Поль задержал платок у лица секунду-другую. У него лихорадочно заколотилось сердце, никогда в жизни ему не доводилось испытывать такое сердцебиение.

— Охрана? — переспросил Поль, посмотрев Кленцу прямо в глаза, затем окинул быстрым взглядом остальных присутствующих.— Думаю, в ней нет необходимости.

— Я считаю, Кленц прав,— сказал Одоло.— Эти типы могут попытаться захватить кассеты на пути. Этого нельзя допустить.

— Кто же попытается их захватить? — спокойно осведомился Поль. Преодолев растерянность, он почувствовал себя уверенней.

— Банда Окариме,— не повышая голоса, ответил Одоло. Нет, никаких подозрений относительно Адомы у него не возникло, просто он не хотел вступать в спор с человеком ниже его рангом.— Для них эти кассеты драгоценная добыча, тут и спорить не о чем. Если эти типы шли на убийство ради одной из них, то ради трех они тем более пойдут на убийство, если представится случай.

Над столом повисла тишина — наступил решительный момент. Поль лихорадочно соображал, как быть, стараясь не выдать волнения. Глаза всех обратились на него.

— М-м... Я повезу кассеты комиссару не завтра, а сегодня вечером. Да и откуда им знать, у кого из нас находятся кассеты? — Поль обвел взглядом присутствующих и успокоился. Нет, никто его ни в чем не подозревает. Он решил пойти чуть дальше.— Нас здесь пятеро, все мы, за исключением Джека, служим в полиции, но Джека, хоть он и частный детектив, можно считать за своего. Неужели среди нас может быть предатель? Смешно и говорить.

Когда, по окончании совещания, все разошлись, Адома довольно долго сидел за столом, поглядывая на драгоценные кассеты. Ему хотелось смеяться, хотелось пуститься

в пляс от радости. Ура, завтра он разбогатеет! Он будет по-настоящему богат! Прошло минут десять. Поль вложил кассеты в коричневый пакет, запечатал, спрятал пакет в сейф, а сейф запер на ключ.

Он протянул руку к телефону, собираясь позвонить Ральфу, но тут в голову ему пришла занятная мысль. Он отложил разговор с Ральфом на потом, а сейчас, сняв трубку внутреннего телефона, соединился с кабинетом Фрэнка Одоло.

— Приветствую вас, шеф,— начал он.— Боялся, что уж не застану вас.

— Я только что вошел в кабинет. Чем могу служить?

— Вот о чем я хочу сказать — насчет охраны, о которой Кленц говорил. Знаете, я подумал хорошенько и пришел к выводу, что охрана все-таки нужна. Кленц прав. Эти кассеты — штука опасная...

— Рад, что вы вовремя передумали. Хорошо, об охране я распоряжусь.— В голосе шефа послышалось облегчение.

— Да, пожалуйста.

— Когда выезжаете?

— Это не только от меня зависит, но полагаю, что около восьми.

— Хорошо. С моей стороны промедления не будет.

Долгожданный телефонный звонок настиг Ральфа, когда он направлялся в туалет. Целые сутки Ральф с нетерпением ждал этого звонка — целые сутки нервы были натянуты как струна, раздражение нарастало. Все зависело теперь от того, позвонит ли Поль Адома и, если позвонит, что скажет.

— Да, Ральф слушает,— коротко бросил он и затаил дыхание.

— Вы, я понимаю, с нетерпением ждете вестей от меня.

— Не тяните. Что скажете?

— Ну, все кончено...— Поль, при случае, любил выражаться туманно, полагая, что это прибавляет вес его словам.

— Что значит «все кончено»? — резко спросил Ральф.

— Интересующие вас предметы в моем распоряжении.

Ральф перевел дух. Отлично, иуда! Дело на мази.

— Когда же мы их получим?

— Когда я могу увидаться с «О»?

Ральф нахмурился, глаза беспокойно забегали.

— Что-что?

— Я говорю: когда я увижусь с «О»? — терпеливо повторил Поль.

— Вам с ним видаться незачем. Дело будете иметь со мной, о'кей?

Окариме предупредил Ральфа, чтобы тот его не беспокоил по пустякам. Добудь кассеты, наказывал он. На деньги не скупись. Играй по уговору и быстро докладывай результат. Теперь в трубке воцарилось молчание — Поль размышлял над сказанным. В конце концов, решил он, мне все равно, с кем иметь дело, лишь бы деньги были уплачены.

— Ну ладно. Я говорю из автомата в нескольких шагах от французского посольства. Тут и встретимся. Потом найдем, где поговорить, о'кей?

— Хорошо, идет.— Бросив трубку, Ральф схватил шляпу и выбежал на улицу. Минутой позже его автомобиль выехал из ворот «зоны-7».

Ральф не подозревал, что за ним уже ведут наблюдение. На совещании в полиции шеф лишь в общем виде упомянул о принятых мерах безопасности, не вдаваясь в детали. Не упомянул он, в частности, и о том, что у некоторых «лежбищ», принадлежащих «Мертвой хватке», размещены агенты в штатском. Напротив «зоны-7» в пустующей комнате на втором этаже жилого дома дежурил Тимоти.

Он расположился на подоконнике — справа, на другой стороне улицы, была хорошо видна «зона-7». Наблюдение можно было вести даже без бинокля. Тимоти провел на посту уже около трех часов. Он был вооружен и имел при себе портативную рацию.

В нескольких сотнях метров отсюда — там, где улица выходила на магистрали Рими и Огор,— стояли наготове полицейские машины без опознавательных знаков. Им было приказано ждать указаний от Тимоти.

Заметив, что из ворот «зоны-7» выехал «бьюик» и повернул в направлении Рими, Тимоти немедленно связался по радио с машиной, дежурящей у поворота на магистраль. За рулем машины сидел Дэниел, рядом — Осоло Гатна. Оба они пребывали в веселом настроении. Гатна

только что язвительно прошелся по поводу двух девиц, экстравагантные одеяния которых едва прикрывали наготу. Легкомысленно перепархивая через оживленную улицу, подружки чуть было не угодили под голубую «симку».

Внезапно подала признаки жизни рация.

— Западный пост слушает,— бросил в микрофон Гатна, по инерции все еще улыбаясь.

— Внимание... черный «бьюик»... номер И-би-си тридцать один двести десять... только что выехал в вашу сторону.

— Роджер, вас понял, отбой.— Гатна повернулся к Дэниелу.— Заводи. Ты слышал, что было сказано: едет сюда.

Дэниел включил зажигание. Через несколько секунд на магистраль Рими вылетел черный «бьюик» и взял курс на север. Дэниел рванул с места и устремился за ним. Он сумел, не привлекая к себе внимания, пристроиться за «бьюиком» на расстоянии трех машин. Дэниел с Гатной не знали, разумеется, кого они преследуют, их задача состояла лишь в том, чтобы вести слежение за указанной машиной. Неподалеку от перекрестка автомобиль, ехавший впереди, вдруг сломался и перегородил путь. Его невозможно было объехать из-за непрерывного встречного движения, и Дэниел был вынужден терпеливо наблюдать за тем, как «объект» уходит все дальше вперед. По счастью, задержка оказалась недолгой, и им удалось нагнать «бьюик» у светофора. Вскоре после этого «объект» внезапно свернул в боковую улочку.

Чтобы не обнаружить себя, пришлось рискнуть — Дэниел свернул в параллельную улочку. На другом ее конце, у поворота на улицу Исоко, они поволновались: появится ли здесь «объект»? «Бьюик» появился, по-прежнему держа курс на север. Дэниел снова сел ему «на хвост».

В конце Исоко «бьюик» свернул направо. Еще минут пять движения в густом потоке автомашин, и «объект» затормозил перед телефонной будкой вблизи французского посольства.

— Собирается звонить? — сказал Гатна. Они остановились неподалеку, в переулке.

— Все может быть. Но неужто он весь этот путь проделал, чтобы из автомата звякнуть? Не хитрость ли это? Может, он нас засек?

— Дэн, гляди! — изумленно воскликнул Гатна.

Но Дэниел и сам уже заметил то, из-за чего пришел в изумление его напарник.

Они увидели Поля Адому — его грузную фигуру они без труда узнали бы и не с такого расстояния. Поль вышел из телефонной будки. Недоумевая, Дэниел и Гатна проследили за тем, как он уселся в черный «бьюик» и тот, не мешкая, рванул с места.

— Кассеты при вас? — спросил Ральф, как только Поль Адома расположился на переднем сиденье. Ральф переключил скорость и дал газ.

— Неужели вы думали, что я их с собой захвачу? Ральф бросил на Поля колючий взгляд.

— То есть?

— Почему вы решили, что я приеду прямо с товаром?

— А что, не доверяете?

— Доверяю. Почти как родному сыну. Кто сказал, что я не доверяю?

Ральф посмотрел на соседа искоса и пожал плечами.

— Ну ладно, понял, нет так нет. Но возникает вопрос: а может, их у вас вообще нет? Кто докажет, что есть?

— Придется поверить мне на слово. А нет — так подыскивать другие варианты, — отрезал Поль безапелляционно.

— Какие это варианты?

— Их у вас нет. — Поль посмотрел в окно со скучающей миной.

Ральф поморщился. Ах ты, жирный урод, подумал он, ну, погоди, я с тобой посчитаюсь.

— Ну ладно. Разговаривать будем здесь или, может, другое место предложите?

— Согласен здесь. — Поль ждал, когда речь пойдет о деньгах.

— Сколько же за них просите, за все три? — Ральф бросил на соседа быстрый взгляд.

Поль Адома глубоко вздохнул. Наконец-то!

— Товар стоит восемьдесят тысяч найр.

— Когда получим товар?

Поль с изумлением посмотрел на гангстера. Он что, с ума сошел — вот так запросто выложит восемьдесят тысяч?! Да Поль расстался бы с кассетами и за половину этой цены! Хотя что уж он так печется о чужих деньгах!

— Взять их — дело не совсем простое, — проговорил он, стараясь не выдать своего ликования.

— Ну-ну, слушаю. Когда же все-таки и что значит «не совсем простое»?

Поль поежился. Он знал, конечно, что задуманный им план передачи кассет таит в себе элемент риска. Но за восемьдесят тысяч стоит рискнуть — а как иначе?

— Я повезу кассеты комиссару сегодня вечером. Из дома выеду в восемь. Тут-то, на пути, вы их и возьмете...

Ральф нахмурился. Свернув в какой-то проулок, он затормозил и заглушил мотор.

— Не понял... Что значит «тут-то вы их и возьмете»? Вы нам их продаете — значит, сами передаете...

— Ну, знаете ли, я такое не могу себе позволить. Сделка все-таки у нас не обычная.

— Ну-ну, слушаю, что же дальше?

— Ухмылочку-то попридержи — твою мерзопакостную физиономию она не красит... Что у тебя на уме?

— Да вам не понравится. Давайте выкладывайте ваш план, тогда скажу, что у меня на уме...

— Ты разговариваешь не с кем-нибудь, а с представителем полиции. Если будешь дурака валять, pošлю тебя куда подальше. Заруби это себе на носу.

— О чем вы, не понимаю...

— Отлично все понимаешь, не прикидывайся, — отрезал Поль решительно.

— Ну хорошо. Зарублю себе на носу. — Ральф презрительно улыбнулся. Он не первый раз имел дело с Полем Адомой. Дважды пробовал его «зацепить», но оба раза пришлось ретироваться.

— Я выезжаю из дома ровно в восемь, как сказал. Поеду по улице Бэррак, затем по Риф, далее поворот на улицу Георга. Здесь-то вы и вступаете. На перекрестке Риф и Георга пусть выскочат ваши парни — нападут на меня, захватят кассеты. Пусть стукнут меня чуть-чуть, но только без глупостей — чтоб я цел остался... — Поль подозрительно глянул на гангстера.

И не зря.

Ральф подумал, что этого жирного легавого хорошо бы кончить раз навсегда на том перекрестке.

— Если товар забирать таким макарон, цена за него будет тысяч пятьдесят, никак не больше, — объявил Ральф.

— Вот как! — Поль схватился за ручку дверцы. —

Экий мошенник. Раз так, покупай кассеты у кого-нибудь другого. Я выхожу!

— Напрасно спешите, пораскиньте мозгами. Мы на вас теперь так и так нагрянем — препятствий-то никаких. Вы свои планы поменять уже не можете, верно? Или у вас есть другие варианты? Так что пятьдесят тысяч — окончательная цена. Берите, деться вам все равно некуда.

У Поля внутри все похолодело. Надо было предусмотреть такой поворот! Но каков мерзавец этот Ральф, а?

— Если ты попытаешься меня надуть, смотри, сукин сын, это даром тебе не пройдет,— проговорил Поль сквозь зубы.

Оба в течение нескольких мгновений с ненавистью взирали друг на друга, вид у них был такой, будто они вот-вот кинутся друг на друга с кулаками. Красноватые лучи клонящегося к закату солнца подчеркивали свирепое выражение лиц. Затем наступила разрядка — Поль без слов признал, что проиграл.

В кабинете начальника полиции раздался телефонный звонок. Шеф подумал, что это, должно быть, Джек — Кленц уехал минут двадцать назад и обещал позвонить из своего сыскного бюро. Но звонил Гатна.

— Алло... Да?

— Сэр, у нас тут происходит что-то непонятное. Мы вели слежение за «объектом». «Объект» остановился около французского посольства. И тут мы увидели, как к нему в машину садится заместитель начальника полиции. Мы в полной растерянности — нужны ваши распоряжения, сэр. Прекращать наблюдение или... словом, мы не знаем.— Гатна на мгновение замолк.— Алло, алло...

На другом конце провода на несколько секунд воцарилось молчание. Одоло застыл с трубкой в руке. Обретя наконец дар речи, он проговорил чужим, надтреснутым голосом:

— Назовите еще раз свою фамилию.— Он прилагал немалые усилия, чтобы скрыть волнение.

— Капрал Гатна, сэр.

— С вами кто?

— Дэниел, сэр.

— Так. А вы уверены, что видели именно заместителя начальника полиции? — проговорил Одоло безучастным, холодным тоном.

— Но я не понимаю, сэр... Я работаю в полиции уже...

— Не о понимании речь. Так вы уверены? — терпеливо допытывался Одоло.

— Да, сэр.

— Откуда звоните?

— Из телефона-автомата у магазина «Кингсуэй», улица Никоро, сэр.

— Где сейчас находится «объект»?

— В проулке около улицы Ребен.

— Ясно. Передайте Дэниелу: слежение прекратить и немедленно прибыть ко мне для рапорта. Будьте осторожны, вы должны остаться незамеченными. Вы за это отвечаете, ясно?

— Есть, сэр.

Положив трубку, Фрэнк Одоло сел. В течение нескольких мгновений он сидел не шевелясь, ни о чем не думая. Он, казалось, забыл обо всем на свете. Постепенно он вернулся к реальности. Не может быть, думал он, какое-то недоразумение... Конечно, как говорится, в семье не без урода, но когда урод заместитель начальника полиции — это уже катастрофа! Как взяться за это дело? С чего начать? Надо было срочно что-то предпринимать. Он позвонил Мэтту — в чрезвычайных ситуациях старший состав всегда дежурит, чтобы быть под рукой.

Затем Одоло решил связаться с Кленцем. Кленц обещал позвонить, когда приедет к себе в бюро, но пока не звонил — значит, еще не доехал. Можно, однако, передать весточку через секретаршу. Если история с Адомой правда, ему без Кленца не обойтись. Боже мой, ну и дела!

— Алло, Одоло говорит, — сказал он секретарше, и та, к его удивлению, тут же соединила его с Кленцем. Кленц, оказывается, уже вернулся. — Вы же обещали позвонить, — упрекнул друга Одоло.

— Да что ж такое, ей-богу, — недовольно начал Кленц. — Нет мне покоя ни на минуту! Я иногда думаю, шеф, а не взять ли мне прямо в свои руки ваши бразды правления, а?

Последовало короткое молчание. Одоло решил пропустить ворчание друга мимо ушей. Чуть помедлив, он сказал:

— Ситуация сильно осложнилась, Джек. — Ему не хотелось вдаваться в подробности по телефону.

Кленц хмыкнул.

— Что, кто-то спикировал не туда? — вдруг спросил он.

У Одоло даже дыхание перехватило. Что Джек Кленц парень мозговитый, он и без того давно знал. Но есть же всему предел!

— Откуда вы знаете? — изумился Одоло.

— По вашему голосу — такого убитого голоса я давно не слышал. Так я угадал?

— Ну, почти. Джек, быстрее приезжайте. Десять минут вам даю. Не успеете — застанете лишь конец истории, сами жалеть будете.

— А вы мастер насаживать наживку на крючок, этого у вас не отнимешь. Ладно, еду!

Глава 9

На город опустился вечер. Майк вел автомашину, в которой находились четыре пассажира: Кленц, Одоло и двое оперативников из команды Мэтта. И Майк, и пассажиры были готовы к бою. Перед ними стил автомобиль с заместителем начальника полиции Полем Адомой, следующим к резиденции верховного комиссара. Адома вез с собой три кассеты.

В последнюю минуту шеф объявил своему заместителю, что они с Кленцем поедут следом за ним в машине сопровождения. Известие повергло Поля в полное замешательство. Он был ошеломлен, он был зол.

— Да ради бога! Но, по-моему, в этом нет ни малейшей необходимости, — раздраженно бросил он, когда сообразил, что переубедить шефа ему не удастся. Что-то случилось, но что? Поль терялся в догадках. — Неужели у вас нет дела поважней, шеф?

— Нет дела поважней, — твердо отвечал Одоло, и было видно, что он уступать не намерен. — Да я же объяснил вам: мы едем так, на всякий случай, — добавил он, как бы извиняясь. — В резиденцию комиссара мы с вами не пойдем. Но мы не можем себе позволить легкомысленно отнестись к этим кассетам, понимаете?

— Ну да, понимаю, — отозвался хмуро Поль. Что же делать? Не может же он взять и приказать шефу — мол, оставьте меня в покое! Настаивать — значит вызвать подозрения. От волнения Поль весь взмок. Переменить план уже нельзя, и Ральфа предупредить тоже невозможно! — Просто я чувствую себя не в своей тарелке, шеф, — вы меня водите на поводьях, как ребенка. — Поль бросил на Одоло вороватый взгляд. — Вы думаете, что-то

может случиться? Но почему? Никто ведь не знает, что мы повезем кассеты к комиссару.

— Ничего я не думаю. С нашей стороны это просто предосторожность, всякое бывает. Из-за этих кассет уже кой-кого убили. И, если представится случай, убьют еще. Этого нельзя допустить.

В конце концов Адома, пожав плечами, сдался.

— Ну, делайте как знаете.— Тяжело ступая, он двинулся к машине.

Я-то знаю, что делаю, голубчик, подумал Одоло, направляясь ко второму автомобилю.

И вот они в пути, едут уже по улице Риф. Мэтту поручено обеспечить охрану и поддержку вдоль всего маршрута. На улицах в районе их следования должно находиться необходимое число патрульных машин. Им приказано заниматься обычным патрулированием, но вместе с тем быть постоянно начеку. В случае тревоги они должны немедленно мчаться в указанное место.

Кленц сказал:

— Дело, я полагаю, начнется на улице Георга или на углу улицы Риф. Для них это самое удобное место.

— Наверное,— рассеянно отозвался Одоло, вытирая рукавом вспотевшую шею. Пот градом катил с него, несмотря на свежесть прохладного вечернего ветерка. И он, и Кленц, напрягая глаза, внимательно всматривались в оживленную, ярко освещенную улицу — не пропустить бы момент...— Может, рискнем и свяжемся с ним по радио? — предложил Одоло, не отводя взгляда от окна.

— Разговор могут перехватить — надо было раньше договориться о коде. Теперь поздно.

— Да... Гляди!

Все произошло так стремительно, что позднее трудно было восстановить последовательность событий. Внезапно из плохо освещенного проулка, выходящего на улицу Риф, раздались автоматные очереди. До поворота на улицу Георга оставалось еще два квартала, где, как казалось, скорее всего, и должно было произойти столкновение, и потому почти все были застигнуты врасплох. Машина с Адомой с визгом затормозила и, вильнув в сторону, ткнулась в водосточную канаву. Один только Майк мгновенно среагировал на ситуацию.

Резко бросив машину вбок, чтоб не попасть под пули, предназначенные впереди шедшему автомобилю, Майк направил ее в проулок, откуда шла стрельба. Одоло и Тимсон, один из оперативников Мэтта, успели открыть

огонь по гангстерам, которые были застигнуты врасплох, не ожидая появления второй полицейской машины. В те же мгновения позади машины Поля Адомы с грохотом разорвалась граната; попади она точно в цель, машину разнесло бы на куски. В проулке, у дверей ближайшего дома, притаился черный лимузин. Из него тоже дали несколько очередей — теперь по автомобилю Кленца.

Кленц, Одоло и остальные успели пригнуться. На них посыпались осколки стекол, но серьезно никто не был задет.

Гангстеры, ведшие огонь из проулка, при виде несущейся на них автомашины бросились врассыпную, но один упал, скошенный пулей. Майк ударил по тормозам и, едва не положив машину на бок, на крохотном пятчке развернулся и газанул в бок черному лимузину. Удар со скрежетом — и пассажирам лимузина стало не до стрельбы.

— Выскакиваем! — крикнул Кленц.

Гангстеры в черном лимузине оказались в ловушке — они могли воспользоваться только двумя дверцами и мешали друг другу. Пока они вылезали, бравая четверка уже стояла над ними с автоматами на изготовку.

— Бросай оружие! — рявкнул Кленц.

И в этот момент молодчики, разбежавшиеся было при внезапном появлении машины Кленца, пришли в себя и открыли стрельбу по полицейским. Но парни из команды Мэтта были готовы к атаке и открыли ответный огонь из крупнокалиберных автоматов.

Между тем Поль Адома и его шофер пытались выбраться из покореженной взрывом машины. Ее правое переднее колесо повисло над водосточной канавой, а зад машины был вмят внутрь взрывом гранаты. Шофер был ранен осколком в плечо.

Пока шеф и Кленц со своими ребятами держали под прицелом гангстеров из черного лимузина и отстреливались от тех, что укрылись неподалеку, около Поля Адомы, выбравшегося наконец наружу и озиравшегося по сторонам в поисках укрытия, с визгом затормозил черный «бьюик». Заметив его, Поль бросился бежать. Раздался выстрел. Адома дернулся на бегу и рухнул на мостовую. Какой-то тип выскочил из «бьюика» и, схватив выпавший из рук полицейского предмет, кинулся назад к распахнутой дверце. Кто-то из парней Мэтта заметил это и дал очередь по бегущему. Пуля настигла его, когда он уже наполовину скрылся в машине. Дернувшись, он упал

внутри. «Бьюик» рванул вперед, но путь оказался перегорожен автомобилями, брошенными в суматохе своими владельцами.

— Смотри, куда едешь! — заорал Ральф водителю, но было поздно. Ральф решил руководить операцией сам во избежание провала, но внезапное появление целой оравы полицейских в его планы, конечно, не входило. Вот оно как! Адома знал, но не предупредил, скотина. Так получай пулю, иуда! Так было и будет со всяким, кто попробует обмануть Ральфа. И кассеты теперь у него в руках. Это — главное...

Шофер «бьюика» понадеялся, что проскочит между двумя машинами, брошенными на дороге, но зазор оказался слишком узким, и «бьюик» с налету со скрежетом застрял между ними.

— Скотина, куда ж ты прешь! — заревел Ральф и в тот же миг сообразил, что они в ловушке. Он крутанулся как ужаленный и рукояткой пистолета выбил заднее стекло. К машине бежала группа полицейских с автоматами. Ральф выстрелил, почти не целясь. Кто-то из бежавших вскрикнул и упал. Но тут остальные открыли ответный огонь, и Ральф не увернулся от пули. Да в «бьюике» и негде было уворачиваться от пуль — мешал скрючившийся на заднем сиденье раненый подручный. И не успел Ральф второй раз выстрелить, как ему разомозжило голову — кто-то из полицейских, чтобы обезопасить себя и товарищей, не пожалел патронов и выпустил в темное нутро «бьюика» всю обойму.

К этому моменту все улицы и проулки вокруг места событий были блокированы полицией. Патрульные машины с включенными сиренами устремились со всех сторон к улице Риф. Ральф в любом случае далеко бы не ушел — его шансы были равны нулю.

Кто-то из прибывших полицейских подошел к лежащему на дороге заместителю начальника полиции. Поль Адома был мертв.

Около полуночи Кленц добрался наконец до дома. Господи, до чего же он устал! Ну и вечерок нынче выдался, такого давно не было. Окариме они взяли тепленького, прямо во «дворце»: располагая такими уликами, арестовать можно было бы даже и самого папу римского. Когда полиция нагрянула в особняк на улице Одудува, Окариме давал обед, на который был приглашен весь

подпольный свет Порткано. Гости были ошеломлены, когда полицейские прямо у них на глазах увели хозяина дома.

Но Ричарда им найти не удалось. Он как сквозь землю провалился. Похоже, этот тип сумел-таки улизнуть из страны. Кленц возглавил группу, занявшуюся его розыском. К делу подключили даже военных. И вот Кленц вырвался наконец домой перекусить и передохнуть — вторые сутки подряд ему не удавалось поесть по-человечески.

Кленц вошел в дом и, не заперев еще входную дверь, почувствовал что-то неладное. Он протянул руку к выключателю. Странное ощущение усилилось. Но он был голоден, измотан, и неохота было обращать внимание на мимолетные ощущения. Кленц включил свет и вошел в гостиную. То, что он там увидел, как ни странно, не удивило его.

На софе сидел, развалившись и усмехаясь, Ричард Стонберд собственной персоной. На столике рядом — стакан и полупустая бутылка виски. Гость, похоже, был «под парами». В руке он держал пистолет. Пьян-то он пьян, подумал Кленц, но с пистолетом шутки плохи, особенно если он наведен тебе в грудь. Лицо гостя расплылось в гаденькой улыбке.

— Заходите-заходите, мистер Кленц. Я вас давно поджидаю. Вы не против, что я тут... сам угостился? — Гость перехватил взгляд, брошенный Кленцем на бутылку. — В холодильнике такое изобилие, ах, что я подумал, от вас не убудет — вы ведь один живете...

— Нет, не против, но кто вы такой? — сказал Кленц. Если он и испытывал страх, то вида не показывал. Он, конечно, узнал Ричарда (в полиции ему показали фотографии и словесный портрет), но время потянуть не помешает.

— А я-то думал, вы меня ищете. Чем же я провинился, ума не приложу. Хотите, чтобы я представился?

— Что вам тут надо?

— О... не желаете ли присесть, мистер Кленц? У вас, верно, денек был не из легких.

— Вы на мой вопрос не ответили: что вам тут надо? О прочем не беспокойтесь.

Ричард пожал плечами.

— Ну, как знаете. — Он откинулся на спинку софы — пистолет в руке его не дрогнул. Судя по всему, Ричард решился на жизненно важный для себя шаг. — Я хочу

выехать из страны, мистер Кленц. И вы мне в этом можете.

Кленц нахмурился.

— Вы сошли с ума.

— Да? А что ж, по-вашему, мне делать — могилу, что ли, себе рыть?

— Да с чего вы взяли, что я соглашусь на такое? Я просто сдам вас в руки полиции, и дело с концом. И с удовольствием погляжу, как вас повесят, Стонберд, за все ваши грехи.

Ричард пристально посмотрел на Кленца. Да, этот полицейский не шутит.

— Удовольствие откладывается! Ты меня отсюда вывезешь — вывезешь как миленький, ты понял, Кленц?! — Лицо Ричарда перекосилось от злобы. От прежней вкрадчивости не осталось и следа. — Ты меня вывезешь, будь уверен! Сейчас объясню. Фред! — крикнул он.

Дверь спальни распахнулась, и в комнату втолкнули Розу, секретаршу Кленца. Руки у нее были связаны за спиной чулком. Вслед за ней с пистолетом в руке ввалился в комнату тот, кого звали Фредом, вдрызг пьяный. Кленц почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Он сделал непроизвольное движение вперед.

— Роза, что они с тобой сделали!

— Стой, где стоишь, не дергайся! — бросил Ричард, снимая пистолет с предохранителя. — Будешь дергаться, пристрелю обоих. — Ричард свирепо поглядел на Кленца. — Ты понял? Ты вывезешь меня, и тогда Фред ее отпустит — он будет ждать моего звонка с границы. Если до шести утра не позвоню, он ее прикончит.

Кленц покачал головой.

— Я думал, вы человек неглупый, мистер Стонберд. Вы же должны понимать, что мы не далеко уедем, а уж до границы наверняка не доберемся. Любой знает вас в лицо. — Кленц придумывал доводы на ходу.

— Это точно. Ну и что с того? Как только выберусь из этой паршивой страны, я свободен. А вы — мой билет на свободу.

— Но полиция перекрыла все выезды из Порткано, а теперь контроль устанавливается по всей стране.

— Это ваша забота, мистер Кленц. Про девочку-то не забыли? Время не ждет. Придумайте выход, это вам по силам. — Ричард помолчал в раздумье, затем, усмехнувшись, взглянул на Кленца. — Вот что, мистер Кленц. Снимите-ка трубку и позвоните своему другу начальнику поли-

ции. Скажите ему, у вас, мол, есть дело за пределами страны и вам нужна полицейская машина. Поняли мою мысль?

— И вы думаете, начальник полиции купится на такую чушь?

— Забота ваша. Он даст вам машину, вы же с ним давние друзья.— Ричард вытер рукавом пот со лба.

— Обещаю вам, Стонберд: от меня все равно не уйдете. Даже если теперь вам удастся бежать, я потом вас достану. Можете не сомневаться.

— Может, да, а может, нет,— пожал плечами Ричард.— Ну так будете звонить или нет? Время-то идет.

Кленц посмотрел на часы. Уже за полночь. Чтобы добраться до границы к шести часам, надо гнать как угорелому — иначе можно и не успеть. Направляясь к телефону, Кленц прикидывал, не попытать ли счастья — броситься на Ричарда и разоружить его. Нет, слишком рискованно. Он взглянул на Розу и ободряюще улыбнулся.

Кленц взял уже трубку, как вдруг в голову ему пришла неожиданная мысль. Обернувшись к Ричарду, он проговорил:

— Интересно, Стонберд, что же будет с вашим дружкой Фредом, когда вы улизнете, а? Он же в западне окажется. Что он, настолько глуп, что не понимает этого?

Кленц произнес свою убийственную фразу, уголком глаза наблюдая за Фредом. У того по физиономии будто пробежала тень сомнения, но и только. Может, он так пьян, что не понимает смысла произнесенных слов, подумал Кленц.

— Вы дадите деру, а его ведь возьмут как сообщника и...

— Заткнитесь! — рявкнул Ричард, с опаской глянув на Фреда.— Вы звоните или нет — последний раз спрашиваю?

Кленц снял трубку. Конечно же, Фред расслышал, о чем речь, и не реагирует лишь потому, что пьян или туп.

— Смотрите, чтоб по телефону без глупостей, слышите? Будете дурака валять, пристрелю.

Ричард встал над Кленцем, угрожая пистолетом. Кленцу снова пришлось побороть искушение броситься на Стонберда. Он набрал мало кому известный номер начальника полиции. Ричард с безопасного расстояния внимательно следил за каждым его движением. Фрэнк Одоло снял трубку.

— ...разорвет меня на куски! — услышал Кленц голос шефа. Одоло, видно, с кем-то беседовал.— Алло, Управление полиции слушает...

— Это я, шеф,— начал Кленц. Ричард, не сводя с него глаз, подался вперед. Если б мы были один на один, подумал Кленц, я бы его за горло взял — момент подходящий.— Шеф, у меня тут обнаружилось кое-что — придется мне стонять через границу. Это в связи с делом о гашише... Вы не могли бы дать мне машину?

— Да что с вами, Джек! Сейчас не до этого, сами знаете. Что такое...

— Знаю, шеф. Но дело неотложное. Вернусь завтра к полудню.

Кленца подмывало вставить пару кодовых словечек, но он удержался от этого — слишком рискованно. Ричард, держа палец на курке, следит за каждым словом, да и этот пьяный болван тоже с «пушкой».

Фрэнк Одоло, помолчав, заметил:

— Вы врете, Джек.

— Ну разумеется! Зачем я буду вам врать?

— Так-так, Джек. Я вас понял, Джек. Нужна машина с шофером?

— Нет, шофера не надо, я поведу сам.

Фрэнк Одоло осторожно положил трубку на рычаг. Вид у него был задумчивый. Он проговорил устало, обращаясь к Мэтту — тот сидел за столом напротив:

— Мэтт, мне кажется, Джек попал в какую-то историю.

— Зачем ему машина? — хмуро поинтересовался Мэтт. (Мэтт и Кленц друг друга недолюбливали.)

— Я сам не знаю. Говорит, у него появилось какое-то дело, из-за которого ему надо побывать по ту сторону границы. И еще: он сказал, что сам ее поведет.

— Может, у его шофера выходной? — Мэтт не проявлял интереса к странной просьбе Кленца.— Шеф, газетчики ждут. Что мне им сказать?

— Ничего, подождут.

Одоло судорожно обдумывал новость. Звонок Кленца его не на шутку обеспокоил. Он знал, Кленц никогда не попросит полицейскую машину для своих личных дел. Для чего ему нужна именно полицейская машина? Очевидно, для того, чтобы беспрепятственно пройти контрольные пункты. Но зачем ему понадобилось так срочно ехать за границу? Здесь явно что-то не так. Но что? Что именно? Надо проверить, решил он.

— Мэтт,— сказал Одоло, стараясь не смотреть Мэтту в глаза. Он знал, что Мэтт страшно устал.

Мэтт вопросительно глянул на шефа.

— Да, сэр?

— Возьмите-ка своих ребят. Думаю, в доме Джека случилось что-то неладное. Поедем проверим. А машину, само собой, тоже вышлем.

— Да? А со мной что будет? Со мной что, как с последним дерьмом можно?

Кленц и Ричард, ожидавшие прибытия полицейской машины, устали на внезапно подавшего голос Фреда. Фред разговаривал как будто сам с собой, ни на кого не глядя. Он стоял, прислонившись к стене у двери в спальню, держа пистолет в опущенной руке. Заметив, что на него обратили внимание, Фред, пьяно насупившись, устался на Ричарда.

— О чем это ты, черт подери, бормочешь? — Ричард попеременно бросал взгляды то на Фреда, то на Кленца. Кленц заметил, что в глазах Ричарда мелькнул страх.— Что ты там мелешь?

— Ага... Я с вами поеду. Я тут не останусь.

— Болван! Ты со мной не можешь ехать! Я за тобой потом приеду! — соврал Ричард и в тот же миг понял, что ложь бесполезна.

Резко отпрянув, он выстрелил во Фреда — тот ударился о стену и осел на пол. Роза, вскрикнув, метнулась в сторону. Ричард проворно обернулся, чтобы броситься на Кленца, но, будь у того даже руки-ноги связаны, и тогда бы Ричард не совладал с ним. Кленц уже ринулся на противника. Ричард выстрелил, но промазал. Кленц нырнул вниз, стремясь обхватить ноги бандита. Ричард понял, что выстрелить второй раз не успеет. Пистолетом, зажатым в руке, он попытался ударить Кленца, но опять промахнулся. Кленц схватил Ричарда за ноги и поднял в воздух, как игрушку. Ричард истошно завопил, и тут грохнул еще один выстрел — на этот раз пуля угодила в потолок. Кленц швырнул Ричарда на пол, и тот выронил пистолет. Извернувшись, Ричард ударил противника ногой — прямо в голову. Кленц зашатался, в глазах у него потемнело. Когда он выпрямился, Ричард успел отыскать глазами упавший пистолет и рванулся, чтобы схватить его. Кленц мигом сообразил, что опередить Ричарда не успеет. Схватив оказавшийся под рукой столик, Кленц бросил его изо

всех сил (а сил ему было не занимать). Стол, угодив в Ричарда, сшиб его с ног. Перевалившись через стоявший рядом стул, Ричард рухнул на пол. Кленц в одно мгновение оказался возле него. Схватив его левой рукой за рубашку, Кленц готов был нанести сокрушительный удар своей мощной правой. Но Ричард боролся за жизнь с энергией бешеного зверя. Он укусил Кленца в руку и вцепился в него ногтями. Если б не плотная рубашка, Ричард расцарапал бы Кленца до крови. На мгновение Джек выпустил противника, и тот рванулся прочь. Но здесь его настиг удар ногой — страшной силы удар. С такой силой, должно быть, бьет копытом могучий конь! Удар пришелся по лицу — Кленц невольно перестарался. Ричард рухнул на пол как подкошенный.

Фрэнк Одоло прибыл к дому Кленца в сопровождении Мэтта и двух оперативников. Кроме того, двум патрульным машинам было приказано находиться поблизости, чтобы при необходимости оказать поддержку. Одоло и Мэтт, соблюдая осторожность, подошли к входной двери. Она оказалась незапертой. Шеф вытащил пистолет, его примеру последовал Мэтт.

— Джек? — негромко позвал Одоло с порога.

Никто не отозвался, и Одоло с Мэттом вошли в дом. Роза в эту минуту перевязывала Кленцу руку. Он сидел на стуле лицом к двери, без рубашки.

Увидев Розу, склонившуюся над полураздетым Кленцем, шеф оторопел: ему показалось, что девушка обнимает Кленца. Бог ты мой, подумал он, и он еще требует машину! У него «дело», видите ли!

— Какого черта вы говори... — начал было Одоло, но осекся, заметив в левой руке Кленца пистолет. Пистолет был направлен в дальний угол гостиной. Одоло не сразу сообразил, в чем дело, как, впрочем, и Мэтт.

Кленц поглядывал на вошедших, молча усмехаясь. Роза, закончив перевязку, забрала таз с горячей водой и вышла из комнаты.

— Черт меня подери! — воскликнул Одоло, разобрав наконец, что в углу лежит Стонберд. — Как он сюда попал?

Кленц пожал плечами.

— Он сдался, шеф, взял и сдался. — Кленц устало поднялся со стула, мощный, широкоплечий. — Теперь он ваш. Увозите его. А я беру наконец выходной.

— Ну конечно, Джек. Ты возьмешь выходной, — поддакнул Одоло, усмехнувшись: Кленц скорее в могилу ля-

жет, чем выходной возьмет.— До завтра, Джек. Утром увидимся.— И, повернувшись к Ричарду, сказал:

— Вы арестованы, мистер Стонберд.

Ричард попытался подняться на ноги, но его повело, и он упал.

— Ну чего вы ждете? Берите меня.

Мэтт взял арестованного за руку, и Ричард послушно заковылял вслед за полицейским.

Калы Окни

БОСС ТЕРПИТ ФИАСКО

Kalu Okpi

The South African Affair

© Kalu Okpi 1982

Перевод *В. Рамзеса*

Претория, ЮАР

Зелдер, хищно оскалившись, выбросил вперед правую ногу, и начищенный башмак угодил черному в ребра. Узник вместе со стулом повалился на бетонный пол. Он застонал, заворочался, пытаясь сесть, но не смог, поскольку был накрепко привязан к стулу с высокой спинкой — ни рукой не пошевелить, ни ногой. Зелдер стоял над ним — в его глазах не было и намека на жалость. Некоторое время спустя он нагнулся и поднял заключенного.

Лицо у черного было в крови; волосы торчали. Он облизал спекшиеся губы и снова застонал.

Зелдер достал пачку сигарет, прикурил от зажигалки из вороненой стали, глубоко затянулся и выдохнул табачный дым в лицо черному. Тот зашелся в кашле, на губах выступила пена, темная от загустевшей крови.

Зелдер пододвинул стул, сел напротив своей жертвы и снова пыхнул на узника табачным дымом.

— Послушай, кафр,— заговорил он,— от тебя зависит, что с тобой будет. Сам решай — подохнешь или жив останешься. Скажешь, что мне необходимо, и отправляйся на все четыре стороны. А будешь врать — сыграешь в ящик.

Черный снова закашлялся, но ничего не сказал.

— Последний раз предлагаю! — Зелдер еще раз пыхнул сигаретой, и в крошечной камере наступила тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием допрашиваемого.

Зелдер поднялся, подошел к стальной решетке, вмурованной в бетонную стену на уровне головы, поглядел сквозь ее прутья на тюремный двор: унылый дождь хлестал по земле, по цинковым крышам соседних барачных корпусов.

Неожиданно Зелдер метнулся назад и, высоко занеся свой стул, обрушил его на голову узника. От удара несчастный снова с глухим стуком повалился на пол. Он издал протяжный стон и лишился чувств.

Зелдер, отшвырнув стул в угол, подхватил парашу и опорожнил ее на расprostертое тело.

Черный медленно открыл воспаленные глаза, но не издал ни звука. Его взгляд, остановившись на Зелдере, вспыхнул презрением и ненавистью. Он плюнул в сторону своего мучителя, кровавый сгусток попал на носок начищенного башмака.

Зелдер чертыхнулся, отер ботинок о брюки заключенного, потом что есть силы заехал ногой ему в голову.

Шея у черного хрустнула, по телу пробежала судорога, и он затих навсегда.

Повернувшись на каблуках, Зелдер подошел к стальной двери, громко постучал. Дверь открылась, и он шагнул в коридор. Двое вооруженных часовых вытянулись перед ним в струнку.

— Черномазый упал и, кажется, разбился насмерть. Типичное самоубийство. Вызовите тюремного врача — он знает, что в таких случаях делать.

Зелдер миновал тесное служебное помещение и оказался на усыпанной гравием автомобильной стоянке. Он нырнул в свою машину, не успев промокнуть. Стряхнув с себя дождевые капли, завел мотор.

У тюремных ворот пришлось притормозить; часовые, узнав его, поспешно растворили массивные створки. Зелдер даже не взглянул на них. Уставясь на дорогу через расчищаемое «дворником» ветровое стекло, он помчался к центру города.

Несмотря на сильный дождь, машин в деловых кварталах было много. Зелдеру пришлось сбавить скорость — дорога была скользкой, и он дважды едва не врезался в идущий впереди автомобиль.

Миновав башню Де Бирса, он свернул в переулок и припарковался у пожарного гидранта. Это против правил, но другого свободного места поблизости не оказалось. Была охота бежать с другого конца улицы под дождем!

Он вылез из машины, запер дверцу и стремглав пересек тротуар. В подъезде старинного здания охранник в форме отдал Зелдеру честь. Перемахивая через две ступени, Зелдер взбежал по устланной ковром лестнице на второй этаж, свернул направо и, пройдя вдоль коридора, толкнул дубовую полированную дверь. За ней дежурил вооруженный часовой. Он долго изучал протянутое ему удостоверение личности, потом умело обыскал Зелдера и только после этого отступил в сторону, лихо взяв под козырек.

Зелдер раздраженно сунул удостоверение в карман. Эти формальности всегда действовали ему на нервы, хотя,

конечно, бдительность необходима и приходится подчиняться строгим правилам.

Он ткнул пальцем в сторону закрытой двери в противоположном углу приемной, и часовой кивнул.

Зелдер постучался и вошел в просторный, обставленный на старинный манер кабинет. За большим викторианским письменным столом сидел человек с голым черепом. Вскинув глаза, он указал на пустой стул.

Зелдер сел, огляделся. Бритоголовый тем временем раскрыл папку из буйволово́й кожи и начал что-то писать. Зелдер всегда тушевался в присутствии этого человека. Вот и сейчас ему было не по себе от сознания того, что хозяин кабинета, глава БОСС — южноафриканского Бюро национальной безопасности, — имеет практически неограниченную власть над каждым жителем страны. И хотя сам Зелдер занимал в данном ведомстве довольно заметный пост, он никогда не забывал об этом.

Отложив ручку, бритоголовый захлопнул папку и устался на Зелдера неподвижным, как у змеи, взглядом.

— Ну?

Зелдер откашлялся:

— Он так и не заговорил.

Бритоголовый молчал, и Зелдер добавил:

— Едва я вышел из камеры, как он покончил с собой.

Бритоголовый воспринял это сообщение невозмутимо.

— По-прежнему думаете, он что-то знал? — Голос у начальника был такой же неживой, как и взгляд.

— Безусловно, ему кое-что было известно. Нам следует исходить из этого.

Бритоголовый откинулся в мягком кресле.

— Что вы намерены предпринять?

— Лишь усилить меры предосторожности. Последний наш рейд был успешным — мы разгромили лагерь СВАПО¹.

Бритоголовый мрачно глядел на Зелдера.

— С Нигерией игры должны быть другие.

— Я отдаю себе в этом отчет, сэр.

Наступило тягостное молчание. Начальник и подчиненный в упор смотрели друг на друга. Зелдер и рад был бы отвести глаза, но взгляд главы секретной службы обладал прямо-таки гипнотической силой.

— Пожалуй, вы правы, — вымолвил наконец брито-

---

¹ Народная организация Юго-Западной Африки, возглавляет освободительную борьбу народа Намибии.

головый.— Продолжим подготовку к операции, максимально повысив степень секретности. Необходимо хорошо проучить нигерийцев, чтобы им неповадно было совать нос в намибийские дела.

— Сделаю все, что в моих силах, сэр! — Зелдер поднялся, щелкнул каблуками.

Бритоголовый вновь вооружился ручкой, распахнул папку и уткнулся в нее. Зелдер вышел, беззвучно притворив за собой дверь.

Глава 1

Порт-Харкорт, Нигерия

Когда реактивный истребитель «альфа» достиг высоты двадцать девять тысяч футов, Оние́кс Халла включил автопилот и достал из кармана зеленоватый пакет с размашистой надписью: «Вскрыть в воздухе».

Оние́кс вздохнул: адмирал обожает таинственность. Надорвав пакет, он достал сложенный вдвое листок с кодированным приказом и, раскрыв миниатюрный справочник, занялся дешифровкой. Через две минуты все буквы встали на свои места. Послание гласило: «Немедленно прибыть в Соколиное Гнездо».

Оние́кс задумчиво глядел сквозь плексиглас на проплывавшие мимо кучевые облака. Итак, ему приказано совершить посадку на авианосце «Отамири», флагмане нигерийского военно-морского флота. Авианосец стоит на рейде Порт-Харкорта. Что же, адмирал верен себе: облек одно предписание в другое...

Оние́кс выключил автопилот и сбавил скорость. Изменив курс, он направил истребитель на юго-восток. Потом еще раз скорректировал курс и, вновь включив автопилот, доверил истребитель умным приборам.

Адмирал не стал бы вызывать его по пустякам. Последний раз Оние́кс видел высокое начальство три месяца назад, когда накалилась обстановка вокруг Зимбабве. С тех пор командир эскадрильи неотлучно находился на базе истребительной авиации нигерийских ВВС, и сегодняшний вызов к адмиралу был для него полной неожиданностью.

Глаза скользнули по приборной панели — все системы работали нормально. Оние́кс давно убедился в надежности автопилота, однако не позволял себе расслабляться — бережного бог бережет! Что и говорить — бортовая ЭВМ

ни в чем не уступает самому опытному асу. Оние́кс поправил на себе скафандр, и в это время в шлемофоне раздались сигналы. Взглянув на приборы, Оние́кс обнаружил, что отклонение от курса составляет два градуса. Ветер оказался сильнее, чем предсказывал метеоролог на базе. Оние́кс включил ручное управление, скорректировал курс и плавно потянул на себя рукоятку: время снижаться.

На высоте пять тысяч футов он вышел из облаков и увидел громаду авианосца, стоящего на якоре примерно в четырех морских милях от береговых сооружений Порт-Харкорта.

Оние́кс сбавил скорость и поставил истребитель по ветру, заходя на посадку. Садиться на авианосец, даже когда тот стоит на якоре, не такой простой маневр. Оние́кс выпустил шасси и завис над палубой. Стреловидная «альфа» спланировала на посадочную площадку. Гибкий стальной пояс мягко обнял корпус истребителя, гася скорость. Оние́кс вырулил на стоянку, выключил двигатели и отстегнул двойные ремни. Потом снял с головы шлем и нажал на кнопку: козырек кабины с негромким жужжанием приподнялся и отошел назад. Не дожидаясь, пока палубная команда подаст трап, Оние́кс спрыгнул вниз и зашагал к капитанскому мостику. Никто не обратился к нему с вопросом, матросы отдавали честь и уступали дорогу. Было ясно, что Оние́кса тут ждали.

Он поглядел на стоявшие вдоль взлетной палубы истребители. Солнце играло на размалеванных маскировочными пятнами фюзеляжах — крылатые машины имели грозный и внушительный вид.

Оние́кс взошел на мостик и вытянулся перед четырьмя морскими офицерами, которые, судя по всему, были отряжены его встречать. Вслед за старшим из них он направился в каюту адмирала. Офицер распахнул сверкавшую белизной дверь и пропустил Оние́кса вперед. Едва летчик вошел, дверь за ним закрылась. Оние́кс остановился на пороге, разглядывая просторную каюту. Мебель и стены обиты дорогой кожей, напротив большой металлический книжный шкаф. Адмирал в белой форме сидел за письменным столом из орехового дерева. Ему было сорок пять, но выглядел он и того моложе. Он поднял голову и приветливо улыбнулся Оние́ксу.

— Садитесь, командир. Давненько я вас не видел.

Но Оние́кс был начеку. Адмирал может внезапно изменить тон и показать коготки, так что с ним лучше не

фамильярничать. Он отдал честь по всей форме, как учат в военных академиях, и продолжал стоять по стойке «смирно».

Адмирал улыбнулся еще шире:

— Вольно! Да садитесь вы ради бога, мы не на параде.

Ониекс сел, расслабился. Поглядывая на адмирала, он, как всегда напрасно, пытался проникнуть в его мысли.

— Где это вы пропадали? — спросил адмирал, откидываясь в кожаном кресле.

Шефу до мельчайших подробностей были известны все передвижения Ониекса за последний год, но капризам начальства надлежит потворствовать, поэтому Ониекс послушно доложил:

— Находился по месту службы, сэр, на базе Заира, отрабатывал боеготовность своих парней.

— ВВС как будто обзавелись новыми истребителями «альфа», — сказал адмирал, меняя тему разговора.

— Я прилетел сюда на таком, сэр.

— Хотелось бы взглянуть, когда покончим с делом.

Ониекс ничего не ответил. Поскорее бы перейти к тому, ради чего его сюда вызвали!..

Адмирал положил руки на стол, выпрямился в кресле, испытующе поглядел на Ониекса, будто принимая важное решение. Наконец, вздохнув и словно избавившись от последних сомнений, сказал:

— Как по-вашему, существует ли возможность политического урегулирования в Намибии?

Ониекс аж присвистнул: шеф замышляет что-то необычное!

— Нигерия настаивает на безотлагательном решении намибийской проблемы, — начал он осторожно. — Претории это не нравится, она ставит дымовые завесы, пытаясь затянуть дело. Ее цель насадить в Намибии марионеточный режим, изолировав СВАПО. — Ониекс помолчал, но адмирал сделал ему знак продолжать, и он заговорил снова: — Тем временем СВАПО, самая действенная освободительная организация в стране, занята обучением партизан и подготовкой диверсионных актов против режима апартеида. Расисты незаконно вторгаются на территорию Анголы и наносят удары по лагерям СВАПО и подразделениям ангольской армии. Они продвигаются в глубь страны, игнорируя протесты ООН и ОАЕ. Вопреки заверениям правительства Претории южноафриканские войска по сей день не убрались восвояси.

Ониекс снова помолчал. Ему казалось, что он говорит

сумбурно, но шеф по-прежнему внимательно слушал, и ему не оставалось ничего, как продолжать.

— Некоторые обозреватели утверждают, что истинная цель юаровцев создать на юге Анголы буферную зону, где будет править их марионетка Савимби. Савимби рвется к власти и готов не то что Южной Африке, самому дьяволу служить, лишь бы его мечты осуществились.

Ониекс чувствовал себя неловко, потому что никак не мог понять, как относится шеф к его высказываниям.

— Надеюсь, сэр, вы именно это хотели услышать? Адмирал медленно сомкнул веки.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста.

Ониекс приободрился.

— Вот тут Нигерия и выступает на первый план. Мы требуем, чтобы Претория немедленно прекратила вмешательство в дела Анголы, настаиваем на предоставлении независимости Намибии. Западные державы вынуждены с нами считаться, ведь Нигерия располагает огромным количеством первоклассной нефти, которая им так нужна. И волей-неволей они пытаются повлиять на своих южно-африканских братьев и союзников. Конечно, расистам это не нравится, но им без Запада не обойтись, поэтому в конце концов Претория уступит. Так обстоит дело на сегодняшний день. Свободолюбивые африканские государства бросают ЮАР вызов, а режим апартеида платит им за это неприкрытой ненавистью. С Нигерией же у расистов особые счета...

На этом Ониекс решил остановиться. Он изложил неоспоримые факты, а заниматься домыслами и предположениями — не его дело. Однако адмирал останавливаться не собирался.

— Что же, по-вашему, предпримут в сложившейся обстановке правители Претории? — спросил он.

Ониекс едва не застонал. Зачем все это? Сказал бы без проволочек, что от него требуется, и дело с концом!

— Они могут, во-первых, предоставить Намибии независимость в обмен на гарантии, что белое население ни в чем не будет ущемлено, — как в Зимбабве. Во-вторых, всячески тянуть время в надежде на чудо: авось что-нибудь случится и они смогут сохранить свою власть над этой территорией. И в-третьих — впрочем, это наименее вероятно, — попытаться свести к минимуму либо уничтожить вовсе международный авторитет и влияние Нигерии.

— А как именно можно навредить Нигерии? — Адмирал не собирався давать пилоту передышки.

Ониекс не сомневался — этот денек он запомнит на всю жизнь!

— По вполне понятным причинам развязать крупномасштабную агрессию было бы не просто. Чтобы лишить нас голоса на мировой арене, они скорее предпочтут нанести удар по нефтепромыслам и надолго вывести их из строя. Без нефти Нигерия временно утратит свой вес.

— А если еще точнее, Ониекс? — Адмирал буравил пилота колючим взглядом. — Выкладывайте все как есть!

На этот раз Ониекс не сдержал тяжелого вздоха, но тут же затрещал как пулемет, чтобы загладить невольную бестактность:

— Они могут высадить десант с подводной лодки, взорвать наши буровые вышки в открытом море и ретироваться с минимальными потерями, прежде чем мы успеем опомниться и прийти в себя.

Голос адмирала посуровел:

— Выходит, нигерийский флот не способен защитить наши территориальные воды?

Ониекс понял, что допустил еще одну оплошность — а все оттого, что шеф торопит, не дает опомниться.

— Я не это имел в виду, сэр...

— А что, черт бы вас побрал?

— Я хотел сказать, — попробовал он оправдаться, — что при тщательном планировании и подготовке операции они могут проникнуть в наши воды и успеть нанести значительный ущерб, прежде чем могущественный нигерийский флот задаст им жару.

Адмирал улыбнулся одобрительно, и летчик наконец перевел дух.

— Отлично, командир! Мне хотелось знать ваше мнение по этим вопросам, прежде чем давать задание. Ваш анализ и прогнозы практически совпадают с имеющимися у нас разведывательными данными.

Ониекс медленно кивнул. Какое счастье, что он служит в ВВС, а не под началом адмирала! Если сносить такое каждый день, никаких нервов не хватит.

Адмирал выдвинул ящик, достал тоненькую красную папку и толкнул ее по столу к Ониексу.

— Прежде чем вы познакомитесь с бумагами, я вкратце введу вас в курс дела. — Адмирал помолчал, откинулся на спинку кресла. — Несколько месяцев назад мы получили информацию из Намибии и Южной Африки. В до-

несении говорилось о том, что ЮАР планирует массированный налет на лагерь СВАПО. Действительно, такой рейд был недавно совершен. В донесении также говорилось, что ЮАР готовит диверсионный акт против нигерийских нефтепромыслов. Естественно, нас это не могло не настояжить.

Ониекс хмыкнул: оказывается, он как в воду глядел!

— Мы сразу же усилили охрану промыслов,— продолжал адмирал,— но до поры других мер не принимали. Тем временем сроки массированного налета, названные разведкой, подтвердились. Этот факт плюс данные, поступавшие из других источников, убедили нас в том, что ЮАР действительно замышляет против нашей страны недоброе. Теперь слушайте задание. Вам поручается не только выяснить вражеские планы, но и помешать их осуществлению.

Ониекс изумленно воззрился на адмирала: не похоже, чтобы шеф спятил. Выходит, это всерьез! Но черт возьми, легко сказать: выясни планы ЮАР и сорви их! С чего начать?

Адмирала тоже занимал этот вопрос, потому что тут же последовал его вопрос:

— Как и где вы приступите к заданию?

Ониекс, поразмыслив, ответил:

— В Лондоне.

— Почему?

— Юаровская клика — охотники загребать жар чужими руками. Они хоть и делают вид, будто им плевать на мировое общественное мнение, однако послать свои регулярные части в Нигерию они не решатся, прибегнут к чьим-нибудь услугам. А Лондон, как известно, суший рай для наемников.

— Разумно. Когда думаете лететь туда?

— Немедленно, сэр!

— Согласен. Вам ни в чем не будет отказа. Можете рассчитывать на помощь всех наших учреждений и должностных лиц. Вот ваш мандат.

Адмирал протянул Ониексу конверт. Летчик распечатал его и, пробежав глазами документ, не мог скрыть изумления. Адмирал понимающе кивнул:

— Как видите, дело весьма серьезное. Вам предоставляются особые полномочия.

Мандат подписан главой государства! В столь ответственных операциях Ониексу еще не доводилось участвовать.

Он взял со стола красную папку и, отойдя в дальний конец каюты к иллюминатору, раскрыл ее. Чтение не заняло много времени. Закрыв папку, он положил ее перед адмиралом.

— Разрешите идти, сэр?

Адмирал взглянул на летчика.

— Будьте осмотрительны, Оние́кс, не лезьте на рожон! — Он коротко улыбнулся и погрузился в свои бумаги. Аудиенция завершилась.

Оние́кс повернулся на каблуках, распахнул дверь и вышел из адмиральской каюты.

Глава 2

Лондон, Англия

В международном аэропорту Хитроу Оние́кс быстро прошел таможенный досмотр и направился к ближайшему телефону-автомату. Трубку подняли после пятого гудка, но отзываться отнюдь не собирались.

— Долетел без происшествий,— отрапортовал Оние́кс, но и на это никакой реакции не последовало.— Самолетом компании «Сабена».— Оние́кс нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Все эти пароли и многозначительное молчание изрядно действовали ему на нервы.

— Жду! — послышался наконец низкий мужской голос, и тут же раздались короткие гудки.

Оние́кс опустил еще одну монетку и набрал другой номер. На этот раз трубку сняли сразу.

— Слушаю! — У ответившего был типичный выговор кокни.

Оние́кс вздохнул: для него говорить по телефону — худшая из пыток!

— Мы встречались на взлетной полосе в Ули,— произнес он сухо,— тогда это место еще называлось Анабель.

Последовала пауза. Наконец человек на другом конце провода оправился от удивления:

— Я слушаю.

— Тебе пришлось лететь с грузом назад. Должно быть, помнишь причину?

— Память сдает, начисто все забыл.

— Кто-то побросал в море винтовочные затворы незадолго до приземления. Ну как, припомнил?

Снова долгая пауза.

— Что тебе от меня надо?

— Хочу предложить прибыльное дельце.

— Где увидимся?

— перезвоню через час.

— Хорошо, только по другому номеру. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то должен его знать.— И «кокни» повесил трубку.

Ониекс вышел из телефонной будки и направился к стоянке такси. Было около девяти утра, вокруг бурлила многоязыкая толпа туристов, прилетевших в Лондон на время летних отпусков.

Ониекс сел в просторное черное такси и велел шоферу ехать на угол Оксфорд-стрит и Тоттенхем-Корт-роуд. Высокий поджарый лондонец кивнул, надвинул кепку из твида на глаза и направил свой таксомотор в гущу машин, едущих в город.

Ониекс устал от перелета, давала себя знать и разница во времени. Залив на борту авианосца баки, он взял курс на Лагос и посадил свою «альфу» прямо в международном аэропорту имени Мурталлы Мухаммеда. Еще в полете он связался с лагосским штабом адмирала и попросил приготовить ему авиабилет до Лондона и обратно, деньги, а также встретить по прибытии.

Сотрудник штаба ждал его со всем необходимым на посадочной полосе, и Ониекс первым же рейсом вылетел в Лондон. Полет длился несколько часов, но Ониекс всю дорогу не смыкал глаз — сказывалось нервное напряжение.

Теперь он зевнул и с удовольствием вытянул ноги. Помимо прочего, Ониекс любил Лондон за его комфортабельные такси, известные на весь мир. В них можно развалиться, как на диване. При этом останется еще столько места, что и слону, правда не очень крупному, хватит...

Они въехали в самое сердце Лондона. Тысячи людей с непременными пластиковыми пакетами штурмовали магазины вдоль Оксфорд-стрит. Интересно, когда только успевают подвозить в них товары! Каждый день армия туристов совершает свои опустошительные набеги, а утром полки снова ломаются...

— Приехали, сэр! — прервал размышления Ониекса водитель.

Ониекс взглянул на счетчик и протянул шоферу деньги.

— Сдачи не надо.— Он захлопнул дверцу и направился к станции подземки. Спустившись по лестнице, ведущей к поездам, Ониекс остановился у газетного киоска,

взял с прилавка свежий номер «Ньюсуик», раскрыл его и принялся наблюдать за толпой поверх журнала. Никто как будто не обращал на него внимания. Заплатив за журнал, Ониекс вернулся на улицу и зашагал по Оксфорд-стрит, увлекаемый потоком прохожих.

Через двести ярдов он вошел в кинотеатр, купил билет, постоял за двойными стеклянными дверьми. Толпа спокойно текла мимо. Слежки, кажется, действительно нет.

Он вышел на улицу, свернул в проулок, толкнул чугунную калитку и спустился в подвал старого кирпичного дома. Постучал пять раз в тяжелую деревянную дверь, потом, выдержав паузу, нажал кнопку звонка. Дверь сразу же открылась, и он оказался в просторном помещении с желтыми стенами. Плакаты, развешанные повсюду, свидетельствовали о том, что здесь находится контора Общества по оказанию экономической помощи странам «третьего мира». Две белые секретарши строчили на пишущих машинках. Высокий черный мужчина, кивнув Ониексу, провел его к себе в кабинет.

Когда дверь за ними закрылась, Ониекс воскликнул:

— Молодчина, Тунде! Надежная «крыша» в центре Лондона, да еще две девушки в твоём распоряжении. Я охотно бы поменялся с тобой местами.

Тунде хохотнул, шлепнул Ониекса по плечу и сел за небольшой, заваленный бумагами письменный стол.

— Нет уж, спасибо, мне и здесь хорошо.

— А твои помощницы не подозревают, что бюро имеет еще и другие функции?

— Им это в голову бы не пришло. Мы ведь и впрямь организуем помощь «третьему миру», уже удалось реализовать несколько крупных проектов.

— Блестяще! Просто гениально!

— А что за дело привело тебя в Лондон? — спросил Тунде.

— Разве тебя не известили о цели моего визита?

— Лишь велели оказывать тебе всемерную помощь.

— Ну что ж, значит, хватит с тебя и этого.

— Отлично. Можешь ни во что меня не посвящать — мне так спокойнее. Не люблю совать нос в то, что меня не касается.

— Тоже мне — соучастник! — съязвил Ониекс.

— Всегда к вашим услугам, — засмеялся Тунде.

— Тогда приступим к делу. Прежде всего мне нужен хороший автомобиль.

Тунде поднял трубку внутреннего телефона.

— Позвоните в компанию «Бриндлейз»,— приказал он секретарше,— пусть пришлют сюда один из своих новых «роверов».— Он положил трубку.— Что еще?

— Хочешь побыстрее от меня отделаться?

— Угадал. Чем реже мы видимся, тем лучше для моего больного сердца. От тебя сплошные неприятности. Ониекс вздохнул.

— Ты знаком с кем-нибудь в ангольском посольстве?

— Конечно.

— Как только я уйду, отправляйся туда и предупреди их, чтобы ждали звонка от Сэмми. Пусть подтвердят, что Ангола согласна передать ему прах Каллана при условии, что некто Ониекс останется этим Сэмми доволен.

От изумления у Тунде отвисла челюсть и глаза округлились. Не дав ему опомниться, пилот выпалил:

— Делай что тебе говорят, и жизнь твоя будет слаще меда.

— Черта с два! — усомнился Тунде.

Ониекс задумчиво прикусил нижнюю губу, продумывая план действий.

— Тот, кого ты называешь «Каллан»,— это случайно не Костас Гиоргию, главарь наемников, казненный в Анголе? — В голосе Тунде сквозил суеверный страх.

— Он самый.

— Ну и ну! — изумленно воскликнул Тунде.

— Тебе предстоит убедить ангольских друзей, что это в интересах матери-Африки...

— Легко сказать!

— Уж расстарайся, так надо. Дай им номера телефонов, по которым им подтвердят наши особые полномочия. Потом возвращайся сюда и жди моих дальнейших указаний.

Тунде кивнул в ответ. Ониекс поднялся.

— Пошевеливайся. Сэмми будет звонить в ангольское посольство часа через полтора.

— А можно спросить, кто такой этот Сэмми?

Ониекс энергично замотал головой и пошел к выходу. Снаружи зарядил мелкий дождь. Типичная английская погода, подумал Ониекс: только солнышко выглянет, как через минуту уже льет. Не впервые возникали у него сомнения насчет пресловутого здравого смысла британцев. В свое время в их распоряжении был весь мир, а они остались на этом сыром и туманном острове!..

Ониекс прогнал не относящиеся к делу мысли, остановил такси и назвал адрес. Блаженно откинулся на спинку

сиденья, вытянул ноги, в который раз подумав о том, как замечательно британцы умеют конструировать такси — тут уж надо отдать им должное! — и задремал.

Ехали довольно долго — центр Лондона всегда запружен транспортом.

— Номер дома, сэр? — обратился к Ониеку водитель.

— Я сойду здесь, — ответил тот.

Дождавшись, пока такси отъедет на достаточное расстояние, Ониекус свернул в боковую улочку. Он шел, засунув руки в карманы и озираясь украдкой. Пока ничего подозрительного не было.

Не доходя до Ноттингхилл-Гейт, он опять свернул в боковую улочку и зашагал по ней, пока не увидел то, что искал: по обе стороны мостовой, напротив друг друга, помещались пабы — пивные с большими зеркальными окнами. Ониекус вошел в ту, что была слева, и направился напрямик к телефонной кабине в углу. Набрал номер и приготовился ждать. Трубку сняли сразу, однако опять никто не отозвался.

Ониекус досадливо вздохнул, но голоса не подал — так же выжидательно молчал.

— Я на слух не жалуясь, приятели! — произнес наконец «кокни».

— Трубка успеет к уху прирасти, пока ты раскachaешься.

— Что-то в этом роде мне уже говорили.

— Назначаю тебе свидание, — объявил Ониекус.

— Где?

— Паб «Кабан» вблизи Ноттингхилл-Гейт. — Ониекус назвал пивную, расположенную напротив.

— Знаю-знаю.

— Через полчаса.

— Годится. Ты будешь один?

— Один. Надеюсь, и ты никого не приведешь.

— Надейся — этого тебе никто не запрещает.

Ониекус повертел трубку, будто рассчитывая еще что-то услышать, потом аккуратно повесил ее на рычажок. Подойдя к стойке, он взял сэндвич и кружку пива. Посетителей в этот утренний час было немного. Ониекус сел за столик у окна.

Потягивая пиво, он наблюдал за улицей. Она хорошо просматривалась из конца в конец. И вход в пивную напротив как на ладони.

Из-за угла выехал «ягуар», у дверей «Кабана» машина притормозила, но вслед за этим водитель снова га-

занул. Ониекс тем не менее успел разглядеть мужчину, сидевшего за рулем,— это был Сэмми. Итак, начинается! Ониекс отодвинул кружку с пивом и прильнул к окну. Через несколько минут, как и следовало ожидать, «ягуар» появился вновь, подрулил к тротуару и встал, не доехав ярдов пятидесяти до дверей «Кабана».

Сэмми не торопился вылезать из машины. Хитрюга, ухмыльнулся Ониекс, опасается ловушки. И мотор nevertheless не выключил — на случай, если придется улепетывать...

Наконец дверца «ягуара» распахнулась, и показался среднего роста мужчина. Почти бегом он достиг двери «Кабана» и скрылся внутри. Однако Ониекс не спешил покидать свой пост. И не напрасно — его предположения подтвердились. Минут через пять из-за угла выехал голубой «вольво» и пристроился позади «ягуара», не вплотную, а с некоторым зазором. Итак, за Сэмми слежка. Дело принимало интересный оборот.

Впрочем, не исключено, что в «вольво» сидит подручный Сэмми, которому велено быть здесь для подстраховки... Правда, вел себя Сэмми как-то странно, неуверенно, словно опасался «хвоста». Будь у него телохранитель, он бы держался иначе...

Странно только, как отыскал его хозяин «вольво»? Вряд ли Сэмми сообщил кому-то, куда он едет... Должно быть, передатчик! Человечество вступило в век электроники. В машине Сэмми установлен «жучок», и «хвост» без труда следует за ним повсюду, на достаточном расстоянии, чтобы не попасться на глаза. Видать, кого-то очень интересует, с кем это Сэмми назначил встречу.

Дверца «вольво» открылась, и на тротуар ступил высокий светловолосый мужчина. У Ониекса перехватило дыхание: это был Ван Смутс! Они никогда не встречались, но Ониекс видел этого типа на фотографиях в адмиральском досье. Ван Смутс — агент БОСС. Судя по содержащимся в красной папке сведениям, этот головорез обогрил свои руки кровью патриотов Зимбабве в годы правления Яна Смита.

Блондин успел тем временем войти в паб. Хотя Ониекс был слегка ошарашен появлением нового действующего лица, однако он взял себя в руки и твердым шагом пересек улицу. Войдя в «Кабан», он направился к стойке, заказал пиво и впился глазами в зеркальную стену за спиной бармена.

Сэмми сидел в дальнем углу справа лицом к двери; за

его спиной была телефонная кабина. Ван Смутс устроился в противоположном углу, делая вид, что читает газету. Перед ним на столике стояла полная кружка.

Ониекс подошел к Сэмми, знаком велел ему пересесть к стенке и сел рядом, так, чтобы была видна дверь на улицу.

— Короче,— буркнул Сэмми, не глядя на Ониекса,— без лишних слов.

Ониекс кивнул.

— Хочешь заработать сто тысяч швейцарских франков?

Сэмми слизнул с губ пивную пену.

— Что от меня требуется, пристрелить собственную матушку?

— Матушки у тебя, как известно, нет.

— Ну-ну, выкладывай.

— Кроме денег ты еще можешь получить прах Каллана.

Сэмми вскинул глаза и уставился на Ониекса.

— Ты с ума сошел! На что он мне?

— Пораскинь мозгами.

Сэмми хотел было огрызнуться, но сдержал злобу, задумался. В последнее время его положение среди лондонских вербовщиков пошатнулось. Французы откололись, а здесь парней все чаще сманивали Безумный Кейси и Мак-Грегор, сулившие им баснословные барыши. Поражение сепаратистов Биафры и провал наемников в Анголе окончательно dokonали Сэмми.

Если ему удастся заполучить останки Каллана и устроить пышные похороны, авторитет его сразу окрепнет. Все решат, раз он заботится о парнях даже после гибели, то на него можно положиться.

— Ты же не анголец и не можешь обещать за них.

Ониекс мысленно ухмыльнулся: Сэмми заглотнул наживку!

— Я нигериец.

— Ну и что с того?

— Нигериец, обладающий немалым влиянием.

— Дальше что?

— А ты снова подумай, пошевели извилинами.

Сэмми последовал совету. Ему потребовалось около минуты, чтобы установить логическую связь между фактами.

— Хорошо, но пусть ангольцы мне это подтвердят.

— Подтвердят, не беспокойся.

— Что же тебе все-таки надо?

— Подробности операции, которую готовит Претория против Нигерии.

Сэмми надолго замолчал.

— Этот контракт достался не мне,— наконец изрек он.

— Знаю.

— Выходит, ты обратился не по адресу.

— Не страшно. Тебе ничего не стоит все разнюхать.

Сэмми снова умолк, потом сказал:

— Начнем с денег. Ты мне вручишь их в Швейцарии. Это непереносимое условие.

— Согласен.

— Теперь насчет ангольцев. Когда я получу от них гарантии?

— Немедленно.

— Каким образом?

— Пора тебе менять профессию...

— Понял, иду звонить.

Ониекс поднялся, чтобы пропустить Сэмми, который направился к телефонной кабине. Ониекс наблюдал за ним, потягивая пиво. Лишь бы Тунде не подвел... Минут через пять Сэмми вернулся.

— Доволен?

Сэмми кивнул, затем спросил:

— А деньги когда?

— Завтра в Цюрихе.

— В котором часу?

— В два пополудни я буду ждать у входа в банк «СБС».

— Договорились.

— Не забудь разузнать все, что мне нужно.

— Мы же не первый день знакомы!

— Потому и напоминаю.

Сэмми поднялся.

— Сядь, еще минутку,— задержал его Ониекс.— Мне тоже надо позвонить.

Вставая, Ониекс взглянул в угол, где сидел Ван Смутс. Тот потягивал пиво, уставясь в газету.

Ониекс набрал номер. Когда трубку сняли, он спросил:

— Машина готова?

— Готова.

— Пригони ее к пивной «Кабан» в районе Ноттинг-хилл-Гейт и оставь ключи под ковриком на полу.

— Слушаюсь!

— Пока не объявлюсь, из конторы не уходи! — то-

ном, не терпящим возражений, сказал Ониекс и повесил трубку.

Он вернулся к столику и сел рядом с Сэмми.

— Что-нибудь еще? — нетерпеливо спросил вербовщик.

Ониекс ухмыльнулся:

— Если наскучило мое общество, я тебя не держу.

Сэмми, скорчив гримасу, поднялся и неторопливо вышел на улицу. Ониекс, потягивая тепловатое пиво, принялся наблюдать теперь за Ван Смутсом.

Тому как будто не было никакого дела до Сэмми. Ониекс кивнул своим мыслям: хозяев Смутса интересовал не сам вербовщик, а его собеседник.

Блондин как вошел в паб, по телефону еще не звонил, стало быть, не успел доложить своим сообщникам об Ониексе. Отхлебнув пива, Ониекс устроился поудобнее и принялся размышлять. Ван Смутсу надо укоротить язык, пока он не раструбил о встрече Сэмми с нигерийцем...

Ониекс взглянул на часы, поднялся и пересек пивную, направляясь к выходу. Сквозь стеклянную дверь он увидел белый «ровер», оставленный у тротуара. В машине никого не было.

Он потянул на себя незапертую дверцу, сел за руль. Ключи лежали под ковриком, как он велел. Двигатель мощно взревел, Ониекс включил передачу, отпустил педаль сцепления, и машина рванула с места. В зеркальце над лобовым стеклом он увидел, как Ван Смутс бежит к своему «вольво».

Ониекс покачал головой: блондин теряет самоконтроль, нельзя же так раскрываться! Ониекс сбавил скорость, чтобы преследователь смог его догнать, а когда «вольво» пристроился ему в хвост, прячась за каким-то фургоном, прибавил газу.

Минут двадцать он колесил по улицам без всякой цели. «Вольво» крался за ним, выдерживая дистанцию в две-три машины. Как же все-таки отделаться от Ван Смутса? Внезапно его осенило. Он затормозил возле телефонной будки, вышел из машины и набрал номер. Прежде чем снявший трубку Тунде успел открыть рот, Ониекс выпалил:

— Мне нужно два ярда магниевой проволоки.

Тунде решил было затеять перепалку, но вовремя остановился.

— Даю тебе на это двадцать минут, — заявил Ониекс.

— Слушаюсь, сэр,— смиренно буркнул Тунде.

— Ровно через двадцать минут буду на углу Карлайл и Томпсон. Проволоку забросишь в машину через боковое стекло.

— Понятно.

— Желаю удачи! — Ониекс повесил трубку. Отъезжая от тротуара, он видел, как «Вольво» пускается за ним вдогонку.

Теперь машин слегка поубавилось, и можно было ехать быстрее. «Ровер» прекрасно слушался руля. Ониекс взглянул на комплекс зданий радиовещательной компании Би-би-си. Строители заканчивали новое крыло. Старушка Би-би-си, подумал Ониекс, прикидывается добренькой, изображает невинность, а на самом деле искусно мутит воду в странах «третьего мира», препарируя новости на свой лад и сея распри...

Он свернул с широкой автострады с четырьмя полосами движения на узкую улицу. «Вольво» прочно сидел у него на хвосте.

Ониекс взглянул на часы, вмонтированные в приборную панель. Двадцать минут, данные им Тунде, истекали. Ониекс вернулся на скоростную автостраду и помчался к лондонским предместьям.

Необходимо было оторваться от преследовавшего его Смутса хотя бы на то время, пока Тунде будет передавать ему магний. Ониекс придумал, как это сделать, и стал с особым вниманием следить за светофорами. Проехав шесть перекрестков, он уловил их ритм.

Приближаясь к Томпсон-стрит, Ониекс сбавил скорость и довольно хмыкнул, когда за четыре перекрестка от условленного места пришлось остановиться на красный свет. Плавно перестроившись в первый от обочины ряд, он впился в красный глаз светофора. «Вольво» находился за третьей от него машиной в среднем ряду.

Зажегся зеленый свет, транспорт хлынул вперед, а Ониекс чуть «закопался». «Вольво» пришлось с ним поравняться, и только тогда Ониекс нажал на газ.

Про себя отсчитывая время, он проехал очередной светофор ровно за четыре секунды до переключения, а следующий перекресток — всего за полсекунды, уже горел желтый сигнал и на проезжую часть выкатывали машины из боковой улицы.

Ониекс что есть силы надавил на газ и облегченно вздохнул: Ван Смутсу не повезло, красный спортивный «рено» загородил ему дорогу еще на подъезде к перекрест-

ку. Ониекс сосредоточился на предстоящем маневре. При тормозив, он резко свернул на Томпсон-стрит, так что взвизгнули покрышки.

Сразу за углом на тротуаре стоял Тунде. Он сделал шаг вперед, забросил на заднее сиденье сверток и пошел прочь. Ониекс свернул у первого перекрестка направо, прибавил газу, еще раз сделал правый поворот. В конце улочки ему опять подфартило — он успел на зеленый свет и оказался снова на Карлайл-стрит. Итак, он ехал в прежнем направлении. Одного взгляда в зеркальце было достаточно, чтобы понять — машина Ван Смута застряла среди других автомобилей, ожидающих зеленого сигнала светофора. Ониекс катил теперь не спеша, ничем не показывая, что обнаружил слежку.

Снова взглянув на часы, он произвел в уме некоторые подсчеты. Его план, кажется, безупречен — все должно получиться, как задумано, если только не возникнут непредвиденные обстоятельства.

Ван Смутс выбрался из пробки и ехал теперь сзади — между ними было четыре машины. Ониекс включил сигнал поворота и свернул на виадук, ведущий на шоссе. Там он занял скоростной ряд и помчался вперед, делая семьдесят миль в час. Рабочий день еще не кончился, так что машин на шоссе было сравнительно немного. Вскоре город остался позади. Ониекс внимательно следил за дорожными указателями. Если съехать с шоссе, то знакомая ему дорога приведет на маленький спортивный аэродром. До поворота примерно десять миль. Много лет назад один из английских друзей возил его туда на пикник. Ониекс надеялся, что сможет отыскать то место. Должно быть, там все осталось по-прежнему.

Разглядев издали нужный указатель, Ониекс перестроился и занял первый ряд. Ван Смутс отстал примерно на полмили, но, заметив маневр Ониекса, прибавил скорость.

Ониекс предельно сосредоточился. Съехав на боковую дорогу, он разогнал машину до восьмидесяти миль в час. Проселок был покрыт скользкой жижей, и «ровер» занесло. Ониекс вцепился в баранку, сбросил газ и выровнял машину. Придерживая руль одной рукой, он достал с заднего сиденья магниевую проволоку, смял ее в комок и поджег конец.

После этого он снова нажал на газ, на большой скорости прошел крутой поворот и выбросил проволоку на дорогу. Теперь пришлось держать баранку двумя руками —

машина взбиралась вверх по крутому склону. По обе стороны дороги земля резко уходила вниз.

Ониекс точно рассчитал время. Магний ослепительно вспыхнул, как раз когда преследователь на бешеной скорости выскочил на вираж.

Белая вспышка заставила Ван Смутса зажмуриться. Заскрипели тормоза. Блондин тщетно пытался укротить вышедший из-под контроля «вольво». Машина пошла юзом, перевернулась и, пробив столбики ограждения, рухнула с откоса вниз.

Ониекс остановился, выскочил из машины и побежал назад к тому месту, где слетел с дороги «вольво». Нагнувшись, он быстро собрал остатки прогоревшей проволоки в платок, бережно свернул его и засунул в карман.

И в этот момент «вольво» взорвался. Искрящиеся языки пламени взмыли по откосу ввысь до самой дороги.

Ониекс постоял, глядя на догоравший остов «вольво», потом пожал плечами и зашагал к своей машине.

Глава 3

Цюрих, Швейцария

Набрав высоту сорок тысяч футов, огромный авиалайнер «ДС-10» лег на заданный курс в направлении европейского континента. Ониекс снял наушники, по которым транслировали музыку, и снова принялся рассматривать прекрасную незнакомку, сидевшую через проход от него. Он заметил эту чернокожую девушку с самого начала полета, но она не обращала на Ониекса ни малейшего внимания.

Он вздохнул. Оставался один путь. Как говорится, кто не рискует, тот не выигрывает. Поднявшись, Ониекс подошел к ее креслу. В салоне первого класса было немного пассажиров. Кроме них, еще с десятков усталых бизнесменов, уткнувшихся в деловые бумаги. Ониекс сел в свободное кресло рядом с девушкой. Вблизи она производила и вовсе неотразимое впечатление. До сих пор Ониекс наивно полагал, что все в жизни уже видел и его ничем не удивить. Казалось, у него даже выработался иммунитет против женских чар, однако теперь его самоуверенность как ветром сдуло. Впервые после окончания университета он оробел перед представительницей слабого пола. Усилиями воли Ониекс преодолел минутную растерянность и улыбнулся девушке, но улыбка получилась натянутая и принужденная.

— Привет! — Оние́кс сам не узнал свой голос: вместо густого чувственного баритона мышинный писк.

Он откашлялся и попробовал еще раз:

— Привет!

Девушка обратила к наглецу свой царственный лик и смирила его высокомерным взглядом.

— Чем могу быть полезна? — Голос красавицы был под стать ее облику. Таким голосом только приказы слугам раздавать.

Оние́кса бросило в жар. Черт возьми, что с ним? Или гибель Ван Смутса так на него подействовала? Нет, дело явно не в этом.

— Меня зовут Оние́кс Халла, и я... — Оние́кс произвольно зажмурился.

— Меня несколько не интересует ваша биография, — не без раздражения заявило неземное создание.

Оние́кс кисло улыбнулся. Операция трещала по всем швам. Он решил изменить тактику.

— Поскольку мы с вами — единственные черные на борту, я подумал...

— Я лишена расистских предрассудков! — перебила его девушка, наградив еще одним испепеляющим взглядом.

Оние́кс поперхнулся на полуслове. Он начал сердиться: не слишком ли, в конце концов, она о себе возомнила?!

— Послушайте... — заговорил он решительно, но девушка снова его перебила.

— Нет, это вы послушайте! Будьте паинькой, отправляйтесь на свое место и ждите своего часа.

Оние́кс хотел было достойно ответить гордячке, но передумал, вскочил с чужого кресла и плюхнулся в свое. Ему показалось, что за его спиной раздался негромкий мелодичный смех. Оние́кса охватило бешенство — он не мог припомнить, когда подвергался подобному унижению. В сердцах он нажал кнопку вызова и велел стюардессе принести бутылку шампанского. Стюардесса, видевшая, вероятно, постыдную сцену, сочувственно ему улыбнулась, отчего Оние́кс еще сильнее рассвирепел. Черт возьми, его как будто подменили! Ему редко приходилось выступать в роли отвергнутого, но он легко с этим примирялся и быстро находил утешение. На этот раз он что-то уж слишком огорчился, совсем на него не похоже!

Он снова надел наушники, прибавил громкость. Черт с ней! Он старался забыть о девушке, отвлечься на что-нибудь другое, ничего не получалось.

Вернулась стюардесса, поставила на складной столик запотевшую бутылку и бокал.

— Сколько с меня? — доставая бумажник, спросил Оние́кс.

Стюардесса заученно улыбнулась:

— Бесплатно, сэ́р. Вас угощает наша авиакомпания.

Оние́кс пожал плечами, спрятал бумажник и принялся за шампанское. Стюардесса ушла, по-прежнему улыбаясь. И Оние́кс с досады так хлопнул пробкой, что пассажиры от неожиданности и удивления воззрились на него. Оние́кс залпом осушил бокал, откинулся в просторном кресле и закрыл глаза. В стереофонических наушниках гремел «рок», сотрясая все его существо. Оние́ксу полегчало, он снова наполнил бокал.

Раздался мелодичный сигнал, и женский голос объявил, что через десять минут самолет совершит посадку в аэропорту Цюриха. Пассажиров, летящих дальше, просили оставаться на борту.

Оние́кс, пристегнувшись, выпрямился в кресле. И снова невольно поглядел на девушку. Та смотрела в окно, и Оние́ксу была видна только ее восхитительная прическа в стиле «афро».

Едва самолет подрулил к зданию аэровокзала, Оние́кс поднялся со своего места и направился к выходу. Стюардесса очаровательно улыбнулась ему на прощание. Краем глаза он заметил, что гордая красотка тоже поднялась и собирается сходить.

Кивнув стюардессе, Оние́кс ступил в металлическую галерею, соединяющую самолет со зданием аэровокзала. С формальностями было покончено в мгновение ока, и вскоре Оние́кс был уже на стоянке такси.

Там же оказалась и его попутчица. Сев в такси, она попросила водителя отвезти ее в отель «Хилтон». Оние́кс ухмыльнулся: наверняка так громко назвала адрес, чтобы ему было слышно.

Все еще надменно улыбаясь, он сел в другое такси и направился в банк «СБС». Водитель поднял стекло, отделяющее его от пассажиров, и выехал с территории аэропорта.

Внезапно на Оние́кса нахлынула усталость. Он откинулся на сиденье и задремал. Ему тотчас пригрезилась девушка из самолета. Почему-то они вместе оказались в Энугу, взбирались на одну из гор, которые окружают этот город. Внезапно девушка оступилась и стала скользить по склону вниз. Оние́кс устремился за ней, рискуя

сломать себе шею. Он подхватил ее, поднял на руки и поцеловал. Но в ответ она заехала ему кулаком в темя. Удар был столь сильным, что, проснувшись, Ониекс все еще ощущал его.

Он огляделся. Такси стояло, и Ониекс понял, что стукнулся головой при торможении. Потирая ушибленное место, он расплатился с водителем и вошел в старинное здание банка.

Безукоризненно одетый господин в холле осведомился, назначена ли Ониексу встреча, и если да, то на какое время. Ониекс ответил отрицательно и сказал, что ему необходимо срочно повидать д-ра Дебре. Тогда мужчина попросил предъявить любой документ, удостоверяющий личность Ониекса. Тот полез за бумажником, достал чековую книжку, полученную в ведомстве адмирала, и передал господину. Внимательно изучив ее, господин поднял телефонную трубку и о чем-то распорядился. Потом указал Ониексу на дверь в дальнем углу холла.

— Пройдете туда, повернете направо и увидите зеленую дверь слева...

Ониекс спрятал чековую книжку, пересек холл и, следуя полученным указаниям, оказался у зеленой двери. Он постучал, и мужской голос пригласил его войти.

Комната была просторная, с высоким потолком. Одна стена сплошь из стекла, через которое лился солнечный свет. В углу за письменным столом сидел седовласый мужчина. Он поднялся Ониексу навстречу с протянутой для пожатия рукой. Поздоровавшись с хозяином кабинета, Ониекс опустился в кресло.

Подойдя к окну, седовласый мужчина потянул за шнурок. Из стены выкатились бархатные шторы, плотно занавесившие оконный проем. В тот же миг в центре потолка зажглась огромная люстра. Мужчина вернулся за стол.

— Я Дебре. Если память мне не изменяет, я не имел раньше чести...

Ониекс достал бумажник и протянул через стол свое удостоверение личности вместе с чековой книжкой.

Дебре тщательно изучил их, потом вернул Ониексу удостоверение.

— Как вам должно быть известно, это особый счет. Распоряжаться им имеют право лишь пять доверенных лиц. Рад был убедиться, что вы входите в их число.— Он лучезарно поглядел на Ониекса, и тот улыбнулся в ответ.

— Я хотел бы перевести сегодня сто тысяч франков на новый счет.

Лицо Дебре было невозмутимым.

— Пожалуйста, сэр. На чье имя его открыть?

Ониекс взглянул на часы.

— Этот господин будет здесь через двадцать минут.

— Есть ли у вас еще какие-нибудь пожелания?

Ониекс кивнул.

— Счет этот надо оформить как условный: у получателя ста тысяч будут на руках все бумаги, однако распоряжаться вкладом он сможет лишь по истечении девяти дней, в течение которых я оставляю за собой право отменить сделку.

Холоное лицо Дебре омрачила легкая тень.

— Но, сэр, это противоречит нашим правилам...

Ониекс посмотрел на Дебре, и взгляд его не предвещал ничего хорошего.

— Какая сумма на вашем счете? — спросил он сурово.

Дебре притворился, что не помнит, и полез в гроссбух.

— Пятнадцать миллионов американских долларов, сэр.

— Вы можете в один миг потерять этот вклад. Не захотел бы я оказаться на вашем месте, когда правление банка спросит, как это случилось.

Дебре понял намек, и лицо его опять засияло.

— Уверен, сэр, что нам удастся исполнить ваше пожелание.

— И вот еще что.

— К вашим услугам, сэр.

— Когда к нам присоединится получатель, вы не должны сообщать ему о моем условии.

Дебре не спеша перебаривал слова Ониекса.

— А если он захочет немедленно снять какую-то сумму?

— Это уже ваша проблема, — ответил Ониекс вставая. — Я через минуту вернусь.

Он вышел в холл и выглянул на улицу. Сэмми, прислонясь к стене банка, читал газету. Ониекс помахал ему.

— Сведения есть?

— А деньги?

Ониекс глянул на вербовщика, но ничего не сказал и повел его в кабинет Дебре. Открыв зеленую дверь, он пропустил Сэмми вперед.

Дебре принял вновь прибывшего как коронованную особу. Лишь усадив его в кресло, он обратился к Ониексу:

— Это и есть тот джентльмен, о котором вы говорили?

Ониекс кивнул и тоже сел.

— Я получил указание положить на ваш счет сто тысяч франков. Соболаговолите назвать ваше имя,— сказал Дебре Сэмми.

Тот замотал головой.

— Никаких имен! Я хочу, чтобы вы открыли мне номерной счет.

— Конечно, конечно,— затряс седидами Дебре.— Будьте добры, назовите номер.

Сэмми достал шариковую ручку, написал что-то в блокноте, вырвал листок и передал его Дебре. Тот взглянул на него, списал цифры в гроссбух и вернул листок Сэмми.

— Это все? — спросил Сэмми.

Дебре кивнул, достал чистую чековую книжку, заполнил первую страницу и передал ее Сэмми.

— Теперь ваш счет действителен, сэр.

Сэмми повертел книжку и сунул ее в карман.

— Когда можно снимать с него деньги?

Дебре изобразил на лице удивление.

— Как только мы оформим все необходимые документы.

Сэмми открыл было рот, но передумал и поднялся. Разве можно сомневаться в надежности швейцарских банков! Незачем вдаваться в подробности. Полезнее сохранять с банкиром добрые отношения, особенно теперь, когда многие правительства настаивают на принятии законов о предании гласности имен тайных вкладчиков.

Ониекс тоже поднялся, улыбнулся Дебре. Тот, пожелав джентльменам всего доброго, вернулся к делам.

В холле Ониекс остановил Сэмми:

— Где нам удобнее поговорить?

— Где хочешь.

— Тогда слушай. Примерно в миле отсюда, на этой же улице, где банк, стоит отель «Женева». Купи по дороге чемодан и сними там номер. Я буду ждать в вестибюле и вслед за тобой поднимусь наверх.

— К чему этот маскарад?

— Чем меньше людей увидят нас вместе, тем лучше.

— Понятно.— Сэмми пересек холл, вышел из банка и повернул направо.

Ониекс немного погодя зашагал налево по опрятной, усаженной деревьями улице, на которой царили мир и спокойствие. Потом остановил такси и велел отвезти его в отель «Женева».

Из окна он разглядывал причудливые старинные здания, стоявшие вдоль улиц сплошной стеной. Все так чисто, аккуратно! Да уж, Цюрих — это не Лагос... Впрочем, незачем так высовываться. Не в его интересах афишировать свое пребывание в Швейцарии!

Такси остановилось у центрального подъезда «Жене-вы». Ониекс расплатился и, войдя в вестибюль, направился к бару в дальнем углу справа. Он заказал виски со льдом и, сидя на табурете, потягивал его. Интересно, что ценного расскажет ему Сэмми. Немного терпения. В конце концов, дареному коню в зубы не смотрят... Не совестно ли надуть Сэмми? Нет, никаких угрызений в отношении этого мерзавца Ониекс не испытывал.

Допив виски, он расплатился и отошел от бара. Сэмми стоял у окошка администратора. Рядом с ним на полу поблескивал новенький чемодан. Ониекс опустил в кресло, а Сэмми, получив ключ, нарочито громко переспросил портье:

— Вы уверены, что в четыреста девятнадцатом номере цветной телевизор?

Ониекс бесстрастно глядел сквозь стеклянные двери на улицу, в то время как Сэмми в сопровождении носильщика важно прошествовал к лифту.

Ониекс пожалел, что у него нет с собой оружия: теперь ни в один пассажирский самолет с пистолетом не сядешь. С тех пор как террористы разных мастей начали развлекаться воздушным пиратством, все авиакомпании обзавелись устройствами, обнаруживающими у пассажиров металлические предметы.

Не спеша поднявшись, Ониекс уверенно пошел к лифту. Никто его не остановил. Войдя в кабину, он нажал кнопку четвертого этажа. Дверцы захлопнулись, выдавший виды лифт медленно поехал вверх и на четвертом этаже со скрежетом остановился.

Ониекс вышел и поглядел в оба конца коридора. Ни души! Номер четыреста девятнадцать — шестая дверь справа. Он постучал и, услышав голос Сэмми, вошел, плотно притворив дверь.

Сэмми, сидя у окна в кресле, смотрел на улицу. Ониекс подошел и сел на стоявший рядом диван.

— Ну, выкладывай! — потребовал он.

Сэмми заговорил не сразу, точно не мог оторваться от вида за окном.

— Я их выдам, и парней накроют, когда они высадятся у вас. Выходит, я обрекаю их на верную гибель.

Ониекса удивил этот не типичный для Сэмми приступ совестливости.

— Тебе-то что? Они не на тебя работают, тебе даже лучше избавиться от них. Не забывай — скоро ты получишь обещанное и вернешь себе прежнее положение.

— А вдруг они пронюхают?

— Если только ты им сам расскажешь.

Сэмми пожал плечами.

— Их наняли юаровцы для налета на ваши нефтяные промыслы.

Сказав это, Сэмми замолчал, наблюдая за реакцией Ониекса, и тот оправдал его ожидания, изобразив крайнее изумление.

— Говори, что знаешь.

Сэмми не заставил себя упрашивать — выложил все, что ему удалось разведать. Это заняло без малого час.

Когда Сэмми умолк, Ониекс про себя отметил, что не мог даже мечтать о столь полной и подробной информации. Потраченное время и усилия не пропали зря. Он открыл рот, собираясь кое-что уточнить, но тут в дверь постучали.

Оба удивленно переглянулись. Ониекс сделал вопросительный жест, Сэмми только пожал плечами. Ониекс лихорадочно соображал, как быть, потом шепотом велел Сэмми спросить, кто там.

— Официант, сэр! — последовал ответ. — Администрация приветствует вас шампанским.

Мужчины снова переглянулись. Ониекс жестами велел Сэмми открыть, решив, что отказ принять шампанское вызовет кривотолки, а значит, и повышенное внимание. Очевидно, это очередная хозяйская уловка для привлечения постояльцев.

Он спрятался за дверью, которую распахнул Сэмми. Человек в форменной кепочке вкатил столик на колесах. Из ведерка со льдом торчала бутылка шампанского.

— Лучшие пожелания администрации, сэр! — воскликнул он, выкатывая столик на середину комнаты.

Сэмми закрыл дверь и повернулся к нему лицом. В этот момент официант выдернул руку из-под белой скатерти, свисавшей почти до пола. В его пятерне сверкнул автоматический маузер с глушителем. Ни секунды не медля, он в упор выстрелил в Сэмми.

Ониекс сорвался с места, прежде чем убийца его заметил. Когда же «официант» выстрелил еще раз, пуля лишь вырвала клоч из рукава Ониекса, но пилота это не остано-

вило. С разбега он заехал бандиту головой в живот. Оба повалились на ковер. Ониекек поднялся первым и нанес боксерский удар справа в челюсть противника. Кепочка слетела с головы «официанта», однако маузер он не выпустил, снова прицелился в Ониекекса, но выстрелить не успел — приемом каратэ Ониекек парализовал его бицепс.

В ответ «официант» ударил Ониекекса ногой в пах. Застонав от боли, пилот повалился на спину, однако тут же перекатился на колени и прыгнул на диван. Он проделал это молниеносно, и предназначавшаяся ему пуля угодила в Сэмми, который как на грех приподнялся с пола. Издав глухой стон, он рухнул как подкошенный.

Прежде чем «официант» успел обернуться, Ониекек налетел на него, как коршун. Он вложил в удар все силы — кулак угодил противнику в нос, а ботинок Ониекекса погрузился в живот убийцы. Тот согнулся пополам, но его рука все еще сжимала пистолет.

Ониекекса обуяла ярость. Прежде чем «официант» опомнился, еще один точный удар опрокинул его. Убийца вскрикнул, уронил оружие и закрыл лицо ладонями.

Ониекек подобрал оброненный пистолет и, не целясь, выстрелил. Теперь пора было уносить ноги. Он отворил дверь номера, выглянул в коридор.

Необходимо выбраться отсюда и первым же самолетом улететь в Лагос. Ониекек шагнул в пустой коридор, захлопнул дверь и направился к запасной лестнице.

Глава 4

Лагос, Нигерия

Ониекек Халла спустился по трапу самолета, принадлежавшего нигерийской авиакомпании, и зашагал к зданию аэропорта имени Мурталлы Мухаммеда.

Багажа у него не было, и таможенник пропустил его без досмотра. Ониекек пересек зал прилетов, вошел в длинный коридор и остановился у третьей двери по левую руку. На ней не было никакой таблички. Ониекек ступил в комнату и предстал перед двумя мужчинами, сидевшими на скамье у противоположной стены. Оба держали руки в карманах и имели довольно грозный вид.

Ониекек, стараясь не делать резких движений, достал удостоверение и, шагнув вперед, протянул его одному из мужчин. Тот взял его левой рукой, повертел, сличил фотографию с «подлинником» и вернул удостоверение Ониекексу.

— Чем можем быть полезны, сэр? — У мужчины шевелились одни губы. Правая рука по-прежнему покоилась в кармане, встать со скамьи он не собирался.

— Мне необходимо немедленно связаться с адмиралом, — сказал Ониекс.

Мужчина слегка склонил голову. Поглядев в указанном направлении, Ониекс увидел на столике в углу белый телефонный аппарат с особым устройством против подслушивания.

Он кивнул, подошел к телефону и набрал номер.

На другом конце провода ему велели назвать себя. Когда Ониекс сообщил свое имя, голос пожелал узнать, откуда он звонит, потом приказал положить трубку и ждать.

Ониекс повиновался, присел на краешек стола и оглядел комнату. В ней было пусто, если не считать столика с телефоном и скамьи, на которой сидела мрачная пара. Зазвонил телефон, и Ониекс поднял трубку.

Тот же голос велел ему незамедлительно прибыть в городской офис адмирала — шеф ждет его.

Ониекс вышел в коридор, даже не поглядев на скучавших на скамье агентов. Вскоре он уже был на стоянке такси перед зданием аэропорта. В нос ударил знакомый лагосский запах.

Таксист распахнул перед ним дверцу, Ониекс опустился на сиденье и велел ехать в отель «Ико» на острове Виктория. Таксист кивнул, обежал вокруг машины, впрыгнул на переднее сиденье и рванул к городу так, что покрышки застонали.

Ониекс вздохнул: вот он и дома. Проезжая через район Икеджа, он повторял про себя все, что услышал от Сэмми. Верна ли его собственная оценка ситуации? Если вербовщик точно указал срок налета, времени остается в обрез. Интересно, как воспримет новость адмирал. Впрочем, угадать невозможно — шеф не раз уже опрокидывал предположения Ониекса...

Он посмотрел на волнорез пляжа Бар-Бич, и ему пришла в голову праздная мысль: сколько лет понадобится упругим волнам, чтобы размыть песок и поглотить весь остров?

Такси въехало на территорию отеля «Ико», выстроенного в ультрасовременном стиле, и остановилось у сводчатого подъезда.

Расплатившись, Ониекс зашагал к стоянке такси в стороне от входа в гостиницу. Он открыл заднюю дверцу

первой машины и сел в нее. Водитель был одет в белое дашики¹ и скорее походил на преуспевающего постояльца отеля, чем на таксиста.

Ониекс назвал ему адрес, и они чинно выехали за ограду гостиницы. Все в этом водителе было особенным: и одежда, и повадки — так лагосские таксисты не ездят!

За окном проплывали ряды сверкающих десятиэтажных жилых домов, выстроенных для депутатов Национальной ассамблеи. Ониекс иронически ухмыльнулся — вот она, подлинная демократия: представители пяти различных политических партий ссорятся до хрипоты на заседаниях ассамблей, но это не мешает им жить мирно под одной крышей!

Такси остановилось у здания юридического факультета. Ониекс расплатился, дав щедрые чаевые. Побольше бы таких спокойных, достойных водителей!

Он подождал, пока такси отъедет, а потом зашагал в обратном направлении. Пройдя ярдов сто пятьдесят, он свернул на усыпанную гравием дорожку, ведущую к дому за высоким кирпичным забором. У ворот предъявил удостоверение. Вооруженный охранник отпер калитку и подтвердил, что адмирал уже ждет Ониекса.

Подойдя к белому бунгалу, Ониекс постучал в резную дверь из дерева ироко. Ему открыл морской пехотинец и повел за собой по извилистому коридору. Пехотинец постучал в дверь кабинета и отступил в сторону, пропуская Ониекса вперед.

Ониекс был поражен, увидев обстановку кабинета — точная копия той, что украшала адмиральскую кабину на борту авианосца!..

Адмирал говорил по телефону. Ониекс подошел к столу и сел напротив.

— Передайте президенту, что мы полностью контролируем ситуацию, — отчеканил адмирал и, повесив трубку, впился в Ониекса цепким взглядом.

— Ну, командир, как успехи?

Ониекс, как всегда, почувствовал себя неловко.

— Информация добыта, — тихо сказал он.

Адмирал откинулся в своем кожаном кресле на колесиках и скрестил на груди руки.

— Так поделитесь ею со мной.

Ониекс сделал глубокий вдох.

---

¹ Широкая, свободного покроя рубака.

— Я побывал в Лондоне и встретился с Сэмми. Вы его знаете, сэр.

Адмирал нетерпеливо кивнул.

— У него на хвосте висел Ван Смутс, агент БОСС. Я договорился с Сэмми о встрече в Цюрихе, а потом выехал на машине в пригородную зону. Ван Смутс за мной. На одном из проселков он не сбавил скорость и на первом же вираже слетел в овраг — с самыми печальными для себя последствиями.

Ониекс взглянул на адмирала, но на лице шефа нельзя было ничего прочесть. Ониекс поспешил продолжить доклад.

— Потом я прилетел в Цюрих и договорился с нашим банком о переводе ста тысяч франков на счет Сэмми. Сэмми поверил, что мы и в самом деле отвалили ему эту сумму. Еще я пообещал ему прах жоака наемников, захваченного и казненного ангольским правительством во время революционных событий в стране...

Адмирал со значением кашлянул. Ониекс запнулся на мгновение и снова заговорил. Казалось, адмирал все знает. Неясно только, чего он в таком случае от Ониекса ждет?

— Сэмми сообщил мне, что южноафриканцы завербовали тридцать наемников для нанесения диверсионного удара по новому нефтеочистительному заводу в Кадуне. Это должно произойти через три недели. Их доставят в Нигерию на пассажирском авиалайнере «сьюпер-констеллейшн», купленном у спекулянтов в Париже. На подходе к воздушному пространству Нигерии экипаж радирует нашим наземным диспетчерам, будто это южноафриканский самолет, захваченный партизанами СВАПО, и попросит разрешения совершить посадку в аэропорту Кадуны.

Впервые за все время, что Ониекс докладывал, адмирал выказал подобие интереса. Ониекс, пряча улыбку, продолжал:

— В этом весь фокус. Начав снижаться, они сбросят наемников на парашютах вблизи нефтеперерабатывающего завода, а потом, если верить Сэмми, снова свяжутся с диспетчерами аэропорта Кадуны и сообщат о какой-то неисправности, в связи с чем им необходимо покружить и сжечь избыток топлива, прежде чем совершить аварийную посадку...

Адмирал был задумчив.

— У наемников есть полчаса на то, чтобы взорвать завод, и еще полчаса, чтобы добраться до кадунского аэропорта. Ровно через час после высадки десанта самолет

приземлится, заберет их и улетит, прежде чем наши ВВС объявят тревогу. По завершении операции наемники рассеются кто куда, а самолет пойдет на слом. Никто не узнает, кто ответствен за диверсионный рейд. Даже если и удастся что-то раскопать, вся вина будет взыскана на наемников, против Южной Африки улики не останутся. Вот что успел рассказать мне Сэмми, прежде чем его застрелил агент БОСС.

Адмирал долго молчал, потом спросил:

— А что стало с агентом БОСС, который застрелил Сэмми?

Ониекс наконец позволил себе улыбнуться.

— Он так торопился унести ноги, сэр, что не рассчитал траектории собственного выстрела и сам себе угодил в голову.

— Понятно, — сухо произнес адмирал.

Ониекс стер с лица улыбку. Последовало долгое молчание.

— Итак, ваши выводы? — отрывисто спросил адмирал.

— Думаю, что Сэмми в точности передал задание, полученное наемниками от южноафриканцев. Но я не верю в то, что Претория намерена придерживаться этого плана.

— Продолжайте.

— Полагаю, что они действительно сбросят наемников на нефтеочистительный завод, но далее изменят сценарий. «Сьюпер-констеллейшн», сбросив десант, развернется и улетит туда, откуда прилетел, оставив наемников на произвол судьбы. Те взорвут завод, проберутся в аэропорт, никакого самолета там не окажется — и они будут арестованы.

Адмирал отозвался не сразу.

— Почему вы так думаете? — наконец спросил он.

— Если даже юаровцы считают, что нигерийские силы безопасности не на высоте, все-таки они отдадут себе отчет в том, что мы не круглые идиоты. Предположим, мы поверим их вранью и позволим самолету войти в наше воздушное пространство. Однако вскоре мы сообразим, что между кружащим над Кадуной самолетом и диверсией существует связь, и тогда либо собьем самолет, либо дадим ему приземлиться и захватим в аэропорту.

Адмирал кивнул, однако рассуждения Ониекса удовлетворили его не полностью.

— Ну а других причин так думать нет?

— Когда наемники взорвут завод, в наших частях уже будет объявлена тревога, и они получают приказ контроли-

ровать налетчиков. Бандиты смогут иметь при себе лишь ограниченное количество боеприпасов — ведь они будут сброшены на парашютах, — и пробиться к аэропорту им вряд ли удастся. С военной точки зрения их положение безнадежно. Стало быть, нет никакого смысла посылать за ними самолет в Кадуну — они туда не пройдут.

— И это все, командир? Пошевелите же наконец мозгами!

Ониекс задумался.

— Южноафриканцы даже заинтересованы в том, чтобы наемников схватили. Они намеренно принесут их в жертву, сделают из них козла отпущения. Нигерийцы, полагают они, допросят наемников и выяснят, кто их послал. Претория будет все отрицать, заявит, что наемники приплетают ее без всяких оснований, исключительно ради спасения своей шкуры. Как, мол, можно верить им? Ведь во всей Африке хорошо известно, что это за сброд! А заодно Претория даст понять Лагосу, что ему лучше не вмешиваться в дела Намибии...

Адмирал устался на Ониекса и с сожалением покачал головой.

— Значит, так и не поняли ничего?

Ониекс сник. Он-то был уверен, что произвел блистательный анализ добытой информации.

— Я согласен с вашими выводами относительно данной, отдельно взятой операции. Но неужели вам не понятен их более широкий замысел?

Ониекс поджал губы. Что адмиралу нужно? О чем это он толкует? Какой еще замысел? А может, и впрямь дело не ограничится одной лишь Кадуной?..

— Господи! — произвольно воскликнул он. Наконец-то до него дошло!

— Лучше поздно, чем никогда, — назидательно заметил адмирал.

— Вся эта затея с наемниками всего лишь отвлекающий маневр!

Адмирал кивнул.

— Я допускал такую возможность, но посчитал ее маловероятной. Только теперь вы открыли мне глаза...

— Что за возможность?

— Видите ли, если нефтеперерабатывающий завод в Кадуне — их единственная цель, то тогда им изменяет здравый смысл.

— Отчего же?

— Ни для кого не секрет, что у Нигерии три таких

завода. Как это можно скрыть, если все они построены иностранцами! Знают это и в Претории. Так какой же прок наносить удар только по одному объекту? Два других увеличат производство, пока завод в Кадуне не отстроят заново. Словом, уничтожение одного предприятия не поможет ЮАР достичь желаемого результата.

Адмирал снова одобрительно кивнул.

— Мы знаем, что их цель — лишить нашу страну основы и источника ее международного авторитета и влияния. Они хотят, чтобы Нигерия хотя бы некоторое время не принимала участия в решении намибийского вопроса.

— Итак?

— Чтобы этого добиться, они должны вывести из строя предприятия, обеспечивающие Нигерию продукцией, которая идет на экспорт.

Адмирал одарил Ониекса улыбкой — такое с шефом случалось лишь по большим праздникам!

— И что же из этого следует?

— Удар по заводу в Кадуне не более чем отвлекающий маневр. Их главная мишень — нефтеналивные сооружения в Бонни, не так ли? — продолжал окрыленный Ониекс.

— Вы ухватили суть, — похвалил летчика адмирал. — Я бы и сам не сумел сформулировать вражеский замысел точнее.

— Остается выяснить еще одну подробность. Когда они планируют напасть на Бонни?

— На это я вам отвечу так: атака на Бонни начнется через два-три часа после высадки десанта в Кадуне, когда они удостоверятся в том, что все наше внимание приковано к их отвлекающему маневру. Возникает еще один вопрос: как именно они осуществят нападение на Бонни?

Ониекса охватил азарт, беседа с адмиралом доставляла теперь истинное наслаждение.

— Позвольте, сэр, я попробую догадаться.

Адмирал кивнул.

— В акваторию глубоководного порта Бонни войдет их подводная лодка и высадит десант для уничтожения наливных сооружений и резервуаров с нефтью. По окончании операции подлодка подберет налетчиков и выйдет в открытый океан.

Адмирал вновь кивнул, подтверждая догадку Ониекса.

— Последний вопрос, и на этом закончим. — Адмирал посмотрел на часы. — Какие войска будут использованы для десанта в Бонни?

Ониекс задумался. Чтобы найти ответ, необходимы военные познания, помноженные на вышедший из моды здравый смысл, который вопреки распространенному заблуждению присущ далеко не всем.

— Наемники — народ ненадежный, так что столь ответственную операцию, скорее всего, поручат регулярной армейской части, скажем роте морских пехотинцев. А поскольку в Кадуне будут захвачены наемники, возникнет впечатление, что и в Бонни действовали они же.

Ониекс умолк и поглядел на адмирала, их взгляды встретились.

— Итак, мы рассмотрели не только факты, но и предположения,— подытожил адмирал.— Ваши чрезвычайные полномочия остаются в силе. Через три недели жду доклада. Желаю удачи!

Шеф, как обычно, раскрыл лежащую на столе папку с документами и погрузился в чтение, из чего Ониекс понял, что разговор окончен. Он был слегка ошарашен: выходит, ему поручены оба дела — позаботиться о наемниках в Кадуне и встретить должным образом юаровских командос в Бонни!

Ониекс в задумчивости побрел к двери, но на пороге кое-что вспомнил, вернулся к столу, поднял без спросу телефонную трубку и набрал номер протокольной службы.

— Снимите «люкс» в отеле «Ико» на имя Ониекса Халлы. Мои полномочия можете проверить у шефа. Номер мне нужен через двадцать минут.

Ониекс положил трубку и пошел к двери. Он бы не стал утверждать это под присягой, однако вряд ли ему только показалось: когда адмирал на долю секунды поднял глаза, в его взгляде мелькнула почти отеческая гордость.

Выйдя на улицу, Ониекс сел в такси и поехал в «Ико». Смежив глаза, он стал в общих чертах набрасывать план порученной ему операции. Первые пять минут не дали осязаемых результатов, но затем мысль заработала без перебоев. Ониекс вернулся к действительности, лишь когда такси затормозило у входа в отель.

В вестибюле он подошел к портю и спросил, готов ли для него номер. Ему дали заполнить регистрационный бланк и вручили ключ.

Войдя в один из множества лифтов, Ониекс нажал кнопку десятого этажа. Номер оказался вызывающе роскошным, Ониекс давно ничего подобного не видывал. Но отвлекаться на праздные размышления он не стал, а, не

раздеваясь, прилег на кровать и погрузился в дальнейшую разработку плана.

Через два часа Ониекс поднялся. Пора приступить к делу. План в основном созрел, а детали прояснятся по ходу операции. Так бывало и раньше, и еще никогда находчивость и интуиция его не подводили.

Всякий раз сталкиваясь с серьезной проблемой, он обдумывал узловые моменты, откладывая частности на «потом». По прошествии нескольких дней в уме вызревал вполне реальный план действий, все вставало на свои места.

Он спустился на лифте в вестибюль и, снова сев в такси, назвал водителю адрес — на этот раз центральной телестудии. Едва машина тронулась, он снова закрыл глаза и мысленно вернулся к предстоящей операции. Ведь пока план был далек от совершенства — приходилось довольствоваться тем, что есть.

В проходной студии Ониекс спросил, как найти кабинет директора. Выслушав подробные объяснения, он двинулся в указанном направлении через обширную территорию студии, где шла лихорадочная работа. Артисты в костюмах разных времен и народов репетировали в тени деревьев. Ониекс удивился тому, как много вокруг знакомых лиц — он давно знает их по телепередачам. Несколько по привычке к новому ощущению, он испытал даже некоторое разочарование: девушка, казавшаяся на экране красавицей, при ближайшем рассмотрении таковой не оказалась; у других обладателей телегеничных лиц были необъятные животы, а знаменитый диктор, ведущий программу новостей, едва доставал Ониексу до плеча...

Отыскав наконец кабинет директора, Ониекс постучал в дверь и вошел в приемную. Его попросили подождать — директор занят. Ониекс, едва скрывая нетерпение, присел на краешек стула. Наконец посетитель вышел, и секретарша пригласила Ониекса войти.

Кабинет директора был узкий и длинный. Справа на тумбе высился огромный телевизор. Пол был устлан алым ковром, а сам директор сидел в дальнем углу за резным письменным столом. Ониекс достал из бумажника подписанный президентом мандат и протянул его через стол. Директор прочел, многозначительно хмыкнул, вернул документ Ониексу.

— Прошу вас, садитесь, мистер Халла. Чем могу быть полезен?

— Мне нужен молодой талантливый постановщик с

богатым воображением для съемок фильма по заказу правительства.

Директор поджал губы и задумался. Прошла целая вечность, прежде чем он вышел из оцепенения и расплылся в улыбке.

— Пожалуй, у меня есть как раз тот человек, который вам требуется. Выйдете отсюда и свернете по коридору направо. В комнате номер шесть спросите Дэле Дженари. А я сию минуту позвоню ему и предупрежу о вас.

— Спасибо за помощь.

Ониекс поднялся.

Он быстро отыскал комнату номер шесть, уверенно постучал в ярко-желтую дверь и, войдя в тесное прокуренное помещение, увидел молодого человека, который сидел на полу и возился с игрушечными домиками, строя макет деревни. Зазвонил телефон, молодой человек вскочил с пола и снял трубку. Закончив разговор, он протянул Ониексу руку.

— Я Дэле Дженари. Можете звать меня просто Дэле.

— А я Ониекс Халла.

Ониекс крепко пожал протянутую руку. Дэле уселся на край заваленного всякой всячиной стола и выудил из вороха бумаг сигареты. Предложил их гостю. Ониекс покачал головой. Дэле закурил, с удовольствием затянулся табачным дымом.

— Босс только что звонил,— он показал на телефон.— Мне велено делать все, что вы скажете.

Ониекс откинулся на спинку стула.

Дэле улыбнулся, выпустил колечко дыма.

— Вы сейчас кое-что услышите,— начал Ониекс,— чего не только посторонним, самому себе нельзя вслух повторять. С этой минуты вы привлекаетесь к сверхсекретному правительственному заданию. Никто, даже ваш босс, не должен ничего об этом знать. Впрочем, он и не станет спрашивать. Я сказал ему, что вы будете снимать фильм по заказу правительства.

Дэле кивнул.

— Очевидно, это не совсем соответствует истине?

— Совсем не соответствует,— ответил Ониекс.— Теперь слушайте.

Дэле постарался не пропустить ни единого слова. Когда Ониекс смолк, молодой человек погасил сигарету и недоуменно уставился на летчика.

— Вы случайно меня не разыгрываете?

Ониекс замотал головой. Внезапно Дэле звонко рас- смеялся.

— Что тут смешного? — недовольно спросил Ониекс.

— Да как вам сказать, непосвященному трудно объяс- нить. В общем, я охотно берусь за это дело. Всю жизнь мечтал о таком заказе!

Теперь настал черед Ониекса изумляться. Энтузиазм молодого человека покорил его. Только теперь Ониекс впервые проникся уверенностью: его план, несмотря на всю невероятность, удастся осуществить.

— Когда вы думаете приступить?

— Немедленно. — ответил Дэле. — Хочу скорее удосто- вериться, что все это не сон.

— Это не сон, — подтвердил Ониекс вставая. — Ну что же, поехали.

— Секунду. — Дэле закурил еще одну сигарету. — Есть у нас режиссер, мы всегда работаем вместе...

— Человек надежный? — Ониекс снова опустил на стул.

Дэле кивнул.

— О'кей!

Дэле поднял телефонную трубку.

— Нвога, зайди-ка! — Он машинально полез за сига- ретой, забыв, что уже курит. — Господи, до чего я вол- нуюсь! Словно на первое свидание иду...

Ониекс улыбнулся, все больше проникаясь уверен- ностью в успехе задуманного им трюка. Этот молодой человек буквально излучал энергию. За спиной у Ониекса открылась дверь, и кто-то почти вбежал в комнату.

— Привет, Нвога! Я тебе такое сейчас скажу, забу- дешь, как тебя зовут!

Ониекс обернулся и замер от изумления. Девушка из самолета!.. А красotka, влетев в комнату, тут же умести- лась на краешке стола, приготовившись слушать.

Дэле, заметив выражение лица Ониекса, ухмыльнулся.

— Хороша, верно? Ослепнуть можно!

Ониекс в ответ только глупо закивал. Ему-то казалось, что он и думать о ней забыл. А вот поди ж ты! Увидел — и задремавшие чувства всколыхнулись с прежней силой.

— Познакомьтесь, это Нвога. Она похожа на манекен- щицу, но видимость обманчива. Чертовски талантливый режиссер — по любым международным меркам!

Нвога заговорила, прежде чем Ониекс пришел в себя.

— Я его встречала, — сказала она Дэле. — В самолете, когда возвращалась с лондонского кинофестиваля. Но он

исчез, прежде чем мы успели познакомиться.— Она обернулась к пилоту.— Если не ошибаюсь, Ониеке Халла?

Лишь огромным усилием воли Ониеке удалось взять себя в руки.

— Дэле, введите Нвогу в курс дела, но вы мне за нее отвечаете! — излишне сурово приказал он молодому человеку.

Дэле слез со стола и начал вышагивать взад-вперед по комнате.

— Да ей впору дать медаль за умение держать язык за зубами! Она у нас молодчага! Если бы я в ней сомневался, стал бы я ее звать?

— Я еще, может, откажусь! — с обидой воскликнула Нвога.— У меня своей работы хватает.

Дэле улыбнулся во весь рот:

— Не откажешься, когда узнаешь, что тебе предлагают! — И он пересказал ей то, что услышал от Ониеке. Говорил он так увлеченно, что Ониеке даже заслушался. Пилот поглядывал на Нвогу, следя за ее реакцией. Ему так хотелось, чтобы она согласилась работать с ними! По ее лицу, вспыхнувшему от подавляемого волнения, Ониеке понял, что можно не сомневаться — она скажет «да»!

— Когда начнем? — спросила Нвога, едва дослушав до конца.

Дэле уже направлялся к двери.

— Сейчас же! — ухмыльнулся он.— Можешь идти собирать свои пудры-помады.

— Для такого дела мне пудра не нужна. Я готова! — выпалила Нвога, рванувшись за Дэле.

— Эй! — окликнул их Ониеке.— А я? Меня забыли! В конце концов, это же моя идея!

Удивлению его не было предела. Он слышал, что все, кто работает на телевидении, чокнутые, но впервые мог лично в этом убедиться.

Дэле оглянулся.

— Вы нас задерживаете. Скорее отсюда, пока босс не передумал!

Ониеке вскочил и помчался за ними. На стоянке машин Дэле подбежал к сверкающему «мустангу», нагнул водительское сиденье и велел Ониеке лезть назад.

Ониеке с беспокойством оглядел автомобиль. Даже в неподвижном состоянии он, казалось, мчался со скоростью звука. Недоверчиво пожав плечами, Ониеке сел на заднее сиденье и потянулся, чтобы открыть правую дверцу для Нвоги. Девушка села рядом с Дэле, застегнула ремень

безопасности. Дэле рванул с места, от рева мотора заложило уши. Судя по всему, Дэле всегда так ездил: на территории студии, едва завидя «мустанг», все разбегались врассыпную.

Выехав за ворота, Дэле свернул направо и помчался вдоль пляжа Бар-Бич, даже не снимая ноги с педали газа. Машина и впрямь походила на вырвавшегося на волю жеребца, она пулей неслась по асфальту, оставляя за собой шлейф выхлопных газов.

Ониекс набрал в легкие воздух и сказал:

— Послушайте, дружище, нельзя ли ехать помедленнее? Операция еще не началась, а я хотел бы дожить до ее завершения.

— Разве мы быстро едем? — Нвога перекричала рев мотора. — Покажем ему, Дэле, на что эта колымага способна! — И в ее глазах заплескали чертики.

— Не вздумайте! — запросил пощады Ониекс. — Мне и так достаточно!

— Куда направимся, Ониекс? — обернулся Дэле.

— Я остановился в «Ико». Ради бога, смотрите на дорогу!

Дэле широко улыбнулся и взнуздal своего скакуна.

Глава 5

Тренировочная база, ЮАР

Стоя на топком берегу озера, Зелдер наблюдал за действиями морских пехотинцев. Они шли на пяти лодках «зодиак», которые неслись по воде как призраки.

Зелдер взял автомат наперевес, повернулся к рощице лицом и сделал сигнальный выстрел. В тот же миг раздался залп минометов, на глинистом берегу разорвались снаряды.

Зелдер довольно кивнул. Он был уверен, что их высадке на нигерийский берег в Бонни ничто не помешает, однако не привык ни в чем полагаться на случай. Вот уже две недели он готовил своих людей в условиях, приближенных к тем, что ждут их в Бонни. Он знал, что рота готова ко всяким переделкам, однако любой командир знает: совершенствоваться можно и нужно бесконечно.

Минометный огонь приблизился к тому месту, где он стоял. Грохот эхом разносился по озеру, отражаясь от ровной поверхности мутноватой воды.

Первая надувная лодка уткнулась в берег, и коман-

дос, заgrimированные под чернокожих, бросились в атаку, строча из автоматов. Тут же подошли остальные лодки, и вся рота высадилась на сушу.

Заметив, что один солдат по пояс увяз в грязи и зовет на помощь, Зелдер поднял автомат и дал очередь, вспенив воду вокруг незадачливого пехотинца. Тот заорал как сумасшедший, кое-как выкарабкался и зашлепал к берегу.

Зелдер снова нажал на спусковой крючок, и фонтанчики от пуль проводили несчастного до берега. Перепуганный насмерть пехотинец оступился и упал.

На бронзовом лице Зелдера появился злобещий оскал. Он тщательно прицелился и выпустил очередь в распростертого на земле солдата. Тот забился в конвульсиях и, издав леденящий душу стон, затих.

Зелдер перезарядил автомат и посмотрел в сторону рощицы, туда, где пехотинцы атаквали фанерные макеты нефтеналивных установок в Бонни. Пригнувшись, побежал зигзагами, лавируя среди разрывов мин. Он знал, что рискует жизнью, но давно взял за правило испытывать на собственной шкуре все то, что выпадает на долю подчиненных. Над головой завывала мина, и Зелдер припал к земле, зарывшись лицом в грязь. Мина разорвалась не-вдалеке, тяжелые комья земли обрушились на него. Он снова вскочил на ноги и побежал между деревьев в направлении фальшивых нефтяных резервуаров.

Вскоре разрывы мин остались позади. Прямо перед ним возник макет нефтеналивной установки в натуральную величину. Он остановился, наблюдая за действиями своих людей, методично штурмовавших макет. Первый взвод атаковал с фронта, ведя непрерывный огонь, второй наносил удар на правом фланге. Третий шел по пятам за первым, создавая необходимый резерв и прикрывая идущих впереди огнем.

Потребовалось менее получаса на то, чтобы поджечь макет и захватить его «защитников». Зелдер довольно ухмыльнулся. В настоящем бою может возникнуть любая неожиданность, ко всему надо тщательнейшим образом готовиться.

По заросшей тропе он вышел на чавкающий от грязи проселок, прыгнул в джип, стоящий на обочине, и помчался с пляжа. Через десять минут он свернул с проселка в заросли, следуя по едва заметной колее. Скребя днищем о подлесок, джип наконец выскочил на поляну, где были разбиты три просторные палатки.

Затормозив у входа в одну из них, Зелдер выпрыгнул из кабины. Вооруженный часовой лихо отсалютовал ему и отступил в сторону, давая дорогу. Внутри палатки было сумрачно. Зелдер вытянулся по стойке «смирно».

Бритоголовый возился у полевой рации. Он не ответил на приветствие и лишь рукой махнул, разрешая Зелдеру принять положение «вольно».

— Мне только что доложили итоги последнего учебного боя, — сказал он.

Зелдер молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— У вас было мало времени, но тем не менее вы справились с возложенной на вас задачей.

— Спасибо, сэр!

— Садитесь и обсудим в последний раз план операции.

Зелдер снял с шеи автомат и положил на брезентовый стул слева от себя, затем сел лицом к бритоголовому и заговорил:

— В основном будем придерживаться первоначального замысла, хотя вчера у меня возникло большое искушение либо вообще отменить нападение, либо отложить на неопределенный срок.

Начальник БОСС удивленно вздернул кустистые брови.

— Наши люди сообщили из Европы, что ими засечен нигерийский агент.

— Почему сразу меня не известили? — спросил бритоголовый, откидываясь на жесткую спинку походного кресла.

— Я ждал дополнительных фактов, сэр.

Последовала долгая пауза.

— Ну и что же это означает?

— Сэр, нигерийский агент встретился в Лондоне с одним из вербовщиков, которого мы собирались привлечь для операции в Кадуне. Один из наших людей сел нигерийцу на хвост, но тот заманил его в ловушку и уничтожил.

Глаза начальника вспыхнули бешенством, и Зелдер поспешил продолжить, пока шеф его не перебил.

— Нигерийцу удалось улизнуть, но наши люди накрыли его в Цюрихе, куда он прилетел из Лондона. Следующим самолетом туда же прибыл вербовщик, и оба встретились в одном из банков в деловом квартале. Наш человек связался по телефону с Лондоном, чтобы получить инструкции. Ему было приказано ликвидировать обо-

их. Вербовщика прикончили, но нигериец снова ушел.— Зелдер перевел дух.— Прежде чем скрыться, он уничтожил нашего агента.

Окончив доклад, Зелдер ждал бури. Но ее не последовало. Начальник молча смотрел перед собой, словно не замечая Зелдера. Молчание так затянулось, что Зелдер подумал: уж не задремал ли шеф? Нет, глаза открыты. Когда он наконец заговорил, голос у него был чересчур, неестественно спокойный.

— Вы хотите сказать, что мы потеряли двух человек, еще не приступив к операции?

Зелдер только кивнул в ответ. Последовала еще одна мучительная пауза.

— И тем не менее вы не отступаете от первоначального замысла! Я считаю, что вся затея с треском провалилась.

Зелдер осмелился возразить:

— Мне думается, вербовщик потребовал деньги вперед, поэтому они и встретились в Цюрихе. Мои люди доложили, что уничтожили его, прежде чем он успел что-либо сообщить нигерийцу.

Бритоголовый раздраженно замотал головой:

— Ваши люди пытаются скрыть свою некомпетентности!

Зелдер вновь позволил себе не согласиться с шефом.

— Я не доложил вам вчера обо всем только потому, что решил с ними связаться напрямую и самому узнать все обстоятельства дела. Они готовы присягнуть, что нигериец не успел ничего выпытать у вербовщика.

— И вы им поверили?

По правде говоря, Зелдера не убедили заверения этих головотяпов, но его так увлекла предстоящая операция, что он готов был пойти на некоторый риск.

— Да, сэр, поверил.

И снова бритоголовый надолго замолчал, потом заговорил не терпящим возражений тоном:

— В свете новых обстоятельств следовало бы отменить операцию.

У Зелдера словно что-то внутри оборвалось.

— Однако я так не поступлю,— продолжил шеф после очередной паузы.— Но подчеркиваю: отныне вы несете личную ответственность за успех дела. Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что это означает.

Зелдер не питал никаких иллюзий: если их постигнет неудача, ему надлежит остаться там, на поле боя. Он

выпрямился, насколько это позволял тесный брезентовый стул.

— Я принимаю на себя всю ответственность, сэр.

— Хорошо. Изложите остальные элементы плана.

— Итак, первоначальный замысел в общих чертах остается без изменений. Наемники высадятся на парашютах и атакуют завод в Кадуне. Это отвлекающий маневр — для того, чтобы нигерийцы сосредоточили внимание на дальнем севере страны. Парашютный десант назначен на девятнадцать ноль-ноль в пятницу, четвертого числа следующего месяца. Ровно через два часа — в двадцать один ноль-ноль — мы атакуем причалы Бонни.

— Вы выбрали именно эту дату и время суток по каким-то особым причинам?

— Да. Во-первых, север Нигерии населен в основном мусульманами, и пятница у них выходной день. Значит, им потребуется еще больше времени для того, чтобы отреагировать на высадку десанта. На юге страны, в Бонни, пятница хоть и не выходной, зато конец рабочей недели, когда мужчины спешат напиться. Во-вторых, я предпочитаю сумерки заре, чтобы отходить под покровом ночи.

Бритоголовый смежил веки и сидел так в течение минуты, потом пожал плечами и взглянул в упор на Зелдера.

— Создается впечатление, что продумано все до мелочей. Ради вашего же блага желаю вам осуществить этот план.

Он поднялся и подошел к рации, давая понять, что разговор окончен.

Зелдер отдал честь, перекинул автомат через плечо и вышел из палатки. Сев в джип, он завел двигатель и дал задний ход.

Глава 6

Кадуна, Нигерия

Ониекс Халла плавно посадил вертолет, заглушил двигатель, снял шлем и выпрыгнул из кабины.

Дале и Нвога уже шли ему навстречу со строительной площадки.

— Как дела? — спросил Ониекс, поравнявшись с ними.

Нвога обернулась, показала рукой на постройки.

— Почти готово. Осталось только все покрасить, установить свет и кинопроекторы.

Ониекс обвел взглядом строительную площадку, и дыхание у него перехватило от восторга. Когда он задумал это дело, то и представить себе не мог, что удастся придать макету столь достоверный вид. В пятидесяти ярдах от того места, где они стояли, из песка взмывала ввысь точная копия кадунского нефтеперерабатывающего завода: резервуары, цеха, трубопроводы. Ничего не упустили! И с виду никогда не скажешь, что все сделано из фанеры!

Вместе с Дэле он зашагал к высоченному сооружению. Нвога слегка отстала.

— Металлическую краску доставят сегодня, а красить начнем завтра утром,— давал пояснения Дэле.

Догнав их, Нвога возбужденно добавила:

— Проектора поставим вдоль ограды, а кинопроекторы — позади «резервуаров»...

— Помедленнее, помедленнее, пожалуйста! — засмеялся Ониекс.— Я соображать не успеваю. Дайте рассмотреть все тихо-спокойно!

Они вошли на стройку. Человек двести рабочих стругали доски, приколачивали балки, вкапывали столбы. Работали без рубашек, пот струился по спинам. Никто из них не выказывал удивления, зачем понадобилось строить макет в натуральную величину в трех милях от настоящего завода. Очевидно, их любопытство было убаюкано тем фактом, что платили за работу втрое больше обычного.

Дэле остановился посредине площадки и обернулся к Ониексу.

— Краска придаст постройкам такой вид, будто они собраны из металлических конструкций. А подсветка обеспечит так называемую пространственную глубину и объемность — прожекторы для этого как раз и нужны. А уж кинопроекторы «оживят» обстановку: воспроизведут техников, рабочих и все остальное...

Ониекс воздел руки к небу.

— О'кей, о'кей! Я ничего не смыслю в этих технических вещах, но у меня есть глаза, и я вижу, какую огромную работу вы проделали. Меня интересует одно — когда закончите?

Нвога медленно обвела взглядом строительную площадку.

— Ровно через двадцать четыре часа. Завтра в семнадцать ноль-ноль сможете принять объект.

Ониекс изумленно поглядел на нее — оказывается,

у молодых девушек с телевидения тоже в ходу такая терминология!

Нвога поняла, в чем дело, и улыбнулась.

— В нашем деле еще как приходится считать часы и минуты.

Внезапно операция как бы вся вызрела, прояснилась, стала осязаемой и конкретной. Ушли последние сомнения. Ониекс резко повернулся и зашагал к вертолету.

Дэле нагнал его.

— Когда опять увидимся?

— Я вам здесь не нужен, вы и без меня прекрасно справляетесь.

— Я имел в виду другое.

— Что именно? — спросил Ониекс, утирая пот тыльной стороной ладони.

— Хочу напомнить, мне другой платы не надо — только последняя спортивная модель, как договаривались.

Ониекс остановился, поглядел на постановщика и понизил голос:

— Получите свою игрушку при одном условии.

Дэле скривился:

— Так и знал — никому нельзя верить!

— Даю слово, будет вам новенькая машина, прямо с конвейера, если... вы отступитесь от Нвоги!..

Дэле сначала опешил, потом расхохотался.

— Вы решили, что она моя девушка? Да мы просто работаем вместе!

Ониекс недоверчиво покачал головой.

— Вы оба так держитесь, что я было подумал...

— Эх, чудила! — хмыкнул Дэле. — Телевизионщики не признают условностей и церемоний. Но это ровным счетом ничего не значит!

Ониекс облегченно вздохнул.

— Хорошо, вымогатель, считайте, что авто у вас в кармане. Только не забудьте замолвить за меня словечко.

Он повернулся, забрался в кабину вертолета и запустил двигатель. Не прошло и пяти минут, как военная машина взмыла в знойное марево, повисшее над пустыней. Сделав круг над фальшивым заводом, он взял курс на юг. Необходимо еще засветло быть в штабе...

Ониекс посадил вертолет точно в центре круга на крыше пятнадцатизэтажного здания, в котором находился армейский штаб.

Четверо солдат с автоматами окружили приземлившуюся машину. Ониекс стащил с головы шлем, выпрыгнул из кабины и протянул свое удостоверение сержанту.

Сержант долго изучал документ, поглядывая то на Ониекса, то на фотографию, потом, не сказав ни слова, зашагал к телефону. Последовал продолжительный разговор с кем-то на другом конце провода. Положив наконец трубку, сержант вернул Ониексу его удостоверение, вытянулся по стойке «смирно» и молодежато отдал честь.

Ониекс прошел мимо часовых, торопливо спустился по бетонным ступеням на широкую лестничную площадку. Здесь за узким столом дежурил сержант.

Ониекс снова предъявил удостоверение, потом спросил, где найти командующего частью особого назначения. Сержант указал на крайнюю по коридору дверь.

Ониекс пошел в указанном направлении, постучал. Резкий голос приказал ему войти. Обстановка кабинета была спартанской: незамысловатый письменный стол, стулья с жесткой спинкой. Никаких ковров на полу — ничего лишнего.

Коренастый, мускулистый полковник разбирал винтовку «гарранд». Взглянув на Ониекса, указал на стул. Ониекс сел и с любопытством уставился на «гарранд». Он много слышал об этой винтовке, но видел ее впервые.

Полковник, перехватив взгляд Ониекса, горделиво улыбнулся.

— Первая партия передана моей части.

Он умело собрал винтовку, поднес приклад к плечу, прицелился куда-то за окно, положил палец на спусковой крючок, но не нажал на него — баловаться с незаряженной винтовкой, как с игрушкой... настоящие воины такими глупостями не занимаются. Полковник медленно, с нежностью опустил винтовку на стол.

— Подполковник авиации Ониекс Халла...

— Знаю, какое у вас ко мне дело, — перебил полковник.

Ониекс удивился — лишь утром он остановил свой выбор на части особого назначения и никому об этом пока не говорил.

— Три дня назад мне звонил адмирал, предупредил о вашем визите. Я объявил боевую готовность и приказал ввести дополнительные тренировки.

Ониекс улыбнулся своим мыслям. Старая лиса этот адмирал, снова его опередил! Но, с другой стороны, выбор действительно невелик. Лишь три или четыре под-

разделения во всей нигерийской армии обучены ведению подобных операций, и, пожалуй, эта часть наиболее подходящая...

— Я полковник Баларам, но никто меня так не называет.

Ониекс знал, как окрестили полковника в армии. Даже офицеры, не говоря уже о рядовых, давно забыли его настоящее имя. Для всех них, за исключением штабных, он был Скорпион.

— Ну и как мы все разыграем? — спросил полковник с напускным спокойствием.

— Потребуется две роты собственно для боя и еще одна резервная.

— Нет проблем. Адмирал в общих чертах обрисовал особенности местности, где нам предстоит действовать, но хотелось бы узнать подробнее.

— Сию минуту. Один только вопрос: у ваших парней есть опыт ночного боя?

Полковник явно обиделся.

— В нашей армии не сыскать лучше обученной части!

Чтобы дать Скорпиону время поостыть, Ониекс взял со стола «гарранд», подержал в руках, прикидывая вес. У винтовки прекрасная балансировка. Подойдя к окну, Ониекс принял стойку и прицелился. Удивительно: приклад, магазин, спусковой крючок так подогнаны, словно винтовка сделана специально для него, по индивидуальному заказу!

Он опустил оружие на стол и снова сел.

— Речь идет о двух отдельных операциях, — сказал он полковнику. — А именно: в пустынной местности и в заболоченной, мелководной береговой зоне. Обе произойдут примерно в одно и то же время, так что резервную роту придется поделить пополам, чтобы на всякий случай иметь подкрепление и там, и там.

— Что вы можете сказать о противнике?

— Наемники и морские пехотинцы ЮАР.

— Вы это серьезно?! — Скорпион пришел в невероятное возбуждение.

Ониекс даже чуть было не рассмеялся, увидев такую реакцию полковника.

— К сожалению, серьезно.

Последовала напряженная пауза.

— Ну что же, начнем с самого начала, докладывайте все по порядку.

Ониекс так и сделал, ничего не утрируя. Впрочем, в этом не было нужды. Дело и так выглядело достаточно фантастическим.

Бонни, Нигерия

Ониекс направил вертолет в крутой вираж, и тут же перед его взором возникли причалы для нефтеналивных танкеров. Он подался вперед, сосредоточив все внимание на особенностях местности. В порту сгрудились суда; резервуары обросли паутиной труб. Территория, приблизительно равная трем акрам, была огорожена колючей проволокой.

Ониекс прикинул на глаз: от кромки океана до основных сооружений не больше пятисот ярдов. Наземные трубопроводы большого диаметра проложены от нефтехранилищ до причалов, нефть перекачивается по ним прямо в судовые цистерны стоящих на якоре танкеров. Одна такая машина как раз находилась под загрузкой.

Ониекс вышел из виража и полетел вдоль океана, изучая ландшафт. Местность внизу была покрыта типичной для дельты растительностью. Плоские глинистые почвы, заболоченные в полосе прилива. Повсюду растут мангровые деревья, поражающие своими неохватными стволами. Ониекс, повернувшись в тесном кресле, глянул назад, на убегающий берег: все сооружения порта как на ладони, особенно бросаются в глаза высокие стальные вышки, изрыгающие пламя. Ониекс вспомнил, почему горят эти факелы, и едва совладал с нахлынувшим гневом. Транснациональные нефтяные компании закупают для перевозки только нефть-сырец. Им невыгодно строить предприятия для сжижения природного газа, и его попросту сжигают. Миллионы найр буквально летят на ветер...

Однако сейчас не время об этом думать. Нельзя отвлекаться. Ониекс круто набирал высоту, ввинчиваясь штопором в густой, влажный воздух. Чтобы установить радиосвязь с авианосцем, надо настроиться на нужную волну. Он рассчитывал застать флагманское судно на рейде Порт-Харкорта. Необходимо срочно снестись с адмиралом, где бы он в данный момент ни находился.

— «Первый» вызывает «Сокола». Слышите меня? Прием.

«Сокол» отозвался сразу же — радист авианосца был начеку. Иначе и нельзя, если служишь у адмирала.

— Слышу вас отлично. Прием,— отозвался он.

— «Первый» просит адмирала принять его для доклада.

— Вас понял. Ждите,— последовал ответ.

Ониекс принялся описывать широкий круг, не спуская глаз с хронометра. Сейчас узнаем, насколько надежны

связисты адмирала. Он засек время. Если шеф не ответит через две минуты, значит, его парни ни к черту не годятся.

Ровно через шестьдесят восемь секунд в наушниках раздалось:

— «Сокол» — «Первому». Адмирал вас ждет. Укажите свое местоположение. Прием.

Ониекс назвал координаты и услышал в ответ, где в данный момент находится авианосец. Выключив рацию, он лег на новый курс и увеличил обороты. Не прошло и четверти часа, как на горизонте показался огромный корабль. Ониекс поставил вертолет по ветру и безупречно посадил его на корму авианосца. Он надеялся, что адмирал видел его приземление. Заглушив мотор, он снял шлем, вылез из кабины и велел двум матросам из палубной команды долить горячее в баки.

Миновав стальную трап, Ониекс направился к каюте адмирала. Судя по всему, это их последняя встреча перед операцией. Оно и к лучшему: каждая минута, проведенная в обществе шефа, стоит Ониексу здоровья.

Адмирал сидел, развалившись, во вращающемся кресле. Ониекс плотно затворил за собой дверь.

— Садитесь, командир! Что вас привело сюда?

Ониекс негромко вздохнул и отrapпортовал:

— Прибыл для доклада, сэр!

— Докладывайте.

Ониекс мгновенно почувствовал, что адмирал не в духе. Он принял его холоднее обычного.

— Все готово, сэр. Воинские подразделения уяснили свою задачу, макет нефтеперерабатывающего завода построен. Позвольте высказать некоторые пожелания.

— Слушаю.

— В ночь, когда мы ждем атаки, на заводе в Кадуне должны быть погашены все огни. Гражданские лица должны быть эвакуированы. Макет же, напротив, будет ярко освещен. С воздуха его от подлинника не отличить. Если же кто-нибудь нарушит светомаскировку, наша хитрость будет разгадана.

— Это мы устроим. Завод остановят за два дня до операции, людей увезут на безопасное расстояние. Вы хотите, чтобы там не было ни души?

— Предполагается разместить на территории завода особый резервный взвод.

— Что еще?

— Первоначально планировалось сбить «сьюпер-кон-

стеллейшн» после того, как он высадит десант. Но я лично против — жалко самолет.

— Что предлагаете?

— Прошу разрешить мне преследовать «сьюпер-констеллейшн» на истребителе и принудить его к посадке.

— Зачем? Он нам ни к чему.

— Сэр, его можно передать руководству СВАПО. Пусть свершится справедливость: если бы не намибийские патриоты, мы бы не узнали о замыслах южноафриканцев.

Ониекс не верил своим глазам: адмирал улыбнулся!

— Разрешаю. Я свяжусь с представителями СВАПО — пусть готовят экипаж.

Ониекс в который раз подивился непредсказуемости шефа. Он-то думал, что придется его уговаривать!..

— Что-нибудь еще?

Ониекс поспешил вернуться к существу дела.

— Насчет высадки в Бонни: когда командир южноафриканской подлодки поймет, что десантники не вернутся, он поспешит убратся из наших территориальных вод. По плану намечено атаковать лодку глубоководными минами. Полагаю, сэр, что можно поступить иначе.

— Как именно?

— Позволим лодке беспрепятственно войти в бухту и высадить десант, а затем поставим в горловине противолодочные сети и захватим ее в целости и сохранности.

— Мне ваша идея нравится, командир. Утром у нас об этом уже шел разговор. Верховное командование не прочь взглянуть на их лодку, чтобы лучше знать военный потенциал ЮАР. Когда-нибудь объединенные африканские силы непременно дадут решающий бой расистам.

— Сэр, капитан лодки окажет сопротивление, но у меня на этот случай есть вернейший ход.

— Командование тоже имеет кое-что про запас,— оборвал его адмирал.

Ну что же, остается пожелать командованию успеха, подумал Ониекс, а вслух сказал:

— Неизбежны частичные разрушения причалов в южном секторе. Сооружения стоят почти у воды, и невозможно предотвратить попадания в них из орудий.

— Мы отдаем себе в этом отчет. Чтобы свести ущерб к минимуму, приказано полностью освободить резервуары от нефти. Таким образом уменьшится вероятность возгорания. Ни один танкер не будет стоять под нагрузкой. Флотские пожарные расчеты приведены в полную готовность.

Ониекс поднялся.

— Мне не следовало отнимать у вас время, сэр. Вы и без меня все предусмотрели.

Адмирал встал, протянул Ониеку руку.

— Рад был вас видеть, командир. Как известно, одна голова хорошо, а... лишняя не повредит, особенно в таком деле.

— Разрешите идти, сэр?

— Удачи! — Адмирал крепко пожал Ониеку руку.

Глава 8

Тренировочная база, ЮАР

Зелдер, не притормозив, съехал с шоссе и помчался по поросшей травой равнине. В этом медвежьем углу дорог, по существу, не было, и джип как нельзя лучше подходил для такой езды.

Он включил радио, передавали сводку новостей. Одно и то же! Террористы опять угнали самолет. Американский президент заставил конгресс согласиться на продажу Саудовской Аравии партии новейших вооружений.

Зелдер выключил радио и направил джип вверх по склону холма. Вскоре он заметил дымок, а затем появились железобетонные лагерные постройки.

Внезапно его охватило раздражение. Недоумки, гнусный сброд! Будто не знают, что дым на равнине виден издалека! Сейчас он устроит головомойку их, с позволения сказать, командиру. Его ненависть к наемникам до того разыгралась, что он едва сдерживался. Из-за этих ублюдков и к кадровым военным отношение изменилось. Какая низость — предлагать свои услуги в любой точке земного шара, драть-ся на стороне тех, кто больше заплатит! Садисты, извращенцы!.. — негодовал он.

Джип с ревом влетел в лагерь, состоявший из четырех бетонных барakov. Наемники — человек пятнадцать в защитных комбинезонах с маскировочными пятнами — небрежно развалились под навесом. Зелдер выпрыгнул из кабины и, как коршун, метнулся к ним, но те не обратили на него никакого внимания. Зелдер выхватил револьвер и выстрелил в стропила ближайшего барака. Громкое эхо раскатилось по лагерю. Зелдер перевел мушку на голову наемника с лейтенантскими погонами.

— Следующая пуля твоя, если не вспомнишь, как положено приветствовать старшего по званию!

Лейтенант посмотрел на Зелдера налитыми кровью

глазами — явный наркоман — и даже не подумал встать. Зелдер сжал рукоятку обеими руками и спустил предохранитель. Но прежде чем грянул выстрел, из барака выбежал майор — высокий смуглый мужчина в ладно пригнанной отутюженной форме, на плечах поблескивали бронзовые орлы. Он вытянулся перед Зелдером по стойке «смирно», загородив собой лейтенанта.

Демонстрируя безупречную выправку, майор сделал поворот на месте и топнул правой ногой.

— Стройся! — гаркнул он что есть мочи. — Стройся, смирно!

Мужчины в комбинезонах, включая и лейтенанта, повскакали на ноги и выстроились в шеренгу.

— По порядку номеров рассчита-айсы! В колонну по три становись! — отрывисто командовал майор, и люди, словно роботы, повиновались.

— Сэр, — майор браво повернулся на каблуках, — подразделение построено для инспекционной проверки! — В строгом соответствии с уставом его глаза впились в невидимую точку на три дюйма выше головы Зелдера.

Зелдер не мог не признать отличной выучки головорезов. Майор его перехитрил: придется отложить разнос и заняться инспектированием, смотр войск — дело священное.

Зелдер вложил револьвер в кобуру.

— Командуйте, майор! — рявкнул он и пошел вдоль строя. Несмотря на недавнее раздражение, Зелдера увлекла торжественная церемония войскового смотра. Ничего не скажешь, brave boys и свое дело знают. Зелдер был к ним несправедлив... На ходу он сорвал с чьей-то шеи игривый шарфик, кому-то постучал костяшками пальцев по голове, возвращая лихо заломленный берет в предписанное уставом положение.

— Вольно! — скомандовал Зелдер. — Майор, через пять минут жду вас у себя.

Он повернулся и зашагал к ближайшему барaku, перемахивая через две ступеньки, поднялся на открытую веранду и вошел в казенного вида помещение с разномасштабными картами Нигерии на стенах. Сел за грубо сколоченный стол, откинулся на жесткую спинку кресла. Майор пусть довольствуется стулом...

С плаца доносились отрывистые команды: майор учил своих молодцов уму-разуму. Послышался еще чей-то визгливый голос, выкрикивавший ругательства, и сразу за этим наступила зловещая тишина.

Неестественную паузу прервал хлопок выстрела. Зелдер выбежал на веранду. Его взору открылась мрачная сцена. Распластавшись в пыли, у ног майора ничком лежал лейтенант. Из шеи у него фонтаном била кровь — пуля, очевидно, перебила яремную вену.

Зелдер перевел глаза на майора. Тот стоял, отставив назад ногу. Пистолет еще дымился. На глазах у Зелдера майор прицелился и выстрелил лейтенанту в голову — классический *coup de grâce*¹: гуманность убийцы, прекращающего страдания своей жертвы.

Зелдер вернулся в кабинет. Впервые с того момента, как он приехал в лагерь, он почувствовал себя спокойно. Теперь он был уверен: майор проявит себя с лучшей стороны и войско свое за оставшиеся дни успеет натаскать.

Глава 9

Кадуна, Нигерия. 18.30

Дэле и Нвога сидели на контрольной вышке. Окна их командного пункта были из пуленепробиваемого стекла. Отсюда весь гигантский макет был виден как на ладони.

Внутри контрольная вышка напоминала аппаратную телевизионной студии. Дэле и Нвога находились перед пультом управления. Именно здесь включалось освещение и звук, запускались кинопроекторы. Система селекторной связи давала возможность переговариваться со строителями, находившимися внутри фанерных сооружений.

Дэле нажал на кнопку, вспыхнула и заморгала зеленая лампочка.

— Внимание!

Нвога склонилась над пультом.

— Я готова, — сказала она и потянула за рычажок.

На настоящей телестудии у режиссера три помощника: один отвечает за свет, другой — за звук, третий — за киноаппаратуру. В ситуации полной секретности, необходимой для подготовки операции, Нвоге пришлось взять функции этих помощников на себя, а Дэле выполнял обязанности режиссера.

На табло зажглась красная лампочка — их вызывала диспетчерская служба кадунского аэропорта. Дэле нажал кнопку и заговорил в микрофон:

— Студия номер один слушает.

---

¹ Последний удар (франц.).

— Говорит «Дельта». Нарушитель появится над вами ровно через пятнадцать минут. Прием.

— Студия номер один. Будут ли новые инструкции? Прием.

— «Дельта». Инструкции прежние. Конец связи.

Дэле выключил микрофон и сказал Нвоге:

— Давай свет, постепенно наращивая яркость.

Нвога передвинула несколько рычажков, и вся застроенная декорациями территория осветилась: зажглись уличные фонари, вспыхнули люминесцентные трубки внутри зданий.

— Теперь включай кинопроекторы,— распорядился Дэле.

Нвога нажала несколько кнопок одновременно. Далеко внизу среди фанерных макетов заработали проекционные установки, создавая полную иллюзию того, что по заводским проездам движутся человеческие фигуры; от резервуаров в сторону цехов едут грузовики и легковые машины. Вся площадка чудесным образом ожила.

Дэле некоторое время любовался творением рук своих. Но это было еще не все. Наступила очередь звуковых эффектов.

— Приготовься включать звук!

Нвога потянулась к потенциометрам.

— Давай!

Нвога плавно задвигала рычажками, следя за тем, чтобы стрелки вольтметров не перевалили за красную черту. Снизу донесся отдаленный гул насосных установок, грохот и гудки грузовиков, шум работы большого промышленного предприятия.

Пробежав глазами по монтажным листам, Дэле взглянул на циферблат студийных часов. Время выходить на связь с капитаном Агбе, командующим присланной сюда ротой. Солдаты сидят теперь в засаде вокруг игрушечного завода.

— Вызови патруль номер один,— обратился Дэле к Нвоге.

Нвога нажала на кнопку, из колонки высунулся микрофон, девушка заговорила в него:

— Студия вызывает первый патруль. Прием.

Ответ последовал незамедлительно.

— Первый патруль слушает. Прием.

— Нарушитель — через десять минут,— сообщил Дэле.

— Вас понял. Конец связи.

Нвога отключила передатчик. Дэле поднес обе руки

к горлу, как бы душа себя. Нвога отлично знала значение этого жеста: объявляется краткая передышка.

— Страшно? — спросил он.

— А тебе?

— Пока мало чем отличается от обычной нашей работы.

— Вот именно пока. В студии твоей жизни ничто не угрожает, разве что босс накричит, но ведь это не смертельно...

Дэле кивнул и потянулся за автоматической винтовкой, которую несколько дней назад вручил ему капитан Агбе, предварительно объяснив, как с ней обращаться. От одного прикосновения к прикладу у него мурашки забегали по спине. Ведь Дэле был сугубо мирным человеком, отвергавшим всякое насилие, и мог бы прожить всю жизнь, ни разу не испытав потребности нажать на спусковой крючок. Капитан заверил его, что это чистейшая формальность — ни при каких обстоятельствах ему не придется пускать оружие в ход. Но кто может знать наверняка?..

Ониекс настаивал на том, чтобы Дэле и Нвога покинули свой пост до начала боя — ведь они свое дело сделали. Однако они упросили его позволить им остаться в аппаратной, чтобы реализовать сценарий до конца. Нвога наотрез отказалась спуститься с вышки. Если уж ему так дорога их жизнь, пусть обеспечит надежную охрану и полную безопасность, заявила она пилоту.

Дэле ждал, что Ониекс взорвется и распорядится увести их из аппаратной силой, и очень удивился, когда тот уступил, ограничившись тем, что поручил их охрану капитану.

Прислонив винтовку к колонке, Дэле снова поднял глаза на часы. До появления самолета с наемниками оставалось пять минут.

— Теперь осталось только включить прожекторы. — Дэле сам подивился тому, как спокойно звучит его голос. Интересно, пронеслось у него в голове, что в этот миг испытывает капитан Агбо? Впрочем, капитан свое дело знает и с задачей справится. В такой операции все должно быть рассчитано. Когда на голову посыплются наемники, любая ошибка может слишком дорого стоить.

Нвога жестом показала Дэле, чтобы тот надел наушники. Он подхватил их и услышал характерный звук: самолет уже кружит над ними! Первым его побуждением было известить капитана Агбо, но делать этого он не стал:

капитан не может не слышать резкого гула четырехмоторного «сьюпер-констеллейшна».

— Приготовься включить прожектора, — сказал он автоматически, не вдумываясь в смысл слов. И тут его как током ударило — прожектора понадобятся на более поздней, завершающей стадии. Сначала приземлится десант и запыхают фанерные постройки.

От едва не совершенной ошибки Дэле покрылся испариной. Чтобы спрятать свое замешательство, он уставился через толстое стекло на небо. Лучше бы ему туда не смотреть!.. То, что он увидел, будет преследовать его до самого смертного часа.

Усеянное звездами темное небо расцвело полощущимися на ветру куполами парашютов. На стропях неуклюже дергались фигурки — точно марионетки на ниточках. Дэле проглотил подступивший к горлу тугой комок. Надо было послушать Ониекса и убраться отсюда подобра-поздорову.

Не в силах сдержать дрожь, он повернулся к Нвоге, чтобы обратить внимание девушки на вид за окном, но та уже сама заметила парашютистов. Казалось, все это происходит не наяву, а в кино: цветной фильм, замедленная съемка, а звук еще не записан...

Первая группа наемников приземлилась. Они вскочили на ноги, быстро отстегнули парашюты и сразу же пошли в атаку, открыв огонь по заводу.

Вторая группа парашютистов проворно устремила на левый фланг, атакуя сбоку.

Пять налетчиков из авангарда достигли ограды и установили миномет с грозно задраным к звездам жерлом. Первая мина с визгом описала дугу и, взорвавшись, громыхнула за резервуарами, обьяв их пламенем.

У Дэле глаза разбежались. Вторая группа наемников уже достигла левой оконечности макета и полезла на ограждение, ведя непрерывный огонь.

Время взрывать постройки, решил Дэле.

— Приготовиться к взрыву зданий! — срывающимся голосом скомандовал он.

19.15

Ониекс Халла сидел в кабине реактивного истребителя «альфа» и не сводил глаз с подсвеченных циферблатов на приборной доске. Истребитель, ожидая приказа, стоял у начала взлетной полосы кадунской базы ВВС. Радио было настроено на ультракоротковолновый диапазон, в котором велись все переговоры, связанные с данной операцией.

Нервы у Ониекса были напряжены, руки застыли на рычагах управления: как только раздастся команда, он взмоет ввысь.

В наушниках потрескивало. Ну что же они медлят?! И тут радио ожило:

— «Орел», вас вызывает «Дельта». Взлет!

Ониекс запустил двигатель. Истребитель задрожал и помчался по взлетной полосе, как вспугнутая газель. Где-то в середине полосы он потянул рукоять на себя, и «альфа» чуть ли не вертикально врезалась в звездное ночное небо. Крутой подъем продолжался до отметки сорок пять тысяч футов, после чего он выровнял самолет и лег на заданный курс.

— «Орел» — «Дельте». Наводите на цель. Прием.

«Дельта» не замедлила откликнуться, и Ониекс по указаниям с земли скорректировал курс.

— Видим вас на радаре. Вы находитесь в четырех милях от цели. Сообщите, когда увидите противника. Прием.

Ониекс вглядывался в тьму через плексиглас, ожидая встречи с самолетом наемников. Он оказался именно в той точке, которую называли с земли. Наглые ублюдки, даже не дают себе труда маневрировать, чтобы сбить с толку возможную погоню.

— «Орел» — «Дельте». Настраиваюсь на частоту SOS. Конец связи.

Ониекс переключился на волну, которой в экстренных случаях пользуются все авиалинии мира. Было бы лишней тратой времени разыскивать в эфире канал, на котором работал радист «сьюпер-констеллейшна».

— Вызываю «сьюпер-констеллейшн». Говорит перехватчик нигерийских ВВС. Развернитесь и идите на посадку в аэропорт Кадуны. Прием.

Никакого ответа. Ониекс поравнялся с самолетом-нарушителем и некоторое время шел параллельным с ним курсом, потом сделал крутой вираж, так что «альфа» оказалась сверху.

— Вызываю «сьюпер-констеллейшн». Это ваш последний шанс. Садитесь в аэропорту Кадуны. Прием.

Снова молчание. Ониекса охватил гнев: они смеются над ним! Ладно же, он им покажет, как надо шутки шутить! Не завершив дуги, Ониекс выровнял истребитель и под углом почти в сорок пять градусов атаковал противника. Когда вражеский фюзеляж оказался в прицеле, Ониекс снял красный колпачок с пусковой кнопки.

Трассирующие снаряды поразили обшивку «сьюпер-констеллейшна», вражеский самолет задрожал. Ониекс задрал хвост своего истребителя, чтобы не врезаться в раскачивающийся борт противника.

— «Сьюпер-констеллейшн». Следующая очередь прошьет вам зад! — И Ониекс приготовился к новому заходу.

Нарушитель упорно молчал. Он терял высоту, хотя сохранял то же направление полета, что и до атаки.

Ониекс вышел из виража и надавил на тормоз. Истребитель резко потерял скорость. Ониекс снова заговорил в микрофон.

— «Сьюпер-констеллейшн». У вас осталась одна минута. — Одновременно он снял зачехление с пусковых кнопок ракет «воздух-воздух», подвешенных к крыльям истребителя. Если наемники не повернут в течение минуты, Ониекс собьет нарушителя!

— Тридцать секунд! — произнес он в микрофон.

Молчание. Ну что же, придется друзьям из СВАПО раздобывать себе самолет в другом месте. Палец Ониекса лег на пусковую кнопку...

Он не сразу поверил в удачу, но через секунду уже не было никаких сомнений: «сьюпер-констеллейшн» начал описывать широкую дугу.

Ониекс поспешно убрал руку с пусковой кнопки. Что они там себе думают? Отчего молчат? Может, радио у них неисправно?

Он еще сбросил скорость и лег в вираж вслед за преследуемым нарушителем. Закончив маневр, противник пошел по прямой — и на губах Ониекса заиграла улыбка.

Удалось все-таки раздобыть самолет для СВАПО. Ошибки нет — «сьюпер-констеллейшн» взял курс на аэропорт Кадуны!

19.30

Дэле отрешенно уставился вниз. Сначала ему было любопытно наблюдать за происходящим: каков он, всамделишный бой? Бесконечное множество раз Дэле видел войну в голливудских фильмах. Там она всегда была одинаковая — этаким набивший оскомину стереотип. Теперь же все происходило наяву и странным образом напоминало то, что он прежде видел на киноэкране.

Парашютисты, приземлившись, сразу же пошли в атаку с фронта и фланга. Быстро развернув минометную ба-

тарею, они осыпали объект снарядами. Пожалуй, капитану Агбо пора подымать своих парней.

Именно так и случилось бы в голливудском фильме, но... Судьбе было угодно, чтобы в дело вступили Дэле и Нвога, люди сугубо штатские.

Увидев, что обе группы атаковавших наемников соединились, Дэле отдал приказ:

— Взорвать макеты!

Нвога сделала глубокий вздох, зажмурилась и нажала на соответствующую кнопку.

Казалось, прошла вечность, прежде чем оглушительные взрывы разодрали тьму на куски. Громадные языки пламени взметнулись в небо, поглотив фанерные постройки.

Дэле зачарованно смотрел, как взлетают «резервуары», словно стартуя со своих опор. В считанные минуты на территории «завода» не осталось ни единой постройки — уцелела только контрольная вышка и прожектора.

Он не мог видеть лиц оставшихся в живых наемников, но слышал их безумные крики. Они были ошеломлены. Дэле увидел, что они машут руками, указывая друг другу на контрольную вышку. Он понял, что настало время заканчивать представление.

— Ты готова? — крикнул он Нвоге.

Девушка отвела глаза от разверзшегося внизу ада и сосредоточилась на подсвеченной приборной панели.

— Включить прожектора!

Нвога ударила по клавишам, и развалины макетов залил мощный поток света.

Дэле теперь уже некогда было смотреть вниз. Рванув к себе микрофон, он выкрикнул:

— Студия вызывает первый патруль! Прием.

— Первый патруль слушает.

— Атакуйте, капитан! Отдаю их вам.— Безумное волнение охватило Дэле.

— Вас понял.

Из засады, с трех сторон площадки, поднялись люди капитана Агбо. Они сомкнулись кольцом вокруг стиснутых потоками яркого света наемников. Ослепленные, бессильные куда-либо деться от безжалостных прожекторов, те не сразу разглядели наступавших молодцов капитана Агбо. Сбившись в кучу, джентльмены удачи лихорадочно совещались.

Со своей верхотуры Дэле наблюдал за наемниками.

— Что бы ни случилось, следи за прожекторами! —

приказал он Нвоге, затем, включив все радиоканалы, закричал в микрофон:

— Вы окружены! Бросайте оружие и сдавайтесь!

Бандиты озирались, не понимая, кто к ним обращается. Один из них снова указал на контрольную вышку, и несколько налетчиков вскинули автоматы.

Но в этот самый момент капитан Агбо отдал приказ, и его рота ринулась в бой.

Два взвода открыли огонь с флангов. Под прикрытием огня третий взвод ворвался через ворота на территорию завода, строча из автоматов.

Наемники поспешно перестроились для контратаки. Озаренная пламенем ночь наполнилась грохотом боя. Потери были с обеих сторон. Капитан Агбо, сорвав предохранительную чеку, швырнул гранату в самую гущу бандитов...

Взвод, наступавший с фронта, занял оборону, в то время как два остальных продолжали атаковать с флангов. Растерявшиеся было бандиты довольно быстро оправились и принялись ожесточенно отбиваться. Но вскоре снова пришли в замешательство — на этот раз из-за удара, который был им нанесен с тыла.

Это доконало их. Оставив попытки привести в порядок свои ряды, налетчики дрогнули и бросились врассыпную. Каждый спасал теперь собственную шкуру.

Капитан Агбо только этого и ждал. Вытащил ракетницу и выстрелил. Описав высокую дугу, ракета затопила площадку ядовитым красным светом. По условному сигналу поднялся до сих пор не обнаруживший себя резервный взвод и атаковал бегущего неприятеля. Скорпион приказал взять в плен не более трех бандитов. Капитан Агбо никогда не перечил старшим по званию и на сей раз не собирался нарушать приказ. Взяв наперевес автоматическую винтовку, он ринулся на врага...

Глава 10

Бонни, Нигерия. 20.00

Истребитель Ониека Халлы шел со скоростью более шестисот миль в час, точно по курсу на высоте пятьдесят пять тысяч футов.

Ониека бросил взгляд на приборы — все системы работали нормально. Если ничего не случится, он успеет в Бонни как раз к началу высадки вражеского морского десанта.

Самолет-нарушитель, подчинившись приказу Ониекса, сел в Кадуне, и его экипаж был арестован службой безопасности. «Сьюпер-констеллейшн» поставили в ангар, а истребитель заправили горючим, и Ониекс вновь поднялся в воздух, взяв курс на Бонни. Он рвался в бой, и никакая сила не могла бы его удержать!

Еще раз проверив показания приборов, он включил автопилот. Ему хотелось дополнительно испытать исправность пусковых кнопок. Контрольные лампочки загорелись одна за другой — бортовые ракеты готовы к бою! Ониекс удовлетворенно кивнул, затем проверил пушки и тяжелые пулеметы. Сняв все орудия с предохранителей, Ониекс откинулся в кресле. Он тоже готов к встрече с неприятелем!..

21.00

Скорпион сидел в джипе, оснащенном базукой, еще и еще раз уточняя в уме подробности предстоящей операции. Изменить что-либо теперь было не в его власти, однако он был из тех командиров, кто до последней минуты обдумывает каждую мелочь.

Придаться как будто не к чему — позиции выбраны удачно. Окончательно убедившись в этом, он велел водителю ехать от берега в сторону рощицы. Скорпиону пришлось держаться за ствол базуки — от быстрой езды джип нещадно трясло. Достигнув деревьев, водитель резко затормозил и развернулся. Скорпион выпрямился в открытом кузове во весь рост. Он чувствовал, как от напряжения пульсирует в висках кровь. Давно уже полковник не испытывал такого душевного подъема. Осточертело ему протирать штаны в штабе! Недолгая служба в составе сил ООН по поддержанию мира в Ливане не в счет: он не нянька, такая служба для него еще скучнее, чем вынужденное безделье. И вот наконец-то ему снова предстоит настоящее дело!..

Послышался гул моторов. Как ни старался Скорпион подавить волнение, его била мелкая дрожь. Юаровцы на подходе — вот что означал этот приглушенный рокот.

— Дай-ка мне передатчик! — буркнул Скорпион водителю. Нажав кнопку, он закричал в микрофон: — Внимание! Всем подразделениям! Акулы подходят! Ждите дальнейших указаний!

Он положил портативную рацию на сиденье и поднес к глазам бинокль ночного видения. Пять лодок «зодиак» почти одновременно подошли к пляжу и зарылись в пе-

сок. Морские пехотинцы, выскочив из них, устремились к рошице.

Атака началась. Скорпион навел базуку на цепи противника, прицелился и послал снаряд в самую гущу атакующих. Второй снаряд, описав дугу над неприятельским авангардом, взорвался там, где еще продолжалась высадка с надувных лодок. Скорпион перезарядил базуку и опять выпустил снаряд в сторону пляжа, потом подхватил портативный передатчик:

— Первый взвод, в атаку!

Швырнув передатчик на сиденье, он стал наблюдать за тем, как поднялись из-за деревьев его люди и бросились наперерез южноафриканским морским пехотинцам.

Скорпион перезарядил базуку. Тем временем командос открыли огонь по шеренге нигерийских солдат, и базака снова полыхнула пламенем. Скорпион не отрываясь следил за происходящим на поле боя. Оставив один взвод сдерживать нигерийский натиск, командос бросили основные силы на штурм насосной станции.

Скорпион завопил как ужаленный. Забыв про рацию, он выкрикивал команды, но грохот боя заглушал их. Опомнившись, он подхватил передатчик и велел своим людям, засевшим на станции, идти в контратаку. Ни секунды не колеблясь, они вступили с налетчиками врукопашную.

Скорпион повернулся в сторону пляжа, и кровь застыла у него в жилах. Южноафриканцы установили на береговой кромке несколько гаубиц и открыли из них огонь.

— Передатчик! — потребовал у водителя Скорпион. — «Орел». Черт возьми, отвечайте Скорпиону! Прием.

Ониекс только и ждал, когда о нем вспомнят.

— «Орел» — Скорпиону. Что случилось? Прием.

— Они развернули артиллерию. Уничтожьте гаубицы на пляже, да поживей!

Ониекс, переведя истребитель в пике, коршуном стал падать вниз. Океан надвигался на него со скоростью восемьсот миль в час.

Едва истребитель прорвал слой облаков, Ониекс увидел плюющуюся огнем батарею гаубиц. В следующее мгновение он нажал на «спуск». Истребитель завибрировал от залпа бортовых калибров, грохотом своим перекрывших рев реактивных двигателей.

Когда до поверхности океана оставалось пятьсот футов, Ониекс вывел истребитель из пике, выполнил немислимый разворот, так что «альфа» едва не коснулась

крылом воды, и снова атаковал вражескую батарею.

Ему было видно, как огонь жадно заглатывает орудия. Артиллерийские расчеты были полностью уничтожены.

Ониекс еще раз пронесся над батареей, чтобы убедиться в этом, и поднял свою машину на высоту тысяча футов.

21.35

Зелдер перезарядил автомат и повел людей на штурм насосной станции, криками подстегивая их. Ему удалось проникнуть на территорию, и он устремился к ближайшему строению, надеясь укрыться там от огня. За ним последовала лишь часть десантников. Остальные вели бой с нигерийцами.

Зелдер быстро пересчитал своих — пятнадцать человек. Справимся!

— Баки поджечь, трубопровод взорвать! За мной!

Пригибаясь, он побежал к резервуарам, но на полпути перед ним вырос третий взвод роты Скорпиона, выжидавший своего часа в бункере.

Зелдер понял, что все проиграно, однако, и вида не подав, открыл огонь и срывающимся голосом приказал:

— В атаку!

23.20

Ониекс приземлился на военном аэродроме в Кадуне. Огненный шлейф от его «альфы» тянулся вдоль всей посадочной полосы. Ониекс подрулил к ангарам и заглушил двигатель. Внезапная тишина обступила, обволокла его. Он искал глазами вертолет.

Вот он — позади ангара. Очевидно, механики поставили его туда после заправки. Ониекс связался с контрольной службой и сказал, чтобы те, кто ожидает его, прошли к вертолету, потом отстегнулся и нажал на кнопку, открывая плексигласовый козырек кабины. Едва козырек отошел, Ониекс спрыгнул на землю и побежал к вертолету. Прохладный сухой воздух освежил его; Ониекс дышал жадно, полной грудью.

Поднявшись в кабину вертолета, он запустил двигатель. От здания аэродрома отделились две фигурки и направились в его сторону. Ониекс нашел шариковую ручку и написал в блокноте, прикрепленном к приборной доске: «Подателя сего устроить на ночлег и завтра отправить в Лагос».

Подписался, вырвал листок из блокнота и сложил

вчетверо. Дэле и Нвога уже стояли у трапа. Ониекс махнул им, они поднялись в кабину. Застегнули ремни. Ониекс вызвал контрольную службу, попросил разрешения на взлет и внезапно, словно вспомнив о чем-то важном, сказал, повернувшись к пассажирам:

— Дьявол! Не зарегистрировал полет.

Дэле и Нвога переглянулись.

— Послушайте, Дэле, отнесите записку диспетчеру, будьте так добры!

Дэле отстегнул ремни безопасности, взял листок и спрыгнул на землю.

Едва его силуэт исчез во мраке, Ониекс поднял машину в воздух.

— Куда вы? — закричала Нвога, перекрывая гул двигателя.— А Дэле?

Но вертолет продолжал набирать высоту. Вдруг он резко накренился, и Нвогу качнуло к пилоту. Ониекс увидел тревогу в широко раскрытых глазах девушки. Он ликуяще улыбнулся и поцеловал ее прямо в губы...

Мохмед Тукур Гарба

**НОВОСТЬ
ДЛЯ ПЕРВОЙ ПОЛОСЫ**

Mohmed Tukur Garba

Stop Press: Murder!

© Mohmed Tukur Garba 1983

Перевод *В. Рамзеса*

Когда в то холодное ветреное декабрьское утро я попал к себе в редакцию, на часах было уже почти десять. Меня встретил дружный стрекот пишущих машинок, доносившийся из-за стеклянной двери. В приемной скучала юная чаровница из народности нупе. Мой друг и компаньон Фарук взял ее на работу против моей воли и только за броскую внешность — другими достоинствами она не блистала. При моем появлении она вскочила со стула и, взглянув на часы, изобразила на лице растерянность и недоумение.

Я и сам отдавал себе отчет, что одет нынче не лучшим образом и что под глазами у меня темные круги, явно свидетельствующие о бессонной ночи. Верно и то, что никогда раньше я не опаздывал к началу рабочего дня. Однако и день сегодня не такой, как все, каким угодно, но уж обычным его никак не назовешь, так что удивляться нечему. Впрочем, вся прошедшая неделя была из ряда вон — и единственно по причине внезапного и загадочного исчезновения Фарука. Я был измотан до крайности — в пору под колеса бросаться.

Я кивнул красотке, и она вновь уселась, с нескрываемым наслаждением погрузившись в чтение женского журнальчика, прерванное моим приходом. Так она и проводит время: то изучает иностранные моды, то мажет губы. На первых порах я не раз жаловался на эту бездельницу Фаруку: у нас тут не салон красоты, а деловое предприятие, удерживающееся на поверхности исключительно благодаря трудолюбию и настойчивости двух беззаветных тружеников — конечно же, я имел в виду Фарука и себя самого. Мы едва-едва умудрялись сводить концы с концами: ведь надо платить за аренду помещения, жалование сотрудникам, не говоря о прочих всевозможных расходах, — так к чему нам эта кукла! Но Фарук — что для него весьма типично — пропускал мои слова мимо ушей. Он всегда был падок на смазливые рожицы, как шмель, выбирающий цветки поярче. «Она скрашивает серость будней и служит рекламой фирме», — твердил он в ответ на все мои призывы к экономии и благоразумию.

Я прошел в наш общий с Фаруком кабинет. Тесноватый, с низким потолком, нам едва удалось уместить в нем два полированных письменных стола из красного дерева. Пол ничем не застлан, хотя Фарук настаивал на приобретении персидского ковра, но тут я сумел настоять на своем, и ему пришлось уступить. На его столе стояла пластмассовая табличка: «Фарук Аввал, соредатор „Аревы“». Над столом висел огромный календарь, едва ли не до потолка, с обнаженными девицами. Словом, все, что принадлежало Фаруку, выдавало в нем бонвивана, любителя наслаждений.

У нас всегда было весело, то и дело раздавался дружный хохот. Нгози, замечательная наша секретарша, говорила, что Фарук способен и мертвого рассмешить. В самом деле, где бы он ни появлялся, тут же возникала особая легкость, радостная непринужденность. Сколько раз я приходил в редакцию хмурый и расстроенный, и Фарук в два счета поднимал мне настроение. Его остроты передавались из уст в уста, как орехи кола на свадебном пиршестве. Но вот Фарук исчез, и теперь здесь мрачно и холодно, как на кладбище.

На моем столе скопилась гора писем. Я сел в кресло, взял наугад первый попавшийся конверт, вскрыл его и развернул лист бумаги, на котором было что-то напечатано. Попробовал прочесть, но смысл слов ускользал, я совершенно не мог сосредоточиться: все мои мысли были заняты исчезновением Фарука. Конечно же, я беспокоился за него, но и злился тоже. Я слишком хорошо знал своего компаньона и его дурацкие выходки. Скорее всего, он сейчас веселится в приятном обществе где-нибудь в роскошном отеле. Взгляд мой упал на груды бумаг, загромождивших и его стол. Я рассердился еще пуще, но в то же время и беспокойство всколыхнулось с новой силой.

Накануне вечером я заглянул в две самые дорогие гостиницы нашего города «Дурбар» и «Хамдалу», завсегдатаем которых был Фарук. Нет, ответили мне там, в последние дни он не появлялся. Затем я объехал более сомнительные заведения — и снова безрезультатно. И все же воображение рисовало мне праздного, беспечного Фарука, развалившегося на краю бассейна рядом с ослепительной красоткой, потягивающего лучший французский коньяк. Это видение перемежалось, впрочем, с другой, менее привлекательной картиной, которую я старательно гнал прочь: неподвижная фигура, покрытая с головы до пят белой простыней...

Я поглядел на пустое кресло Фарука, и мысли мои унеслись в прошлое, к обстоятельствам нашего с ним знакомства. Я тогда отбывал положенный срок службы в рядах Национального молодежного корпуса¹, было это в штате Анамбра. Мы с ним оказались в одном отряде, и Фарук с первых же дней стал у нас лидером. Перед его обаянием никто не мог устоять. У девушек он пользовался особым успехом. Высокий, довольно светлый, правильные черты лица, необычайно чистый и ясный взгляд прямо-таки сверкающих глаз. Он прекрасно разбирался в людях, к каждому легко находил подход, и вскоре все, даже самые сдержанные, оказались с ним в приятельских отношениях.

В один прекрасный день наш командир объявил, что намечается конкурс на лучший любительский спектакль. Нет ли среди нас кого-нибудь, кто бы взялся сочинить пьесу о службе в Молодежном корпусе, и не найдется ли желающих ее поставить? И я, и Фарук откликнулись на этот призыв. Было же так.

Хотя я никогда пьес не писал, а только одни журнальные статьи и репортажи для газет, я решил, что судьба бросает мне вызов, который я обязан принять.

Я вышел из строя и направился к командиру. Конкурентов у меня как будто не было. Но тут раздались бурные рукоплескания, заставившие меня оглянуться. Я увидел, что к нам с командиром вразвалку, не спеша, засунув руки в карманы модного бархатного пиджака, подходит Фарук.

Поравнявшись со мной, он опустил мне свою узкую ладонь на плечо.

— Ты случайно не инженер? — спросил он с ухмылкой.

Я замотал головой, торопясь пожать ему руку.

— Отчего такой вопрос?

— Инженеры, конечно, изобретатели, но ничего путного сочинить не могут, — ответил он. — В голове у них одни шпунтики да винтики, балки да провода. У них нет времени на радости жизни, они не замечают ее красоты. — Он захохотал. — Надеюсь, ты у нас не святой?

— Святых в нашем двадцатом веке днем с огнем не

---

¹ По получении диплома о высшем образовании молодые нигерийцы проходят двухгодичную службу в составе Национального молодежного корпуса, где они заняты на строительных работах и в сельском хозяйстве.

сыскать,— ответил я в тон ему.— Однако позвольте представиться: Тахир Хусейн, выпускник факультета политических наук университета Анамбры, к вашим услугам!

— А я Фарук Аввал, по образованию журналист, специализировался на периодических изданиях. Продукт сьерра-леонского колледжа Фура-Бей, но по натуре сто процентный нигериец,— улыбнулся он.

Мы трудились в поте лица без малого месяц, сочиняя, а затем и ставя нашу пьесу. Она имела шумный успех, и наш отряд получил главный приз. В газетах напечатали наши с Фаруком имена, в журнале Национального молодежного корпуса поместили статью о нас. С тех пор мы с Фаруком стали неразлучны.

Мы сблизились и хорошо узнали друг друга. Фарук был сыном владельца крупной торговой фирмы международного масштаба с главной конторой в Сьерра-Леоне. У него была сестра, она училась во Фритауне.

— Вот расскажу Джамиле, как ты пилишь меня за мотовство,— хохотал Фарук,— и она тебя всей душой полюбит. В самом деле, вы же с ней идеальная пара. Так и быть, замолвлю за тебя словечко...

Фарук и не подозревал, что окажется пророком: мы с его сестрой действительно полюбили друг друга. Но это другая история, и речь сейчас не о ней.

Я поделился с Фаруком своими планами на будущее, лишь только он сообщил мне, что его снедает страстное желание издавать журнал.

В течение последних лет уровень грамотности среди нигерийцев, говорящих на хауса, неуклонно повышался, однако, к сожалению, ни одного периодического издания на этом языке не было, хотя число потенциальных читателей достигало уже многих десятков тысяч. С невероятным рвением читал я и перечитывал все, что касалось издания и редактирования периодики, буквально проглатывал то, что удавалось раздобыть. И все ждал, когда же наконец отыщется предприимчивый и энергичный человек, мне на пару.

Конечно же, я не сидел сложа руки — справлялся там и сям, предлагал свои услуги. Однако никто не желал рисковать капиталами. Я-то был уверен в успехе этого предприятия, оно сулило немалые прибыли и снискало бы добрую репутацию тому, кто взялся бы его субсидировать. Чтобы собрать необходимую сумму, я должен был взять кого-то в долю, обзавестись партнером.

Чтобы убедить Фарука в реальности моей затеи, я

составил и показал ему примерную смету, рассчитать которую мне помог знакомый экономист, прекрасно разбирающийся в деловой конъюнктуре.

— Ну вот,— заключил я свои пояснения,— если ты всерьез заинтересуешься моим предложением, мы станем выпускать журнал, способный влиять на умы, формировать общественное мнение, на равных соперничать с изданиями на английском языке, которых у нас теперь великое множество.

Я выдержал паузу, следя за выражением лица Фарука. Его глаза заискрились.

— Но ты, конечно же, понимаешь,— продолжал я,— что для начала необходима огромная сумма. Ну как тебе моя идея?

Фарук помедлил с ответом, с любопытством разглядывая меня.

— Знаешь что, Тахир? По-моему, это гениальная идея. Считай, что в принципе мы договорились!

И вот спустя два года тираж нашей «Аревы», первого ежешестимесячника на хауса, уже достиг рекордного уровня в двадцать пять тысяч экземпляров. Понятно, что вначале нам пришлось нелегко. Да и теперь, несмотря на успех у читателей, нас по-прежнему преследуют финансовые затруднения.

Вот такие мысли роились в моей голове, пока я смотрел на пустое кресло Фарука... Раздался стук в дверь. А вдруг это он, подумал я, только с чего бы ему стучаться в собственный кабинет? Нет, незачем тешить себя пустыми надеждами!..

Дверь беззвучно открылась, и вошла секретарша Нгози, молодая миловидная женщина, боготворившая Фарука. Она выглядела очень уставшей, подавленной. Лицо у Нгози осунулось, что, увы, не красило ее. Я предложил ей сесть, но она точно не слышала моих слов.

— Ты не думаешь, Тахир, что нам следует обратиться в полицию? — нервно проговорила она.— Фарук исчез ровно семь дней назад. Не в его правилах забрасывать все дела в редакции на столь длительный срок. С ним стряслось что-то... Что-то ужасное, не иначе.

— Вчера я проверил все гостиницы в городе,— ответил я медленно и внятно, только что не по складам, избегая взгляда ее воспаленных глаз,— его никто не видел на этой неделе.

— Каждый день ты сообщаем мне о том, что предпринял накануне, однако упорно отказываешься позво-

нить в полицию! — Голос Нгози звучал непривычно резко. — Неужто не ясно, с ним какое-то несчастье, беда?! Разве этого не достаточно, чтобы поднять на ноги полицейских? — Слезы застилали ей глаза, она нервно вытерла их платком.

Я не решался обращаться к властям, потому что Фарук непредсказуем. Позвоню я комиссару, и его люди отыщут моего друга в каком-нибудь злачном месте — выйдет конфуз. Но Нгози я этого сказать не мог: ведь Фарук для нее — воплощенная добродетель.

И вот после долгих колебаний я снимаю трубку и прошу соединить меня с полицейским управлением нашего города.

— Управление полиции города Кадуны! — словно автомат, отчеканил дежурный.

— Говорит соредатор журнала «Арева». Соедините меня, пожалуйста, с инспектором Кабиром.

— Одну минуту, сэр!

После короткой паузы до меня донесся знакомый бас.

— Тахир! — загромыхал инспектор. — Я было уж подумал, что ты забыл старого друга! Ведь мы уж больше месяца как не виделись...

— Кабир, — перебил я его мрачно. — Фарук пропал.

— Пропал?! — Инспектор и Фарук тоже были приятелями, и от неожиданности он не сразу нашелся что сказать. — Да быть того не может! Фарук не из тех, что пропадают... Постой-постой, и давно его нет?

— Семь дней.

— Что же ты молчал до сих пор? — заворчал Кабир. — А может, он занят каким-то расследованием, собирает материал для очередной сенсационной статьи? Знаю я вашу журналистскую братию... особенно Фарука... Или развлекается где-нибудь в укромном местечке. Уж кто-кто, а Фарук...

Я бросил взгляд на Нгози. Не хотелось нагонять на нее страху, поэтому я не сказал того, что собирался сказать инспектору, вместо этого лишь перевел глаза на пустой стул, и на сей раз она покорно села.

— Я и сам так думал, инспектор. Но если мы оба ошибаемся? Самое странное, что Фарук уже неделю не был в редакции и даже ни разу не позвонил. Так вот вдруг взял и пропал, словно сквозь землю провалился.

И верно, мы не видели Фарука целых семь дней, но я покривил душой, сказав, что за это время он не подавал о себе вестей. Через три дня после своего исчезновения

он прислал мне открытку из... Лагоса! Сказать, что меня это удивило,— значит ничего не сказать! Я не имел ни малейшего представления о том, чего ради он отправился в столицу. От Кадуны до Лагоса путь неближний, и так просто, без особой надобности, никто туда не поедет. Текст на открытке был предельно краток, я тут же запомнил его от слова до слова: «Крупная новость. Веселюсь до упаду. Славная компашка. Вернусь через день, от силы — через два. Всего! Фарук».

Но прошло уже четыре дня, как я получил открытку, а Фарука все нет. Есть от чего всполошиться. Я открыл было рот, чтобы рассказать Кабиру о загадочном послании, но журналистский инстинкт побудил меня промолчать. Хуже нет для азартного репортера, каким был Фарук, когда ему вставляют палки в колеса, мешают распутать дело, пахнущее сенсацией. Я все еще лелеял надежду, что мой партнер вот-вот объявится. Скорее всего, думал я, на его пути возникли серьезные преграды, не исключено даже, что он попал в беду. Это в нашей профессии почти неизбежно. Интересно, что это за «крупная новость»? — гадал я, не в силах предположить, что Фарук имел в виду. И все же я почел за благо не рассказывать инспектору про почтовую открытку из Лагоса.

— Фарук уехал на машине? — услышал я его вопрос.

— Не знаю, редакционный автомобиль на месте, однако он мог использовать другую машину, например взять напрокат.

— Тахир, приехал бы ты ко мне в управление, по телефону всего не обсудишь. И захвати парочку фотографий Фарука. А я пока что оповещу все посты. Не забывай, однако, что Нигерия — страна немаленькая. Фарук мог отправиться куда угодно даже просто так, потехи ради, а уж если не один, то и подавно — подальше от любопытных глаз.

Инспектор невесело хохотнул и повесил трубку.

Я повернулся к Нгози:

— Знаешь что, возьми выходной. Судя по твоему виду, тебе необходимо отдохнуть. Я и один тут управлюсь.

— Нет, со мной все в порядке,— отозвалась она негромко,— да и дел в редакции на десятерых.

Я взял из стола Фарука четыре фотографии, и тут Нгози внезапно спросила:

— Почему ты не сказал инспектору про открытку?

Ну вот, подумал я, начинается, только этого мне не хватало!

— Нгози, поверь, Фарук мне как брат, да ты и сама знаешь. Я все сделаю, чтобы его разыскать. Уж кому-кому, а мне-то ты можешь поверить.

Она молча кивнула, хотя во взгляде ее я не нашел подтверждения тому, что мои слова прозвучали для нее убедительно, но продолжать разговор на эту тему было бессмысленно.

Я вышел из редакции и поехал в полицейское управление. Там я провел около получаса, заполняя различные бланки и отвечая на бесконечные вопросы. Потом, вернувшись в редакцию, я, слава богу, сумел прогнать тревожные мысли и занялся неотложной работой.

Примерно в половине пятого зазвонил телефон. Голос инспектора Кабира был сух и серьезен — таким тоном, взвешивая каждое слово, отвечают полицейские чины на вопросы журналистов на пресс-конференциях.

— Только что получено сообщение из полицейского управления Кано. Как я обещал, мы разослали радиogramмы во все близлежащие города. — Он помолчал, потом продолжил, тщательно подбирая слова: — Так вот, там говорится, что молодой человек, чьи приметы совпадают со словесным портретом Фарука, найден мертвым на улице...

Сообщение ошеломило меня. Откинувшись в кресле, я расстегнул верхние пуговицы толстого шерстяного свитера. Вена на виске бешено пульсировала, но какое это имело сейчас значение.

— Ты меня слышишь, Тахир?

— Что с ним, несчастный случай? — обрел я наконец голос.

— Да нет, несчастным случаем это не назовешь. Причина смерти, судя по рапорту, совершенно очевидна. Молодой человек брел по улице вдребезги пьяный, и ватага подростков забила его камнями. Знаешь сам, каковы обычаи и нравы в городе Кано¹: пьяницам и наркоманам там лучше не появляться. Однако нынешний случай отличается от других тем, что молодого человека забили до смерти. Раньше до этого дело никогда не доходило.

У меня отлегло от сердца.

— Инспектор, я уверен, это не Фарук! — Пот ручьями стекал у меня со лба. — Фарук, конечно, покутить не

---

¹ Кано — «самый мусульманский» город Нигерии, в нем находится резиденция эмира — главы нигерийских приверженцев ислама.

прочь, но чтобы напиться до беспамятства и бродить по улицам — нет, на него это не похоже!

Кабир молчал, пауза была долгой, тягостной.

— Ну вот что, наверно, я тебя совсем огорошу...— Он снова помолчал.— Тахир, это вне всяких сомнений Фарук. На трупе нашли корреспондентскую карточку с его именем и адресом. И еще: в обстоятельствах его кончины есть нечто зловещее. Даже мои коллеги в Кано не имеют на этот счет единого мнения. Часть из них подозревает предумышленное убийство уже по той простой причине, что мальчишки никогда никого подобным образом не убивали. Другие же склонны объяснять происшедшее праведным гневом общественности, скорой на расправу.

Меня била дрожь, тело покрылось испариной, хотя за окном декабрь — сезон харматтана.

— А ты, инспектор,— спросил я сдавленным шепотом,— что скажешь, какое твое мнение?

— Трудно сказать что-либо с уверенностью,— вздохнул Кабир.— Пожалуйста, не цитируй меня где бы то ни было и на меня не ссылайся, но я думаю, что это убийство, так мне подсказывает чутье... Тебе необходимо съездить в Кано для опознания тела. Мои коллеги тебя ждут.

Через минуту я уже мчался на улицу под изумленными взглядами сотрудников редакции.

Глава вторая

Солнце уже садилось, когда я въехал в Кано. Всю дорогу я опасался, что мой старенький «фольксваген» вот-вот откажет. Мне пришлось три раза съезжать на обочину и ждать, пока остынет мотор. Вот и сейчас он чихал и фыркал, будто сердясь на меня за то, что я подверг его подобному испытанию.

Назвав себя и объяснив цель моего приезда, я отправился вслед за пожилым капралом в морг на задах полицейского управления, мысленно готовя себя к худшему и стараясь держаться ближе к вышагивающему впереди капралу.

— Вы из газеты, верно? — спросил капрал через плечо, поворачивая ключ в замке.

— Да,— сухо подтвердил я, засовывая подрагивающие руки поглубже в карманы брюк.

— Да, печальное происшествие, ничего не скажешь,—

продолжал капрал, имея в виду гибель Фарука.— Я так считаю, уж ежели тебе приспичило выпить, хотя бы знай свою меру. А то каждый день люди сами себя убивают.

В холодном помещении морга он выдвинул длинный металлический ящик, в котором покоилось завернутое в белую простыню тело, и я сразу почувствовал, понял: это Фарук.

Капрал с бесстрастным выражением лица откинул простыню, обнажив отекавшее, в ссадинах и синяках лицо покойника, и спросил, поглядев на меня:

— Он?

Я кивнул: никаких сомнений, это Фарук. Даже с того места, где я стоял, можно было уловить тяжелый запах спиртного, исходящий от трупа. Моя рука автоматически скользнула в карман за орехом кола: я жую кола всякий раз, когда мне бывает худо.

— Так вы абсолютно уверены? — переспросил капрал.

Я буркнул «да» и выскочил из морга, опасаясь, что меня стошнит. Вскоре ко мне присоединился капрал.

— Да, зрелище не из приятных,— сочувственно вздохнул он.— Дежурный инспектор вас ждет. Должен предупредить, однако,— будьте с ним начеку. Он, как бы это сказать, не слишком жалуется журналистскую братию.

Мы снова оказались в главном здании, миновали тускло освещенную дежурку, поднялись по скрипучей деревянной лестнице и остановились перед первой дверью в длинном коридоре.

Капрал осторожно, даже с опаской постучал, так разбивают яйца для омлета, жестом предложил мне войти, а сам неслышно ретировался. Если служишь в полиции и тебе за пятьдесят, а ты все еще только капрал, подумал я, значит, фортуна к тебе не слишком благосклонна.

Я вошел. Коренастый, приземистый мужчина разглядывал карту на стене. Когда он повернулся ко мне, я увидел лицо, изрытое уродливыми оспинами, точно проведенную карандашом, ниточку усов на нем. Мужчина молча смерил меня взглядом и, пододвинув стул, уселся за небольшой письменный стол.

— Вы, Тахир, как будто журналист. Должен сразу сказать, что мне не до конца ясны обстоятельства смерти вашего, как я понимаю, коллеги.— Он помолчал, поднялся и снова подошел к карте.— Полагаю,— продолжил он,— вы сможете помочь нам, представив некоторые объяснения.

— Это ваша обязанность выяснить, что с ним случи-

лось, тем более, если вы подозреваете злой умысел.— Я старался скрыть раздражение, хотя мне очень не хотелось попусту терять время, в том числе и на разговоры с полицейскими чинами. Мне казалось, что ничего ценного для меня он сообщить не может. К тому же его холодный, недружелюбный тон действовал мне на нервы.

Инспектор, оторвавшись от карты, уставился на меня тяжелым взглядом.

— Недаром я порой бываю суров с газетчиками: слишком много вы себе позволяете... Советую не испытывать моего терпения. Мне лично наплевать на так называемую «свободу печати».

Пока инспектор произносил эту тираду, я смотрел на него не мигая. Наши взгляды на миг скрестились, и вдруг, к немалому моему изумлению, он ощерился по-волчьи.

— Ты такой же попугай, как и все,— продолжал он, вернувшись за стол и разглядывая меня не без любопытства,— однако, в отличие от других репортеров, у тебя как будто котелок варит, да и отваги не занимать — другие бы уж давно наложили в штаны. Иногда мне кажется...

Я взглянул на часы — драгоценное время уходит! — и перебил его:

— Инспектор, я приехал, чтобы опознать погибшего и отправить его в Кадуну, а не для того, чтобы выслушивать лекции о непростых взаимоотношениях между полицией и прессой. Если вам невтерпех поделиться своими мыслями на этот счет, напишите статью для полицейского бюллетеня.

Мои слова, видать, задели инспектора за живое.

— Ты еще поговори со мной в таком тоне! — рявкнул он.— Я тебе веселую жизнь устрою — пожалеешь, что на свет родился! Мне тоже время дорого!

Он грохнул кулаком об стол так, что несколько бумажек скользнуло на пол, в сердцах выдвинул ящик, достал из него сложенный вчетверо листок бумаги и швырнул мне в лицо.

— Что тебе известно об этом? — спросил он, с трудом умиряя ярость.

Я развернул листок, на нем от руки были написаны какие-то цифры.

— Похоже на телефонный номер,— пожал плечами, сказал я.— Но мне он незнаком.

Инспектор отобрал у меня листок и снова сложил его.

— Конечно, знаю я вашего брата, было бы странно, если бы ты этот номер признал. Верно, это телефон, од-

нако не из тех, что можно сыскать в обычном справочнике. Так что, мистер, придется вам раскалываться и все объяснять.

Он помахал листком в воздухе, а я лихорадочно думал, в какую заваруху мог угодить мой бедный Фарук.

— Это совсем особенный номер,— снова оскалив зубы, продолжал инспектор.— Он установлен в Центральном полицейском управлении, в Лагосе. Лишь горстка высших офицеров имеет право им пользоваться, да и то лишь в самых экстренных случаях.— Он помолчал, одарив меня еще одним убийственным взглядом.— И как по-твоему, где мы его нашли?

Я без труда догадался где, однако решил изобразить этакое недотепу, наивного и бесхитростного.

— Ума не приложу, откуда же мне знать...

— Да знаешь ты, знаешь! — рявкнул инспектор.— В кармане твоего партнера, вот где! Попробуй теперь сказать, что к тебе это никакого отношения не имеет!

Я прикидывал, не пора ли и мне начать сердиться.

— Если бы вы дали себе труд немного поработать,— теперь и я повысил голос,— то легко бы выяснили, что вот уже семь дней, как я не видел Фарука и не имел от него никаких вестей! — Понятно, я не собирался говорить ему об открытке, хорошо, что и инспектору Кабиру в Кадуне не проболтался.

Последовала пауза, потом инспектор, оттолкнув стул, кинулся ко мне. Похоже, он привык добиваться нужных ему сведений любыми средствами, не миндальничая, то есть буквально выколачивать их. И в самом деле, я не успел увернуться, и он заехал мне кулаком прямо в зубы, которые издали жалобный, протестующий звук. Потом схватил меня за ворот и дернул вверх со стула — для такого коротышки он оказался невероятно силен.

Я увидел прямо перед собой маленькие, налитые кровью глаза; в них можно было прочесть злобу на весь мир, растленность и пресыщенность.

— Слушай-ка, ты, ублюдок! — гаркнул он.— Вбей в свою ослиную башку: здесь я хозяин, я спрашиваю — ты отвечаешь! Еще раз подымешь на меня голос, я тебя поучу по-нашему хорошим манерам!

Он плюхнулся на свое место, кипя от ярости. Я тоже сел, ощупывая языком зубы. Один шатался. Этот недомерок бьет как боксер-профессионал! Я приложил платок к разбитой губе.

— Итак, что тебе известно про этот номер? — спросил

он как ни в чем не бывало.— Чутье мне подсказывает, что вы с дружкой затевали какое-то щекотливое и явно незаконное дельце.

— Хотелось бы, чтобы вы, инспектор, поверили моим словам.— Я заговорил смиренно и вкрадчиво, желая избежать новой зуботычины. Этот коротышка совсем не глуп, думал я.— Единственное, что мне известно, так это то, что мой компаньон внезапно исчез при весьма таинственных обстоятельствах, не оставил записки, ни разу не позвонил. Я сообщил о его исчезновении полиции в Кадуне, можете проверить у них. Если бы мы с ним что-то затевали вместе, не стал бы я заявлять в полицию, ведь верно? Я бы знал точно, где он, будь у нас совместные планы. Однако я действительно решил, что с ним что-то стряслось, и вот, оказывается, он мертв и тело его здесь, у вас в морге.

Инспектор бесстрастно выслушал мои объяснения. По его лицу нельзя было понять, верит он мне или нет. Когда я умолк, он заговорил неожиданно спокойно:

— Фарук Аввал остановился в «люксе» номер семь здешней гостиницы «Даула». Там мы нашли его дорожную сумку. Кстати, вещи из сумки вытряхнуты, все в номере перевернуто вверх дном, из чего я заключил, что кто-то охотился за Фаруком, вернее, кому-то что-то от него было позарез нужно. Не знаю, что именно, даже предположить не могу, но в одном уверен: полиции необходимо выяснить, что искали злоумышленники, потому что это каким-то образом связано с телефонным номером, найденным в кармане Фарука Аввала.— Он отодвинулся от стола и вытянул короткие ножки.— Теперь-то тебе ясно, отчего полиция проявляет такой интерес к делу твоего компаньона?

Услышав, что он назвал Фарука моим «компаньоном», я испытал облегчение. Это по меньшей мере означало, что он отводит мне второстепенную роль и как будто склонен поверить, что я знаю обо всем не больше его самого. Однако следующая фраза инспектора убедила меня в том, что радоваться рано.

— Не думай, что я считаю, будто ты не причастен к делу. Чтобы разузнать этот телефон, нужно попотеть, в одиночку с этим не справиться. Поверь, я не глупее тебя. Ты наверняка скрываешь важные улики. Скоро ты убедишься, что мы, полицейские, свое дело знаем, хотя журналисты вечно зубоскалят по нашему адресу. Мы доведем расследование обстоятельств гибели Фарука Аввала до конца и выясним, чем это он так интересовал-

ся вплоть до своего последнего часа. А теперь можешь идти.

Я поднялся, учтиво поклонился инспектору и пошел к двери, но тут он меня окликнул:

— Чуть не забыл. Передай дежурному, чтобы выдал тебе вещи Фарука Аввала. И еще, будь я на твоём месте, я бы не стал утаивать от полиции ни единой детали, так или иначе относящейся к делу...

И взмахом руки он отпустил меня на все четыре стороны.

Внизу я забрал дорожную сумку Фарука и договорился, что тело доставят в Кадуну.

Увидав мою опухшую губу, пожилой капрал, водивший меня в морг, понимающе подмигнул.

— Я вас предупреждал, у него на журналистов зуб,— пробормотал он, но я, не вступая в разговор, вышел из здания полицейского управления и отправился на автомобильную стоянку.

Жуткая смерть Фарука не давала мне покоя. Что случилось с моим другом? Сначала эта странная открытка из Лагоса, быть может, в ней ключ к разгадке? Затем из столицы действие переместилось в Кано, где Фарук заказал «люкс» в отеле «Даула». Почему он отправился прямо сюда, не заехав в Кадуну, чтобы посвятить меня в свои планы? Просто непостижимо! А теперь еще этот засекреченный телефонный номер столичного полицейского управления! Тут уж не до шуток: звонить по такому номеру можно лишь избранным и при крайней необходимости. И в конце концов Фарука находят мертвым на улице, словно бездомную собаку...

Так что же, смириться? Я покачал головой. Имеющиеся в моем распоряжении факты, пускай крайне скудные, указывали на то, что смерть наступила в результате каких-то зловещих и мрачных событий, более того, стала последним звеном в их цепи. В таком случае это заранее спланированное и хорошо продуманное убийство. Но что он такое сделал, за что его решили убрать? К какой тайне подбирался? И почему отправился на розыски, не поставив меня в известность?

У меня не было готовых ответов на все эти вопросы. Я мог лишь догадываться, что Фарук шел по очень важному следу и что кто-то вознамерился ему помешать. История, по всей видимости, тянула на сенсацию. А если бы наш журнал опубликовал сенсацию, о нас бы заговорили по всей стране и тираж сразу бы подскочил. Веро-

ятнее всего, это и имел в виду Фарук, когда написал в открытке: «Крупная новость».

Значит, разгадка тайны в том, чтобы установить, кого выслеживал мой компаньон. Когда же я узнаю, от чьей руки он погиб, я смогу отомстить за его смерть и покарать убийцу. Но для этого понадобятся неопровержимые доказательства, чтобы даже самый искусный адвокат не смог выгородить преступника.

Я завел мотор и выехал со двора полицейского управления на проезжую часть улицы. Здания искрились яркими неоновыми вывесками, но машин было мало, а пешеходов и того меньше. В это время года, когда дует харматтан, Кано становится нигерийским полюсом холода.

Я вел машину к своей первой цели — гостинице «Даула». Раз уж я здесь, в Кано, нельзя упустить случай распросить возможных очевидцев.

Я взглянул на часы: двадцать один пятнадцать.

Глава третья

Отель «Даула» — одно из тех мест, где за умеренную плату можно славно повеселиться, что называется, отвести душу. Когда я въехал на гостиничную стоянку, до меня донеслись резкие аккорды вест-индской регги. Все ясно: дискотека уже раскручена на полную катушку. Вот какую жизнь любил бедняга Фарук.

В отделанном керамикой и устланном коврами холле меня приветливо встретил служащий отеля, молодой человек лет двадцати пяти.

— Добро пожаловать, сэр! — Лицо его расплылось в улыбке. — Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы переночевать здесь, — улыбнулся я в ответ. — Нет ли у вас свободных «люксов»?

— Конечно! — Молодой человек так и лучился добродушием. — Конечно, у нас есть «люксы». — Он подвинул мне регистрационный журнал. — Собогазоволите заполнить вот эту графу.

Совершив необходимые формальности, я как бы невзначай спросил:

— А нельзя ли получить «люкс» номер семь? — Служащий сразу насторожился, и я поспешно добавил: — Моя матушка говорит, что семерка — счастливое число.

Администратор облегченно вздохнул, но лучистой улыбки и след простыл.

— К сожалению, в седьмом «люксе» сейчас небольшой ремонт, зато я с удовольствием помещу вас в десятом. В нем кондиционеры и все остальное — по последнему слову техники.

Я не стал ему говорить, что в такую погоду только безумцу может понадобиться кондиционер.

— Где ваш багаж, сэр? — спросил он, подзывая юнца носильщика.

— Только эта сумка. — Я показал на наследство, доставшееся мне от Фарука, а сам велел себе впредь быть осмотрительнее и не лезть с расспросами к первому встречному. Хотя этот молодец еще может понадобиться.

— В таком случае, сэр, бой проводит вас в номер.

Десятый «люкс» состоял из маленькой, броско декорированной гостиной, спальни и ванной. Заказав ужин в номер, я отослал боя и залез под душ: мне необходимо было освежиться. Едва я вышел из ванной, как официант принес еду и беззвучно удалился.

Через двадцать минут я расправился с ужином и тщательно осмотрел вещи Фарука, но ничего примечательного не обнаружил. Покончив с этим, я отправился в спальню и прилег отдохнуть — время действовать пока не пришло.

Я и не заметил, как задремал, а когда проснулся, за окном уже была ночь, тихая, безветренная. Я бесшумно скатился с кровати и внимательно оглядел окна соседних «люксов» (каждый номер высшей категории помещался в отдельном коттедже). Почти нигде света не было.

Я на цыпочках вышел во двор и двинулся в направлении седьмого «люкса», опасаясь встретиться с кем-нибудь из гостиничного персонала или постояльцев. К счастью, я никого не встретил.

В седьмом «люксе» было темно. Я пробрался под окна, но они оказались так высоко, что мне было не дотянуться до подоконника. Порысав по двору, я наткнулся на бачок для мусора. Перевернув его вверх дном, я вскарабкался на него и, уцепившись за подоконник, потянул на себя створку окна. Она не поддавалась. Я снова потянул, и наконец окно с устрашающим скрежетом подалось. Я поспешно огляделся, не привлек ли шум чьего-то внимания. Может, это плод моего воображения, но мне почудилось мимолетное движение в студеной чернильной темноте.

Сердце мое забилося вдвое чаще. Если меня застукают здесь гостиничные охранники, мне несдобровать. Снова окажусь в полиции, начнутся допросы с пристрастием о

том, зачем я ломился в «люкс», в котором останавливался мой несчастный друг.

Я стоял, как изваяние, на мусорной бачке, вцепившись затекшими руками в подоконник. Прошло несколько секунд, показавшихся вечностью, прежде чем я успокоился, решив, что никто меня не видел. Я снова потянул на себя створку окна, на этот раз она даже не скрипнула. Сделав глубокий вдох, я напряг мускулы, перемахнул через подоконник и оказался на покрытом ковром полу. Поначалу я ничего не различал вокруг себя. Но вскоре глаза привыкли к темноте. От волнения я пыхтел как паровоз, и мне стоило немалых усилий усмирить разгулявшиеся нервы. Затем, достав из кармана фонарик, маленький, наподобие шариковой ручки, и включив его, я поводил по комнате узким лучиком.

Это была гостиная. Я осторожно обследовал ее, стараясь светить так, чтобы луч подымался не выше подоконника. Я сам не знал, что ищу, все равно что, лишь бы находка пролила хоть какой-то свет на причины гибели Фарука.

Разгром, учиненный в номере, произвел на меня должное впечатление. В углу валялся изрезанный в клочья матрас и еще какие-то обломки — вероятно, гостиничный персонал сгреб все испорченные вещи в одну кучу.

Я скрупулезно обшарил выдвижные ящики комода, которые были пусты, а часть из них продавлена — наверное, в них надеялись обнаружить тайник или двойное дно.

Я стал уже подумывать, что зря теряю время да к тому же еще рискую головой, когда луч фонарика случайно наткнулся на клочок бумаги, прищипленный к внутренней стенке буфета. Его легко было принять за мазок белой краски. Я потянулся свободной рукой и сгреб листик.

Это была фотография белой женщины, большеглазой, с высокими скулами. Наверно, англичанка или американка. Маленький вздернутый нос, чувственный рот. На шее золотая цепочка, ниспадающая на пышный бюст. Красотка как раз во вкусе Фарука, он всегда питал слабость к белым дамочкам.

На обороте его размашистым почерком было написано: «Мисс Вера Нэш, клуб «Козырный туз», Кадуна, 12 декабря». Выходит, четыре дня назад он был в Кадуне! Еще один сюрприз. Сначала он побывал в Лагосе, затем в Кано, а теперь еще и в Кадуне. Он был в Кадуне двенадцатого числа и не дал мне знать, не встретился со мной. Что за причина? Дело принимало и вовсе неприятный оборот.

Клуб был важной зацепкой. «Козырный туз» — одно из самых дорогих и закрытых ночных заведений в Каду-не. В нем собираются подлинные «хозяева жизни», самые крупные «шишки», чтобы повеселиться без чужих глаз и обстряпать разного рода дела, не слишком заботясь об их этической стороне. Клиентура здесь такая, что иной богач на ее фоне выглядит нищим попрошайкой. И все же Фарук каким-то образом туда проник. То ли его пригласил один из членов клуба, то ли он подкупил привратника — об этом оставалось только гадать.

Я сунул фотографию в карман и, совершенно уверенный в том, что больше ничего ценного в номере не отыщу, вернулся к окну, через которое сюда проник, выглянул в темный двор и уже приготовился влезть на подоконник, как вдруг чувство смертельной опасности пронзило меня. За моей спиной в номере кто-то кашлянул — я явственно это услышал. Меня обуял страх, но факт есть факт: все это время я был в номере не один! И словно в подтверждение этой ужасной истины во мраке раздался зычный голос:

— Ну как, нашел, что искал?

Ничего не скажешь, тот еще голос, словно из кошмарного сна, который хочется забыть и никогда больше не вспоминать.

Набравшись отваги, я резко обернулся, направив вперед фонарик, чтобы разглядеть обладателя голоса, от которого кровь стынет в жилах. Но я опоздал, слишком долго собирался. Меня словно жаром обдало, и тут же сокрушительный удар в голову, от которого я никак не мог увернуться, свалил меня наземь. Прежде чем впасть в черное забытие, я увидел вспыхнувший, словно фейерверк, букет из сверкающих звезд...

Мне понадобилось никак не меньше часа, чтобы прийти в себя. Когда же я наконец собрался с мыслями и с силами, за окном по-прежнему было темно и тихо. Голова болела так, будто ее раскололи надвое и содержимое выковыривали ложкой. Я кое-как встал — ноги подкашивались, точно резиновые. Прежде чем решиться покинуть седьмой «люкс», я долго всматривался в темный двор, нет ли там чего подозрительного, и лишь после этого бесшумно соскользнул с подоконника и прокрался к себе.

Кто-то следил за мной либо сторожил седьмой «люкс». Этот «кто-то» мог безо всякого для себя риска прикончить меня, однако ограничился нокаутом. Так что же у него за цель? Что он делал в седьмом «люксе»? И есть

ли какая-либо связь между этим типом и убийством Фарука?

Дело наконец начинало приобретать осязаемые очертания. Центром его, безусловно, была для меня Вера Нэш. Узнать бы, как Фарук познакомился с ней, что у них было общего, зачем он отправился в «Козырный туз»?!

Я полез во внутренний карман пиджака за фотографией Веры и... замер в изумлении — она исчезла! Тот, кто послал меня в нокаут, забрал ее в качестве трофея.

Наутро, позавтракав, я пошел в центральный холл гостиницы, чтобы заплатить по счету. Пора поскорее отправляться в Кадуну, дел у меня там неувпоровот. Прежде всего надо послать две телеграммы: одну отцу, а другую — сестре Фарука, чтобы известить их о его трагической безвременной кончине, а уж про редакционные заботы и говорить нечего. Теперь я один, и бремя забот тяготит лишь мои плечи. Справлюсь ли? Нужно сдавать в типографию февральский номер, со дня на день поступит верстка новогоднего. Скорее всего, придется подыскивать помощника...

Приветливый администратор осведомился, хорошо ли мне спалось. Я ответил утвердительно, заплатил за ночь и вернул ему ключ.

— Не уделите ли вы мне минутку? — улыбнулся я молодому человеку. — Ненавижу хлестать кока-колу в одиночестве.

Ничего подобного он не ожидал и явно растерялся.

— Хорошо, составлю компанию, если вам это нужно для полного счастья. — Потом, нахмурившись, спросил: — Что именно вы желаете со мной обсуждать?

Я заказал две бутылки «коки», потом достал бумажник, извлек из него хрустящую зелененькую купюру достоинством в двадцать найр, повертел ее в воздухе, зажал в кулаке и небрежно опустил кулак на столешницу. Глаза молодого человека забегали: то на меня взглянет, то на деньги.

— Мне необходима кое-какая информация, — прошептал я.

Молодой человек весь напрягся, снова зыркнул глазом на деньги, затем уставился на меня.

— И вы готовы заплатить за информацию? — Он не верил своим ушам. Видимо, служащих отеля «Даула» коррупция пока не коснулась, обошла стороной, поэтому я с ходу изменил тактику.

— Нет, я не стану за нее платить. Просто мне у вас

так понравилось, что я прошу принять от меня этот скромный дар в знак восхищения и глубокой симпатии.

Администратор расслабился, и я сунул бумажку в его ладонь.

— Что же все-таки вас интересует? — спросил он негромко, не торопясь припрятать деньги в карман.

— «Люкс» номер семь.

Молодой человек отпрянул как ужаленный. Тем временем официант принес кока-колу, и я пододвинул собеседнику стакан и бутылку. Он пил жадно, большими глотками. Прошло несколько минут. Администратор, видимо решившись, махнул рукой и сказал:

— Все равно столько людей уже про это знает, так что никакая это больше не тайна. — Он помолчал и перешел на заговорщический шепоток: — В этот самый «люкс» номер семь въехал красивый молодой человек. Не прошло и часа, как его спрашивает белая дама. Я назвал ей его номер. Она улыбнулась и отправилась к нему. Потом они выходят вместе. Он такой весельчак оказался, вы понимаете, что я имею в виду? Именно поэтому я его и запомнил. Ну вот, выходят они в обнимку, как юнцы, хохочут... И вдруг вчера утром сюда нагрянула полиция. Всех допросили, обыскали седьмой «люкс». И тут выяснилось, что там до них уже кто-то побывал и все перевернул вверх дном. Потом полицейские объявили, что тот молодой человек умер. У нас впервые такая история в гостинице, она может произвести дурное впечатление на постояльцев...

Вне всяких сомнений, «красивый молодой человек» — это Фарук, а белая дама — Вера Нэш.

— А снова эту белую вы видели?

— Нет, ни он, ни она сюда не возвращались.

— Вы рассказали о ней полиции?

Администратор замотал головой.

— Необходимо было поскорее спровадить полицейских, так что мы им только сказали, что молодой человек поселился у нас позавчера и нам о нем ничего не известно.

Тут только он разглядел у меня на физиономии след удара.

— Вы ушиблись, сэр?

— Я всегда считал, что коньяк «Дюбонне» меня не берет, — ухмыльнулся я в ответ, — а на поверку оказалось иначе.

Администратор с сочувствием посмотрел на меня и учтиво поклонился, прощаясь.

Гоня машину по шоссе в Кадуну, я все размышлял

над случившимся. Судя по всему, Фарук успел крепко подружиться с Верой Нэш. Это не просто совпадение, что их видели вместе за день до его гибели. Что же у них были за отношения? Не была ли она мостиком между Фаруком и его убийцей, не входила ли в заговор, имевший целью убрать Фарука? И, наконец, кто же подкараулил меня в седьмом «люксе»?

Вот вопросы, на которые надлежит безотлагательно ответить, повторял я себе, так что не медли, действуй!..

Глава четвертая

В Кадуне было теплее, чем в Кано, и не так ветрено. Договорившись о похоронах с соблюдением всех мусульманских обрядов, я поехал в редакцию, чтобы сообщить своим сотрудникам горестную весть.

Я боялся за Нгози, и действительно с ней случилась истерика. Я, как мог, старался ее утешить, но из этого ничего не вышло, и тогда я отпустил ее домой. Она начала было отказываться, но в конце концов все-таки ушла.

Я набросал текст телеграмм отцу и сестре Фарука, в которых извещал их о его кончине и о том, что тело уже предано земле. Дело в том, что мне представлялся небезопасным их приезд сюда теперь, учитывая обстоятельства гибели Фарука. Следует хотя бы неделю выждать, а я за это время постараюсь докопаться до причин случившегося.

Наскоро просмотрев почту, я принялся за репортажи, идущие в номер, но тут зазвонил телефон.

— С вами говорят из адвокатской конторы «Абдулла и сын» в Кано,— раздался в трубке нежный женский голос,— можно мистера Тахира Хусейна?

— Тахир Хусейн слушает.— Я был весь внимание. Мне хорошо известна добрая репутация этой фирмы, ее глава — мой земляк, мы оба родом из живописного городка Фунтуа в штате Кадуна, где в последние годы бурно развивается торговля и промышленность.

— Одну секунду,— заворковал голосок,— соединяю вас с Альхаджи Абдуллой, он хотел бы побеседовать с вами.

Последовала короткая пауза, и в трубке раздался раскаты знакомого баритона. Сейчас он был исполнен сочувствия, но в иное время в нем мог звучать металл.

— Тахир, сынок, это ты? Я узнал о несчастье по радио.

Поскольку Фарук был журналист, братья-газетчики и радиожурналисты уделили много внимания его гибели.

— Безвременная смерть! — Альхаджи помолчал. — Прими мои сердечные соболезнования. Да поможет тебе Аллах перенести эту утрату!

Если он и дальше будет говорить в том же духе, я разревусь, как двухлетний ребенок. Что-то промямлив в ответ, я умолк.

— Ты, поди, и не подозреваешь об этом, сынок, но я все время пристально следил за вашими успехами. В наши дни не так уж много инициативных молодых людей. Я взял за правило наблюдать за карьерой моих земляков. Должен сказать, что ваш журнал благотворно влияет на умы наших соотечественников. — Он сделал паузу, и я услышал еще чей-то приглушенный голос: Альхаджи был в своем кабинете не один.

Через несколько мгновений он продолжал:

— Мне надо обсудить с тобой одну вещь. Конечно, сейчас, увы, не самое подходящее для этого время, однако у меня есть к тебе предложение, от которого может быть польза и твоему журналу, и моей фирме. Я отдаю себе отчет, что в данный момент тебе не до того, и все-таки давай обсудим дело хоть в самых общих чертах. Хотелось бы знать, как ты в принципе отнесешься к тому, что я собираюсь предложить. Сам понимаешь, это не телефонный разговор. Сможешь приехать завтра в Кано к обеду?

Снова тащиться в Кано! Так и рехнуться недолго, подумал я, однако вслух этого не сказал.

— К обеду? Да, пожалуй, смогу.

— Спасибо, Тахир. Ты для меня как сын, а сыновья, как правило, отцов не разочаровывают. Итак, с милостью божьей увидимся завтра в полдень.

Повесив трубку, я откинулся в кресле, исполненный сознанием того, что Альхаджи действительно мне второй отец. Он всегда относился ко мне по-отечески. Я смежил глаза, чтобы ничто не отвлекало меня. Столько всего произошло за последние дни... Открытка, убийство, засекреченный телефон полиции, фотография Веры, негодяй, что едва не вышиб из меня дух в гостинице «Даула»... И вот теперь снова надо ехать в Кано...

Интересно, какого рода предложение сделает мне Альхаджи. Впрочем, я целиком доверяю старику, на него во всем можно положиться. Еще в детстве я слышал о нем в

родном Фунтуа. Взрослые восхищались его успехами. «Старайся всегда и во всем походить на Альхаджи Абдуллу», — твердила мне без устали моя матушка.

А сколько он делает для родного города. Он основал фонд, из которого ежегодно выдается десять университетских стипендий наиболее одаренным выпускникам школ Фунтуа; нуждающимся студентам он подыскивает работу либо у себя в фирме, либо где-нибудь еще.

И все-таки о чем он хочет поговорить со мной? Когда я запер кабинет и спустился вниз, меня обступила толпа газетчиков, желавших разузнать подробности гибели Фарука. Я давал уклончивые ответы на вопросы, потому что хранил известное мне в строжайшем секрете. Потом извинился, стараясь быть по возможности учтивее, и поехал к себе на квартиру, которую мы с Фаруком занимали вдвоем вплоть до самой его кончины.

Я смертельно устал, последние сутки просто выбили меня из колеи. Добравшись до дому, я в один присест прочел две молитвы: послеполуденную и вечернюю — и залег в ванну. Однако уже в восемь вечера после легкого ужина я надел свой единственный приличный костюм и отправился в «Козырный туз». Сказать, что мой «жучок» выглядел по меньшей мере странно на клубной стоянке машин, — значит ничего не сказать. Его теснили лакированные «вольво» и «ситроены». Мой «фольксваген», как, впрочем, и я сам, казалось, принадлежит к иной, более примитивной форме цивилизации. Но я не страдаю комплексом неполноценности, поэтому мне без труда удалось выбросить из головы это нелестное сравнение.

Смотритель клубной автостоянки, протянув мне жетон, смерил меня таким взглядом, что мне стало не по себе: я для него ничто, пустое место. Еще бы, он привык к толстопузым господам с золотыми коронками во рту. Я не разозлился на этого лакея, напротив, пожалел его, греющегося в отраженных лучах чужого богатства и успеха.

Вскоре я очутился в роскошном вестибюле, просторном, светлом, в котором витал особый запах, характерный лишь для самых дорогих международных отелей. Вся обстановка прямо-таки кричала о богатстве, богатстве несметном, могущественном, безграничном в своей власти и в то же время двусмысленно таинственным и мутным, как таинственны и мутны его источники.

Развалившись на длинном диване, трое мужчин атлетического сложения потягивали лимонад. Пока я беседо-

вал с пожилым администратором в темно-синей униформе, они разглядывали меня с неприкрытым любопытством. У администратора тоже был такой вид, будто перед ним внезапно возникло воскресшее доисторическое пресмыкающееся.

Тем не менее я держался с подчеркнутым спокойствием.

— Итак, чем могу служить, молодой человек? Что-то не припомню, когда вы бывали здесь раньше. Как вам удалось войти сюда?

Я пропустил последний его вопрос мимо ушей.

— Я ищу одну свою знакомую по весьма срочному делу. Мне известно, что она часто здесь бывает, так вот я хочу знать, нет ли ее сейчас.

— Имя?

— Вера Нэш, она белая.

— Она вам назначила встречу?

— Конечно! — выпалил я. — Сказала, что будет ждать меня в клубе. У нас, видите ли, деловое свидание.

Я солгал и тотчас пожалел об этом. Администратор покачал головой.

— Здесь у нас совсем иные порядки. Если она в самом деле вас позвала, то обязательно предупредила бы меня или оставила записку. — Он пожал плечами. — С вашего позволения, меня ждут неотложные дела.

В его голосе сквозило презрение, и у меня зачесались руки вlepить этому чисто выбритому болвану увесистую пощечину, но я сдержался.

— Мы не любим чересчур любопытных... — продолжал он. — Лучше проваливай подобра-поздорову, пока тебя не вывели силой!

И тотчас в вестибюле сделалось тихо-тихо. Один из атлетов поднялся с дивана. Я, что называется, понял намеки, широко улыбнулся и подмигнул администратору, на что он скорчил такую рожу, словно ему съездили по зубам.

— Пожалуй, я и сам смогу найти выход, без посторонней помощи, — заявил я и направился к дверям, стараясь шагать не слишком поспешно.

На стоянке я вернул жетон смотрителю и выехал на дорогу. Понятно, настроение у меня испортилось — я потерпел поражение.

Что и говорить, без чьей-либо помощи в клуб мне не проникнуть. Фарук, вероятно, тоже обращался к кому-то за подмогой. Впрочем, как знать. У него был особый

дар завязывать знакомства, располагать к себе с первого взгляда, чего я начисто лишен.

Я стал перебирать в уме различные варианты и возможности. Обратиться за рекомендательной запиской к кому-то из местных воротил? Я мысленно составил их список и — зврика! — вспомнил про Альхаджи Абдуллу! Вот кто устроит, чтобы меня впустили в «Козырный туз»? Ведь он мне вместо отца и охотно согласится помочь. Завтра чуть свет отправлюсь в Кано и все ему выложу, как на исповеди.

«ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ЖУРНАЛИСТА» — кричала шапка на первой полосе газеты «Нью найджириан», которую я развернул на следующее утро за завтраком. Я пробежал глазами мелко набранный текст:

«Не стало Фарука Аввала, журналиста, совладельца и соредактора ежемесячника «Арева», издающегося на языке хауса. Обстоятельства его смерти до сих пор до конца не ясны. Не опровергая полицейской версии, согласно которой покойный в состоянии сильного опьянения был забит камнями, наша газета призывает блюстителей закона не сбрасывать со счетов возможного преднамеренного и хитроумно спланированного убийства. Отвечая на вопросы нашего корреспондента, друг и компаньон покойного...»

Я едва не подавился на этих словах — и на мою долю перепало сомнительной славы...

В девять утра я выехал в Кано, перепоручив редакционные дела несколько оправившейся от вчерашнего потрясения Нгози.

Глава пятая

Часы на стене показывали ровно полдень, когда я вошел в приемную адвокатской конторы «Абдулла и сын». Контора помещалась в недавно отремонтированном пятиэтажном здании в деловом районе Фагге. Здесь же находились офисы других принадлежащих Абдулле предприятий: строительной компании «Абдулла лимитед», экспортно-импортной фирмы «Абдулла импортерз энд экспортерз лимитед», а также правление гигантской транспортной компании «Абдулла транс-Африка лимитед»,

имеющая филиалы почти по всех англоязычных странах континента.

Меня встретил любезный служащий и с почтением проводил до лифта. Похоже, Абдулла наделил и своих сотрудников волшебным даром обаяния, которого у него самого хоть отбавляй.

На четвертом этаже меня препроводили в кабинет, своим убранством напоминавший дворец эмира. Альхаджи Абдулла, выйдя из-за стола, поспешил мне навстречу с расprostертыми объятиями. Он был одет дорого и со вкусом: белое кружевное одеяние, которое носят местные вожди, так называемая «рига», изготовленная в Баббаре, и круглая кружевная шапочка ручной работы придавали ему солидность. Он был высок, полноват, но при этом обладал поразительной для своих лет подвижностью. Он широко улыбнулся, приветствуя меня, и во рту у него вспыхнули золотые зубы.

— Сынок, я так рад, что ты смог ко мне выбраться! — Его глаза лучились, седая редкая борода тряслась в такт словам. — Садись, дорогой. Возблагодарим всемогущего аллаха — ты добрался цел и невредим. Прошу тебя, устраивайся поудобнее.

Я провалился в мягком кресле, придвинутом к огромному письменному столу из красного дерева. Альхаджи сел напротив, и мы поболтали о погоде, о моей семье, об общих знакомых. Вошел слуга с двумя бутылками ячменной браги и стаканами. Мы налили каждый себе и выпили залпом. Брага была горькой, вчерашней — как раз такая, какая мне нравится. Альхаджи облизнулся и откашлялся, давая понять, что пора переходить к серьезным делам.

— Ты, должно быть, гадаешь, зачем я пригласил тебя, — начал он, отерев брагу с подбородка бумажной салфеткой. — Но, прежде чем я перейду к этому, позволь еще раз выразить мое искреннее соболезнование в связи с кончиной Фарука. Вы с ним многого добились, можно сказать, семимильными шагами взбирались в гору. Ваш журнал стал по-настоящему влиятельным рупором. Смерть Фарука нелепа, безвременна, упокой аллах его душу.

Альхаджи сделал паузу, чтобы глотнуть браги. Он глядел на меня так тепло и заботливо!

— Только сегодня, — заговорил он снова, — до меня дошли слухи о его гибели. Разве это не несчастный случай?

— Я и сам сбит с толку, но одно знаю наверняка:

нет, это не несчастный случай,— ответил я и, стараясь не упустить ничего важного, поведал ему вкратце об открытке, которую Фарук прислал мне из Лагоса, о моей не слишком приятной беседе с коротышкой инспектором в полицейском управлении Кано и о Вере Нэш, таинственной белой даме, которую видели с Фаруком незадолго до его гибели. Кое-что я сознательно опустил, например происшествие в «люксе» номер семь отеля «Даула». Не стал я распространяться и об унижении, выпавшем на мою долю накануне вечером в «Козырном тузе».

— Обстоятельства гибели Фарука,— подытожил я,— наводят на мысль о том, что он пал жертвой детально разработанного плана, имевшего целью замять какой-то громкий скандал или что-то в этом роде.

Альхаджи Абдулла слушал меня не шелохнувшись, с горестной миной на лице, лишь изредка прикладываясь к браге. Его лицо делалось все более задумчивым, а глаза — все нежнее и ласковее.

Когда я замолк, он откинулся в кресле и смежил веки.

— Коли так, я, пожалуй, не стану предлагать тебе того, что собирался,— пробормотал он, не открывая глаз.

Я выпрямился в кресле и заметил, как внезапно постарело его лицо, на нем было написано сожаление.

— Но почему? — воскликнул я.

Тут он приоткрыл глаза.

— Не хочу причинять тебе дополнительных неприятностей, втягивать в новые осложнения. Тема, которой я намеревался коснуться, весьма взрывоопасная. Я полагал, что она может заинтересовать ваш журнал и содействовать дальнейшему росту его популярности, но, аллах всемогущий, теперь я вижу, что был не прав.

Последовала тягостная, хотя и короткая пауза. Он и впрямь мне как отец родной, подумал я, с моей стороны будет верхом неблагодарности отвергать его просьбу.

— Не важно, насколько взрывоопасен этот вопрос,— решительно воскликнул я.— От судьбы не уйдешь, и пытаться не стоит. Признаюсь, я пережил тяжелый шок, однако скажите мне хотя бы, о чем идет речь. Если я почувствую, что кусок мне не по зубам, я так и скажу не колеблясь.

Альхаджи отодвинул в сторону бутылку с остатками браги, встал и принялся вышагивать по кабинету из угла в угол, заложив руки за спину. Потом он заговорил негромко, с расстановкой:

— Многие годы я иду по следу одной преступной

организации, вред от деятельности которой столь же велик, как то несметное богатство, которым она обладает. В этой организации состоят чрезвычайно влиятельные особы, занимающие ключевые посты в государственной администрации, в промышленности и торговле; их власть столь обширна, что им не составляет труда обходить законы и избегать судебного преследования.

Он вдруг остановился, взглянул на меня в упор, а потом снова зашагал из угла в угол.

— На совести этих людей тяжчайшие антиобщественные деяния: от торговли оружием до разграбления государственной казны. Но они могут себе позволить нанять лучших адвокатов. Они содержат публичные дома, спекулируют валютой, занимаются контрабандой запрещенных к ввозу в страну товаров, в первую очередь наркотиков. И наконец, они ведут прямые торговые операции с Южной Африкой, на что давным-давно наложен правительственный запрет.

Он, вероятно, увидел недоумение на моем лице и поспешил продолжить:

— Да, Тахир, эта организация очень многочисленная. Ее члены называют себя «Крестonosцами», и главное оружие в их арсенале — изворотливый ум, а не грубая сила. Хотя, когда это необходимо, они не гнушаются и насилием. И вот время от времени мы слышим, что совершен поджог отделения налогового ведомства, кого-то убили при весьма таинственных обстоятельствах, где-то учинен налет, ограбление и так далее и тому подобное.

Альхаджи подошел к шкафу, выдвинул ящик, достал из него объемистую папку с красным корешком, затем вернулся за стол и опустился на кожаную подушку кресла.

— Ты, должно быть, думаешь, откуда мне все это известно. — Альхаджи постучал указательным пальцем по пухлой папке. — Имя инспектора Нура тебе что-нибудь говорит?

Я ответил, что знаю, кто это такой. Да и немудрено: любой нигериец наслышан о знаменитом сыщике, который несколько лет назад раскрыл нашумевшее дело «Черный замок».

— Так вот, — продолжал Альхаджи, — этот инспектор, хотя и очень молод, мой добрый приятель. Он знает, что я собираю улики против «Крестonosцев» и мечтаю о том времени, когда смогу возбудить против них уголовное дело. Недавно к нему попал крайне важный документ, который мог бы помочь сокрушить самые устои преступ-

ного синдиката. «Крестоносцы», сознавая нависшую над ними угрозу, решили во что бы то ни стало вернуть себе эту изобличающую их бумагу. На инспектора было совершено нападение. Он чудом остался жив, дом перевернули вверх дном, но того, что искали, не обнаружили. Бедняга Нур в критическом состоянии доставлен в клинику при Лагосском университете.

Альхаджи Абдулла пододвинул к себе красную папку.

— Это досье,— продолжал он,— содержит все материалы, которые мне удалось раздобыть относительно деятельности «Крестоносцев». Впрочем, любой вдумчивый читатель ежедневных газет обладает теми же фактами и сведениями. Понятно, досье это не совершенно, увы, исчерпывающим его не назовешь, и тут как раз ты бы мог оказать неоценимую помощь.

Все, что говорил Альхаджи, было для меня откровением, я слушал раскрыв рот. Понимая, что следует как-то проявить свою заинтересованность, я спросил:

— Значит, «Крестоносцы» эти окопались в Лагосе?

— Да, их штаб-квартира в столице, хотя точного адреса я, к сожалению, не знаю. Видишь ли, я имел в виду предложить тебе завершить расследование, при том, что расходы, связанные с ним, я возьму на себя. Если покопаться в газетных подшивках трех-, четырехлетней давности, можно наткнуться на множество случаев, когда такие преступления, как контрабанда, поджог общественных и правительственных учреждений, оставались нераскрытыми. Но прежде всего я хотел бы, чтобы ты отправился в Лагос и побеседовал с инспектором Нуром насчет перехваченного им документа. Он во всем пойдет навстречу, я ему предварительно позвоню, а тебе дам рекомендательное письмо. Я потому решил попросить тебя об этом, что ты пользуешься моим безграничным доверием. Конечно, я не мог предвидеть гибели нашего друга...— В голосе старика снова зазвучала печаль.— Я все так спланировал, чтобы твоя основная работа никак не пострадала. После твоей встречи с инспектором Нуром и сбора необходимых сведений я все возьму на себя. Получив документ, я смогу возбудить иск против этих мерзавцев. Ничего не пожалею, все отдам до последней найры на судебные издержки, лишь бы упечь их за решетку. Конечно же, история эта тотчас станет сенсацией, я дам тебе эксклюзивное право на ее освещение в печати, и твой журнал будет расходиться, как горячие пирожки. Да и я внакладе не останусь. Помимо морального удов-

летворения, которое я испытываю всякий раз, когда торжествуют справедливость и правосудие, престиж нашей адвокатской конторы укрепитя и невероятно возрастет в масштабах всех страны, соответственно, наша клиентура удвоится, а то и утроится. Но, увы, тебе сейчас не до этого.— Старик сокрушенно покачал головой.

Я отхлебнул из стакана. У меня не было ощущения, что я готов взяться за это дело, хотя мне отводилась в нем сравнительно несложная роль, и все же я ответил косноязычным согласием:

— Если вы уверены, что я справлюсь, тогда все в порядке.

Не мог я сказать «нет», учитывая, сколько добрых дел сделал Альхаджи для моих земляков. И прав он: разоблачение «Крестоносцев» превратится в сногшибательную сенсацию, а значит, тираж «Аревы» резко подскочит. И все-таки мне было как-то не по себе: предполагаемое расследование, конечно же, связано с риском. Я вовсе не хотел кончить так же, как Фарук. А подобный исход не исключен.

Глаза Альхаджи снова лучились.

— Ты даешь согласие, несмотря на то что стряслось с бедным Фаруком?

— Да,— подтвердил я,— но сначала мне необходимо обсудить некоторые подробности.

Ушло еще полчаса на дополнительные разъяснения, в результате чего у меня не осталось никаких сомнений в подлинном характере организации «Крестоносцев».

— Поэтому я предлагаю тебе,— подытожил Альхаджи,— как можно скорее повидать инспектора Нура в больнице. Идти ли нам дальше или же ничего не затевать, зависит от того, что он тебе скажет. Денег не жалея, Тахир, я достаточно богат. Так что ни в чем себе не отказывай, о'кей?

Я сказал, что буду тратить ровно столько, сколько потребуется для выполнения возложенного на меня задания.

— Обязан тебе напомнить, что это расследование имеет крайне щекотливый характер. Они едва не прикончили Нура и без колебаний убьют тебя, если прознают, чем ты занимаешься, так что держи язык за зубами. То, что сообщит тебе инспектор, ты немедленно передашь мне. Постарайся завтра слетать в столицу и к вечеру вернуться, тем более что здесь тебе еще предстоит выяснить, кто же все-таки убил Фарука.

Альхаджи выписал мне чек на дорожные и прочие расходы.

Я спрятал чек в карман. Хозяин кабинета тем временем нажал на кнопку переговорного устройства:

— Пришлите сюда Килиши.

Не прошло и минуты, как дверь кабинета распахнулась и впорхнуло премилое создание — я такой красавицы еще никогда не видывал. Высокая, длинные черные волосы ниспадают на хрупкие плечи. Удлиненный овал лица, высокие скулы, глаза с поволокой, очаровательный носик. И никакого макияжа. Подумать только, без косметики — и неотразима! Я был сражен...

— Вы меня вызывали, Альхаджи? — Журчащий голосок Килиши напомнил мне звук горного ручья. Она осталась у порога, не собираясь, видно, задерживаться надолго.

Старик, если и видел, что со мной творится, никак этого не обнаружил.

— Это Тахир Хусейн, — он указал в мою сторону, — тот молодой человек, о котором я тебе говорил.

— О! — радостно воскликнула она. — Я не пропускаю ни единого номера вашего журнала. Мне все в нем нравится, особенно раздел светской хроники.

Я смущенно поблагодарил Килиши за комплимент, промолчав о том, что автор ее любимой колонки только что расстался с жизнью.

— Тахир, — теперь Альхаджи обращался ко мне, — познакомься, это Килиши, моя племянница. Но я считаю ее своей дочерью, так же, как тебя сыном. Я попросил ее тебе помогать. Сам я очень занятой человек, можно сказать, себе не принадлежу. В мое отсутствие ты можешь все передавать Килиши. Договоритесь между собой, как будете работать вместе.

Я старался не смотреть на Килиши. Признаюсь, я несколько старомоден и в присутствии таких вот современных красоток чувствую себя не в своей тарелке.

— Вот, пожалуй, и все, — заключил Альхаджи Абдулла. — Желаю удачи, да пребудет с тобой всемогущий аллах.

Я стал подниматься с кресла, когда Абдулла внезапно добавил:

— Э, едва не забыл, твоя машина в хорошем состоянии?

— Вполне, — ответил я.

— Это тот «фольксваген», что припаркован у входа? —

не без издевки рассмеялась Килиши.— Вы бы на него посмотрели, Альхаджи, просто рухлядь, того и гляди рассыплется.

— В таком случае,— великодушно предложил Альхаджи,— возьми одну из моих машин. Можешь пользоваться ею, пока не кончишь дела.

Он снова нажал на кнопку переговорного устройства, а я тем временем украдкой бросил взгляд на Килиши. Ей как будто вся эта сцена доставляла удовольствие, чего о себе я сказать не мог.

Старик, негромко отдав распоряжения, поднял на меня глаза и широко улыбнулся:

— Все в порядке, сынок, пересядешь на «пежо-504».

— Не знаю, как вас благодарить.

— Прошу тебя,— Альхаджи предостерегающе поднял ладонь,— чтобы я больше ничего такого не слышал. Ведь ты же мой сын. Теперь идите и договоритесь обо всем между собой.

Он проводил нас до порога кабинета. Едва мы вошли в лифт, Килиши придвинулась ко мне, и меня бросило в жар от ее близости, воздух наполнился запахом ее духов, сердце мое бешено заколотилось. С кошачьей грациозностью, просто и непринужденно она взяла меня за руку, но я резко высвободился и посмотрел на нее затравленным взглядом. Она только прыснула в ответ. Через мгновение мы были уже на улице.

Возле новенького «пежо-504» нас дожидался один из служащих Альхаджи. Протянув Килиши ключи от машины, он испарился, словно его тут и не было. Девушка повернулась и отдала их мне.

— Вы слышали, что сказал Альхаджи Абдулла, так что садитесь за руль,— проворковала она и, открыв дверцу, впорхнула на место рядом с водительским.

— А вы куда собрались? — неуклюже спросил я, усаживаясь за руль.

— Ведь мы теперь партнеры, сотрудники, разве не так? — хихикнула она.— Нам есть что обсудить, верно?

Я натужно улыбнулся, тщетно стараясь победить скованность, и, вырываясь со стоянки, спросил:

— Так куда же едем, Килиши?

— В кассы «Найджириа Эйруэйз», чтобы приобрести для вас билет на утренний самолет до Лагоса.— Она снова прыснула.— А вы что себе вообразили?

В отделении авиакомпании я наткнулся на своего школьного приятеля, требующего место на тот же рейс. Судя по его виду и тону, ничего у него из этого не получалось.

— Черт побери! — орал Сабо на невозмутимую служащую, давно привыкшую к подобным сценам. — Говорят же вам, у меня назначена на завтра чрезвычайно важная деловая встреча в Лагосе, я непременно должен вылететь утром!

Девушка-кассир бесстрастно пожала плечами:

— Ну что я могу поделать? Устала уже вам повторять — на утренний рейс нет ни одного билета.

И тут Сабо заметил меня. Сначала он удивился, потом расплылся в радостной улыбке — шутка ли, встретить старинного знакомого, однокашника! Отойдя от окошка, он направился ко мне, сердечно хлопнул по плечу.

— Тахир, давненько ты мне не попадался!

Мы забросали друг друга вопросами. Я тоже очень обрадовался нашей встрече. Четыре года мы с Сабо не виделись. Во время нашего разговора он с любопытством переводил взгляд с меня на Килиши и обратно. И я мог его понять: такой девушкой немудрено залюбоваться. Я их представил друг другу, и Килиши одарила Сабо ослепительной улыбкой.

— Судя по всему, ты всем доволен и наслаждаешься жизнью на полную катушку, — заключил Сабо, вкладывая в свои слова смысл, не понять который было невозможно. — А лететь куда собрался?

— В Лагос.

— Когда?

— Завтра.

Его лицо омрачилось.

— Можешь выбросить эту затею из головы, Тахир. Слышал, что мне ответили? Они даже говорить со мной не стали.

И тут Килиши меня приятно удивила: оказывается, она уже забронировала мне место по телефону, и нам остается только выкупить билет.

— Ну, Тахир, и везет же тебе! — вздохнул с завистью Сабо. — Ты, наверно, летишь в столицу по делам?

Я кивнул, но не стал вдаваться в подробности.

И вдруг его взгляд озарился надеждой.

— Знаешь, ты бы мог меня выручить. Ведь на то, я думаю, мы и друзья со школьной скамьи, чтобы друг другу помогать. Мне необходимо срочно передать в Лагос

кое-какие бумаги.— Сабо достал из кейса увесистый пакет с надписью: «Мистеру М. Йошиве, гостиница «Федерал Палас», Лагос».— Будь же другом, передай это по адресу!

— Конечно, он это сделает, почему бы нет? — ответила за меня Килиши и подошла к кассе, чтобы выкупить билет.

Сабо проводил девушку пламенным взглядом, потом усталился на меня с мольбой.

— Значит, я должен завезти пакет в «Федерал Палас»? — переспросил я.

— Точно, мой компаньон там остановился. Это в самом центре, найдешь без труда.— Потом, словно решив, что поступил бестактно, Сабо добавил извиняющимся тоном: — Но ты уверен, что тебя это не затруднит?

— Нисколько! — заверил я приятеля и забрал у него пакет.— Ведь на то друзья и существуют, верно?

Все мы задним умом крепки. Как я злился потом, что дал Сабо себя уговорить, взял этот проклятый пакет, ибо вскоре выяснилось: он вовсе не тот, за кого себя выдавал. Впервые в жизни я испытал на собственной шкуре, каково быть жертвой шантажа.

А в Лагос на следующее утро я не улетел...

Глава шестая

С утра я позвонил Нгози в редакцию и сказал, что в связи с неожиданно возникшей надобностью лечу в Лагос.

— Но ты же не можешь так вдруг все бросить и улететь! — принялась она отчитывать меня, в ее голосе даже был призыв гнева.— Люди заходят в редакцию, чтобы выразить соболезнование.— Она вздохнула.— Еще звонили из типографии, им срочно надо обсудить с тобой новые расценки.

Я попытался ей объяснить: дело неотложное, чрезвычайно срочное, я пробуду в Лагосе всего несколько часов. С типографией можно подождать и до завтра. Что же до друзей, оплакивающих Фарука, то по возвращении я каждого поблагодарю лично.

Нгози все-таки осталась при своем мнении и в сердцах повесила трубку. Я не сказал ей, что и рад бы под любым предлогом отказаться от этой поездки, но долг превыше всего. Альхаджи Абдулла мне как отец, напомнил я себе.

Я договорился с Килиши, что она отвезет меня в аэро-

порт, а затем отгонит «пежо» в гараж. Аэропорт Кано гудел как улей, в нем было многолюдно и оживленно, как в любом международном аэропорту. Солнце постепенно разогнало утреннюю дымку, и вот уже лайнер, следующий в Лагос, выруливает на стоянку, чтобы взять на борт пассажиров.

— Обратный самолет должен приземлиться в Кано в двадцать один ноль-ноль, — сказала Килиши, стараясь изо всех сил поддерживать разговор.

— Я еще не улечу, — буркнул я в ответ и поглядел на часы, до посадки осталось двадцать минут.

Вскоре неестественный, словно у робота, голос в репродукторах объявил, что посадка пассажиров, летящих в Лагос, начинается, и все гурьбой поспешили на летное поле. Я занял за кем-то очередь, ожидая необходимых формальностей. Килиши по-прежнему меня не оставляла, стояла рядом.

— Берегите себя, желаю приятного полета, — сказала она, прощаясь, и, послав мне воздушный поцелуй, исчезла в толпе.

Пассажиры уже поднимались по трапу, когда двое дородных мужчин — один в форме таможенного ведомства, другой в штатском — вклинились в очередь. Их взоры пробежали по лицам пассажиров и остановились на мне. Все это было очень странно.

— Вот он, — сказал один другому, и они подошли ко мне вплотную.

— В чем дело? — спросил я.

— Нам надо у вас кое-что выяснить, — буркнул таможенник.

— Но ведь это внутренний рейс, — возразил я. — Вы как будто имеете право досматривать только тех, кто прилетает из-за границы.

Второй нетерпеливо выхватил из кармана какой-то листок.

— Вы ведь Тахир Хусейн, верно?

Я изумленно кивнул. Стоявшие сзади пассажиры обходили меня, поднимаясь на борт «Боинга-737». Кое-кто оборачивался, с недоумением поглядывая на меня.

— Я все же не пойму, какое у вас ко мне дело. В конце концов...

— Простая формальность, только и всего, — перебил меня таможенник. — Пройдемте с нами.

Возмущенный, я тем не менее поплелся вслед за ними к служебному зданию, стоящему справа от зала прилетов.

У входа я оглянулся на «Боинг»: в очереди на посадку оставалось не больше десяти пассажиров.

— Я из-за вас на самолет опоздаю!

— Ничего-ничего, иной раз лучше опоздать, чем...— гоготнул один из таможенников.— Заходи сюда, дружок, не робей.

Совершенно сбитый с толку, я прошел вслед за ними в пустую комнату. Тот из таможенников, что был в штатском, запер за собой дверь и остался у порога. Внезапно мой портфель показался мне чугунным. Второй таможенник взял его у меня, открыл крышку и достал тот пакет, что всучил мне Сабо. Сердце тревожно заколотилось в груди, пока он тщательно и медленно разворачивал оберточную бумагу. Как тут можно было протестовать?!

Внутри пакета оказались два плоских свертка, аккуратно упакованных в целлофан. Таможенник с тем же педантизмом взрезал один из них перочинным ножом, и из отверстия посыпался белый, тонко измельченный порошок. Я без чьей-либо подсказки понял: это героин.

— Знаешь, дружок, что это такое? — снова гоготнул таможенник.

Я кивнул — не было смысла что-либо отрицать. И содержимое второго свертка — высушенные коричневые листочки — я тоже узнал: марихуана. Какой же я болван! Сабо решил сделать из меня своего сообщника, курьера! Он еще бубнил, что дело у него срочное, пакет должен быть передан как можно скорее. В его голосе было неподдельное беспокойство и озабоченность. То-то он так обрадовался, когда я подвернулся в нужный момент — ведь ему-то билета на утренний рейс не досталось. Ничего себе друг детства!

Через закрытое наглухо окно я увидел, что мой самолет уже выруливает на взлетную полосу, и ноги у меня подкосились, я плюхнулся на стул.

— Ну вот, я же говорил,— обратился тем временем первый из досмотрщиков к своему напарнику,— в этой форме все меня принимают за настоящего таможенника. И впрямь, сидит как на меня сшитая.

И он разразился отвратительным, гнусным хохотом.

— Черт возьми, что это значит? — вскочил я со стула.— Так вы на самом деле не таможенник?

— Нет, Тахир,— раздался у меня за спиной знакомый голос,— он не таможенник, он обычный гражданин, как ты и я.

Я медленно обернулся и потерял от изумления дар

речи. Беззвучно прикрыв за собой дверь, Сабо шагнул на середину комнаты и нагло подмигнул мне, обнажив в усмешке потемневшие от орехов кола зубы.

Я был в ярости и едва сдержался, чтобы не ударить его.

— Что за идиотские шутки, черт возьми?! — закричал я, но мой крик утонул в реве только что оторвавшегося от земли «Боинга». Я сделал шаг по направлению к Сабо и уже поднял сжатый кулак, но тут громила в форме таможенника встал между нами.

— Не тронь его, Като! — приказал Сабо, и гигант отступил, недовольно сопя, точно у него отняли любимое лакомство.

— А ты сядь, — зло буркнул мне Сабо, и я вынужден был подчиниться. — Я думал, мы обсудим все трезво, спокойно, — продолжал он, — а ты лезешь в драку, как мальчишка. Незачем привлекать внимание посторонних, особенно аэродромной охраны, тогда тебе действительно не поздоровится: редактор популярного журнала схвачен с партией наркотиков! — Он положил ногу на ногу и снова насмешливо подмигнул мне. — В самом деле, окажись на нашем месте настоящие таможенники, тебе бы тюрьмы не миновать. Так что в твоих собственных интересах, Тахир, поладить с нами.

Все во мне заледенело. Я понял: Сабо *что-то* от меня нужно и он уверен, что у меня это *что-то* есть, и готов на все ради достижения цели. В его руках мое имя и репутация журнала. Сабо дал мне ясно понять, что козыри у него на руках, так что дело мое плохо.

Он не спеша достал из кармана пачку сигарет и с наслаждением затянулся.

— Мы только что разыграли небольшой спектакль, заранее сочиненный и отрепетированный, с одной лишь целью: убедить тебя в том, что в нашей власти устроить тебе крупные неприятности, если ты нас к этому принудишь. Достаточно одного телефонного звонка в полицию или аэродромную охрану — и дело сделано. Но мы люди благородные и даем тебе шанс на спасение. Надеюсь на твой здравый смысл и на то, что урок пошел тебе впрок.

Я лихорадочно соображал, что к чему.

— О'кей, Сабо, чего ты хочешь?

Прежде чем ответить, Сабо глубоко затянулся и пустил колечко дыма под потолок.

— История довольно длинная, но я постараюсь изложить ее покороче. Несколько лет назад правительство

запретило нашим компаниям и бизнесменам заключать какие-либо сделки с Преторией и поручило Национальному управлению безопасности, НУБу, неуклонно проводить этот дурацкий запрет в жизнь и привлекать к строжайшей ответственности все фирмы, а также отдельных лиц, осмелившихся его нарушить. Запрет носил конфиденциальный характер и в печать тогда не попал. Парни из НУБа долго корпели и в конце концов составили список нарушителей, заподозренных в коммерческих отношениях с южноафриканцами.

Я наострил уши — ведь и Альхаджи Абдулла в разговоре со мной касался этой темы.

— Однако, прежде чем список успели передать правительству, в здании НУБа таинственным образом возник пожар. Говорили, что и список тогда сгорел в огне. Так это или нет, не знаю. Но вот недавно, несколько недель назад, один из наших людей в Лагосе сообщил, будто у инспектора Нура, который тоже участвовал в проведенном НУБом расследовании, либо имеется на руках тот самый список, либо он заново его составляет.— Сабо ухмыльнулся.— Мы повидались с инспектором, но он заупрямился и вследствие этого попал в больницу. Будем считать, что ему повезло — в больницу, а не в морг! А две недели назад случилось еще кое-что, и тут уже на сцену выходит твой компаньон.

Меня точно током ударило.

— Ты говоришь о Фаруке? — едва слышно прошептал я.

Сабо утвердительно кивнул, задумчиво разглядывая кончик сигареты.

Я сглотнул слюну. Мне было не по себе от его хладнокровия. Сабо и его приспешники едва не забили инспектора Нура до смерти... Не исключено, что они причастны к гибели Фарука, а он говорит об этом с таким ужасающим бесстрашием.

— Примерно с неделю назад,— продолжал Сабо,— наши люди сообщили, что видели твоего напарника в клинике у Нура. Мы установили за больницей наблюдение. Инспектор, видимо, сам вызвал Фарука по какому-то срочному делу — может, хотел заручиться его помощью, чтобы завершить начатое. Мы знаем лишь одно, что речь шла о чем-то очень важном. Инспектор так доверял твоему дружку, что даже сообщил ему засекреченный телефон Центрального управления полиции. Это, естественно, побудило нас установить слежку за Фаруком. Нам удалось

подключиться к тому сверхсекретному номеру, и это, старина, оказалось нашей самой крупной удачей. Подтвердилось наше подозрение о том, что эта парочка затевает серьезную игру. Как-то вечером Фарук позвонил из Кано. Вот его доподлинные слова: «Мне удалось перехватить документ, отправленный из Кано в Преторию. Надеюсь в скором времени переправить его в Лагос».

— Когда точно он звонил? — спросил я, ошарашенный такой осведомленностью.

— Четыре дня назад.

В тот день Фарук находился в отеле «Даула»!

— Однако твой компаньон не успел отвезти находку лагосским фараонам. Наши люди обработали его, твой приятель оказался крепким орешком, так и не раскололся. Мы все обыскали, но нужной нам бумаги не нашли, хотя наверняка знали, что она у него. В ней ключ к тому расследованию, которое ведет инспектор Нур. А нам документик этот нужен позарез.

Я в ужасе глядел на Сабо, точно передо мной была двуглавая кобра.

— Значит, это вы убили Фарука?

— Кто ты такой, чтобы устраивать мне допрос? Спрашиваю здесь я! — оборвал меня Сабо. — Фарук после своего звонка в Лагос и до того, как наши парни его схватили, успел припрятать бумагу. Этот интервал составил два-три часа. Когда допрос и обыск ничего не дали, мы быстренько смекнули, что к чему. Ты единственный, кому он доверял и, следовательно, мог отдать бумагу на хранение. Почувяв за собой слежку и решив подстраховаться, он отправил документ тебе по почте. Мы не простаки, сразу поняли, что теперь ты попытаешься доставить бумагу фараонам. Не будем терять время. Где она?

Я не знал, что сказать, и в растерянности подошел к окну. Утреннее солнце золотило ландшафт — вид как на полотнах старых мастеров, мелькнуло у меня в голове. Теперь-то было понятно, откуда у Фарука засекреченный телефонный номер, однако роль моего друга в этой истории по-прежнему оставалась неясной.

— Да ты понимаешь, — закричал я, повернувшись к Сабо, — что только что сам сознался в убийстве и государственной измене?!

Презрительная усмешка на лице Сабо сделала его похожим на шакала.

— У тебя нет никаких доказательств, старина. Все уверены, что Фарук напился до бесчувствия и забрел в

глухой проулок, где его забили камнями фанатичные неучи подростки. Однако, если ты так в себе уверен, пожалуйста, попробуй доказать обратное. И за полицией далеко ходить не надо, где-где, а в международном аэропорту ее всегда полно.— Мгновенно почуяв, что я в растерянности, он продолжал, не давая мне опомниться: — Мы тебе такую жизнь устроим, дружок, не обрадуешься! Даю тебе двадцать четыре часа на размышления. Если еще не отправил бумагу, отдай ее нам, и дело с концом. И не надейся нас перехитрить — бесполезно! Тебе все ясно?

— Ничего я ни о какой бумаге не знаю. Хочешь верь, хочешь нет — мне плевать.

Сабо спокойно выслушал меня. Он понимал, что победил в первом раунде.

— Так или иначе, но ты поможешь нам ее отыскать.

Он поднялся, велел громиле Като убрать лежавшие на столе наркотики, потом подошел ко мне, опустил руку на плечо.

— Мы знаем, зачем ты собрался в Лагос. Альхаджи Абдулла дал тебе денег, чтобы ты разнюхал там о делах «Крестоносцев». С этой целью ты должен был встретиться с инспектором Нуром.— Прочтя на моем лице изумление, Сабо снова ухмыльнулся.— Удивлен? Удивляться нечему — просто мы работаем как часы. Я бы на твоём месте прикинулся, будто слыхом не слыхал ни про каких «Крестоносцев». Но если б ты даже оказался в Лагосе, все равно только время потерял бы напрасно. Инспектору Нуру стало хуже, и его отправили в Европу.— Сабо поднял вверх указательный палец.— Предупреждаю: если ненароком что-нибудь узнаешь про «Крестоносцев» и сообщишь Альхаджи Абдулле, тебе несдобровать! Отныне ты работаешь не на него, а на нас.— Он вновь повернулся к Като и своему второму подручному, караулившему у порога.— О'кей, ребята, пошли отсюда.

Они потянулись к двери, и Сабо гаркнул уже с порога:

— Последний раз спрашиваю, ты ничего не получал от Фарука на прошлой неделе?

Я вспомнил про открытку, но отрицательно замотал головой.

— Вот мой номер телефона,— он швырнул на стол визитную карточку,— если что припомнишь, звони. Отныне мы вновь, как прежде, закадычные дружки. Будем видеться регулярно. И еще раз советую: подумай хорошенько! Вспоминай почаще сегодняшний спектакль — нам ничего не стоит отравить тебе всю оставшуюся жизнь!

Сказав это, он вышел вслед за своими молодчиками, что есть мочи хлопнув дверью.

Я наблюдал в окно за тем, как из военного транспортного самолета спускаются на летное поле два летчика ВВС. Фарук, сам того не подозревая, пробудил к жизни вулкан, и раскаленная лава поглотила его, а теперь угрожает еще многим другим. Но Сабо и его шайке не избежать заслуженной кары, я им этого не позволю! Я отыщу документ, который якобы попал к Фаруку, и не будет для меня большего счастья и награды, чем отдать в руки правосудия тех, кто отправил на тот свет моего лучшего друга!

Я подхватил свой портфель и решительным шагом покинул пустой кабинет. Чего бы мне это ни стоило, я проникну вечером в «Козырный туз» и увижу Веру Нэш!

Глава седьмая

Опустив в прорезь автомата монетки, я набрал номер. Прошло несколько секунд, и я услышал голос Килиши.

— Тахир! — воскликнула она изумленно. Я представил себе, как она смотрит на свои миниатюрные часики. — Откуда вы звоните?

— Из аэропорта Кано.

— Что случилось? Я была уверена, что вы теперь подлетаете к Лагосу.

Я сказал только, что меня задержали и я не сел в самолет. Никаких подробностей по телефону сообщать не стал.

— Приезжайте за мной сюда, — предложил я Килиши как можно более бесстрастно. — Буду ждать вас в зале вылетов.

Повесив трубку, я стал разглядывать бурлящую вокруг толпу. Я пытался трезво оценить ситуацию: Сабо наверняка отрядил своих людей следить за мной, однако ни одного мало-мальски подозрительного типа я не заметил. Видно, я имею дело с профессионалами высокого класса. От этой мысли настроение мое не улучшилось.

Вскоре Килиши прикатила за мной на «пежо» и повезла в город. Ведя машину, она с жадным любопытством слушала мой рассказ о громиле, прикинувшемся таможенником, и его напарнике, которые подошли ко мне в очереди, едва она со мной распрощалась. Рассказал я ей о начинке пакета, который всучил мне Сабо, и о сцене, про-

исшедшей в пустом кабинете служебного здания в аэропорту. Ее особенно поразили новые сведения относительно гибели Фарука, она горестно покачала головой.

— Не зря говорят, что иные люди хуже зверей! — в сердцах воскликнула она. — Подумать страшно, как огорчат эти новости Альхаджи. Вы уж не сразу их выкладываете, надо как-то подготовить его.

Я послушался ее совета и как мог спокойнее, со всевозможными предосторожностями рассказал Альхаджи о случившемся, особенно упирая на то, что ничего не нужно сообщать полиции. Мне хотелось самому, без посторонней помощи, покончить с Сабо, доказать ему, что он самодовольный дурак и вовсе не так ловок, как ему кажется. Если же позвонить в полицию, они в лучшем случае вызовут его на допрос, а уж в суде Сабо наверняка оправдают за недостатком улик.

Старик был поражен моим рассказом до глубины души. Ярость клокотала в нем. Едва я кончил, он потянулся к телефону.

— Соедините меня с полицейским управлением Канона, — приказал он.

Я подался вперед, охваченный отчаянием. Все-таки трудно иметь дело со стариками, подумал я, они такие упрямцы!..

— Говорит Альхаджи Абдулла, дайте-ка мне комиссара. — Последовала короткая пауза. — А, Шеху! Спасибо, здоров... Мне нужны сведения о некоем Сабо Заги... Неважно, что не привлекался! Нет на него досье, так заведите! Он этого заслуживает. Меня не интересует, как именно вы его сцапаете, это ваше дело, только непременно посадите его, предлог при желании, как известно, всегда можно найти!

И снова пауза. Килиши пристально разглядывала свои холеные ноготки. Наконец Альхаджи сухо поблагодарил комиссара и повесил трубку.

— На этого Сабо в полиции пока что ничего нет. — Альхаджи прямо-таки дымился от негодования. — Он имеет надежную крышу — выдает себя за торговца импортной электроникой. Но черт с ним. Мы все-таки в Канона, и я сумею его проучить, да так, что он долго будет помнить. Выбрось его из головы, Тахир, предоставь это дело мне.

— Он практически сознался в убийстве Фарука, — напомнил я.

У Альхаджи голос сделался суровым и резким.

— Я по-прежнему считаю, что об этом надо заявить

в полицию. У меня столько высокопоставленных друзей в правоохранительных учреждениях. Однако ты возражаешь, слышать об этом не хочешь.— Он заметил мой подтверждающий жест и добавил смиренным тоном: — Ладно, будь по-твоему. Что же нам делать дальше?

— Помните, я рассказывал вам о белой женщине? Так вот, я возвращаюсь в Кадуну. Вы обещали устроить, чтобы меня впустили в «Козырный туз».

Альхаджи тут же стал что-то писать, но, не дописав, порвал листок.

— К чему записка, когда достаточно позвонить! — воскликнул он и схватил телефонную трубку.

И действительно, в течение нескольких секунд все было улажено: я могу бывать в клубе, когда пожелаю, пропуском мне будет служить визитная карточка Альхаджи. Воистину, деньги, помноженные на власть, способны творить чудеса!

Старик устало откинулся в кресле, позвонил и велел слуге принести браги. Когда перед нами поставили бутылку, он снова заговорил о моих злключениях в аэропорту:

— Вне всяких сомнений, этот Сабо состоит в «Крестоносцах», как и множество других внешне респектабельных дельцов. Странно, что мне не попадалось раньше его имя. Но я всех крыс переловлю! Не тревожься, забудь о его угрозах. Нам, честным людям, надобно объединиться, чтобы одолеть общего врага. Кстати, это правда, инспектора Нура действительно отправили в Европу к медицинским светилам. Час назад об этом передавали по радио. Ты теперь сосредоточь усилия на изобличении убийц Фарука. Тот документ, что якобы попал в его руки, похоже, и впрямь представляет смертельную опасность для преступников. Торговля с Преторией — это тяжкое обвинение, оттого они так засуетились. Но ты не беспокойся, они не уйдут от возмездия. Только отыщи доказательства, а потом уж я дам им бой в суде. Может, нам удастся сразу убить двух зайцев — разоблачим убийц Фарука и сорвем покровы с «Крестоносцев».

Я во всем был с ним согласен, о чем тут же ему и сказал. Взяв его визитную карточку, я поднялся, собираясь уходить.

Внезапно Альхаджи нахмурился:

— Откуда Сабо мог узнать, что ты летишь в Лагос?

Этот вопрос и мне давно уже не давал покоя, но тут Килиши предложила вполне достоверное объяснение.

— Здесь, в вашем кабинете, должно быть, установлены подслушивающие устройства. И телефон, конечно же, прослушивается. Эти люди не останавливаются ни перед чем в достижении своих целей. Меня их решимость, по правде говоря, пугает.

— Ты и в самом деле считаешь, что тут натканы «жучки»? — с сомнением спросил Альхаджи. — Маловероятно, однако я проверю, непременно проверю.

Килиши тоже поднялась.

— А я не удивлюсь, если здесь отыщутся потайные микрофоны, — поддержал я ее предположение. — Уж если им удалось подключиться к сверхсекретному телефону Центрального полицейского управления...

— Можно мне поехать с Тахиром в Кадуну? — вдруг спросила Килиши у Альхаджи.

Я застыл. Эта легкомысленная девица явно пытается выставить меня перед стариком в дурацком свете! Альхаджи недоуменно пожал плечами.

— Ну что же, — он перевел взгляд с меня на племянницу, — если Тахир не против. Он славный паренек, и я ему во всем доверяю. Можете ехать вместе.

— Спасибо, дядюшка! — воскликнула Килиши и убежала из кабинета.

Я направился к двери, но Альхаджи меня окликнул:

— Извини, едва не забыл. Сюда звонила твоя секретарша, искала тебя по какому-то срочному делу.

— Я позвоню ей снизу.

Спустившись на первый этаж, я набрал номер редакции в Кадуне, к телефону подошла Нгози.

— Тахир, немедленно приезжай! Я звонила рано утром, надеялась застать тебя до отлета в Лагос. Тут случилось такое!..

— Говори, что? — резко спросил я.

— Вашу с Фаруком квартиру перевернули вверх дном, даже матрасы распороли. Учинили жуткий погром. Я взяла запасной ключ и поехала туда утром за кое-какими бумагами...

— О'кей, Нгози, не расстраивайся, я уже еду, через два часа буду в Кадуне.

Когда мы с Килиши сели в машину, беспокойство уже совершенно завладело мною: этот Сабо, видать, слов на ветер не бросает.

Мы домчались до Кадуны меньше чем за два часа. В квартире все было так, как сообщила по телефону Нгози. Я кисло улыбнулся Килиши:

— Добро пожаловать в Кадуну!

— Ужас, Тахир, знала бы, осталась в Кано. Тебе надо быть очень осторожным. Не понимаю все-таки, зачем им понадобилось устраивать этот погром?

— Они думают, что Фарук успел переслать мне ту проклятую бумажку, из-за которой его убили.

— Что еще за бумажка? — переспросила возникшая на пороге Нгози.

— Настало время, дорогая Нгози, выложить тебе все от начала до конца.

Я указал ей на подоконник — единственное место, куда можно было сесть, вся мебель лежала в руинах, — и она опустила на него.

Я подробно рассказал ей про происшествие в аэропорту Кано. Разгром квартиры — несомненно, дело рук Сабо и его приспешников, заявил я. И ничего удивительного, этого нужно было ожидать. Известно, что мы с Фаруком жили вместе, и им не могло не прийти в голову поискать в квартире тайник, где мы могли спрятать столь нужную им бумагу. Странно, что они не побывали здесь раньше, а явились только теперь.

В заключение я посвятил Нгози в свой план действий: вечером я отправлюсь в «Козырный туз», чтобы отыскать там таинственную белую даму — Веру Нэш. Кончив рассказ, я ждал неизбежного: естественных в таком случае причитаний, слез, охов и ахов. Но нет, Нгози оказалась на высоте, приняла все мужественно.

Ровно в девять вечера я был у дверей «Козырного туза». Килиши вняла моим уговорам и осталась дома. Стоянка, как обычно, была заставлена лимузинами — я едва нашел свободное местечко. Получив у смотрителя жетон, я не спеша зашагал к входу. В вестибюле было множество людей. Вышибалы в темно-синих униформах были начеку. Видно, здесь сегодня происходит что-то особенное, подумал я.

Тот самый администратор, на которого я наварлся в свой первый неудачный визит сюда, взглянул на меня ледяным взором. Даже новый костюм, который я специально для этого случая купил, не произвел на него ни малейшего впечатления.

— Снова явился? Одного раза мало. Сколько тебя гонять отсюда? — процедил он сквозь зубы, но тут я протянул ему визитную карточку Альхаджи, и как по волшебству выражение его лица тут же изменилось.

— Что же вы сразу не сказали, от кого вы, — промямлил он извиняющимся тоном. — Добро пожаловать к нам в клуб, сэр, желаю приятно провести вечер. И, прошу вас, забудьте про давешнее недоразумение, — добавил он мне вслед с напускным дружелюбием.

Я прошел сквозь вращающиеся двери в просторный зал. За столиками почти не было свободных мест. Посетители потягивали напитки, слушая оркестр. Между двумя столбами был натянут белый транспарант с надписью «Выборы мисс „Козырный туз“». Я присел у столика, за которым расположились уже две пары, и подозвал официанта.

— Что будете пить, сэр? — спросил тот громко, перекрывая музыку и гул голосов.

— Не могли бы вы мне сказать, что здесь сегодня происходит? — спросил я, заметив неподалеку оператора, налаживающего телевизионную камеру.

— Сэр, — просиял официант, — сейчас начнутся выборы мисс «Козырный туз». В конкурсе участвует двенадцать девушек из разных концов нашего штата. — Он сделал паузу. — Так что же вам принести, сэр?

— Бутылку кока-колы.

Лицо официанта вытянулось, почтения ко мне заметно поубавилось. Однако он тут же выполнил мой заказ, я оставил ему чаевые и как бы невзначай спросил:

— Не видел, Вера Нэш уже здесь?

— Вера Нэш? — повторил он, задумчиво шевеля губами, а потом воскликнул: — А, вы имеете в виду мадам Веру! Один момент! — Он обвел глазами зал и снова просиял. — Да вот она! — Он указал на столик в дальнем углу.

Я сразу ее узнал — обворожительная красавица с фотографии! Я заволновался. Вечер обещает быть интригующим. Жаль, я не прихватил с собой орешков кола, сегодня они мне наверняка понадобятся.

— Спасибо. — Я поднялся, не притронувшись к стакану. Официант учтиво поклонился. Я одернул на себе пиджак, поправил галстук, придал лицу приличествующее случаю выражение и торжественно направился к столику Веры Нэш. Стул рядом с ней был свободен — вероятно, она кого-то ждала. Вид у нее неве-

селей, подумал я, точно бы ей одиноко здесь.

— Добрый вечер! — поклонился я. — Это место не занято?

Она повернула голову, и мне на миг показалось, что я сморозил глупость. Вера смерила меня оценивающим взглядом, от ее глаз не ускользнул ни итальянский костюм, за который я отвалил двести найр, ни модный темный галстук, тоже влетевший мне в копеечку, ни башмаки, стоившие полсотни.

На ней было вечернее платье, обнажавшее покрытые ровным загаром плечи.

— Привет! — отозвалась она весьма дружелюбно, из чего я заключил, что произвел достаточно благоприятное впечатление. — Нет, свободно, я никого не жду. — Она усмехнулась. — Впрочем, как знать, у меня здесь полно приятелей.

— Так можно мне присесть? — спросил я и, не дожидаясь ответа, выдвинул стул.

— Что же, садитесь, не возражаю. Прекрасный вечер, не правда ли? Когда же наконец начнется конкурс?

Я подозвал того же официанта, что обслуживал меня раньше.

— Разрешите вам что-нибудь заказать? — спросил я у Веры.

— О, спасибо! Холодного пива, пожалуйста.

— Две бутылки пива! — приказал я официанту и удостоился на этот раз его одобрительной улыбки: теперь-то, с его точки зрения, я веду себя как настоящий мужчина.

Внезапно оркестр смолк, и всеобщее внимание приковал к себе толстяк в смокинге, подошедший к микрофону. Итак, вот-вот начнется состязание...

Подоспел как раз и официант с нашим заказом.

— Я даже не знаю, как вас зовут, — глотнув пива, заметила Вера.

— Тахир Хусейн, — представился я, — предприниматель. Приехал в Кадуну, чтобы на месте изучить возможности строительства завода бытовой электроники. — Я солгал на удивление легко — даже не поперхнулся.

Вера еще раз взглянула на мой костюм и одобрительно кивнула.

— Как интересно! А я модельер, и зовут меня Вера Нэш. Я, как вы, вероятно, догадываетесь, американка.

На эстраду выпорхнула девушка, почти не обремененная одеждой, заходила взад-вперед, крутя бедрами и свер-

кая глазами из-под длиннющих ресниц. Публика восторженно зааплодировала. Телевизионный оператор приник к камере, ища наиболее удачный ракурс.

— Очаровательно, не правда ли? — восхитилась Вера Нэш.

Я поспешно согласился с ней, хотя почти не смотрел на сцену, лихорадочно размышляя о том, как направить разговор в нужное мне русло, как выудить из нее интересные меня сведения. Сунув руку в карман, я нащупал пачку найр, и это прикосновение зарядило меня уверенностью, придало сил.

— Вера, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Вера нахмурилась, с явной неохотой отрываясь от созерцания смазливой куколки на эстраде.

— Так у вас ко мне дело?

— Видите ли, вопрос сугубо личный, и мне бы не хотелось обсуждать его здесь. Но хочу вас заверить, что вам это дело сулит одни только выгоды.

Вера насторожилась.

— Не хотите ли вы сказать, что знаете меня и подсели за мой столик специально?

— Именно так. Но говорить здесь неудобно...

Я достал из кармана пачку хрустящих купюр по двадцать найр — остаток того, чем снабдил меня Абдулла, — и небрежно взвесил ее на ладони. В первый момент вид денег словно бы заворочил ее, но потом она резко отвернулась.

— Так что же это все-таки за дело? И потом, не кажется ли вам, что вы ошиблись? Сдается, вы меня не за ту принимаете.

— Что вы, напротив! — воскликнул я. — Но, поверьте, здесь я продолжать разговор не могу. Может, вы знаете такое место, где бы не было посторонних ушей?

— Можно подняться в номер, — задумчиво отозвалась она, — но я никуда не пойду, пока не досмотрю конкурс.

Я откинулся на спинку стула, облегченно вздохнув. Деньги открывают любые двери, поистине для них нет преград.

С нетерпением ожидая конца состязания, я разглядывал Веру и все больше убеждался в том, что она принадлежала как раз к тому типу женщин, ради которых Фарук был готов на все.

Примерно через час «мисс „Козырный туз“» была избрана и коронована, и Вера Нэш повела меня по устланной ковром лестнице на третий, верхний, этаж, отворила дверь

роскошно обставленного номера и пригласила войти. Едва мы остались наедине, на меня обрушились вопросы.

— Так зачем я вам понадобилась?! Что у вас ко мне за дело?!

Я выдержал ее испытующий взгляд и как можно спокойнее сказал:

— Мне нужна информация.

— Информация?! — Вера помрачнела. — О чем?

— О Фаруке. — Называя имя покойного друга, я впился в нее глазами — ни один мускул на ее лице не дрогнул.

— О Фаруке? — переспросила она бесстрастно.

— Да-да, о Фаруке! — Я выложил перед ней его фотографию, и тут она побледнела как полотно.

— Что с вами? — переполошился я: никогда еще не приходилось мне видеть, как белые бледнеют.

— Все в порядке, — едва слышно отозвалась Вера и опустила на краешек кресла. Мгновение спустя она уже владела собой, мертвенная бледность исчезла. — Извините за минутную слабость. Так, значит, никакой вы не предприниматель?

— Нет.

— И имя выдуманное?

— Нет.

— Что вы все «нет» да «нет»? Говорите толком, кто вы такой?

— Коллега Фарука и его друг.

Она некоторое время молчала, где-то в отдалении скрипнула дверь или створка окна.

— Этот человек... — наконец произнесла она. — Что с ним? Он погиб?

Я кивнул. Выходит, она что-то знает, я на верном пути!

— Тогда что еще вы хотите о нем узнать? Вы же его коллега, если не лжете, значит, вам и без меня все должно быть известно.

— Послушайте, Вера, двенадцатого декабря вас видели с ним в отеле «Даула» в Кано. Вы последняя говорили с ним... — Я подошел к стулу и тоже сел. — Так вот, мне необходимо выяснить, где и при каких обстоятельствах вы познакомились, зачем виделись в тот день, о чем говорили. Поймите, речь идет об убийстве. За то, что вы мне расскажете, вы не только получите двести найр, но и гарантию личной безопасности со стороны полиции.

Я снова достал деньги, отсчитал десять купюр по двадцать найр и вручил ей. Заметно было, что упоминание

об убийстве и полиции на нее изрядно подействовало, но корысть возобладала надо всем остальным.

— Четыреста, и тогда можете на меня рассчитывать!

Я заколебался.

— Ну хорошо. Это задаток, остальные получите позже.

Опять донесся скрип, и Вера испуганно вскинула глаза, но скрип не повторился, и она начала свой рассказ.

— Сегодня рано утром я должна была вылететь в Нью-Йорк, но опоздала на самолет и перезаказала билет на завтра. Вот почему мне нужны деньги, иначе не стала бы я рисковать головой.— Она закурила, уселась поудобнее.— Меня наняли, чтобы я шпионила за...— как его звали? — да, за Фаруком, велели разузнать, нет ли у него письма или чего-то в этом роде из Претории.

— Кто вас нанял? — подался я вперед.

— Он мне не назвался, но денег у него целая куча. Настоящий миллионер. Он сказал, Фарук обожает белых женщин и поэтому мне легко будет вскружить ему голову.— Вера внезапно замерла.— Слыхали? Такой звук, точно открыли окно.

Я слышал скрип, но мне не хотелось, чтобы она отвлекалась.

— Наверно, ветер. Ну-ну, дальше!

Вера боязливо огляделась, пожала плечами.

— Не подумайте, что я продажная женщина. Я действительно модельер, а сюда приехала в отпуск. Но, увидев Фарука и проведя с ним некоторое время, я поняла, что поручение сулит мне сплошное удовольствие, и вообще я воспринимала все это как игру, не более того. Полученные мною инструкции были довольно просты. От меня лишь требовалось втереться к Фаруку в доверие и узнать, нет ли у него письма с южноафриканской маркой и с кем вообще он ведет переписку. Я пустила в ход все свои чары, но выведать ничего не смогла. Тогда я решила открыть карты и напрямую спросила его о письме. Он очень удивился, что я про это знаю, и замкнулся. Никакими силами я не могла заставить его заговорить. Тогда я послала к черту задание, всю эту дурацкую игру, и мы с ним чудно проводили время. Видит бог, этот Фарук знал толк в подобных делах, умел повеселиться на славу. Кроме того...

До нас донесся звон разбитого стекла. Вера вскочила, точно испугнутая кошка.

— Кто-то ломится в номер! — закричала она, бросив-

шись к ведущей на балкон двери, и тут же раздался ее леденящий кровь вопль.

Какой-то мужчина-гигант с мощной мускулатурой пытался вытащить ее на балкон, а Вера отбивалась, царапала ему лицо, кричала. Я набросился на налетчика, когда он, оторвав Веру от земли, шагнул к перилам. Мне стали ясны его намерения: сейчас он бросит ее вниз!

Я обхватил его за пояс, но тут чьи-то руки сомкнулись у меня на горле и оттащили назад. Я что есть силы заехал локтем в живот нападавшему и услышал его сдавленный стон. Руки, сдавившие мое горло, разжались. Я еще раз саданул его, и он рухнул на колени.

Вера судорожно цеплялась за перила балкона, но верзила ударил ее по рукам. Я подоспел как раз вовремя, подхватил Веру за платье. Еще миг, и ей конец.

Время как будто замерло, остановилось. На лице Веры, искаженном страхом, было написано отчаяние. Она даже не кричала. И тут словно молния ослепила меня — ее платье с треском разорвалось. Раздался последний дикий вопль Веры, затем глухой удар тела, упавшего на землю, — и все затихло.

Теперь громила метнулся ко мне. Я не смог увернуться от его кулаков, боль заставила меня согнуться в три погибели. Пользуясь этим, налетчики бросились наутек.

Кое-как распрямившись, я глянул через перила балкона вниз. Вокруг бездыханной Веры начала собираться толпа. Пока сюда не прибежала охрана, мне надо уносить ноги. Я стремглав скатился по лестнице на первый этаж. Там царила уже всеобщая паника: люди метались, кричали как угорелые.

Если меня здесь сцапает полиция, лихорадочно рассуждал я, мне им не доказать, что я не убивал Веру — а она, скорее всего, мертва. Я бросился к своей машине и, сжав зубы, крутанул баранку так, что завизжали покрышки. Невозможно упасть с такой высоты и остаться в живых. Официант видел меня с Верой. Администратор давно затаил на меня злобу, он прекрасно запомнил меня в лицо и с удовольствием даст показания полиции. Господи! Я не мог как следует вести машину, руль почему-то выскальзывал из рук. Не поддавайся панике, твердил я себе, если не хочешь, чтобы тебя сцапали! Не давай своим врагам повода для злорадства!

Неужто и на этот раз работа Сабо и его шайки? Ну а чья же еще? Я вспомнил разыгранный ими спектакль в аэропорту Кано и угрозы отравить мне остаток жизни.

Выходит, Сабо знал, что говорит, действительно, все козыри у него на руках, и игрок он умелый. Чтобы выпутаться из такой заварушки, мне должно невероятно повезти. Смерть Веры наделает много шума...

Обрывки этих и подобных им мыслей роились у меня в голове, когда я остановил машину у дверей третьеразрядной гостиницы в глухом проулке и попросил ключи от свободного номера. Домой меня в тот вечер не тянуло...

Глава восьмая

На следующее утро в самом начале десятого я приехал в редакцию после кошмарной ночи в грязном гостиничном номере, где я метался без сна, отчетливо, как никогда, представляя себе безвыходность своего положения. При мысли, что Вера погибла, у меня начинали бегать мурашки по спине. По дороге в редакцию мне пару раз попадались мальчишки, торгующие газетами, но не хватило духу остановиться. Если Веры нет в живых, первые полосы должны пестреть жирными заголовками.

Дурак несчастный, почему не пошел в полицию?! — ругал я себя последними словами. Нет, все правильно, обратиться я в полицию, это бы лишь усугубило мои беды. Во-первых, они пожелают узнать, что я делал в столь привилегированном клубе, не будучи его членом. Затем без труда выяснят, что Фарука видели накануне гибели в отеле «Даула» в обществе белой дамы и что дамой этой была как раз Вера Нэш. Я и пикнуть не успею, как они растопчут меня, точно стадо рассвирепевших слонов. Наиболее ретивые пойдут дальше и придумают мотивировку, объясняющую, почему я убил Веру, — ведь они знают, что я ищу убийц, как пчела, разыскивающая спелые плоды манго.

Нгози достаточно было лишь взглянуть на мое осунувшееся лицо и покрасневшие от бессонной ночи глаза, чтобы заподозрить неладное.

— Тахир, что с тобой?! — спросила она с беспокойством.

Я присел, внезапно испытав легкое головокружение и приступ тошноты. Вскоре слабость прошла. Я взглянул на свой стол — он был завален бумагами. Вот-вот из типографии поступит первая часть тиража новогоднего номера «Аревы».

Не давая мне и рта раскрыть, Нгози приступила к допросу:

— Где это ты был ночью? Мы повсюду искали, звонили даже в «Козырный туз», но там никто не ответил. Ки-лиши боялась оставаться одна и ночевала у меня.

Что я могу рассказать про вчерашний вечер? Впрочем, Нгози мне как сестра, я ей полностью доверяю. Велев ей запереть дверь, я выложил все, что со мной приключилось накануне: как уговорил Веру рассказать о Фаруке, как в номер проникли убийцы и расправились с Верой.

Бедняжка Нгози была потрясена.

— Ты читала сегодняшние газеты? — спросил я.

— Нет, но их уже доставили. Сейчас принесу.

Отперев дверь, она вышла в коридор и вскоре вернулась со свежим номером «Нью найджириан». Мне не было нужды заглядывать в газету, я и так знал, что в ней написано, по лицу Нгози прочел! Однако ждал, что она скажет.

— Вера... скончалась.

Я не верю в чудеса, и все-таки надежда меня не покидала, а теперь — конец! Я судорожно запустил руку в карман, ища орешек кола, но там было пусто. Дрожащими руками я развернул газету. Сообщение о смерти Веры попало на первую полосу:

«Члены «Козырного туза», наиболее фешенебельного и дорогого клуба в Кадуне, собрались вчера, чтобы избрать королеву красоты, такой конкурс проводится в клубе ежегодно. Однако им довелось стать очевидцами трагической гибели американской гражданки мисс Веры Нэш. Мисс Нэш приехала в Нигерию, чтобы провести здесь свой отпуск. Как утверждают свидетели, убийца, который до сих пор не пойман, столкнул ее с балкона третьего этажа.

Инспектор Кабир из полицейского управления Кадуну заверил нашего корреспондента, что расследование ведется энергично и эффективно. Мотивы преступления пока не ясны. Полиция разыскивает высокого худощавого молодого человека, которого последним видели с покойной».

— Ты обратил внимание, что описание молодого человека как раз соответствует твоей наружности? — сказала Нгози, вопросительно глядя на меня.

Я кивнул. Руки мои дрожали, и я поскорее опустил газету. «Видели», черт бы их побрал! Что же *они* не видели тех двух громил? — злился я, понимая, что желаю невозможного: любой очевидец подобного события со

страху теряет голову. Куда уж ему запомнить, кого и сколько он видел на месте преступления! Но даже если и отыщется хладнокровный свидетель, который вспомнит бандитов, какая мне от него польза? Где у меня доказательства, что они — не мои сообщники?

Инспектор Кабир... Конечно, мы с ним давно знакомы, я ценю его как напористого и удачливого сыщика, такой далеко пойдет. Он, должно быть, уже побывал в «Козырном тузе» и допросил служащих и посетителей. И, конечно же, администратор, официант да и многие другие доброхоты наверняка указали на меня. Так что засудят меня за убийство, которого я не совершал, как пить дать.

— Я по-прежнему считаю, что надо обратиться в полицию.— Голос Нгози врезался в мои мысли, как диск электропилы.

— Знаешь что,— ответил я сурово,— иди-ка на свое рабочее место и не появляйся здесь, пока я тебя не позову. Мне нужно все самому хорошенько обдумать.

Нгози, ошарашенная моей резкостью, поднялась со стула. Поистине она не заслужила такого обращения. Она уже выходила из комнаты, когда я, вдруг вспомнив о Килиши, окликнул ее:

— А где наша гостья?

— Отсыпается у меня дома. Ночью она глаз не сомкнула.

— О'кей,— сказал я, смягчившись,— спасибо, Нгози.

— Если понадобится моя помощь, скажи. Сделаю все, что смогу,— сказала Нгози и закрыла дверь, украдкой смахнув слезу.

Я принялся разбирать бумаги на своем столе. Мне было все равно, чем заниматься, лишь бы не думать о Вере Нэш. Следует затаиться и молить бога, чтобы беду пронесло. Я вспомнил про Альхаджи, но подавил искушение позвонить ему: нет, еще не время.

Нгози без меня поработала на славу: просмотрела поступившие материалы, приготовила лучшие из них в очередной номер. Мне надо было внимательно все прочесть, но в таком состоянии я ни на чем не мог сосредоточиться.

Я перебирал листки, почти не понимая смысла того, что читаю. В дверь постучали, вошла красотка из приемной и положила передо мной карточку посетителя, желающего встретиться с редактором.

— Что ему сказать, сэр?

Я прочел имя, напечатанное на визитной карточке и не говорящее мне ровно ничего.

— Вы его случайно не знаете? — спросил я у девушки. Она покачала головой.

— Нет, сэр, впервые вижу.

Мне сделалось не по себе — а ну как это из полиции?!

— Он не сказал, что у него ко мне за дело?

— Нет, сэр.

— Ну хорошо, пусть войдет.

Через мгновение дверь моего кабинета с грохотом распахнулась и на пороге вырос Като, подручный Сабо. Хищно глядя на меня, он стоял в дверном проеме, как в картинной раме, — с гнусной ухмылкой на губах. Я окаменел от неожиданности.

Видя, какое впечатление произвел на меня его визит, Като загоготал:

— Фу, какой бука! Не скажет даже: «Добро пожаловать!» — дорогому гостю!

Като был в восторге от собственного остроумия. Все еще похохатывая, он закрыл дверь и запер ее на ключ.

Тут я очнулся — меня обуял гнев:

— Ты что это вламываешься, словно к себе домой! И дверь кто позволил тебе запирать? Много на себя берешь, черт подери!

Като, пропустив мимо ушей мою отповедь, уселся на стул со спокойствием праведника, пришедшего на церковную службу. Это еще больше меня подхлестнуло. Он думает, я слабак, ну так я докажу ему обратное, заставлю изменить о себе мнение.

— Эге, Тахир, да у тебя роскошная контора! — шаря глазами по стенам, заговорил Като уверенно, чувствуя себя хозяином положения. Его взгляд задержался на картинке календаря с изображением обнаженных девиц над столом Фарука. Он сглотнул слюну, словно жаба, слопавшая зазевавшуюся мушку. В другое время меня бы позабавило это сходство, но сейчас мне было не до смеха. Я горел мщением и ненавистью к заклятому врагу.

— Я не терплю подонков в своих стенах! Что тебе здесь надо?! — В голосе моем зазвучал металл.

Като улыбнулся, ничуть не отреагировав на «подонка», и толкнул мне по столу конверт, который достал из кармана.

— Вот, господин Сабо велел тебе передать. Мы оба считаем, что этот материал годится для публикации в газетах. Ну-ка взгляни.

Он снова заготовил, и я почувствовал, что крепко сижу у них на крючке.

Пытаясь не выдать волнения, я осторожно вскрыл конверт. В нем было несколько фотографий. То, что я увидел, так на меня подействовало, что я буквально затрясся, словно целые сутки просидел в холодильнике.

Фотографии полностью изобличали меня. Никаких дополнительных пояснений к ним не требовалось. На них была запечатлена Вера Нэш — висевшая в воздухе, с остановившимся от ужаса взглядом, и я — сталкивавший ее с балкона вниз!

Меня обуяло отчаяние. Пойди докажи теперь, что я пытался ее спасти. Нет, фото скадрированы так, что истолковать происходящее можно лишь однозначно. Впечатление, производимое снимками, таково, что присяжные поверят только своим глазам, никаких доказательств или опровержений не потребуется. Я вспомнил вспышку, показавшуюся мне разрядом молнии, она сверкнула, когда я судорожно ухватил за край платье Веры. Снимал, безусловно, профессионал, который может гордиться своей работой. Будь на фото не я, а кто-либо другой, я бы присягнул, что человек этот убийца. Но на снимке был, увы, я сам, собственной персоной, и уж я-то хорошо знал, как все обстояло в действительности. Однако на пальцах одной руки можно пересчитать тех, кто мне в этом поверит...

Като злорадно наблюдал за моей растерянностью. Весь в испарине, я поспешно сунул фотографии назад в конверт. Что-то надо делать — слишком долго инициатива оставалась в руках Сабо, я должен нанести ответный удар.

— Это вы ее убили! — отчеканил я.

— Глупо было бы отрицать, — кивнул Като. — Да, мы ее убили, только вот доказательств у тебя нет, потому что мы спланировали операцию с умом. — Он развязно положил ногу на ногу. — Зато мы запросто можем доказать, что убил ее ты. Инспектор Кабир очень обрадуется, увидев эти фото.

— Ну и что вам теперь от меня нужно? — спросил я, хотя прекрасно знал, какой последует ответ.

— Информация, — прошипел Като сквозь зубы. — Господин Сабо спрашивает в последний раз, где документ, перехваченный твоим партнером? Мы-то уверены, он у тебя, но если, паче чаяния, это не так, ты должен помочь нам его отыскать. Ведь ты Фарука знал лучше,

чем мы. Тебе легче догадаться, где он мог спрятать бумагу.

Я притворился, что напряженно обдумываю его слова, потом сказал устало:

— Передай ему — нет у меня бумаги, но я... готов помочь вам.

Като недоверчиво прищурился.

— Да уж, ничего другого тебе не остается. Господин Сабо велел передать, чтоб ты не вздумал хитрить. Пора браться за ум, особенно теперь, после того, что случилось с этой дамочкой. И, наконец,— сказал он, вставая,— еще одно важное напоминание: ты работаешь отныне не на Альхаджи Абдуллу, а на нас. Нам все известно про твой к нему недавний визит, от нас не скроешься!

Като поднялся и, тяжело ступая, пошел к двери, отпер ее и уже с порога добавил:

— Господин Сабо велел сказать, чтоб ты не забывал: негативы этих снимков хранятся у него.— И он громко хлопнул дверью.

Я сидел как истукан. Ситуация совершенно вышла из-под моего контроля. Следовало признать: меня шантажировали, и успешно, я вынужден подчиниться мерзавцам. Надо бы поскорее повидаться с Альхаджи Абдуллой, несмотря на запреты Като, но прежде есть еще несколько неотложных дел...

Ясно, что Сабо на кого-то работает. Чтобы выяснить, кто его хозяин, я должен встретиться с ним с глазу на глаз. Устрою засаду в его доме в Кано. Это будет решающий поединок, посмотрим, кто кого! Если он меня одолеет, то можно будет считать, что и все дело проиграно.

Но нет, я обязан победить, я заставлю Сабо назвать своего хозяина. Чтобы он во всем сознался, сам все рассказал полиции. Как мне раньше это в голову не приходило!

— Что с вами, сэр? — прервала мои думы модница из приемной.

— Почему вы входите без стука? — гаркнул я, отирая мокрый лоб.— Что там еще?

— Извините, сэр, но я стучала. К вам из полиции, сэр, инспектор Кабир.

Я похолодел.

— Гм... пусть войдет.

Стараясь не выдать растерянности, я поднялся навстречу нежданному гостю.

— Каким ветром тебя сюда занесло, инспектор? — приветствовал я Кабира с показной веселостью.

— Ну как же, Тахир, ты издаешь журнал на хауса, а я до сих пор не удостоился чести стать героем очерка, моего портрета до сих пор не было на обложке, — шутиливо напустился он на меня, усаживаясь напротив.

— Боюсь, что свирепый вид такого героя всех моих читателей распугает! — ответил я в тон ему и захохотал. Мне стало полегче, словно камень с души свалился. Может, инспектор заглянул ко мне без особого на то повода, просто так, по-дружески? Ведь мы и впрямь добрые знакомые, нас свел когда-то Фарук. Однако будь начеку, велел я себе, с полицией держи ухо востро. Толковый сыщик может выпытать у тебя как бы невзначай то, чего говорить ни под каким видом не следует.

Кабир улыбнулся, снял с головы фуражку, положил ее на мой письменный стол и, заметив развернутый номер «Нью найджириан» с сообщением об убийстве Веры, нахмурился.

— Значит, ты уже прочел про смерть этой Нэш?!

Ну вот, начинается, подумал я, и ответил как мог бесстрашнее:

— Да, кошмарная история.

— Что верно, то верно, — сокрушенно покачал головой Кабир. — Иностранка, да еще в клубе для толстосумов... Немудрено, что пресса подняла такой шум.

Он взял со стола фуражку и принялся сосредоточенно разглядывать подкладку, потом опустил ее на тот самый конверт с изобличающими меня фотографиями!

Меня снова прошибла испарина. Болван, как же это я не спрятал конверт в стол! Вот Кабир возьмет сейчас и спросит, что в нем.

— Я пришел к тебе отчасти в связи с этим убийством, — продолжал Кабир, барабанив пальцами по злополучному конверту. Сердце мое заколотилось в такт этой дробини. — Тахир, — произнес инспектор доверительным тоном, — мы же друзья, и нечего нам играть в прятки друг с другом. Вчера в «Козырном тузе» видели человека, сильно смахивающего на тебя. Может, это ты и был?

Я не мог посмотреть Кабиру в глаза, лихорадочно прикидывая, что именно может быть ему известно.

— Нет, тут какая-то ошибка.

— Тахир, я знаю, ты не убивал эту женщину. На такое ты просто не способен. Но был ты там или нет? Это очень важно.

Я заколебался, может, стоит исповедаться Кабиру. Однако, подумав, я решил, что делать этого не следует.

— Нет, Кабир, меня там не было. Зачем бы я стал от тебя это скрывать...

Инспектор все барабанил пальцами по конверту, задумчиво уставясь в стену.

— Мы проверили журнал со списком вчерашних гостей клуба. В нем оказалось и твое имя.

Я заерзал на стуле.

— Я... собирался туда пойти... Но вечером, уже после того, как записался по телефону, передумал и остался дома.

Кабир достал из кармана мятую пачку сигарет, долго выбирал подходящую, так же долго прикуривал, потом наконец сказал:

— Мы допросили администратора, он показал, что высокий худощавый молодой человек был у них, причем назвался твоим именем. Описание наружности совпадает. Кроме того, почти все опрошенные видели высокого молодого человека в обществе покойной. Официант, который их обслуживал, уверен, что сразу сможет опознать этого молодого человека. Что ты на это скажешь, Тахир?

— Какое-то недоразумение, инспектор! — От волнения у меня сел голос. — В самом деле, я же не единственный высокий худощавый молодой человек в городе.

Кабир запыхтел сигаретой, потом сказал, посерьезнев:

— Если у тебя проблемы, Тахир, откройся мне. Мы друзья. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вызволить тебя из беды. Вдумайся в мои слова — я могу действительно помочь тебе. Помни об этом и еще раз все хорошенько обдумай.

— У меня все в порядке, — ответил я холодно. Кабир уже поднимался со стула. — Но все равно спасибо, я ценю твою дружбу.

— И еще помни, Тахир, бесполезно что-то утаивать от полиции. У меня за плечами многолетний опыт, потому и говорю: как бы люди ни хитрили, рано или поздно полиция все прознает. У тебя в запасе достаточно времени, Тахир, но не тни, в какой-то момент даже я уже не смогу ничего сделать.

— Говорят же тебе, — прервал я его, — у меня все в порядке!

Кабир с удивлением посмотрел на меня — никогда еще я не говорил с ним так резко.

— Что ж, отлично! — Он направился к двери, но на

пороге остановился и обернулся. Я даже не шевельнулся.

— Ну ладно, давай забудем, что я полисмен, а ты — человек штатский. — Его голос снова смягчился, подобрел. — Как твоя невеста Джамиля? Что от нее слышно?

— Увы, ничего нового, — ответил я тоже вполне дружелюбно. — Письма из Сьерра-Леоне идут долго.

Едва за ним закрылась дверь кабинета, я схватил конверт, сунул его в ящик стола и запер на ключ, решив сжечь фотографии, как только все в редакции разойдется. И, засучив рукава, принялся за дела, надеясь в них найти забвение от тяжелых дум и забот.

Глава девятая

Мы мчались по шоссе Кадуна — Кано. За окнами машины быстро темнело. Килиши молча сидела рядом со мной, неотрывно глядя вперед, на дорогу. Я еще не видел ее такой сердитой, неразговорчивой. Она, конечно, была недовольна мной за то, что я переночевал в гостинице — оставил ее одну и себя подверг большому риску. Никаких моих объяснений она не приняла и до сих пор дует.

— Надеюсь, ты довольна своим пребыванием в Кадуне, — сказал я, чтобы завязать разговор.

Она ответила, не повернув головы:

— Была бы довольна, если б ты все не испортил своими дурацкими выходками. Иногда я задаю себе вопрос, зачем Альхаджи Абдулле связываться с этими преступниками. На его месте я бы занималась своими делами, а с пороками общества пусть борются те, кому это по штату положено.

— Не согласен, — возразил я.

— А мне и не нужно твоего согласия, — отрезала она, зыркнув на меня своими огромными глазами, потом смягчилась. — Ну а каковы твои планы насчет Сабо?

— Я его уничтожу! — отчеканил я и, чертыхнувшись про себя, крепче сжал баранку. — Заставлю все выложить, он у меня как миленький сам побежит в полицию с повинной, признается, как с друзьями убил Фарука и Веру, скажет, на кого работает!

— Но как ты этого добьешься?

— Не спрашивай, тебе мой ответ придется не по вкусу.

Бедром я чувствовал револьвер, спрятанный в карма-

не, и это ощущение придавало мне отваги и уверенности в себе.

Револьвер принадлежал Нгози. Однажды я заехал к ней домой, и разговор зашел о гражданской войне. Я поразился, узнав, что Нгози тоже воевала. Чтобы развеять мои сомнения, она показала мне револьвер. В шутку я сказал, что мечтаю иметь оружие, и она охотно, даже с облегчением с ним рассталась. Тогда я воспринимал его лишь как историческую реликвию; мне и в голову не могло прийти, что настанут такие времена, когда придется им воспользоваться.

— Он еще пожалеет, что на свет родился! — все больше распалялся я. — Вот довезу тебя до дому — и сразу к нему. Я узнал его адрес.

— Как, среди ночи? — воскликнула Килиши.

Я кивнул:

— Лучшее время для беседы не бывает.

— Сама себе удивляюсь — зачем только согласилась с тобой поехать? — Килиши грустно вздохнула. — Лучше бы осталась до утра у Нгози, а завтра уехала б автобусом.

Улицы Кано были уже совершенно безлюдны, когда я свернул в проулок, ведущий к дому Сабо. Его квартира располагалась прямо над складом, где хранилась электроника, которой он торговал для отвода глаз.

Я оставил машину недалеко от его дома, запер ее и не спеша побрел по пустынному проулку. Ночь была холодная и ветреная, как всегда в сезон харматтана. Дойдя до дома, я остановился, озираясь.

На деревянной вывеске было намалевано: «Сабо электроникс», прямо под ней — огромные железные ворота. Я перевел взгляд на окна второго этажа, лишь в одном из них был свет. Неужели Сабо еще не спит?

Я тронул холодную рукоятку револьвера, и это придало мне твердости. Я решительно зашагал по узкой тропке на задний двор. Задрав голову, увидел на втором этаже приоткрытое окно. Внимательно оглядевшись, я достал принесенную с собой веревку с крюком на конце, еще раз проверил, достаточно ли остро он заточен. Все в порядке, и привязан прочно, намертво. Я метнул крюк вверх, стараясь зацепить его за подоконник. С третьей попытки мне это удалось, и вот я уже в длинном темном коридоре.

Я прислушался — где-то неподалеку громко взвизгнули автомобильные тормоза. В самом доме было тихо, только негромко капала вода из крана. Я двинулся вперед, сжимая в кармане рукоятку револьвера. Разглядел в темноте три двери. Сердце забилося как бешеное, когда я осторожно повернул ручку первой из них.

Она легко поддалась и распахнулась внутрь. В комнате темень, хоть глаз выколи. Я включил фонарик и, послав во тьму тонкий луч, обшарил им все углы. Чего тут только не было: старые телевизоры, радиолы и прочий подобный хлам. Видно, здесь у Сабо что-то вроде свалки.

Я беззвучно притворил дверь и на цыпочках подошел к следующей. Из-под нее пробивался свет.

Это наверняка спальня Сабо. Сделав глубокий вдох, я повернул дверную ручку и настежь распахнул дверь.

Сабо, лежа на кровати, просматривал какие-то бумаги. Он вздрогнул, когда я вошел, даже, как мне показалось, вскрикнул от неожиданности. С секунду мы глядели друг на друга, потом Сабо рывком сел.

— Черт возьми, что ты здесь делаешь?

Вскочив на ноги, так что бумаги разлетелись во все стороны, он кинулся ко мне. Но я встретил его как подбает. Сабо налетел на мой кулак, так что от удара у меня лопнула кожа на костяшках пальцев. Сабо попятился и рухнул на стул, перевернув пепельницу — окурки посыпались на пол. Он не успел прийти в себя, как я схватил его за ворот пижамы, приподнял со стула и заехал коленом в живот. Такой удар и быку пришелся бы не по вкусу. Сабо застонал, согнулся в три погибели. Я тем временем подскочил к двери и запер ее на ключ.

— Ты об этом пожалеешь! — задыхаясь, прошипел Сабо, сиюсь подняться на ноги. Я застал его врасплох, это дало мне преимущество, но ненадолго. Едва он поднялся, как бросился на меня, словно лев. Мы схватились, опрокидывая стулья, полетели со звоном стеклянные безделушки. Словом, грохот мы устроили страшный.

Разъяренный Сабо молотил кулаками вслепую, без разбора, и в конце концов ему удалось пригвоздить меня, распластанного, к кровати. Он был намного тяжелее меня, и я уже едва дышал под ним. Судорожно ловя ртом воздух, я потянулся к карману, выхватил револьвер и заехал ему рукояткой по темени. Он охнул и скатился на пол.

Я вскочил и приставил дуло к его виску. Грузное тело Сабо начала сотрясать дрожь.

— Мне с тобой миндальничать некогда,— с угрозой выкрикнул я.— Знаешь сам, зачем я пришел. Ты убил Фарука!

Сабо, жмурясь от боли, потрогал свою вспухшую губу, потом затылок.

— Ты ничего не сможешь доказать!

— Зато я могу тебя прикончить,— я ткнул его револьвером,— никто не знает, что я здесь.

Сабо посмотрел на меня, в глазах его был животный страх.

— Но ты этого не сделаешь, не сделаешь...

— Все зависит от тебя.— Голос мой был исполнен решимости.— Так ты убил Фарука?!

Сабо еще колебался, и я угрожающе потряс револьвером.

— Да, да,— простонал он,— вернее, убивал не я, а мои ребята... Мы думали, что документ при нем.

— И Веру ты убил.

Сабо вдруг начал всхлипывать, чем изумил меня до крайности.

— Я... мы только выполняли приказ.

— Чей приказ?

— Нет, Тахир,— Сабо уже не всхлипывал.— Если я скажу, то до завтрашнего утра мне не дожить. От меня ничего не зависело, я ничего не мог поделать. Пойми, Тахир, постарайся понять!

— Этим я как раз сейчас и занимаюсь: стараюсь понять. А теперь вставай!

— Тахир, прошу тебя, не убивай!..

— У тебя здесь есть телефон?

Сабо кивнул, сморкаясь.

— В коридоре.

Я подтолкнул его к двери.

— Показывай где!

Сабо посмотрел на револьвер, потом на меня и, по видимому не найдя в моем лице ничего для себя утешительного, поспешно повернул ключ в замке и распахнул дверь. Нашупав выключатель, зажег в коридоре свет. В дальнем конце его, рядом с лестницей, висел на стене телефон. Сабо остановился у аппарата и глянул на меня с опаской.

— Набери номер полицейского управления,— приказал я.— Расскажешь им, как и где вы убили Фарука и

Веру Нэш, и еще назовешь имя того, на кого работаешь!

— Но тогда мне конец! — заявил Сабо. — Ты же обещал меня понять, Тахир. Забудем прошлое. Клянусь, что никогда больше тебя не потревожу. Вот, возьми это. — Судорожно порывшись в кармане пижамы, он протянул мне небольшой конверт. — Это негативы, я как раз собирался тебе их отослать. Не хочу больше иметь к этому делу никакого отношения!

Я вынул негативы, посмотрел их на свет: те самые, где я «сталкиваю» Веру с балкона.

— Ну-ну, поживее, — приказал я, пряча негативы в карман, — набирай номер.

— Тахир, умоляю!..

Я щелкнул предохранителем.

— Набирай!

Сабо, конвульсивно дернувшись, трясущимися пальцами начал набирать телефон полиции.

— Управление полиции города Кано, — слышался в тишине ровный, бесстрастный голос. — Дежурный офицер слушает.

Сабо снова поглядел на меня с мольбой, и я выхватил трубку из его трясущейся руки:

— Вот что, дежурный, здесь один преступник хочет сделать важное заявление — сознаться в убийстве. Приготовьте блокнот и слушайте внимательно.

Я вернул трубку Сабо, а револьверным дулом ткнул ему в живот.

— Начни со своего имени! — приказал я, прикрыв микрофон ладонью, чтобы в полиции меня не услышали.

Сабо, видно, смекнул наконец, что я не шучу, и смирился с неизбежным.

— Меня зовут Альхаджи Сабо, — забормотал он в трубку. — Я владелец фирмы «Сабо электроникс лимитед»...

Это было все, что он успел сказать. В окне ослепительно вспыхнуло, грянул выстрел, за ним другой. Я успел пригнуться, а Сабо дернулся всем телом и упал замертво.

Придя в себя от потрясения, я метнулся в спальню и запер за собой дверь. Выстрелы не повторились, все стихло.

Потом я услышал, как заводят на улице машину. Я трясся в лихорадочном ознобе и все же пересилил себя, подкрался к окну, выглянул наружу — и как раз вовремя: темный «мерседес» уже сворачивал за угол.

Свет из какого-то подъезда на миг упал на номерной знак. Я был уверен: где-то я уже видел эти цифры!

Отперев дверь, я выскочил в коридор. Сейчас главное — смыться, прежде чем сюда нагрянет полиция.

В конце коридора распластался мертвый Сабо, над ним с размеренностью маятника покачивалась телефонная трубка.

Я поспешил к окну, через которое попал в дом, выглянул наружу. На заднем дворе как будто никого не было. Я вскочил на подоконник, ухватился за веревку, бесшумно спустился вниз и побежал к машине.

Я уже сворачивал из проулка на улицу, когда раздался рев полицейской сирены, распоровший ночное безмолвие...

Глава десятая

В приемной адвокатской конторы «Абдулла и сын» мне ответили, что Альхаджи на месте нет — он уехал в суд, где слушается очень важное дело.

— Но он скоро вернется, — добавил корректный служащий. — Можете подождать в комнате для посетителей, там вам будет удобно.

— Спасибо, я подожду, — ответил я и спросил: — А Килиши еще не приходила?

— Нет еще, — с теплой, радушной улыбкой ответил симпатяга клерк. — Она раньше десяти в конторе не бывает. — Он посмотрел на часы. — Появится примерно через полчаса. — Внезапно он нахмурился. — Впрочем, в последние дни я ее здесь редко вижу. Боюсь, не случилось ли у нее чего...

Я направился в комнату для посетителей, просторную, со вкусом обставленную. В ней уже ожидали приема пятеро мужчин, каждый с черным портфелем и нетерпеливой миной на лице. Когда я переступил порог, они, как по команде, уставились на меня.

Я опустил в обитое бархатом кресло и с удовольствием вытянул затекшие ноги. Я не решился останавливаться в гостинице и переночевал в машине: удовольствие ниже среднего, врагу такого не пожелаешь.

Кто-то испугался, что Сабо его выдаст, и застрелил моего однокашника — заставил его замолчать навсегда. Возможно, это был сам Хозяин. Но как он мог пронюхать, что я еду к Сабо? Вообще, кому были известны мои

планы? Килиши и Нгози. Только их я посвятил в свои намерения.

Я беспокоило заерзал в кресле. Нет, во всем этом не было ни малейшего смысла... Конечно же, ни Килиши, ни Нгози не стали бы ни с кем обсуждать мои планы, даже с самыми близкими подругами. Поэтому я тотчас же исключил их обеих. Кто же тогда? И тут меня осенило. Какой же я дурак, что раньше не догадался! За мной неотступно следят — с той самой минуты, как погиб Фарук. Я, можно сказать, сам привел их в «Козырный туз», и они убили Веру. Не выпуская меня ни на миг из поля зрения, они последовали за мной в дом Сабо и застрелили его, едва тот стал «раскалываться». И я, простофиля, ни разу не заметил слежки!

— Привет, искатель приключений! — раздался знакомый голос.

Я рывком поднял голову.

— Килиши! Доброе утро. Мне сказали, что ты раньше десяти в контору не приходишь.

Она села в соседнее кресло, и меня окутал терпкий аромат ее духов.

— Случилось что-нибудь, Тахир? У тебя такой вид, будто ты и не ложился этой ночью.

Прежде чем ответить, я в раздумье обвел взглядом посетителей, ожидающих приема.

— Да, Килиши, опять случилось нечто жуткое, но здесь я говорить не могу. Альхаджи еще не вернулся из суда?

По красивому личику Килиши пробежала тревожная тень.

— Нет еще, но мы можем подняться в его кабинет, у меня есть ключ. Пойдем.

Я последовал за ней. Когда мы были уже у лифта, за спиной у нас послышались торопливые шаги. Я обернулся и увидел Альхаджи. Заметив нас, он остановился, и его благообразное лицо расплылось в нежной улыбке.

— Здравствуйте, дети мои! — воскликнул он. — Надеюсь, я не слишком долго заставил себя ждать?

Он протянул мне руку, и я, как предписывает традиция, почтительно склонился, прежде чем ее пожать.

— Нет-нет, что вы,— сказал я.

— Есть новости?

— Да, сэр!

Мы втроем вошли в лифт, доехали до пятого этажа

и проследовали в роскошный кабинет. Когда мы уселись в кресла, Альхаджи спросил:

— Ну, как твое посещение «Козырного туза»? Та белая тебе помогла?

Я вкратце изложил все со мной происшедшее. С гримасой изумления Альхаджи слушал о том, что случилось в клубе, как на меня пало подозрение полиции, как шантажисты воспользовались фотографиями. Затем я перешел к вчерашнему посещению квартиры Сабо — рассказал, как глубокой ночью едва не вырвал у него признание и как кто-то застрелил бандита.

Дослушав до конца, Абдулла некоторое время молчал, потом отрывисто спросил:

— Значит, оба они: Вера и Сабо — мертвы?!

Он был явно удручен — я заметил, что пальцы у него подрагивают.

— Увы, именно так,— произнес я мрачным голосом.— О гибели Веры уже сообщили вчерашние газеты.

— Аллах милосердный! — пробормотал Альхаджи наконец.— Значит, полиция тебя разыскивает?

— Во всяком случае, кадунская. Я у них на подозрении. По их данным, в клубе видели молодого человека с моими приметам в тот самый вечер, когда была убита Вера. Но опасаться полиции Кано у меня пока нет оснований. Уверен, что сегодняшней ночью никто меня не фотографировал. Так что, надеюсь, у них нет никаких улик для раскрытия убийства Сабо.

— Но ты говорил по телефону с дежурным офицером. А вдруг он сможет узнать тебя по голосу? Не исключено, что у них все записывается на пленку.

— Не думаю. Да и вряд ли он запомнил мой голос,— отозвался я, стараясь подавить растущий во мне страх: ведь если и впрямь в полиции записали ночной звонок на магнитофон, худо мое дело! В таком случае рано или поздно они накинутся на меня, как свора голодных волков.— Конечно, что и говорить,— добавил я после продолжительной паузы,— это рискованная игра, но мне уже поздно из нее выходить.

Килиши пронзительно глянула на меня и отвернулась, нервно теребя край косынки.

— Кто же стоит за всем этим?! — воскликнул Альхаджи.— Кто этот негодяй, причиняющий столько страданий людям? Аллах покарает его!

— Да, сэр, у Сабо был Хозяин. Это очевидно.

— И что же, ты полагаешь, что невозможно отыскать

его следов, отыскать ниточки, ведущей к нему? Не верю, что нет никакой возможности узнать имя этого головореза, изобличить его.

— Боюсь, что так. Во всяком случае пока Сабо — всего лишь мелкая собачонка «Крестonosцев», — сказал я, — а тот, кто верховодит всем, принимает особые меры предосторожности, чтобы оставаться в тени. Потребуется время, чтобы в конце концов отыскать его. Да, пожалуй, это всего лишь вопрос времени.

Альхаджи внезапно застонал, как от зубной боли, взгляд его был тяжелым.

— Извини, Тахир, я во всем виноват.

— Не понимаю, — удивился я, — что вы хотите сказать?

— Я втравил тебя в эту историю. Но мог ли я предположить, что тебе лично придется столкнуться с отпетыми убийцами?! Конечно же, поручая тебе заняться «Крестonosцами», я понимал, что противодействие будет, но что в такой форме — я не предполагал. Извини, знал бы, как все обернется, не стал бы подвергать тебя риску.

Я прервал его, не дав договорить:

— Не терзайте себя, Альхаджи. Ваше поручение и гибель Фарука каким-то причудливым образом переплетены. Так что я сам горю желанием распутать этот клубок.

— Ты уверен, что хочешь продолжить расследование?

— Я прошел уже слишком длинный путь, так что возвращаться с пустыми руками негде.

Последовала томительная пауза, после чего Альхаджи снова заговорил:

— И что же ты намерен предпринять теперь?

При этих словах Килиши в упор уставилась на меня.

Конечно же, у меня был план: во-первых, разыскать тот «мерседес», на котором укатил убийца Сабо, и, во-вторых, выяснить с врачом, можно ли провести эксгумацию тела Фарука. Практически у меня уже не было сомнений в том, что моего друга сначала отравили, а потом облили спиртным и бросили на улице. Если я докажу, что он отравлен, а не забит толпой взбесившихся подростков, изобличить преступников будет гораздо легче.

Но всего этого я не стал говорить Альхаджи и Килиши: не хотел посвящать их в столь рискованные дела. Ведь все, с кем я так или иначе вступал в последние дни в контакт: Вера, Сабо, — кончили плохо. Так что лучше мне больше никого не подвергать опасности.

— Займусь поисками Хозяина Сабо, — сказал я.

Это особого труда не составит. Подручные Сабо разгуливают на свободе, за деньги они все мне расскажут.

Мы еще немного посидели, потом я поднялся.

— Ну что же, мне пора, нельзя терять время.

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — сказал Альхаджи.

Я покачал головой.

— В данный момент мне ничего не нужно. Постараюсь захватить Хозяина Сабо врасплох.

— Ну а как насчет полиции в Кадуне? Может, мне поговорить с ними?

Я на миг задумался.

— Нет, не стоит. Если позвонить им сейчас, это только укрепит их подозрения.

Альхаджи понимающе кивнул.

— Я как юрист должен был бы сам удержать тебя от этого шага, но в моей голове сейчас такая каша, все перепуталось.

Килиши тоже поднялась, и Альхаджи кивнул:

— Идите с миром. Аллах да наставит и охранит вас!

Внизу я спросил Килиши:

— Что бы ты мне теперь посоветовала? Как, по-твоему, я должен поступить?

— Ты и в самом деле нуждаешься в моем совете? — переспросила она с удивлением.

Я кивнул.

— У тебя усталый, измученный вид. Тебе необходимо выспаться, Тахир. Устрой себе выходной. — Она порылась в сумочке и достала ключ. — Это от моей квартиры. Езжай туда и как следует отдохни. — Ее нежная, тонкая рука мягко погладила мою щеку. — И запомни, когда ты снова окажешься в Кано, тебе не надо больше ночевать в машине. Ты всегда желанный гость в моем доме.

Я взял ключ и, поблагодарив Килиши, ушел.

Как ни странно, ясность в загадку с номером того «мерседеса», в котором скрылся убийца Сабо, внесла местная газета. С самого начала я был уверен, что уже видел где-то эту машину, а вот где — никак не мог вспомнить.

Я купил газету, чтобы узнать, попала ли в печать новость о гибели Сабо. Так и есть: крупными буквами на самом видном месте. В репортаже вскользь упоминался и таинственный телефонный звонок в полицию, в остальном же ничего интересного для себя я не обнаружил.

На последней странице мое внимание привлекло обращение ко всем выпускникам средней школы города Фунтуа принять участие в благотворительном вечере, сбор от которого пойдет на ремонт школьных помещений. Я тоже там учился, и едва дочитал объявление, как в памяти возник мой личный номер: 865. А регистрационный номер «мерседеса» — ХК-865! Вот почему цифры сразу показались мне знакомыми.

Меня так и подмывало тут же продолжить расследование. Я доехал до ближайшего телефона-автомата и вызвал междугородную:

— Соедините меня с Управлением полиции Кадуны.

Телефонистка молниеносно исполнила мою просьбу, и вот уже мне по всей форме отвечает дежурный управления.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к нему.— Инспектор Кабир у себя? Мне необходимо поговорить с ним.

Прошло несколько секунд, и в трубке раздался зычный бас Кабира.

— Инспектор, это Тахир,— сказал я как мог серьезно.— Помнишь, ты говорил, что, если у меня будут проблемы, я могу в любой момент обратиться к тебе?

— Тахир! Ну конечно же. Так что ты хочешь мне рассказать?

— Я был в тот вечер в «Козырном тузе»...

Я отчетливо услышал в трубке облегченный вздох.

— Тахир, не кажется ли тебе, что нам надо обсудить все с глазу на глаз, а не по телефону? Не хочу, чтобы ты наговорил такого, что может быть использовано против тебя. Давай я сейчас приеду к тебе в редакцию?

— Видишь ли, я звоню не из редакции и даже не из Кадуны. Я в Кано. Мне так много надо тебе объяснить, но, как ты сам сказал, это не телефонный разговор.

— Я мог бы и в Кано прикатить.

— Хорошо, давай условимся, где нам здесь встретиться.

Кабир предложил местное полицейское управление, но я сказал, что не жажду новой встречи с их инспектором. Однако Кабир заверил меня, что теперь мне нечего опасаться.

— А еще хочу попросить об одной услуге,— подошел я к основной цели своего звонка.— Мне очень важно узнать, кому принадлежит «мерседес» с номерным знаком «ХК-865». При встрече все подробно объясню.

— О'кей! — тут же согласился Кабир, не пускаясь в ненужные объяснения. — На это потребуется полчаса, перезвони мне.

Ровно через тридцать минут я снова связался с ним.

Затем я позвонил к себе в редакцию. К телефону подошла Нгози:

— Утром доставили письмо из Сьерра-Леоне. Адресовано лично тебе. Либо от отца, либо от сестры Фарука.

Сердце мое заколотилось.

— Вскрой и прочти! — потребовал я.

Последовала пауза, я услышал шорох бумаги.

— Ну слушай...

Письмо было от Джамили, сестры Фарука и моей невесты. Она писала, что отец слег, узнав о смерти сына, и его увезли в больницу. Сама же она прилетит в Кадуну двадцатого декабря.

Дальнейший текст заставил меня похолодеть, и я велел Нгози прочесть его вторично. Фарук, оказывается, отправил ей письмо буквально накануне своей гибели. Он сообщал сестре, что заполучил чрезвычайной важности документ, который спрятал в сейфе транзитного зала для паломников международного аэропорта в Кано. Он также просил сестру срочно сообщить мне об этом, потому что, по его словам, я единственный человек, кому он доверяет, а писать мне напрямую он опасается, поскольку за ним неусыпно следят, и вот в целях конспирации он пишет ей, Джамиле, а не мне.

Наконец-то! Вот что так отчаянно разыскивают преступники. Из-за этого документа взметнулся гибельный смерч, унесший жизни Фарука, Веры и Сабо.

— Ты слушаешь? — спросила Нгози негромко.

Я велел ей, не теряя времени, ехать в отель «Дурбар» и заказать для Джамили номер.

— А потом, — закричал я в трубку, — бросай все дела, бери такси и мчись в Кано!

Глава одиннадцатая

Было уже около трех часов пополудни, когда я припарковался на забитой машинами стоянке центральной больницы Кано. Мне без труда удалось разыскать кабинет доктора Боде. Мы познакомились с ним давно, когда вместе служили под знаменами Национального молодежного корпуса в штате Анамбра. Он был одним из

немногих северян в нашем лагере, бегло говорил на хауса, и мы вскоре подружились.

Больные, ожидавшие у двери, укоризненно загудели, когда я прошел мимо них в кабинет. Еще бы, с утра, поди, томятся!

Боде сидел за небольшим столом со стетоскопом на шее — одним обликом своим внушая почтение. Узнав меня, он широко улыбнулся и поднялся навстречу.

— Тахир! Откуда ты взялся?

Я пожал его протянутую руку и тоже улыбнулся, искренне радуясь встрече.

— Приехал в Кано по делам. Давненько мы с тобой не виделись, Боде!

Мы сели друг против друга.

— Знаешь,— подхватил Боде, все более оживляясь,— мы не встречались с того самого дня, как нас отпустили по домам. Выходит, больше двух лет.

— Да, время летит,— кивнул я.— Ну как, работой доволен?

Лицо моего друга помрачнело, взгляд затуманился.

— Слишком много больных, нагрузка большая. И по всей стране так — врачей не хватает. Справляемся с грехом пополам. А ты что поделываешь?

Я в двух словах рассказал про «Ареву» и перешел к делу, которое привело меня сюда. Очертив ситуацию, возникшую после гибели Фарука, я не стал делать тайны из одолевавших меня подозрений.

Боде, выслушав меня, помолчал, теребя стетоскоп, его округлое лицо стало задумчивым. Наконец он заговорил:

— Ты, стало быть, совершенно уверен в том, что Фарук был отравлен?

Я кивнул.

— И ты хочешь, чтобы я помог тебе провести эксгумацию и экспертизу?

— Да, Боде, хочу. Хочу, чтобы была проведена медицинская экспертиза на наличие в трупe яда. Если будет доказано, что Фарук отравлен, убийцам каторги не миновать.

— И тебе известно, чьих это рук дело?

— Думаю, да, но пока это не более чем догадка.

— А другие улики у тебя есть? Или же все твои надежды связаны с эксгумацией?

Я вспомнил про письмо Джамили, вспомнил и то, что инспектор Кабир и Нгози спешат сюда из Кадуны.

— Улик у меня предостаточно, я лишь поджидаю подходящего момента, чтобы дать им ход.

Боде мое заявление явно вдохновило.

— О'кей, думаю, что смогу все устроить. Когда его похоронили?

— Три дня прошло. Это усложняет задачу? Слишком большой срок?

— Нет, еще не поздно.— Боде снял с шеи стетоскоп.— Где он похоронен?

— Видишь ли, в этом как раз трудность и лишние хлопоты для тебя, ты уж прости... Фарука похоронили в Кадуне, но мы можем выехать вечером, скажем, в шесть, если это тебя устраивает. Езды всего два часа.

— Что же, будем ночью раскапывать могилу?! — изумился Боде.

— Да, дружище,— ответил я, боясь неловким словом спугнуть Боде,— это очень запутанное и зловещее дело. Необходимо быть начеку, соблюдать максимум осторожности. Трое уже погибли, и прикончили их без малейших колебаний. Я не имею права подвергать твою жизнь риску. Если ты в принципе согласен мне помочь, то проводить эксгумацию придется ночью.

Боде помолчал, снова надел стетоскоп, посмотрел в задумчивости на меня.

— Ты мой друг, Тахир, и я тебе помогу. Где встретимся?

Условились, что я заеду за ним — он жил в служебной квартире на территории больницы. Сердечно поблагодарив Боде, я пожал ему руку и ушел, предоставив ему исполнять свой нелегкий долг. Едва я прикрыл за собой дверь кабинета, как в нее проворно юркнул очередной пациент.

Я прикинул, что инспектор Кабир и Нгози будут в Кано не раньше чем через час, и отправился вновь к Альхаджи: мне не терпелось рассказать старцу про письмо Джамили. Когда я ставил машину на стоянку, подъехала Килиши. Я поспешил к ней навстречу.

— Привет, путешественник! — нараспев произнесла она.— Ты, значит, опять делаешь все по-своему, а главное — в одиночку!

Я замер, прислонившись к капоту.

— Делаю... что?

— Обещал, что будешь сегодня отдыхать, отсыпать-

ся...— Килиши отчитывала меня, как непослушного ребенка.

— Если б ты знала, какие у меня новости, не говорила бы так!

— Ну, конечно, как всегда, собираешься поведать нечто невообразимое.

— Угадала! — Я выпрямился.— Не знаешь, Альхаджи у себя?

— Ты и его хочешь удивить? Да, он должен быть в конторе.

— Представь себе, что новость чрезвычайной важности!

Килиши вошла в лифт, не снимая темных очков. Часы показывали начало пятого, рабочий день кончился, большинство служащих уже разошлись. Я нажал кнопку пятого этажа и сказал:

— Не носи ты черные стекла, они скрывают твою неземную красоту.

Она нежно улыбнулась и прильнула на миг к моей груди.

— Приятно такое слышать! Я и не догадывалась, что нравлюсь тебе. Выходит, ты нормальный человек, и ничто человеческое тебе не чуждо!

Я притянул Килиши к себе, расчувствовавшись от таких слов, но тут дверцы автоматического лифта распахнулись...

Мы застали Альхаджи Абдуллу в задумчивости, перед ним на полированном столе вздымался ворох бумаг. Он поднял на нас глаза и жестом предложил сесть.

— Ну, как продвигается расследование? Опять какая-нибудь закавыка?

Я откашлялся, прежде чем ответить.

— У меня в руках то, из-за чего расстались с жизнью Фарук, Вера и Сабо.

Альхаджи и Килиши ошарашенно воззрились на меня. Старик, казалось, от неожиданности лишился дара речи.

— Ты уверен? — наконец спросил он.

— Так же, как уверен в том, что нет бога, кроме аллаха...

— ...и Мухаммед — пророк его! — завершил священную тираду Альхаджи.— Тогда, я полагаю, дело сделано, конец твоим трудам.

— Почти что,— уточнил я.

— Ну и что же такое ты нашел?

— Сейчас у меня при себе этого нет.

Я вкратце рассказал им о письме Джамили и о том, что Фарук написал сестре перед смертью.— Документ этот, который все мы искали, отправлен из Южной Африки нигерийскому адресату. Перехваченный Фаруком, он покоится теперь в одном из сейфов транзитного зала для паломников в аэропорту Кану.

— Тахир,— зашептал Альхаджи.— Ты знаешь, какой важности этот документ. Будь крайне осторожен. Не хочу, чтобы с тобой стряслось неладное.— Взор Альхаджи был полон тревоги.— Думаешь, мы сумеем забрать эту бумагу из аэропорта?

— Квитанция у Джамили, сэр. Без квитанции ничего не выйдет.

— Кстати, кто она такая, Джамиля?

— Сестра Фарука.— Я хотел добавить, что она еще и моя невеста, но под пристальным взглядом Килиши счел за благо промолчать.

Альхаджи Абдулла забарабанил пальцами по столу.

— Говоришь, она завтра прилетает?

— Послезавтра,— уточнил я.— Я велел Нгози, это моя секретарша, заказать для Джамили номер в кадунском отеле «Дурбар». Джамиля прибудет в Лагос в восемнадцать ноль-ноль. Там она пересядет на местный самолет и, если все будет в порядке, в девятнадцать двадцать сядет в Кадуне. Там ее встретят и отвезут в гостиницу.

— Надеюсь, что все будет в порядке,— пробормотал Альхаджи Абдулла.— А ты? Когда ты думаешь вернуться в Кадуну?

— Вечером поеду.

Я собрался уходить, Килиши поднялась вслед за мной.

— Если тебе понадобится помощь, ты знаешь, где меня найти. И прошу, не лезь на рожон,— сказал на прощанье Альхаджи.

Мы вышли из кабинета. Старик явно разволновался, и его можно понять. В лифте Килиши сказала не то радостно, не то грустно:

— Итак, все кончено.

— Да, почти.

— Ты думаешь, что легко найдешь убийц?

— Теперь это лишь дело времени.

— Но... ты останешься хоть до утра? — спросила она.

— Вряд ли. Я совсем забросил редакцию, работы там скопилось уйма.

Мы вышли на стоянку машин.

— Куда ты теперь? — спросила она.

— Сюда мчится Нгози с письмом Джамили, я дал ей твой адрес.

Килиши радостно улыбнулась.

— Значит, поедem ко мне? Вот здорово! Я приготовлю ужин...

— Но сначала мне надо повидаться с нашим местным распространителем. Поэтому я хочу попросить тебя об услуге: поезжай домой и дождись Нгози. Вы же с ней как будто успели подружиться.

Килиши пригорюнилась.

— О'кей, буду тебя ждать, приезжай поскорее! — И она зашагала к своей «хонде», но на полпути обернулась. — Хоть бы до машины проводил!

Но я вылезать из кабины не стал, только помахал ей рукой.

— Какой же ты все-таки! — выпалила Килиши, подбегая ко мне. — Истукан бесчувственный! Ничего не понимаешь!

Я от неожиданности онемел. Она прислонилась к машине, утирая слезы. Мне захотелось обнять ее и утешить, как маленькую девочку. Ах, как все поворачивается в жизни!

— Я... я хочу сказать тебе одну вещь.

— Слушаю! — Я уже совладал с собой.

— Я уезжаю из Кано навсегда. Тебя это удивляет? Я вцепился руками в баранку.

— Не знаю, что сказать. И пожалуйста, перестань реветь. Почему ты решила уехать?

— А ты бы этого не хотел? — ответила она вопросом на вопрос.

— Это не разговор.

— Ну хорошо, раз тебе интересно: я уезжаю из-за тебя!

И Килиши метнулась к своей машине, вскочила в нее и рванула с места. Я только присвистнул и выехал со стоянки. Вот уж воистину непостижимое создание — женщина!..

Я наврал Килиши насчет местного распространителя нашего журнала. На самом деле мне предстояла встреча с инспектором Кабиром. Он должен быть уже в Кано и ждать меня в полицейском управлении.

Я осведомился у дежурного сержанта, прибыл ли

инспектор Кабир из Кадуны. Интересно, промелькнуло у меня в голове, не тот ли это дежурный, который снял трубку вчера, когда Сабо собрался исповедаться... Сержант ответил, что инспектор Кабир здесь и он ему сейчас обо мне доложит, после чего нажал кнопку переговорного устройства.

Через секунду инспектор Кабир уже спускался по лестнице. Я с удовлетворением отметил, что он в штатском.

— Тахир, дорогой! — хлопнул он меня по плечу, искренне радуясь встрече. Мне его радость была вполне понятна.

Мы вышли на улицу.

— Может, поговорим в машине? — предложил я.

Кабир остановился.

— Как хочешь.

— Так будет лучше, — сказал я.

Мы сели в машину, и я рассказал инспектору обо всем, что произошло после таинственного исчезновения Фарука. О том, как я сразу начисто отмел официальную версию его смерти и, узнав, что при нем нашли засекреченный номер телефона Центрального управления полиции в Лагосе, решил начать собственное расследование. А с инспектором Кабиром я не поделился своими сомнениями по той причине, что полиция свято уверовала, будто Фарука пьяного забили камнями бесчинствующие подростки. Кабир терпеливо слушал, не прерывая, как и следует профессионалу, лишь время от времени кивал головой. Рассказал я ему и о фотографии Веры, которую отыскал в номере Фарука в отеле «Даула», о предложении, которое сделал мне Альхаджи Абдулла, и о том, как с помощью последнего я проник в клуб «Козырный туз». Затем подробно изложил обстоятельства гибели Веры; с горечью вспомнил о «розыгрыше» с наркотиками в аэропорту Кано и наконец о том, как Сабо шантажировал меня фотографиями, сделанными в тот момент, когда я тщетно пытался спасти Веру.

Инспектор по-прежнему не перебивал меня, не задавал вопросов, что как нельзя лучше помогало мне припомнить все детали. Теперь я рассказывал, как отправился с револьвером к Сабо на квартиру, чтобы вырвать у него признание, и как Сабо застрелили через окно. Потом, не переводя дыхания, перешел к письму Джамили и документу, что покоится в одном из сейфов транзитного зала аэропорта. И в заключение упомянул о встрече с доктором Боде.

Когда я умолк, наступила долгая пауза — я успел извлечь из кармана орешек кола и съесть его. Кабир заворочался на сиденье, вытащил сигареты, закурил.

— Ты должен был раньше мне открыться, — наконец изрек он. — Все бы тогда пошло иначе.

— Вряд ли, — возразил я. — Эти люди ни перед чем не останавливаются, добиваются того, что им нужно, любой ценой.

Кабир кивнул.

— Но теперь уж предоставь нам довести дело до конца.

Я замотал головой.

— Нет, Кабир, расследование начал я, и несправедливо теперь меня от него отстранять. — В голосе моем сквозила обида. — Забудь на секунду, что ты полицейский, поговорим как друзья.

— Да неужто это возможно? — спросил Кабир лукаво, поглядывая на догорающий окурочок.

— Возможно, еще как! — заверил его я. — Я прошу тебя лишь об одном. Как я уже сказал, послезавтра прилетит Джамиля с квитанцией, без которой никто не сможет получить этот злосчастный документ. В Кадуне она должна быть в девятнадцать двадцать. К этому времени расставь своих людей в отеле «Дурбар», и я приподнесу тебе все улики на серебряном подносе.

Кабир воспротивился.

— Мы не можем гарантировать ее безопасность. Едва она приземлится, эти головорезы устроят на нее охоту. Помни, мы имеем дело с маньяками, такие родную мать не пощадают.

— Тогда, — предложил я, — пусть полицейские в штатском встретят Джамилю у трапа и проводят до гостиницы. Пойми же, Кабир, только так мы сможем схватить убийцу с поличным.

Кабир помолчал, кивнул, выбросил окурочок в окно.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Но ты не лезь на рожон и не предпринимай ничего без моего ведома.

— Спасибо, инспектор, искренне тебе благодарен.

Кабир вдруг нахмурился.

— А тот револьвер, которым ты напугал Сабо, зарегистрирован?

Я покачал головой.

— Моя секретарша хранила его в память о своем боевом прошлом. Что тебя смутило?

Кабир снова закурил.

— Советую немедленно от него избавиться.

— Ну, это несложно. Вообще эта старая пушка, наверно, и стрелять не способна. Я ее даже не заряжал.

Под конец в назидание мне Кабир объявил, что с самого начала знал: я был в тот вечер в «Козырном тузе». Если бы не он, кадунская полиция давно бы сцапала меня. Но он уповал на мой здравый смысл и верил, что я рано или поздно сам все ему выложу начистоту.

Уже открыв дверцу, Кабир спросил:

— Ты сегодня возвращаешься в Кадуну?

— Да, но до этого у меня здесь еще есть кое-какие дела. Однако, сознаюсь, мне значительно легче теперь, когда ты в курсе событий.

— Ладно, увидимся в Кадуне.

Кабир вылез из кабины и захлопнул дверцу. Я включил передачу и понесся вперед, как на крыльях. С моих плеч свалился груз, я будто помолодел на десять лет.

Глава двенадцатая

Нгози ждала меня на квартире Килиши. Едва я вошел, она бросилась ко мне, схватила за руку. Никогда она так раньше себя не вела, и означать это могло лишь одно — что она в чрезвычайном волнении.

— Успокойся, Нгози,— ласково сказал я, усаживая ее в кресло.— Садись, я расскажу тебе последние новости.— И тут только я заметил, что Нгози одна.— А где Килиши? Я был уверен, что она тоже здесь.

Нгози, склонив голову набок, взглянула на меня с подозрением.

— Она уехала несколько минут назад, куда — не сказала, а тебе оставила записку.— И Нгози протянула мне ненадписанный конверт.

Я повертел его в руках и посмотрел на секретаршу с недоумением.

— Ничего не понимаю!

— Килиши просила, чтобы ты прочел ее письмо только в Кадуне.— Нгози сделала паузу.— Мне кажется, Тахир, что девочка к тебе неравнодушна.

— Решительно ничего не понимаю,— повторил я с грустью.— Ну а где же письмо от Джамили, ведь это ради него я погнал тебя из Кадуны в Кано?

Нгози достала заветный конверт, и я внимательно перечел послание своей любимой. Нгози, как я ее просил, уже

заказала для Джамили номер в отеле «Дурбар». Я рассказал ей о том, что Сабо убит. Рассказал про свою встречу с инспектором Кабиром и про наши с доктором Бодэ планы. И вскоре, оставив Килиши записку, мы поехали в больницу, чтобы вместе с доктором отправиться на кладбище.

По дороге я раздумывал о том признании, что сделала сегодня Килиши: она покидает Кано из-за меня! — и старался увязать это с тем письмом, что мне пока вскрывать не велено. Но как ни ломал я голову, ситуация не прояснялась. Я тревожился за Килиши: ее судьба не была мне безразлична. К тому же я верил, что ее чувства ко мне искренни, идут от сердца! Но ответить на них взаимностью я не мог. И я заставил себя не думать о Килиши — впереди столько еще забот...

Кромешную тьму нарушал лишь тусклый, мерцающий огонек двух свечей. В метре от меня двое бравых молодцов энергично работали лопатами. Над ними склонился доктор Бодэ, время от времени отдавая короткие распоряжения. Он был спокоен, руководил всем ходом операции с профессиональным хладнокровием. И вот уже снят последний слой земли, и показалось белое покрывало, в котором Фарука похоронили. В горле у меня застрял комок, во рту пересохло. Я бы охотно сел, но боялся обнаружить перед другими свою слабость.

— О'кей, достаточно! — шепнул доктор Бодэ и отправил одного из парней за носилками. По счастью, у Бодэ оказались добрые знакомые в центральной больнице Кадунны, через которых удалось раздобыть карету «скорой помощи», а также двух надежных санитаров.

Принесли носилки, и, точно в фильме с замедленной съемкой, доктор Бодэ и его помощники осторожно уложили на них труп.

Еще через час тело было доставлено в анатомичку. Когда мы возвращались к машине, Бодэ легонько потянул меня за рукав. Я обернулся, и он положил мне на ладонь две таблетки.

— Обязательно прими это, когда будешь ложиться. Успокойся и выспишься как следует, а то, я вижу, ты сам не свой.

— Спасибо,— пробормотал я.— А что же результаты вскрытия?

— Не думай об этом больше и не тревожься,— забот-

ливо сказал Бодe, распахивая передо мной дверцу машины.— Ответ будет готов завтра, во второй половине дня. Спокойной ночи, Тахир.

Я протянул ему руку.

— Большое тебе спасибо, Бодe. Не знаю, что бы я без тебя делал. Еще раз спасибо и спокойной ночи!

Я завел мотор и, смахнув слезы, выехал с больничного двора. Спи спокойно, Фарук!..

На следующее утро я с головой окунулся в редакционные дела, порядком мною запущенные. Я читал материалы, отмечая особо интересные красной галочкой, и тут красотка из приемной объявила о приходе доктора Бодe. Я велел сейчас же его впустить.

Наконец-то. Усадив его, я нетерпеливо спросил:

— Ну что, доктор, подтвердились мои подозрения?

Бодe медленно кивнул, достал из нагрудного кармана вчетверо сложенный листок и пододвинул его ко мне.

— Твоему компаньону дали гигантскую дозу стрихнина, хватило бы и на десятерых молодцов, а еще с десятков попали бы в больницу на несколько месяцев. Стрихнин парализует дыхательные пути, и его не всегда можно обнаружить в трупe, если только не искать специально, как делал я. Конечно же, отчет о первом вскрытии и выводы о причине смерти вследствие алкогольной интоксикации и физических увечий показались и мне неубедительными. Так что я провел анализ на наличие яда и не удивился, обнаружив стрихнин.

Бодe положил ногу на ногу и продолжал:

— Поскольку доза так велика, смерть наступила мгновенно. Вот мое заключение: сначала убийцы отравили Фарука, потом, уже мертвому, нанесли увечья и бросили тело в глухом проулке. Им удалось произвести желаемое впечатление, будто Фарук был пьян и его забили камнями фанатичные ревнителы трезвости.

Конечно же, я знал все это давным-давно: что Фарука отравили, убили. Последние сомнения на этот счет развеял Сабо. Мне не хватало лишь веских, неопровержимых доказательств.

— Так вот оно и случилось,— сказал Бодe,— и ни один адвокат, пусть хоть семи пядей во лбу, не сможет это опровергнуть. Теперь проблема в том, чтобы установить, кто убийца. А у тебя, насколько я понимаю, на этот счет пока лишь домыслы и никаких фактов.

Я схватил Боду за руки, сжал их что было сил.

— Главное сделано. Не пройдет и суток, как убийца — кем бы он ни оказался — будет полностью изобличен. Но, прежде чем отпраздновать нашу победу, позволь, Боду, задать тебе весьма важный вопрос: не согласишься ли ты выступить в качестве эксперта на суде?

— Конечно, Тахир, ты еще спрашиваешь! А что до дружеского пиршества, не будем откладывать — меня ждут больные в Кано.

Вечером я позвонил Кабиру. Он ждал моего звонка. Я рассказал инспектору о результатах лабораторных анализов, сообщил также, что Боду готов выступить на процессе. Итак, подытожил я, развязка произойдет завтра, когда прилетит Джамиля.

— Дай-то бог ради твоего собственного блага! — ответил Кабир. — Мне становится все труднее тебя выгораживать в деле Веры Нэш. Чем дальше наши сыщики копают, тем больше улик, указывающих на тебя.

— Спасибо, еще немного продержись. Осталось ждать считанные часы.

— Ладно уж, постараюсь. Теперь слушай: в номере, который твоя секретарша сняла для Джамили в «Дурбаре», мы уже установили микрофоны. Завтра отрядим туда наших самых надежных сотрудников. Действуй, как договорились, но не бери на себя больше положенного, не верши правосудие самочинно...

Я обещал быть пайной и повесил трубку. И тут только вспомнил про нераспечатанное письмо Килиши. Устроившись поудобней в кресле, я вскрыл конверт и развернул листок, исписанный аккуратным, убористым почерком.

Глава тринадцатая

Джамиля, конечно, удивится, отчего я сам не встречаю ее в аэропорту, а перепоручил это чужим людям. Но еще больше удивит ее то, что я поместил ее в отеле, а не у себя дома, куда ей вскоре предстоит войти хозяйкой. Я представлял себе ее милое, чуть удлиненное лицо, омраченное неподдельным недоумением: в чем причина такого более чем прохладного приема.

На следующий день, с самого утра и до сумерек, я про-

работал в редакции; лишь однажды прервался, чтобы позвонить инспектору Кабиру и осведомиться, все ли в порядке и как продвигаются наши дела.

Он заверил меня, что для беспокойства нет причин, и я снова с головой ушел в работу.

Около половины восьмого зазвонил телефон, в редакции к тому времени оставались лишь Нгози и я, другие сотрудники уже разошлись. На все мои предложения отправиться домой Нгози отвечала глухим молчанием, и я понял, что она намерена ехать вместе со мной в отель «Дурбар», когда придет время.

Наконец раздался телефонный звонок, мы посмотрели на дребезжащий аппарат и переглянулись.

Я поднял трубку.

— Тахир Хусейн, редактор ежемесячника «Арева», слушает.

— Говорит Сама, я звоню из отеля «Дурбар».

Мои зрачки сузились, и Нгози в нетерпении сжала кулачки. Сама — это водитель, которому я поручил отвезти Джамилу из аэропорта в гостиницу. Он должен был позвонить, как только моя невеста поднимется к себе в номер.

— Все в порядке, сэр.

Я поблагодарил его и повесил трубку.

— Ну? — нетерпеливо спросила Нгози.

Я улыбнулся.

— Джамилу в гостинице, цела и невредима. Перестань нервничать и приготовься к финалу.

В отеле «Дурбар», как всегда по вечерам, царила суета, в вестибюле слонялись праздные посетители. Трудно было поверить, что каждый их шаг, каждое движение фиксируется полицейскими. Так вдумчивый ученый наблюдает за редкой бактерией в микроскоп. И мое появление тоже не осталось незамеченным, а то, что самих сыщиков не видно, так это прекрасно! Я с трудом нашел свободное место на гостиничной стоянке и не удивился, обнаружив невдалеке «мерседес» с регистрационным номером «ХК-865». В ту памятную ночь его владелец успел удрать, но сегодня ему не выбраться из западни...

Мы велели лифтеру отвезти нас на шестой этаж. Нгози не отпускала мою руку. Я понимал, в каком она напряжении. И вот мы взмываем наверх, с каждой секундой все ближе и ближе шестой этаж, двести пятый номер, Джа-

мия... и вся честная компания. Жаль, я послушался инспектора Кабира и отделался от револьвера, который дала мне Нгози. Пусть он не стреляет, зато испугать может.

Дверцы лифта растворились, и мы вышли. В ярко освещенном коридоре было четверо мужчин. Двое, в униформе, старательно чистили дорожку грохочущими пылесосами; третий, в светлом костюме, сидя на стуле у запасного выхода, читал газету. Четвертый, в одной майке, несмотря на декабрь, нежился в кресле со стаканом пива в руке. Неужто все они — секретные агенты?

Ни один из них как будто не обратил на нас внимания, и мы направились к двухсот пятому номеру. В ответ на мой стук дверь бесшумно распахнулась, я сделал глубокий вдох и шагнул в полумрак слабо освещенной комнаты! Главное, мелькнуло у меня в голове, чтобы в такой решающий момент нервы не подвели!

Хотя я давно готовил себя к этой сцене, не раз мысленно ее репетировал, открывшееся моему взору зрелище показалось мне абсолютно неправдоподобным. Альхаджи Абдулла развалился в кресле, на маленьком столике перед ним — стакан воды. Рядом — Като, подручный покойного Сабо, железной хваткой сжавший руку Джамили. На лице Джамили слезы. Еще один тип, пониже Като, раньше я его не встречал, караулил у двери. Едва мы с Нгози вошли, он снова запер ее на замок.

Взгляд мой, в мгновение охватив всю эту сцену, остановился на Като.

— Давно не видались, Като, а я так ждал новой встречи!

Альхаджи Абдулла непринужденно улыбнулся и открыл было рот, но тут раздался крик Джамили:

— Тахир, скажи им, чтобы они не мучали меня! Спаси, Тахир!

Вырываясь из рук Като, она забилась, как в силках. Нгози судорожно сглотнула и еще сильнее вцепилась в меня.

Я сжал кулаки и пошел на бандита, но чьи-то пальцы сомкнулись у меня на шее и потащили назад. Это был тот ублюдок, что караулил дверь. Ну и силища!

— Отпусти девушку, Като! — приказал Альхаджи, даже не шевельнувшись в кресле.

Като с явной неохотой повиновался, и Джамиля, всхлипывая, упала в мои объятия.

— Добро пожаловать, сынок, милости просим! —

продолжал Альхаджи со слащавой улыбкой.— Твоя подруга приняла нас за злодеев. Но теперь ты здесь, так что сам скажи ей, кто мы такие, утешь бедняжку. Я буду счастлив принять в лоно семьи также и дочь, по-отечески заботиться о ней, как я забочусь о тебе. Бедное дитя! Она не понимает, что эта жалкая бумажка, квитанция от сейфа,— вещь опасная, как гадюка. Чем скорее она от нее избавится, тем лучше.— Он зашелся отвратительным хохотом.— Ну же, сынок, представь меня своей невесте.

— Вы и в самом деле хотите, чтобы я сказал, кто вы такой? — как бы невзначай переспросил я Альхаджи.

На какую-то долю секунды его зрачки сузились, и снова ханжеская улыбка, еще недавно казавшаяся мне такой искренней и сердечной, заиграла на старческом лице.

— Почему бы и нет, Тахир? Конечно, скажи, мой мальчик. Надо поскорей успокоить несчастную девочку. Ведь я прекрасно понимаю, как ей сейчас трудно. Брат умер и...

— Так я скажу ей, Альхаджи! — И, обхватив голову Джамили руками, чтобы взглянуть ей прямо в глаза, я произнес: — Послушай меня, дорогая. Это Альхаджи Абдулла, убийца твоего брата! Теперь он явился сюда за квитанцией от сейфа и не остановится ни перед чем, лишь бы ее заполучить...

Альхаджи дернул головой, точно укушенный скорпионом. Нгози коротко вскрикнула и навалилась на меня всей своей тяжестью. Джамили на миг окаменела, ее пальцы на моем плече разжались, и, если б я не поддержал ее, она бы рухнула на пол. Като метнулся ко мне. Я не успел увернуться, и его кулак угодил мне в лицо. Мы все трое попятились, но сумели устоять на ногах. Тот, что караулил у дверей, потащил Нгози в сторону, и, прежде чем я сумел сообразить, что к чему, Джамили снова оказалась в руках Като. Она иступленно билась, царапалась, но где ей было совладать с таким громилой.

Приложив руку к разбитому рту, я повернулся к Альхаджи Абдулле, понимая, что сопротивляться бессмысленно — мне не справиться с тремя...

— Почему ты говоришь такие страшные вещи, сынок? — свистящим шепотом спросил старец, в глазах его зажегся мрачный огонь, который раньше мне видеть не доводилось.

— У меня есть все доказательства,— парировал я.—

И Веру убили по вашему приказу. А потом вы собственно-ручно пристрелили Сабо.

— Да ты с ума сошел! Или выпил лишнего.

— Я все про вас знал еще до того, как прочел письмо Килиши. А уж в нем-то подробно описаны ваши грязные махинации.

Лицо Альхаджи посерело.

— Килиши,— повторил он недоверчиво и трясущейся пятерней ухватил стакан с водой. Отпив немного, он откинулся на спинку кресла, и на губах его снова заиграла улыбка, только глаза были совсем не веселые.

— Допустим даже, что это правда, хотя на самом деле это клевета. Как ты сможешь доказать свою правоту?

Голос его снова сделался спокойным и уверенным.

Я медленно подошел к ведущей на балкон застекленной двери, поглядел с высоты шестого этажа на вечерний город, потом резко повернулся к нему.

— Хотите услышать из моих уст про ваши «подвиги»?

Абдулла пожал плечами.

— Отчего же не послушать? Любопытно, тем более что все равно квитанция от сейфа, можно сказать, у меня в кармане.

— Тогда начну с самого начала — с того, как ваши прихвостни убили Фарука.

Все в комнате молчали, я заговорил размеренно и внятно, помня об установленных в номере микрофонах, о том, что каждое мое слово записывается на пленку.

— Если бы не Килиши, ваша любовница, я бы до сих пор не знал содержания того письма, которое перехватил Фарук. Вы уже нажили состояние адвокатской практикой, Альхаджи, но, как все богачи, не могли остановиться. Вам все казалось мало, хотелось заграбастывать еще и еще. И тогда вы придумали способ нажить миллионы без особых хлопот: основать гигантскую компанию «Транс-Африка лимитед» с отделениями едва ли не в каждой стране континента. Огромное предприятие — одному бы вам такую махину не поднять. Вы пытались получить кредит в своем банке, но там вам отказали, потому что запросили вы неслыханную сумму. С правительственными ведомствами вам тоже не удалось сговориться. Тогда-то вам и пришла в голову идея — обратиться к южноафриканцам. Вы предложили, что будете шпионить на них в обмен на тайное финансовое партнерство в вашем пред-

приятии. Они согласились, и вы стали их секретным агентом. Когда предоставляется возможность, вы направляетесь в Преторию важную информацию военного и политического характера — словом, продаете родину оптом и в розницу. — Я сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух. — Ну как, я правильно излагаю?

Альхаджи молчал, только глаза его налились кровью от ненависти.

— Когда все бизнесмены и фирмы, имевшие контакты с режимом Претории, были строго-настрого предупреждены о последствиях своих незаконных действий, об ответственности перед законом, когда вы прослышали, что полиции поручено составить список тех, кто торгует с ЮАР, вы в полной мере осознали грозящую вам опасность. Еще бы! Ведь, помимо всего прочего, вы еще «продавали» и информацию. И тогда вы организовали налет на инспектора Нура, он был жестоко избит, а бумаги в его кабинете уничтожены. Однако списка, который вас интересовал, среди них не оказалось. И тут Фарук оказывается вовлеченным в эту историю. Должен признать, мне до сих пор не ясно, как именно это произошло. Может, вы сообразовали мне это позднее объяснить. Фарук вылетел в Лагос, где имел встречу с инспектором Нуром. Это было, понятно, еще до того, как Нура отправили в Европу. Не знаю, о чем они говорили, но, очевидно, содержание их беседы имело непосредственное отношение к вам. Из Лагоса Фарук полетел в Кано, где по поручению инспектора ему удалось перехватить адресованный вам пакет. В нем из Претории переслали назад годовой финансовый отчет о деятельности «Транс-Африка лимитед», который вы им отправили для корректировки. Я бы не удивился, узнав, что в их ответе содержались также инструкции иного характера — раздобыть интересующие их сведения о тех или иных аспектах нигерийской жизни... Можно представить, как обрадовался Фарук своей находке. Естественно, он тут же позвонил из Кано инспектору Нуру, чтобы рассказать о ней. Откуда ему было знать, что вы подслушиваете разговоры по этой сугубо секретной линии связи! Выяснив таким образом, что письмо у Фарука, вы подослали к нему Веру Нэш, чтобы она выудила у него нужный документ. Но в этом был и ваш просчет: не следовало поручать столь деликатное задание Вере. Она действовала столь неловко, непрофессионально, что очень скоро дала понять Фаруку, какая опасность ему угрожает, и он вовремя отреагировал, предпри-

няв весьма разумный ход. Этого никто из вас не ожидал — вы были уверены, что он уступит под натиском Веры. Фарук перехитрил вас. Он не только ничего не открыл Вере, но поспешил спрятать документ в надежном месте — в одном из сейфов, что установлены в зале для транзитных пассажиров. Когда же Вера сообщила, что ей не удалось выполнить ваше задание, вы приказали схватить Фарука и подвергнуть его допросу с пристрастием. Однако и это ничего не дало — документ вы так и не заполучили. Но теперь Фарук уже знал вас в лицо и стал, естественно, чрезвычайно опасен. И по вашему приказу его отравили, а затем инсценировали уличную расправу над ним. Сработано ловко, вы, наверно, гордились своей изобретательностью?

— Ты ничего не сможешь доказать! — завопил Альхаджи Абдулла, тыча в меня пальцем.

Я злорадно улыбнулся — мне нравилось его страшить.

— Но и это еще не все, Альхаджи. Дослушайте до конца, не перебивайте. Вы решили, что Фарук, почуяв недоброе, отошлет документ мне, но и тут он вас перехитрил. Он знал, что вы так подумаете, и поступил иначе, отправив квитанцию сестре в Сьерра-Леоне. Он хотел, чтобы я имел свободу действий на тот случай, если мне придется начать единоборство с вами, заменив его. Фарук предчувствовал уже, что ему не вырваться живым из ваших тисков. — Я перевел дух. — Убийство Фарука — одно из самых страшных ваших злодеяний. Как бы я хотел, чтобы он был сейчас здесь, рядом со мной!..

От волнения, переполнившего меня, я замолчал и не сразу смог снова заговорить.

— Ну а что касается Сабо, ему вы отвели роль непосредственного исполнителя вашей зловещей авантюры — чтобы самому не замарать рук. Никто вас никогда ни в чем не заподозрил бы! И в самом деле, надо быть совершенным безумцем, чтобы подозревать в столь ужасающих преступлениях богобоязненного старца-бизнесмена из Фунтуа, щедро занимающегося благотворительностью, раздающего нуждающимся студентам стипендии... Итак, решив, что Фарук переправил документ своему другу и компаньону, вы звоните мне и делаете совершенно фантастическое предложение. Расчет ваш был точен. Отказа быть не могло — и не только потому, что мы земляки. Я ведь и вправду относился к вам как к отцу родному. Однако за вашим предложением скрывалась лишь

одна цель: установить, нет ли у меня избочающей вас бумаж. Вы поручили мне расследовать деятельность несуществующей подпольной организации «Крестоносцы» и приставили ко мне Килиши, чтобы она сообщала вам обо всех моих планах и действиях, а также вызнала то, что вас интересовало больше всего на свете: тайну, которую Фарук унес с собой в могилу. Это вы придумали спектакль в аэропорту, и Сабо прекрасно сыграл свою роль, выставив меня круглым дураком. Мне бы тогда же смекнуть: дело нечисто. Но нет, я ничего не заподозрил. Однако здесь вы допустили оплошность, и мне кое-что стало ясно, правда не сразу. Сабо переусердствовал, требуя от меня не работать на вас, это навело меня впервые на мысль, что вы с ним заодно.

Альхаджи со свистом вдохнул воздух и искоса зыркнул на Като.

— Решив расследовать до конца обстоятельства гибели Фарука, я не без вашей помощи проник в клуб «Козырный туз», где на моих глазах была убита Вера Нэш.— Огромным усилием воли я сдерживал волнение, старался говорить спокойно.— Кто знал про то, что я буду в клубе? Только вы, Нгози и Килиши. Лишь Вера заговорила, как вы заставили ее навеки замолчать. Вы рассчитывали, что я не встречу ее, поскольку она должна была еще утром улететь в Нью-Йорк. И все же велели своим головорезам следовать за мной в клуб. Увидев меня с американкой, они убрали столь опасную для вас свидетельницу. Меня же в дальнейшем шантажировали фотографиями.

Затем я сообщил Килиши, что собираюсь нанести визит Сабо и вырвать у него признание. Едва мы с ней расстались, она поспешила предупредить вас о новой опасности. Времени было в обрез, и вы вынуждены были сами отправиться к Сабо и всадить в него очередь — он уже звонил в полицию, чтобы во всем сознаться... Только не следовало вам ехать туда в «мерседесе», Альхаджи. Эта машина слишком бросается в глаза; вот когда развеялись мои последние сомнения относительно вашей истинной роли.

Альхаджи смотрел на меня с безумной яростью, но все еще молчал.

— И Килиши нечего было вовлекать в подобные мерзости. Молодой женщине стало совестно участвовать в столь неприглядных делах. Она бежала из Кано, оставив мне письмо, в котором подробно рассказано о ваших с

ней отношениях — никакая она вам не племянница! — о том, какие задания вы ей давали. Еще до того, как прочесть письмо, я знал, что наш решающий разговор произойдет здесь, в отеле, и начал готовиться к нему. С этой целью я рассказал вам о письме от Джамали, о ее приезде и о том, что ей заказан номер в «Дурбаре». Я был уверен, что вы ринетесь в ловушку — ради квитанции от сейфа! Ну так вот, Альхаджи, вам ее не видать как своих ушей! Правосудие свершится. Уже установлено, что Фарука отравили огромной дозой стрихнина, поэтому созданная вами «неопровержимая» версия его гибели отпала.

Я остановился, чтобы понаблюдать его реакцию. Пот ручьями струился по его лицу. Его словно подменили: куда девался прежний добряк Абдулла? Он вырвал правую руку из складок своей широкой одежды, и в ней блеснул автоматический револьвер с коротким стволом.

— Ты еще младенец, Тахир, безмозглый сосунок. — Он силился говорить уверенно и спокойно. — Есть ли у меня деловое партнерство с Преторией или нет, это ничего не меняет. Может, ты не знаешь, но я происхожу из очень бедной семьи. Мы буквально нищенствовали в Фунтуа. В молодости мне пришлось снести множество унижений, о которых и вспоминать не хочется. И когда я наконец вкусил плодов успеха, то поклялся, что не скачусь опять в трясину нищеты, удержусь на гребне волны — любой ценой! Я хотел и землякам своим помочь, чтобы избавить их от лишений, выпавших когда-то на мою долю. С этой целью я учредил школьный фонд Абдуллы. А ты еще смеешь называть меня дьяволом, чудовищем! Заруби себе на носу: я и впредь буду сотрудничать с юаровцами — да хоть с самим чертом! — лишь бы это приносило средства мне и моим землякам. И ни один тугоголовый идеалист и ханжа не сможет мне помешать.

Он помахал револьвером, по-волчьи ощерился.

— Тахир, думаешь, ты очень умный? Да ты еще дитя несмышленое. Признаюсь, это я распорядился убрать Фарука, потому что он отказался со мной сотрудничать. Вера сама подписала свой приговор: измена карается смертью! И Сабо хорош — не подоспей я вовремя, этот трусливый бандит отправил бы меня на виселицу. — Он зловеще улыбнулся. — Да и теперь, Тахир, мне ничего не стоит пустить тебе пулю в лоб, если ты не будешь пайныкой. Никто не знает, что я здесь. На мое имя снят соседний,

двести шестой, номер, между обеими комнатами есть дверь, через нее-то мы сюда и попали. Замок оказался простенький, для моих молодцов это пустяк. А револьвер с глушителем... Тахир, вели своей подружке отдать квитанцию, или пусть скажет, где она, и мы расстанемся с миром.

Подслушивающие устройства, конечно же, улавливали каждое его слово, но удастся ли нам выбраться отсюда подобру-поздорову?

— Не надейтесь, Альхаджи Абдулла, что и на сей раз выйдете сухим из воды,— сказал я для того лишь, чтобы выиграть время. Черт возьми, где же инспектор Кабир со своими людьми? Чего они ждут — самое время им появиться на сцене! Мне не доставляло удовольствия смотреть в жутковато темнеющее дуло револьвера. Раздался характерный щелчок — Альхаджи спустил предохранитель. Женщины охнули, а Като загоготал.

— Эта девчонка такая же упрямая, как ее брат. Тахир, скажи ей, пусть отдаст квитанцию, да поживее!

Я лихорадочно соображал: до Альхаджи метра полтора. Если неожиданно наброситься, может, и удастся его обезоружить... Старик на миг отвел глаза, удовлетворенно взглянул на перепуганное, заплаканное лицо Джамили, и я воспользовался этим. Револьвер едва не стукнулся о потолок, в отчаянном прыжке я поймал его. Альхаджи опрокинулся с кресла на пол, застонал, грубо выругался.

Я наставил револьвер на бандитов, но от удара Като рухнул на пол, выпустив оружие из рук. Он подбежал ко мне и начал бить куда попало. Я пнул ногой ему в пах, и Като закричал, но все же ухватил меня за ворот рубахи, оторвал от пола и, ругаясь последними словами, заехал мне коленом в живот. Я скорчился в три погибели, а когда очухался, Като стоял надо мной с полицейским наганом тридцать пятого калибра.

Альхаджи, еще не оправившийся до конца, но уже на ногах, приказал:

— Като, иди сюда и сторожи секретаршу. Если Джамили не отдаст сейчас же квитанцию, ты пристрелишь Нгози.

Мерзавец сгреб в охапку Нгози и, сунув ей в рот носовой платок, приставил к виску дуло.

— Считаю до пяти! — объявил Альхаджи Абдулла, подобрав свой револьвер с пола. — При счете пять стреляй, Като!

Бандит кивнул и спустил предохранитель. Нгози стиснула ладони, взгляд ее помертвел. Коротышка схватил Джамилю. Мы были беспомощны против них.

— Раз! — негромко произнес Альхаджи, и в комнате воцарилась зловещая тишина. — Два! — Напряжение возросло. — Три! — изрек Альхаджи, и снова тишина, тугая, как натянутая струна. — Четыре!

— Остановитесь! — воскликнули мы с Джамилей одновременно.

И в тот же миг дверь, ведущая в двести шестой номер, распахнулась и на пороге возник инспектор Кабир с одним из тех парней, которых я видел в коридоре. У обоих были наготове пистолеты.

Като мгновенно повернулся к ним, но, прежде чем он успел нажать на спусковой крючок, его пронзила пуля, выпущенная инспектором Кабиром. Като пошатнулся и с глухим стуком упал навзничь. Кровь закапала из раны в груди на ковер.

Альхаджи Абдулла, стоявший невдалеке от меня, застыл в шоке. Я воспользовался этим и выбил револьвер из его трясущихся рук.

Альхаджи понял, что сопротивление бесполезно. Он попятился к стене, затравленно поглядывая то на меня, то на инспектора Кабира, который медленно шел на него, наставив револьвер.

Ни на миг не выпуская нас из поля зрения, Альхаджи добрался до огромных окон, распахнул одно из них и тут замешкался, озираясь. В его взгляде я прочел ненависть и проклятье. Инспектор Кабир что-то закричал, устремился к Альхаджи, но я преградил ему дорогу. Как ни странно, в этот момент я испытывал жалость к старику. И еще странное, безотчетное чувство вины.

Вид у Альхаджи был мерзкий, отталкивающий. Чертыхнувшись, он вдруг с удивительной для его лет и комплекции ловкостью взобрался на подоконник. Лицо его сделалось неподвижным — застыло в смертельной решимости. Еще секунда — и он уже летел с шестого этажа вниз, его белое одеяние тянулось за ним, как парашют.

Если он и крикнул в последний миг, мы не могли услышать его, потому что все звуки заглушил протяжный вой полицейской сирены. На мой взгляд, старик распорядился собой правильно, в его положении это был единственный выход.

Потом, когда все мы немного пришли в себя, нас отвезли в полицейское управление Кадуны, Джамиля передала представителям закона драгоценную квитанцию, а мне пришлось ответить на множество вопросов. У меня забрали также письмо Килиши, в котором она изобличала Абдуллу. Никто не знал, где она теперь. Страшно было подумать, каково бедняжке придется, когда полиция ее задержит. Увы, в протоколах следствия она фигурировала как сообщница Альхаджи и его банды.

Два дня спустя меня еще раз вызвали в полицию, после чего обещали оставить в покое. И тут открылась одна поразительная подробность: оказывается, Фарук давно догадывался о тайных махинациях Альхаджи Абдуллы и принимал участие в расследовании, начатом Национальным управлением безопасности. Он был связан словом и не мог до поры посвятить меня в это дело, в конце концов стоившее ему жизни.

Взамен «пежо», полученного от Альхаджи, мне перегнали из Кано моего «жучка» — выдавший виды «фольксваген», и я повез Джамилю к своим родителям в Фунтуа, с которыми она виделась дважды. Мы ехали и говорили обо всем, и Джамиля сказала, что готова оставить колледж, вернуться на родину и занять место Фарука в журнале «Арева». Я ответил, что согласен с этим предложением, однако при одном условии.

— Что же это за условие? — спросила она с любопытством.

Я затормозил, привлек ее к себе и вручил ей обручальное кольцо и два больших ореха кола. Намек был более чем прозрачен. Джамиля пришла в неописуемый восторг.

— А я-то все гадала, когда же ты решишься на такой отчаянный шаг, когда наконец назовешь день свадьбы?! — шуточно отчитала она меня.

— Только должен тебя предупредить насчет моей пагубной склонности... — нарочито серьезно сказал я.

— Какой еще склонности?

— Иногда меня охватывает неодолимое желание поколлотить свою будущую супругу!

— Какое совпадение! У меня, вообрази, та же странность.

Мы расхохотались и крепко обнялись, к вящему удовольствию любопытных водителей и пассажиров проезжавших мимо машин.

Впервые с тех пор, как Джамиля прилетела в Кадуну, она смеялась — звонко и счастливо! Еще она сказала, что ее отец сразу выздоровеет, как только узнает о предстоящей свадьбе.

Через несколько дней мы весело встретили Новый год, несказанно радуясь тому, что ушел в прошлое этот мрачный декабрь, навсегда канул в Лету...

Филип Фил-Эбози

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

Philip Phil-Ebosie

Dead of Night

© Philip Phil-Ebosie 1983

Перевод *М. Вольне*

Прохладный ветерок на широком пролете эстакады — в последние годы их построили несколько на материковой части города — навевал сон. Два часа ночи. Движение транспорта, словно выдохшись за день, почти замерло. Лишь иногда прошуршит шинами несущийся по пустынным улицам автомобиль да издали донесется вой полицейской сирены. Благоразумные обыватели не рискуют покидать свои дома в эту зловещую пору, когда в Лагосе хозяйничают банды грабителей.

Трое полицейских стояли на эстакаде, тускло освещенной редкими фонарями. Они держались у парапета, там потемнее — нечего торчать на виду, мало ли что. Скорей бы конец дежурства. Шутка ли — почти сутки на ногах! За день так намаешься, что не чаешь, как до дому добраться. Сержант, коренастый мужчина средних лет, положил винтовку на асфальт, присел на корточки и закурил. Огонек его сигареты слабо мерцал в темноте.

— Подождем еще чуток — и шабаш! — буркнул он, лениво затянувшись. — Сколько можно вкалывать за здорово живешь?

Оба молодых полицейских ухмыльнулись. Сержант прав: работа адова, а платят за нее шиш. Если бы не побои с частников, то ноги протянешь. У многодетного сержанта было десять лет выслуги, а жалованье — всего две сотни в месяц.

— Много у нас там сегодня? — Сержант выпустил из ноздрей струйки табачного дыма и посмотрел на констебля Дилибу.

Тот вынул из кармана скомканные бумажки. Этот долговязый девятнадцатилетний парень всего два месяца как из полицейской школы, а уже успел освоиться на службе. С ним в наряде легко.

— Двадцать девять найр пятьдесят кобо. — Дилибу подсчитал выручку, подсвечивая себе карманным фонариком.

— Ого, неплохо! — удовлетворенно крикнул сержант. — По девять найр на брата. — Он мгновенно вычислил, что лишние два пятьдесят достанутся ему. Зря, что ли, он старший?

Вдали ярким светом мигнули фары приближающейся легковушки. Сержант отшвырнул окурок и выжидательно замер. Дилибу, отойдя от парапета, энергично замахал зажженным фонариком. Машина — «пежо» мышиного цвета — остановилась, едва не уткнувшись бампером в полицейского. Дилибу посветил в салон. То, что он увидел, ему вовсе не понравилось. В машине сидели пятеро мужчин — подозрительные типы, с такими ухо держи востро. Они угрюмо молчали.

— Проверка. Попрошу открыть багажник. — Дилибу напустил на себя официальный вид, чтобы скрыть волнение. За недолгую свою службу ему уже довелось попадать в опасные переделки. Бандитов он побаивался, но хорошо помнил заповедь, которую любил повторять сержант: при любых обстоятельствах сохраняй невозмутимость, иначе — крышка.

Здоровенный парень с обезьяньей челюстью и низким лбом, сидевший за рулем, вынул ключ из замка зажигания.

— На, смотри сам, если охота, — процедил он сквозь зубы.

Дилибу не торопясь обошел машину спереди. В багажнике, как и следовало ожидать, ничего особенного не оказалось — только запаска и набор инструментов в кожаной сумке. Он не спеша захлопнул багажник и как бы с ленцой — мол, я на службе, мне спешить некуда — вернулся к дверце водителя. Там уже был сержант. Третий полицейский стоял чуть поодаль, сжимая в руках винтовку.

Мужчина в черном пиджаке, сидевший на заднем сиденье, говорил в приспущенное окно, обращаясь к сержанту:

— Послушай, браток. Тебе что, больше всех надо? Стоит ли рисковать головой за гроши? Лучше возьми это.

Пачка денег легла на загрубелую ладонь сержанта — на ощупь никак не меньше пятидесяти найр.

— Бери-бери, не стесняйся! Поди осточертело торчать здесь всю ночь? — добавил мужчина, подмигнув. Он держался очень уверенно, наверное, это был босс. Никто из его спутников не проронил больше ни слова.

— И то верно, дружище, — согласился сержант, пряча деньги. Увесистая пачка приятно оттягивала карман брюк.

Ему не хотелось связываться с этими парнями: пятеро, наверняка вооружены — нет, незачем искушать судьбу. По всему видно: тертые калачи. Ишь сколько отвалили!

Начнешь артачиться — чего доброго, нарвешься на пулю. Что тогда будет с семьей? По миру пойдут...

— Ладно, проезжайте.— Сержант шагнул с дороги и миролюбиво ухмыльнулся. Полученные деньги привели его в хорошее расположение духа.

— Кстати, служивый,— напоследок произнес мужчина в пиджаке,— через полчаса мы обратно поедem. Так ты уж будь добр, отдохни со своими ребятами где-нибудь в сторонке.

Сержант только махнул рукой. Взревев мотором, «пежо» скрылся в направлении Идумабго.

— Пошли отсюда от греха подальше,— сказал сержант подчиненным.

— Смотри, шеф, еще кого-то нелегкая несет,— остановил его Дилибу, указывая в дальний конец эстакады.

Там копошился какой-то допотопный драндулет. Его двигатель надрывно, по-стариковски кашлял. Одному богу было известно, как эта развалина не рассыпается на ходу. Казалось, она собрана из металлического лома. По сигналу Дилибу водитель послушно остановился. Драндулет обиженно заурчал.

— Ну и шуму от твоей колымаги, приятель,— без лишних церемоний начал сержант.— Мы даже испугались, не землетрясение ли. Слушай, у тебя для нас ничего не найдется?

Владелец драндулета, порывшись в карманах, вынул одну найру:

— Вот, возьми на сигареты. К сожалению, больше дать не могу.

Похоже, он действительно отдавал последнее.

— И на том спасибо. Проезжай. Смотри не нарвись на грабителей. Сидел бы дома в такую пору.

— На мою старушку никто не позарится,— водитель ласково погладил обшарпанную баранку.— С меня много не возьмешь. Чего бояться? — добродушно ответил он.

«Ну-ну,— сержант проводил взглядом отъезжавший драндулет.— А вот и еще один полуночник. Не спится же людям!»

На этот раз у полицейского кордона притормозил шикарный «форд» новейшей модели. Мужчина в богато отделанной кружевами абаде приспустил боковое стекло и вопрошающе смотрел на полицейских. Рядом с ним сидела элегантно одетая молодая женщина. «Ишь какой холеный. И жена красотка. Видать, большая шишка. Ну, голубчик, сейчас мы тебя общиплем»,— сержант едва за-

метно кивнул Дилибу, который, осклабившись в предвкушении потехи, стал демонстративно поигрывать винтовкой, перебрасывая ее с одной руки на другую.

Когда сержант наклонился к водителю, в нос ему ударил резкий запах спиртного.

— Попрошу ваши права!

«Шишка» с важным видом включил свет в салоне и стал рыться в бардачке — обычная уловка разъезжающих без прав частников. На что-нибудь пооригинальнее выдумки не хватает. Даже скучно. Сержант едва сдержался, чтобы не зевнуть.

— Гм, я, кажется, забыл права дома, — тем временем произнес незадачливый автомобилист.

— Как так забыли? — с наигранным удивлением сказал сержант. — Небось с вечеринки возвращаетесь?

— А вам какое дело?

— Да так. Значит, повеселились? А вот мы здесь с утра. Между прочим, ради вашей же безопасности. Разве мы не заслуживаем благодарности, а?

Намек прозвучал совершенно недвусмысленно.

— Вы не имеете права заниматься вымогательством. Я жаловаться буду! — возмутился владелец «форда».

«Ладно, посмотрим, как ты сейчас у меня запоешь, скряга!» — мысленно выругался сержант, смерив «шишку» презрительным взглядом. Господин был благородной наружности — дородный, с заметно выпирающим брюшком, на пальцах поблескивали два перстня, на шее из-под распахнутого ворота агбады выбилась золотая цепочка.

— Откройте багажник!

«Шишка» нехотя подчинился. Пока он в сопровождении Дилибу и третьего полицейского возился с багажником, никак не попадая ключом в замок, сержант осмотрел салон автомобиля. Придаться было не к чему. Женщина, накупившись, хранила молчание.

— Лучше бы бандитов ловили, — ворчал «шишка». Кроме хлама, в багажнике ничего не оказалось.

— Поставьте машину у обочины и отправляйтесь за документами. Без них я вам машину не отдам, — выложил сержант свою козырную карту.

— Вы с ума сошли! Я живу в Апале. Пешком туда идти, что ли? Сейчас такси не поймаете.

— Меня это не касается. У вас должны быть при себе документы на машину.

— Ах так! Не касается... — «Шишка» сердито хлопнул дверцей. — Не на того напали. Я не тронусь с места, хотя

бы мне пришлось заночевать здесь. Ни кобо от меня не получите.

Он сложил руки на груди и заерзал на сиденье, устраиваясь поудобнее, будто в самом деле решил провести остаток ночи в машине. Его спутница изобразила на лице недовольную мину.

— Не упрямясь, дорогой. Дай им на чай, и поедem. Я ужасно хочу спать.

— Ни кобо!

Женщина обиженно отвернулась. Сержант несколько не сомневался, что через несколько минут она непременно заставит прижимистого господина раскошелиться. Жены умеют настоять на своем, если им этого очень захочется. Тем временем «шишка» заглушил мотор и выключил свет в салоне. Сержант отошел в сторонку — пусть поговорят. По всему было видно, что он решил стоять на своем. Дилибу тронул его за плечо.

— Не связывайтесь вы с этим жмотом, шеф. Пусть подавится своей пятеркой. Скоро появятся те парни, может, пойдем?

Сержант посмотрел на часы и от досады скрипнул зубами. Эх, жаль, черт возьми! Время поджигает. Он не сомневался, что рано или поздно толстый скупердяй пошел бы на попятную. Ну да ладно, авось еще доведется встретиться. Тогда разговор будет другой.

Сержант постучал указательным пальцем по ветровому стеклу «форда».

— Так и быть, ога¹, поезжайте. Жалко мне вашу даму. Москиты ее заедят.— Сержант скабрeзно ухмыльнулся.— Смотрите, в следующий раз не забывайте документы, отправляясь на вечеринку.

— Обойдусь без нравoчений,— фыркнул господин. Повернувшись к женщине, он громко сказал: — Я же говорил, дорогая. Полицейские нынче совсем распустились. Не следует поощрять вымогателей.

Женщина капризно надула губы.

Спустя мгновение «форд» скрылся за поворотом на Идумабго — лишь тревожным красным светом вспыхнули хвостовые фонари.

Ветер усилился, с моря потянуло сыростью. Зябко поживаясь, шуря слипавшиеся от усталости глаза, трое полицейских пошли под эстакаду. Скоро утро, а там долгожданный отдых. Кто скажет, что они его не заслужили?

---

¹ Ога — при обращении: «господин».

Между тем «форд» остановили еще раз. Пятеро бандитов не вступали ни в какие переговоры.

— Вылезай, живо! — Фэкто, главарь банды, распахнул дверцу и ткнул перепуганного господина в агбаде дулом пистолета под ребра.— Деньги!

«Шишка» выудил из складок агбады пухлый бумажник. Он и не думал сопротивляться. Фэкто удовлетворенно хмыкнул:

— Молодец, послушный дядя. Стой смирно, не то... Эй, скоро вы там? — крикнул он сообщникам.

Те грубо вытолкнули женщину из машины.

— Пощадите! Я вам все отдам. Не убивайте меня! — причитала она, дрожащими руками снимая с себя украшения.

— Замолчи ты! — Один из налетчиков наотмашь ударил ее по лицу. Потом сорвал с ушей серьги. Женщина вскрикнула от боли, из разбитой губы потекла кровь. Не давая ей опомниться, другой бандит стягивал с ее пальцев кольца.

— Не трогайте ее,— подал голос мужчина и тут же согнулся от удара по печени.

Фэкто дернул за цепочку, висевшую на шее мужчины.

На заднем сиденье «форда» лежала сумочка.

— Ого, триста найр,— присвистнул кто-то.

Не прошло и минуты, как все кончилось. Убедившись, что взять больше нечего, бандиты бросились к стоявшему неподалеку «пежо».

— Гони обратно,— велел Фэкто сидевшему за рулем дылде с обезьяньей челюстью.— Надеюсь, на эстакаде нас никто не поджидает.

Взвизгнув шинами, машина сорвалась с места.

Владелец «форда» обессиленно опустил на сиденье своего автомобиля. Женщина, обхватив голову руками, тихонько всхлипывала рядом...

Глава 2

Лагос просыпается рано. В шесть утра торговцы открывают свои лавки, по тротуарам, на которых с каждой минутой становится все оживленнее, шныряют разносчики мелкого товара. Неуклюжие автобусы прокладывают себе путь по запруженным транспортом улицам, таксисты охотятся за пассажирами. Каждый день, ровно в шесть двад-

цать пять, на улице Илабере раздается треск мотоциклетного мотора. Почтальон развозит утренние газеты. День начинается.

25 марта 1975 года Мерси Окон, миловидная тридцатилетняя женщина, вышла на крыльцо своего дома и заглянула в почтовый ящик. Вернувшись в комнату, она положила газеты на стол возле чашки с горячим чаем. Дети — шестилетний Джон и четырехлетняя Рэчел — сосредоточенно жевали.

— Ифриан, иди скорее, чай остынет. Газеты я принесла, — позвала она мужа, усаживаясь напротив детей и наливая себе чай.

— Я сейчас. Что там пишут? — донесся голос из ванной.

— А, все то же. Главное сообщение — о пожаре на Центральном рынке. Имеются жертвы... Рэчел, не балуйся! Положи ложку на блюдце. — Мерси укоризненно посмотрела на дочь. Она поджала губы и нахмурила брови, изображая на лице строгость, однако ей это плохо удалось — глаза светились любовью к ребенку.

— Вот и я. — Ифриан появился из ванной. Это был высокий худощавый мужчина, на его голове, покрытой курчавыми с проседью волосами, отчетливо обозначились залысины, отчего лоб казался очень высоким. Одна щека у него была в мыльной пене. — Ну-ка, посмотрим, что в газетах. — Он пробежал глазами по столбцам убористого текста. Не садясь, левой рукой поднес чашку к губам и сделал большой глоток. — Уф, горячо!

В молодости Ифриан Окон учительствовал в Калабаре, на самом юге Нигерии, а потом уехал в Англию, чтобы получить высшее образование. Мерси приехала к нему в Лондон через три года — в то время он писал дипломную работу. На первых порах приходилось трудно, они едва сводили концы с концами. Днем Ифриан подрабатывал, не брезгуя никакой работой. Мерси устроилась на фабрику игрушек, позднее ей удалось поступить на курсы секретарш. Когда Ифриан стал дипломированным бухгалтером, молодые супруги решили возвратиться на родину. Однако вспыхнувшая в Нигерии гражданская война на несколько лет задержала их возвращение. В Англии у них родились дети. Лишь два года назад семейство перебралось в Лагос. Ифриану повезло: подвернулась хорошая должность в частной строительной фирме. Мерси не работала, посвятив все свое время уходу за детьми и мужем. Высокий оклад Ифриана позволял жить безбедно, о чем свидетельство-

вали удобный дом, приобретенный в престижном районе города, и два автомобиля.

По радио передали сигналы точного времени.

— Боже, уже семь! А я еще не добрился...

Ифриан торопливо отхлебнул чай и заспешил в ванную. Вскоре он появился вновь, вытирая лицо полотенцем, и так же стремительно исчез в спальне. Через пару минут он снова был в столовой, уже в брюках и рубашке, пиджак натягивал на ходу.

— Джон, ты готов? — бросил он сыну.

— Да, папа, — ответил мальчик, допивая апельсиновый сок.

— Что у вас сегодня в школе?

— Мы будем репетировать пьесу.

— И я хочу репетировать, — вмешалась маленькая Рэчел.

Ифриан погладил ее по голове.

— Рэчел, малышка, допивай скорее свой сок. Опаздываем...

Мерси помогла мужу завязать галстук и, повернув его спиной, расправила воротничок рубашки.

— Чем вас угощать на обед? — спросила она.

— Рисом, рисом! — одновременно выкрикнули Джон и Рэчел. Это было их любимое кушанье.

Кивком головы Ифриан подтвердил выбор детей.

— Пожалуй, сегодня я поеду на «фольксвагене». Мне на стройку, а там сама знаешь, какие дороги. Не хочется гонять «вольво».

— Хорошо, дорогой. Только не задерживайся. Я заберу детей из школы. Эй вы, капуши, берите ранцы и марш за папой!

Джон и Рэчел выбежали из дома, весело болтая о предстоящей репетиции. Уже сидя в машине, Ифриан ощутил на себе вопросительный взгляд жены.

— Я что-то забыл?

Она засмеялась и протянула руку, словно клянча:

— Деньги.

Ифриан вынул из бумажника несколько купюр.

— Кажется, вчера я давал тебе на продукты? — напомнил он.

— Сразу видно, что ты давно не был на рынке. Цены все время растут. — Она подставила ему щеку для поцелуя.

Ведя «фольксваген» по забитым транспортом улицам, Ифриан с нежностью думал о Мерси. Повезло ему с женой. За четырнадцать лет супружества они ни разу не

поссорились. А ведь поначалу, в первые годы жизни в Англии, пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Как знать, если бы не Мерси, хватило бы у него терпения завершить образование. Ифриан улыбнулся, вспомнив, как переполошились деревенские родственники, когда он написал домой, что намерен жениться. Вдруг привезет из-за границы белую! Они живо подыскали ему невесту, и вскоре Ифриан получил фотографию Мерси. Девушка сразу понравилась ему. На фотографии она сидела на стуле, слегка склонив голову набок. Ее руки покоились на коленях. Этот снимок, наверное, сохранился среди старых фотографий. Надо будет отыскать его, решил Ифриан. Любящая жена, здоровые дети — что еще нужно мужчине для счастья?

А вот и школа. Джон и Рэчел учились в частном заведении миссис Адерети. Плата за обучение, конечно, высокая, не каждому по карману, зато внимание детям гарантировано — не то что в обычных городских школах. На школьном дворе было оживленно. Многие родители привозили детей на машинах. Школьники резвились в последние минуты перед началом уроков. Шум автомобильных двигателей, ребячьи голоса, топот ног — все сливалось в единый гул.

— Папа, дай нам немного денег на сладости, — попросил Джон. Он подал Рэчел руку и помог сестре надеть ранец. Ифриан пошарил в карманах, вынул несколько мелких монет.

— Держи. Будь послушным, сынок. Присматривай за Рэчел. Ну, бегите, а то опоздаете.

Ифриан дождался, пока дети зайдут в школьное здание, развернул машину и выехал на улицу.

Глава 3

После сводки новостей диктор сообщил: «Местное время восемь часов сорок минут». Ифриан щелкнул выключателем. Приемник умолк. Теперь приходилось смотреть в оба. Автомобилей на дороге прибавилось. То и дело слышались гудки клаксонов. Некоторые нетерпеливые водители, опасно маневрируя, перестраивались из ряда в ряд в надежде вырваться из медленно тянувшегося потока транспорта. За кинотеатром «Метро» начиналась улица, идущая параллельно Икороду-роуд. Она была уже главной магистрали, однако движение здесь было не такое напряженное. До жилого района Илупеджу транспорт двигался

по ней в два ряда. Ифриан прибавил скорости. В приоткрытое окно тугой струей врывается воздух и приятно холодило лицо. Вдоль тротуаров спешили по своим делам прохожие. Откуда-то донесся звук полицейской сирены, становившийся все громче. Удивительно, сколько в Лагосе машин со специальным сигналом — и каждой приходится уступать дорогу!

Ифриан посмотрел в зеркало заднего вида. Все было спокойно. Наверное, полицейские сопровождают инкассаторский фургон по Икороду-роуд. Хорошо бы попасть в коридор, который они оставляют за собой. Ифриан пристроился в хвост вереницы автомобилей, медленно поворачивавших на Икороду-роуд. Потянулся за сигаретой, но потом передумал — вот уже несколько дней он ограничивал себя в курении. Яркая вспышка ослепила на миг Ифриана — это был солнечный зайчик от никелированного бампера приближавшегося с другого конца улицы «ситроена». «Быстро гонит», — подумал Ифриан, притормаживая у поворота. Откуда-то справа, от обочины, вывернулась и проскочила мимо «фольксвагена» легковушка-такси. «Ситроен» чудом разминулся с ней. Водитель вывернул руль, резко нажал на тормоз и все-таки задел крылом своей машины задний бампер «фольксвагена». С визгом прочертив шинами по асфальту две жирные полосы, «ситроен» остановился ярдах в тридцати от перекрестка. Из «ситроена» выскочил мужчина в форме армейского капитана. Он был невысок ростом, полноват. Казалось, он вот-вот лопнет от злости.

Подбежав к Ифриану, капитан выкрикнул:

— Эх ты, раззява, нашел куда влезть! Не умеешь ездить, не садись за руль!

Ифриан осматривал бампер своей машины. Повреждение было незначительным: бампер лишь слегка погнулся. На нем остались следы голубой краски, которой была выкрашена машина капитана.

— Осторожнее надо ездить. Вы неслись как угорелый. Еще легко отделались.

Ифриана возмутил наглый тон капитана, но он решил не отвечать грубостью на грубость, желая избежать скандала. Однако капитан не унимался.

— Вы только посмотрите на этого остолопа! Изуродовал мою новую машину и меня же учит. Будешь платить за ремонт, — кипятился он, энергично жестикулируя.

— А кто мне возместит ущерб? — вспыхнул Ифриан. — Лихач!

Вокруг них собралась толпа. Капитан вел себя вызывающе. Военная форма придавала ему уверенности: вот еще — будет он пасовать перед каким-то гражданским хлыщом! Слава богу, у власти военные. Офицеру да не проучить штатского выскочку! Капитан поморщился, демонстрируя презрение противнику, и ядовито прошипел:

— Будь мои ребята здесь, я бы тебе показал...

В толпе зароптали. Симпатии зевак были явно не на стороне наглеца в офицерской форме.

— Вы на меня не кричите. Оставьте ваш адрес. Потом разберемся, кто кому должен заплатить — вы мне или я вам. Где вы живете? — Ифриан старался говорить рассудительно и спокойно.

— Еще чего! Адрес ему! Сейчас позовем постового, пусть разбирается.

— Хорошо.

Ифриан повернулся к толпе и стал излагать свою версию происшедшего. Он нисколько не сомневался, что любой непредвзятый человек будет на его стороне. Какая досада! Теперь уж он точно опоздает на работу. Сколько времени придется проторчать здесь?

— Я хотел свернуть на Икороду-роуд. Поэтому вслед за другими занял левый ряд. А эти машины стояли здесь, — он указал на обочину.

— Какие машины? — ехидно переспросил капитан.

Пока они спорили, затор у поворота рассосался, передние машины уехали. «Фольксваген» одиноко стоял на встречной полосе движения.

На это не преминул указать владелец «ситроена» подошедшему полицейскому. Полицейский козырнул капитану. Офицерские погоны произвели на него впечатление. Ифриана он поначалу словно не заметил.

— Посмотри, приятель, — развязно тараторил капитан, — где стоит его консервная банка. И он еще толкует, что не нарушил правила. Я тебя проучу, — добавил он Ифриану, — ты надолго запомнишь капитана Икабо.

Ифриан не успел возразить. Он открыл было рот, но полицейский перебил его:

— Ога, почему ваша машина оказалась на полосе встречного движения?

— Ну неужели непонятно? Все сворачивали налево, и я тоже собирался это сделать, но образовался небольшой затор...

— Вы запомнили номера других машин?

Ифриан беспомощно развел руками. Конечно, поли-

цейский хочет выгородить истинного нарушителя. Он и не подумает обвинять в чем-либо армейского офицера. Не те времена.

— Что ж, мне записывать номера всех проезжающих мимо автомобилей? Еще чего не хватало! — воскликнул Ифриан и сразу пожалел о своей несдержанности.

— Ваши права!

— Вот-вот, учить таких надо,— одобрил действия полицейского капитан Икабо.

— Вас не спрашивают,— огрызнулся Ифриан.

Он полез в машину, но тут же вспомнил, что права остались в «вольво». Боже, этого только не хватало! Холодный пот выступил на лбу.

— У меня нет при себе прав. Забыл в другой машине,— извиняющимся тоном произнес он.

— Придется отправиться в участок,— сказал полицейский.— Я поеду в вашей машине. А вы, капитан, следуйте за нами.

— Минутку. Разве нельзя разобраться на месте? Я спешу на работу. Мне кажется, вам следует проверить документы и у этого субъекта,— попробовал возразить Ифриан, кивнув в сторону капитана.

Полицейский и бровью не повел.

— Ога, мы теряем время. В участке во всем разберутся.

— Я всего два дня назад купил машину, а этот идиот покалечил ее,— ругался Икабо, направляясь к своему «ситроену».

В полицейском участке Ифриана встретили с откровенной недоброжелательностью. Дежурный сержант при появлении капитана Икабо вскочил с места и, щелкнув каблуками, взял под козырек.

— Кто здесь за главного? — властно спросил Икабо. Его погоны производили на полицейских прямо-таки магическое действие. Военные чувствовали себя хозяевами в стране.

— Инспектор Обир, сэр,— отрапортовал сержант.— Пройдите, пожалуйста, в его кабинет. А вы постойте,— остановил сержант Ифриана. Прибывший с места происшествия полицейский что-то шепнул ему на ухо.— Вот вам бумага и ручка. Изложите подробно все, как было. Внизу распишитесь и укажите свой домашний адрес.

Бесцеремонность, с которой с ним обходились в полицейском участке, поразила Ифриана. Он едва сдержался, чтобы не наругать. Ничего себе блюстители порядка!

Надо будет сегодня же направить жалобу в полицейское управление. С подобным произволом нельзя мириться. Тем временем из кабинета вышли инспектор Обир и капитан Икабо. Они весьма дружелюбно переговаривались.

— Этот? — Обир, нисколько не заботясь о вежливости, указал пальцем на Ифриана.

— Он самый,— подтвердил Икабо.— Слышали бы вы, как он поносил полицию и армию.

— Что ж, придется им серьезно заняться. Не беспокойтесь, капитан, это недоразумение мы уладим.

Он пожал Икабо руку, после чего капитан направился к выходу.

Спустя несколько минут сержант, прочитав объяснительную Ифриана, сказал:

— Мы вас задержим до выяснения обстоятельств. Деньги и ценные вещи есть?

— Я хочу встретиться со своим адвокатом,— запротестовал Ифриан.

— Позже. Деньги и прочее сюда,— он указал на барьерчик, за которым сидел.

— Позвольте мне позвонить домой.

— Не положено. Прошу снять рубашку и брюки.

— В чем меня обвиняют?

Сержант пропустил этот вопрос мимо ушей.

В помещение вошли четверо вооруженных полицейских. Ифриан встревожился не на шутку. «Вот тебе раз! Похоже, я попал в серьезную переделку»,— пронеслось у него в голове. Кто бы мог подумать, что его объявят нарушителем закона и будут допрашивать в полиции! Раздеваясь, он думал о жене и детях. Ужасное унижение. Нужно во что бы то ни стало послать весточку Мерси, она пригласит адвоката, добьется встречи с нужными людьми, которые вызволят его. Но как сообщить ей о случившемся?

— Вам это просто так не сойдет. Я подам на вас в суд,— сказал он сержанту.

Тот повернулся к помощнику:

— Айо, отведи его в камеру номер два.

Глава 4

Фэкто был доволен собой. В последнее время удача не покидала его. Прошедшей ночью банда ограбила нескольких человек неподалеку от Аджао-Истейт в районе

Энтони-Вилледж. Один крупный делец устроил вечеринку в своем особняке, пригласив немало лагосских знаменитостей. Играли два оркестра, веселье продолжалось почти до утра. Вспоминая о событиях той ночи, Фэкто усмехнулся. Ох уж эти знаменитости! Когда гости стали расходиться, кое-кого из них на пустынных улицах ждал сюрприз — возможно, не слишком приятный. Не будешь же радоваться, когда под дулом пистолета у тебя отбирают твоё кровное. Правда, драгоценности чаще всего оказывались фальшивыми. Вот тебе и богачи! С такой добычей к перекупщикам краденого стыдно показываться. Зато деньги были самые что ни на есть настоящие. Их-то и пропивал сегодня с друзьями Фэкто в заведении матушки Бомбой. Здесь подавали цыплят под острым соусом и отличное жаркое из телятины.

В тесно уставленном столиками зале было не продохнуть от табачного дыма. Гул голосов словно повис в воздухе. У матушки Бомбой собиралась разношерстная публика. Завсегдатаи — воры и проститутки — чувствовали себя здесь в безопасности. Полиция редко навевалась в это заведение. Хозяйка умела договориться с блюстителями порядка. На столике, за которым сидели Фэкто и его сообщники, между бутылок с пивом затерялись две бутылки виски. Фэкто то и дело подливал из них в свой стакан.

Чевби — дылда с массивной челюстью — потягивал пиво. Много лет назад на танцевальном конкурсе он занял второе место, отлично станцевав твист. С тех пор за ним закрепилось прозвище Чевби — в честь прославленного Чевби Чекера. Хороший водитель, Чевби любил хвастаться, что и машину смог бы заставить сбавить твист.

Еще один член банды — коротконогий, кряжистый, с изрытым оспой лицом и приплюснутым носом — курил гашиш. Этот всегда был на взводе, его так и звали — Бухой. Он мрачно озирался, его глаза наливались кровью, когда он разглядывал молодых женщин. Рядом с ним сидел Бен, закадычный приятель Фэкто. Бухой недолюбливал Бена, считая, что тот задается. Между ними случались ссоры, едва не доходившие до драк.

Вся компания ждала Тунджи, единственного из них семейного человека, отца троих детей. Тунджи владел автомастерской в Ойингбо, на улице Уэйкмен. Краденые машины там перекрашивали или разбирали на части, чтобы выгодно сбыть.

Фэкто редко показывался на людях со своими друзьями. Осторожничал. Но сегодня, после удачного дела, не

грех кутнуть в тесном кругу сообщников. Дожидаясь Тунджи, главарь рассказывал о Дэне Блокировщике, налетчике, о котором среди уголовников ходили легенды.

Отчаянная голова этот Дэн, говорил Фэкто. Он грабил на междугородных трассах. Представляете, как-то полиция в штате Бенуе провела ряд рейдов. Понаставили кордонов, стали проверять чуть не каждую машину — ну, фрайера! Многие лихие ребята затаились — чего на рожон лезть? Но не таков Дэн Блокировщик. Фэкто глотнул виски и продолжил свой рассказ.

Пронюхал он, значит, что торговцы мануфактурой повезут выручку из Макурди в Энугу, и решил устроить засаду. Выбрал подходящее местечко за Очопо между двумя полицейскими кордонами — ну вы знаете, не доезжая до Отукпо,— бросил на дорогу штук пять старых автопокрышек, а сам присел в кустах. Пушка, понятно, при нем. Он знал, что торговцы зафрахтовали автобус, и рассчитал все точно. Долго ждать не пришлось. Не успел он устроиться, глядь — автобус по шоссе шпарит, а за ним легковушка мигает фарами; свои сигналият — мол, принимай клиентов. Ну, берет он канистру, плеснул бензинчику на покрышки, не спеша прикурив и горящую спичку — шварк! В общем, устроил иллюминацию. Шоферюга-автобусник по тормозам. Хотя он и подумать не мог, что под носом у легавых в полдевятого вечера кто-то решится на ограбление. Когда же сообразил, в чем дело, было поздно. Дэн стоит в широкополой шляпе возле горящих покрышек и эдак красноречиво поводит дулом автомата. Шоферюга врубил заднюю скорость, а Дэн, не долго думая, как даст очередь по кабине. Тут уж хошь не хошь остановишься. К тому же сзади впритык легковушка стоит. Зря, что ли, Дэн велел своим парням ехать за автобусом от самого Макурди?

Короче, в тот раз банда Дэна взяла свыше пятидесяти шести тысяч. Неплохо, да?! Заодно обчистили и тех, чьи машины застряли в образовавшейся пробке.

— А что потом с Дэном стало? Смыться-то он успел? — спросил Бен, глотнув пива.

— Смыться-то смылся. Только не повезло ему.— Фэкто меланхолично покачал головой.— После того налета местные торгаши словно осатанели. Вместе с полицией стали прочесывать все дома в округе и нашли-таки Дэна. Он погиб в перестрелке. А его дом сожгли.

Появление Тунджи прервало рассказ Фэкто. Он пред-

ложил отправиться в диско-клуб «У дяди Сэма» на Икороду-роуд.

— А что, это мысль,— сказал Фэкто, вставая со стула.

Глава 5

Только что по телевидению закончилась вечерняя программа новостей. Мерси рассеянно смотрела на экран. Ее беспокоило, что мужа до сих пор нет дома. Если Ифриан задержался после работы, то почему не предупредил заранее? Раньше такого не случалось.

В дверь позвонили. Мерси с облегчением вздохнула: наверное, Ифриан. На ходу поправляя прическу, она направилась в прихожую. К ее удивлению, на пороге стоял Фрэнк Адедойин.

— А, это ты, Фрэнк! — Голос Мерси выдавал разочарование.

Фрэнк работал в министерстве труда и занимал казенную квартиру в соседнем доме. Этот закоренелый холостяк иногда навещался к супругам Окон поболтать, однако тесной дружбы у них не было. Поэтому его столь поздний визит мог показаться странным.

— Добрый вечер, Мерси. Ифриан дома?

— Еще не вернулся с работы. Ума не приложу, куда он запропастился? Проходи, только тихо — дети уже спят.

— Спасибо. Я на минутку. С час назад я проезжал мимо полицейского участка в Бедо, и мне показалось, что там стоит ваш «фольксваген». Вот я и решил заглянуть на всякий случай.

— Странно. Ифриан как раз сегодня уехал на «фольксвагене». Ты уверен, что видел именно нашу машину?

— В том-то и дело, что нет. Номера я не помню. Знаешь, Мерси, на твоём месте я бы позвонил в полицию. Мало ли что...

— Как назло, телефон не работает. Наша машина у полицейского участка, а Ифриана нет дома! Хорошо, что ты зашел, Фрэнк. Я все-таки надеюсь, что муж с минуты на минуту появится. Если бы что-нибудь случилось, он нашел бы способ сообщить мне.

— Дай-то бог. Ну, я пошел. Привет Ифриану, когда вернется.— Фрэнк направился к выходу.

После его ухода Мерси не находила себе места. В голову лезли страшные мысли. Вдруг с мужем действительно что-нибудь случилось? Автомобильная катастрофа, разбой-

ное нападение... да мало ли что! Стрелки настенных часов показывали одиннадцать. Хотелось думать, что Фрэнк ошибся. Это не их машину он видел в Бедо. Просто Ифриана пригласили сослуживцы, наверное, кутят где-нибудь в ресторане. Хотя бы предупредил, с досадой подумала Мерси. Она пошла на кухню убрать в холодильник простывший ужин. По телевизору теперь показывали боевик, на экране мельтешили фигуры героев, кто-то в кого-то целился, слышалась стрельба. Мерси выключила телевизор. Сев в кресло, она взяла в руки журнал. Однако тут же поймала себя на том, что просто водит глазами по строчкам, не вникая в прочитанное. Надо съездить в полицию. Жаль, что у них нет прислуги. Не на кого оставить детей. Мерси сама возражала против того, чтобы нанять служанку. Ей казалось, что все они грязнули и воровки. «В Англии мы обходились без прислуги и здесь обойдемся», — говорила она мужу.

Звук проезжающего по улице автомобиля заставил ее вздрогнуть. Вот сейчас скрипнут ворота, звякнет замок гаража... Нет, автомобиль проехал мимо. Отложив журнал, Мерси заглянула в детскую. Джон и Рэчел мирно посапывали во сне.

У Мерси не оставалось больше сил выносить мучительную неизвестность. Она тщательно заперла за собой дверь, вывела из гаража «вольво». Перед тем как выехать, зашла к Фрэнку. Тот еще не ложился.

— Фрэнк, я еду в Бедо, — сказала она. — Ифриана до сих пор нет. Я ужасно волнуюсь. Будь добр, присмотри за детьми. Я быстро вернусь. Если Ифриан появится в мое отсутствие, скажи, чтобы ждал меня дома.

— Конечно, Мерси. За детей не беспокойся, я присмотрю за ними. Осторожнее на дороге, уже поздно.

Он стоял у ворот, пока машина не скрылась за поворотом. «Надо было самому поехать, — подумал Фрэнк, испытывая чувство вины. — Зря я ее отпустил». Его тяготило недоброе предчувствие.

Глава 6

Ночью на лагосских улицах нет транспортных пробок и заторов, которые в дневное время выматывают нервы водителей. Однако рискнувших пуститься в дорогу в ночные часы подстерегают иные опасности. Почти каждый день газеты публикуют сообщения о дерзких нападениях грабителей.

Мерси довольно быстро доехала до района Бедо. Уже через полчаса она припарковала «вольво» рядом с «фольксвагеном», одиноко стоявшим перед невысоким серым зданием полицейского участка. Днем этот путь занял бы у нее втрое больше времени. Достаточно было бросить взгляд на машину, чтобы убедиться: Фрэнк не ошибся, это их автомобиль. Сдерживая волнение, Мерси вошла в полицейский участок.

Она оказалась в комнате, набитой людьми. Все они одновременно что-то кричали, не слыша друг друга. Лишь отдельные слова вырывались из общего гвалта. С потолка на шнуре свисала лампочка без абажура. В тусклом электрическом свете все выглядело грязным и обшарпанным. Убогая обстановка комнаты несла на себе печать казенной запущенности. На барьерчик, за которым сидел дежурный сержант, навалилась толстая женщина с косынкой на голове. Возбужденно размахивая руками, она пронзительно голосила. Кажется, ее избил и выгнал из дома муж. С одержимостью невменяемой она повторяла: «Заберите этого хулигана! Он меня в гроб загонит». Тут же, у барьерчика, стояли двое мужчин с разбитыми лицами. Один шмыгал носом, другой держался за ухо. Этих задержали за драку. На скамье у противоположной стены сидели две женщины и мужчина. Женщины плакали, размазывая ладонями слезы по щекам. Мужчина, выпятив нижнюю губу, отчего он был похож на обиженного ребенка, молчал. Трое полицейских толковали о чем-то своем в соседнем углу.

Когда Мерси вошла, шум в помещении несколько утих, ночные посетители участка с любопытством уставились на хорошо одетую женщину. Дежурный сержант перестал увещевать бьющуюся в истерике толстуху и повернулся к Мерси.

— Слушаю вас, мадам.

— На улице стоит «фольксваген». Я хотела бы узнать, нет ли здесь его владельца.

— Вам известно его имя?

— Ифриан Окон.

Сержант раскрыл журнал регистрации задержанных, перелистал страницы.

— Так, Ифриан Окон... да, он здесь. Кто вы ему будете?

— Жена. Можно его повидать?

Мерси произнесла это довольно твердо, удивляясь сама себе. Ее голос не выдал никаких эмоций. Теперь, узнав,

что муж жив и здоров, она почувствовала облегчение — будто гора свалилась с плеч. Она улыбнулась сержанту, инстинктивно прибегая к испытанному женскому оружию — кокетству. Однако на сержанта это не произвело впечатления.

— Нельзя. Он в камере под замком.— Сержант отодвинул журнал.

— Под замком? В чем его обвиняют? — Теперь Мерси не могла скрыть изумления.

— По его вине произошла авария на дороге.

— Он не пострадал? Умоляю, скажите, с ним все благополучно?

— Не беспокойтесь, мадам, ничего страшного. Приходите утром, сейчас я не могу вам больше ничего сказать.— Сержант повернулся к толстой женщине, которая, увидев, что на нее снова обратили внимание, зарыдала еще пуще.

— Но... видите ли... я хотела бы внести за него залог...

— Извините, мадам, вам придется прийти утром. До свидания.

Убедившись, что добиться от сержанта ничего нельзя, Мерси направилась к выходу. В дверях она едва не столкнулась с тремя ярко накрашенными девицами — они только что вошли с улицы в сопровождении полицейского. Девицы переругивались между собой. Мерси брезгливо отшатнулась. Ей не приходилось видеть проституток так близко.

— Не могли бы вы передать господину Окону, что приходила его жена? — попросила она сержанта, на секунду задержавшись у двери.

Тот небрежно кивнул, даже не повернув головы.

По дороге домой Мерси корила себя, что не догадалась сунуть дежурному денег. Тогда он был бы любезнее и — как знать — возможно, согласился бы помочь. А так... Нет, не выполнит он ее просьбу. Как там Ифриан? Бедняжка, наверное, обескуражен, почему жена до сих пор не разыскала его. От этой мысли стало горько. Может, вернуться и еще раз поговорить с сержантом? А как же дети? Уже третий час ночи. Фрэнк, конечно, обещал присмотреть за ними, но...

По Икороду-роуд Мерси доехала до разворота на площади Мэриленд. В это время от диско-клуба «У дяди Сэма» отъехал «пежо» мышиного цвета. Через несколько секунд он тоже был на площади.

Чевби притормозил у разворота. «Вольво», которым управляла женщина, умчался вперед. Свет включенных на полную мощность фар пронзал тьму.

— Ишь, гонит! Посади бабу за руль...— буркнул Чевби, переглянувшись с Фэкто, хотя его реплика не предназначалась ни для кого в отдельности.

Фэкто прикурил от вделанной в приборный щиток зажигалки.

— А ведь она одна,— произнес он как бы в раздумье.

— С ней, кажется, еще кто-то,— откликнулся сзади Бен.— Я не разглядел.

— Нет, одна,— подтвердил Тунджи.— Такую красоту грех упускать,— он имел в виду машину.

На черном рынке автомобили марки «вольво» ценились высоко. Всегда найдется покупатель, готовый выложить кругленькую сумму даже за краденую машину. Отдельные части тоже шли нарасхват. Двигатель, например, отлично служит в качестве мотора на катере.

Хмель вылетел из головы Фэкто. В нем проснулся охотничий азарт.

— Давай,— сказал он.

Чевби понял вожака с полуслова. Он до отказа выжал педаль газа. Машина с бандитами стрелой понеслась вдогонку.

Мерси ехала, думая о своем. Монотонно урчал кондиционер, от него тянуло холодком. В зеркало заднего вида Мерси видела два ярких пятна — фары следовавшего за ней автомобиля. Но не почувствовала опасности. Ночной Лагос сверкал огнями. Мимо проносились мосты и эстакады. Тут и там высились громады небоскребов. В темной воде залива отражался свет выстроившихся вдоль набережной фонарей, издали напоминавший гигантское ожерелье из мерцающих огоньков. Аволово-роуд, Куинс-драйв — дом уже совсем близко. Вот и улица Илабере. Остановившись у обочины, Мерси вышла из машины, чтобы открыть ворота.

Ярко вспыхнувший свет фар ослепил ее. Она прикрыла глаза рукой и зажмурилась. Хлопнули дверцы. Тяжелый топот ног. В следующее мгновение она ощутила, что ее грубо схватили за руку. Шершавая мужская ладонь зажала ей рот. Мерси пыталась кричать, но из ее горла вырывались лишь хриплые, приглушенные звуки. Она за-

дыхалась. Бухой повалил ее на землю и начал лихорадочно срывать с нее одежду.

— Кончай! Не время сейчас.— Тунджи попытался оттащить Бухого от женщины, но, получив сильный удар в грудь, отшатнулся. В такие моменты Бухому лучше не мешать, он делается бешеным.

Тунджи сел за руль «пежо», Чебби вместе с Фэкто и Беном уже перебрались в «вольво».

— Гони в гараж,— приказал Фэкто.

Чебби развернул «вольво», шины мягко шуршали по асфальту. Тунджи нервно постукивал пальцами по рулевому колесу. Через минуту Бухой вскочил на ноги и побежал к «пежо».

— Влипнешь с тобой, дурак чертов! — ругнулся на него Тунджи, поворачивая ключ в замке зажигания.

Бухой откинулся на спинку сиденья и удовлетворенно засопел. Машина резко рванула с места и вскоре скрылась за поворотом.

Все стихло. Только из сточной канавы слышалось кваканье лягушек. Мерси с трудом поднялась на ноги — кружилась голова, тошнота подступала к горлу. Ее трясло. Не осознавая, что делает, Мерси начала вдруг отчаянно, истерически кричать, зовя мужа и детей, заламывая в отчаянии руки.

В окне соседнего дома вспыхнул свет. На улицу выбежал Фрэнк.

— Мерси, это ты? О боже, что с тобой сделали!

На женщину было страшно смотреть: порванная, испачканная в грязи одежда, всклокоченные волосы, ссадины на лице, безумные глаза...

— Какой ужас, ужас, ужас! — в беспамятстве повторяла она.

Фрэнк едва успел подхватить Мерси на руки. Силы оставили ее. Она лишилась чувств.

Глава 8

Всю ночь Ифриан не сомкнул глаз. В грязной, тесной камере, где находилось восемь человек, было душно. Донимали москиты. Сидеть или лежать приходилось на голом полу. На единственных узких нарах расположился злоеющего вида тип, судя по всему, закоренелый уголовник. Он вел себя по-хозяйски, покрикивая на сокамерников, а кое-кого награждая тумаками. Ифриану было не по себе,

чего он не мог бы сказать о других обитателях камеры — те чувствовали себя здесь как дома, хотя и жаловались, что их держат взаперти незаконно. Видно, уже не раз побывали в подобных местах и притерпелись ко всему. Они не стеснялись колотить в дверь, требуя от дежурного полицейского то одного, то другого.

Отчаяние охватило Ифриана в первые же минуты, как он попал в камеру. Если бы кто-либо из знакомых увидел его: в одних трусах, тело покрыто волдырями от mosquito укусов, жесткая щетина на опухшем лице... От унижительного чувства собственного бессилия хотелось плакать. Почему Мерси не ищет его? Могла бы потребовать, чтобы его отпустили под залог, пригласила бы адвоката. Никогда он еще не оказывался в столь нелепом положении.

Все происшедшее казалось Ифриану кошмарным сном. С самого утра он ничего не ел и сильно проголодался. Правда, в камеру дважды приносили еду, но она так дурно пахла, что его чуть не стошнило. Оба раза кушанье представляло собой жидкую похлебку — в мутной водичке плавали черные рыбы головы — и кусочек черствого, плохо пропеченного хлеба. Старуха, приносявшая еду, жаловалась, что полиция не расплатилась с ней за прошлый месяц. Самое удивительное, что соседи Ифриана с жадностью набрасывались на эти помои. Ифриан выменял на свои порции хлеба и похлебки сигареты. Курить ему хотелось больше, чем есть. Попав в полицейский участок, Ифриан забыл о своем намерении бросить курить. Если бы ему раньше сказали, что дешевая сигарета может показаться такой ароматной, он бы не поверил. Раньше о местах заключения он читал в книгах, кое-что видел в кино, но теперь ощутил всем своим нутром, что значит оказаться за решеткой.

— Где он? — донеслось из коридора. Ифриан узнал голос капитана Икабо.

Всю ночь Икабо вместе с друзьями провел в кабаре на улице Фадейи, куда частенько наведывались офицеры. Друзья были не прочь подразнить неудачливого автомобилиста, который попал в аварию, не успев обкатать новую машину.

— Ты бы показал нам этого зазнайку штатского, который считает армейских офицеров невеждами. Мы бы задали ему перца. Или ты нарочно упек его в кутузку, чтобы мы не добрались до него? — смеялись они.

Под утро Икабо решил проведать своего врага и прямо из кабаре приехал в полицейский участок. Он был пьян и

плохо держался на ногах. Когда он шел по коридору, по-пыхивая сигаретой, его качало от стены к стене.

— Ифриан Окон! — Дежурный полицейский открыл дверь камеры.

Ифриан поднялся с пола. Увидев его, Икабо с издевкой сказал:

— С тебя, похоже, слетела спесь? Ну-ну! В следующий раз подумаешь дважды, прежде чем грубить офицеру.

Ифриан не ответил. Он решил, что расквитается с капитаном позднее. Сейчас ни к чему затевать ссору. Ему бы только выбраться на волю.

Так и не дождавшись ответа, капитан злобно выругался и зашагал прочь. Звук его шагов гулко разносился по коридору. Прежде чем захлопнуть дверь, полицейский кратко сообщил:

— К вам приходила жена.

Ифриан не успел его ни о чем спросить. Но ему стало легче. Значит, Мерси знает, где он, и уже начала действовать.

Все, кто находился в камере, стали оживленно обсуждать визит капитана. По общему мнению, Ифриан попал в беду по собственной глупости.

— Дурак ты, парень, — за всех высказался лежащий на нарах уголовник. — Разве нынче можно связываться с офицером? Откупился бы — и делу конец. А теперь корми здесь блох.

Глава 9

Чебби, Бен и Фэкто на «вольво» оторвались от замешкавшихся Тунджи и Бухого. На перекрестке Тунджи заметил мелькнувшие вдаль хвостовые фонари какого-то автомобиля, направлявшегося в сторону моста Еко.

— Посмотри-ка, Бухой, наши, что ли? Чего их туда понесло? На Апапа-роуд легавых полно. В объезд надо.

— Фэкто знает, что делает. Дуй за ними.

За мостом Еко Тунджи свернул на Апапа-роуд. К счастью, полицейского кордона там не оказалось. Зато велись дорожные работы. Вся улица была перерыта, глубокие рытвины приходилось объезжать по слегка присыпанной щебенкой полосе. Тунджи вздохнул с облегчением, когда машина выехала на ровный асфальт. Однако он радовался преждевременно. Метров через пятьдесят «пежо» словно захромал, припадая на правое заднее колесо.

— Черт, этого только не хватало! — выругался Тунджи, нажимая на тормоз.

Он припарковал машину у обочины. Так и есть — прокол. Колесо стояло на ободе, крышка распласталась как блин.

Тунджи полез в багажник за домкратом и запаской. Потом принялся откручивать гайки, чтобы снять поврежденное колесо. Последнюю гайку заело, наверное, сорвалась резьба. Тунджи чертыхнулся еще раз. До сих пор все шло хорошо, и вот на тебе! Угораздило же проколоть шину в самый неподходящий момент.

— Эй, Бухой, — окликнул он, — возьми гаечный ключ и легонько стукни здесь.

Бухой уже отошел от возбуждения, расслабился. Выбравшись из машины, он с наслаждением вдохнул прохладный воздух и потянулся.

— Куда бить? — спросил он.

— Вот сюда, где держу.

Бухой изо всей силы стукнул по тому месту, на которое указал Тунджи.

— Да тише ты! — прошипел Тунджи. — Говорят тебе, легонько. Хочешь, чтобы местные оглоеды сбежались?

То, чего опасался Тунджи, случилось. Подозрительный стук услышали добровольцы отряда по поддержанию порядка. Такие отряды действовали во многих районах Лагоса. Не надеясь на полицию, которая часто оказывалась нерасторопной в борьбе с хулиганами и грабителями, горожане по ночам дежурили на улицах. Охранители спокойствия вооружались кто чем может, поэтому попасть им под горячую руку вряд ли бы кто захотел. Люди были так озлоблены, что при малейшем подозрении могли забить человека насмерть. Они чинили скорую и беспощадную расправу, жертвами которой иногда становились случайные лица. Полиция в такие дела предпочитала не вмешиваться...

— Дай сюда ключ, — сердито произнес Тунджи, удостоверившись, что от Бухого толку не добьешься. — Возьми на всякий случай тесак.

Едва Бухой вынул из-под сиденья тесак, раздался окрик, заставивший обоих замереть на месте:

— Стой! Не шевелиться!

С соседнего пустыря появилась большая группа мужчин. Они быстро окружили машину. Многие держали в руках палки и ножи. Вид у них был устрашающий. Такие убьют и глазом не моргнут, промелькнуло в мозгу Тунд-

жи. Он вытер рукой холодную испарину, выступившую на лбу. Сердце бешено колотилось.

Тунджи выпрямился во весь рост.

— Чего вы, братки? Вот, шина прокололась. Колесо меняем,— с наигранным добродушием объяснил он. Валявшиеся на асфальте гайки подтверждали его слова.

— А тесак тебе зачем? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Какой тесак? Чего врешь? — прохрипел Бухой, прячась за дверцей машины.

— Помолчи ты,— Тунджи зло сверкнул глазами. Ему стоило немалых усилий сохранять спокойствие.

— Ишь ты, еще огрызается! Бей их, ребята, это бандюги! — прозвучал тот же голос.

— Да успокойтесь вы, братки. Никакие мы не бандиты. Если вам нужны деньги, я дам.

Вперед выступил молодой парень по прозвищу Острый. Он был за главного, его все слушались. Взмахнув рукой, он заставил толпу утомониться.

— Общем машину,— сказал он, глядя в упор на Бухого,— не нравятся мне эти типы.

Несколько человек вплотную подошли к «пежо». «Все! Пропали!» — подумал Тунджи. Помимо тесака в машине было два пистолета. Обнаружить их ничего не стоило. В этот момент Бухой метнул тесак в голову Острого. Тот успел пригнуться. Тяжелый тесак, лязгнув о камень, упал на тротуар. Толпа взорвалась воплями: «Воры! Воры! Воры!»

Бухой бросился наутек. Вслед ему полетели камни. Несколько мужчин побежали за ним вдогонку. Человек пять навалились на Тунджи, стали пинать ногами. Машину перевернули. От ударов палками и камнями она вскоре превратилась в груды искореженного железа.

Преследователи настигли Бухого в тот момент, когда он собирался уже перемахнуть через изгородь. Под градом ударов он рухнул на землю, обливаясь кровью.

Толпа бесновалась. Вид крови опьянил людей. В жизни они не знали ничего, кроме нищеты и скуки. То, что происходило сейчас, было для них развлечением. Теперь ничто не могло остановить жестокой расправы. Трое молодых парней притащили канистру с бензином и старую автопокрышку. Ее надели на голову потерявшему сознание Бухому. Вспыхнул огонек спички, и через секунду пламя объяло распростертое на земле тело.

Страшная участь Бухого не миновала бы и Тунджи, но, к счастью для него, поблизости взвыла сирена, подоспел

джип, на котором полицейский патруль совершал объезд. Командир патруля приказал дать залп в воздух. Толпа мгновенно рассеялась. Вскоре на месте расправы остались одни полицейские. Тунджи лежал без движения, казалось, он не дышит. Но когда его подняли, едва заметная улыбка тенью скользнула по его лицу. Спасен!

Глава 10

Ифриана отпустили вскоре после ухода Икабо. В замке заскрежетал ключ, тяжелая дверь со скрипом открылась, в проеме показалась фигура полицейского.

— Ога, выходите,— сказал он, строго поглядывая на задержанных. Ифриан не заставил просить себя дважды. На затекших от долгого сидения на полу ногах он вышел из камеры.

Дежурный сержант выдал ему одежду, проверил по описи ценные вещи.

— Распишитесь в получении. Приходите завтра утром, вам сообщат, когда состоится разбирательство вашего дела. Не забудьте прихватить водительские права. Да, вот еще что,— менее официально добавил сержант,— послушайте доброго совета, договоритесь с Икабо полюбовно. Вам же меньше хлопот.

Ифриан промолчал. После проведенной в камере ночи все его тело ломило, как от побоев. Хотелось поскорее уйти отсюда, не видеть этих грязных, облупившихся стен. Он пробыл в полицейском участке всего сутки, но казалось, что минула целая вечность. На улице Ифриан в первое мгновение зажмурился от яркого солнечного света. «Слава богу, на воле»,— подумал он, все еще не веря, что кошмарная ночь позади. Он провел рукой по небритой щеке. «Посторонись!» Окрик возчика, толкавшего тяжело груженную тележку, вернул его к действительности.

«Фольксваген» стоял на том самом месте, где его вчера оставили. Ифриан сел в машину. Он решил сначала заехать на службу, чтобы сообщить о происшедшем, к тому же он так нуждался сейчас в сочувствии.

Рабочий день еще не начался. В конторе были только уборщики, торопившиеся закончить работу до прихода сотрудников. Они с удивлением смотрели на него. Уж очень странный вид у всегда опрятного господина Окона. Чтобы не дожидаться директора, Ифриан позвонил ему домой по телефону.

— Куда катится наша страна? — спросил директор на другом конце провода, когда Ифриан рассказал ему о своих злоключениях. Произнеся несколько фраз о том, что времена нынче беспокойные и что военные совсем распоясались, он сказал: — Вам надо отдохнуть. Побудьте денька два-три дома. Держите меня в курсе ваших дел. Надеюсь, все уладится.

Из конторы Ифриан вышел прибодренный. Теперь без промедления домой. Мерси, наверное, не находит себе места от беспокойства. Сейчас Ифриану больше всего хотелось залезть в горячую ванну, побриться, переодеться. Потом можно будет написать жалобу на незаконные действия полицейских.

Дом встретил Ифриана настороженной тишиной. На звонок в дверь никто не откликнулся. Ифриан открыл замок своим ключом, от волнения не сразу попав в замочную скважину. Где Мерси? С утра пораньше отправилась в полицию, не зная, что его выпустили? Он заглянул в спальню. Кровать была неразобрана. В двери детской комнаты снаружи торчал ключ. Ифриан осторожно повернул его. Джон и Рэчел мирно спали в своих кроватках.

— Джон! — Ифриан дотронулся до плеча сына. — Где мама?

Мальчик сел на кровати и стал тереть кулачками заспаннные глаза, не понимая, о чем его спрашивают. «Ну и дуралей же я, — Ифриан хлопнул себя ладонью по лбу. — Нашел с чем приставать к только что проснувшемуся ребенку». Он обнял сына и поцеловал его.

— Как прошла вчера репетиция пьесы?

— Ой, папочка, было так здорово! А где ты был вчера? Мама сказала, что тебя задержали на работе.

— Да, у меня было много дел. Ну, буди Рэчел и марш в туалет. А я пока поставлю на плиту чайник.

Через несколько минут они сидели на кухне и пили чай. Ифриан выглядел посвежевшим, он уже успел принять душ и побриться.

— Почему мама с нами не завтракает? — спросила маленькая Рэчел, старательно намазывая джем на хлеб.

— Мама скоро придет...

Со двора донеслось урчание автомобильного мотора. Ифриан увидел в окно, что возле крыльца остановился синий «опель» Фрэнка Адедойина.

Когда Фрэнк вошел в дом, он с порога негромко, чтобы не слышали дети, сказал:

— Ифриан, случилась беда. Мерси в больнице.

— Как в больнице? Что с ней? Да говори же скорее!

— На нее напали бандиты. Поехали, врач тебе все объяснит.

— Мне не с кем оставить детей,— растерянно произнес Ифриан. Услышанное ошеломило его.— Впрочем, о чем я? О боже!

— Дети побудут у меня. Бой присмотрит за ними...

Доктор Спирополус, в больницу которого на Кингсуэйроуд Фрэнк под утро отвез Мерси, был из тех преуспевающих греков, что давно обосновались в Нигерии. За лечение он брал дорого, его клиентами были состоятельные люди, в основном живущие в Лагосе белые бизнесмены. Спирополус принял Ифриана в своем кабинете, попросив Фрэнка подождать в приемной.

— Прошу садиться, господин Окон,— сказал он мягким, вкрадчивым голосом. На столе перед ним лежала регистрационная карта больной. Он теребил ее тонкими нервными пальцами.

— Умоляю, доктор, что с моей женой? Она сильно пострадала?

Голос Ифриана дрожал. Глаза лихорадочно блеснули. Он смотрел на Спирополуса так, словно ожидал себе приговора. По дороге в больницу Фрэнк рассказал ему об угоне «вольво», но о том, что над Мерси надругались, он умолчал — сказал только, что ее избили.

— Господин Окон, мне нелегко говорить вам... Вашей жене нужен полный покой и хороший уход. Она пережила сильное нервное потрясение. Над ней совершили насилие... К сожалению, это так, и вы должны знать. От вас потребуется большой такт, только вы можете помочь вашей жене восстановить психическое равновесие.

— Что вы имеете в виду? Неужели...— Ифриан подскочил в кресле.

— Я очень сожалею. Вы должны помочь вашей жене,— повторил Спирополус, как бы вдалбливая эту мысль в сознание Ифриана.— Не напоминайте ей о случившемся, расспросы будут травмировать ее. Ведите себя с ней так, словно ничего особенного не произошло. Ваши семейные отношения не должны пострадать.

— Можно ее увидеть?

— Да, только недолго. Она сейчас спит. Когда ее привезли, она была в плохом состоянии.

Ифриана провели в больничную палату. Мерси лежала на кровати в глубоком забытии. Кожа на ее лице посерела, под глазами резко обозначились темные пят-

на, щеки впали. Увидев жену, Ифриан едва не заплакал. Ему стоило больших усилий взять себя в руки. Выйдя из палаты, он крепко стиснул зубы. Кому-то придется жестоко ответить за это преступление. Он сделает все, чтобы так было.

Глава 11

Фэкто раздраженно пнул ногой стену крытого оцинкованным железом сарая, в котором помещалась автомастерская.

— Куда они запропастились?

Бен стоял у ворот и напряженно глядел на дорогу.

— Не нравится мне это. Уж не сцапали ли их легавые?— предположил он.

— Ладно тебе! Накаркаешь...— Фэкто сплюнул с досады.

Чebби не принимал участия в разговоре. Он развалился на переднем сиденье в машине и дремал.

Со времени угона «вольво» прошло несколько часов. Утро в разгаре. Вот-вот в мастерскую придут рабочие, а Тунджи с Бухим все нет. Сомнений не оставалось: влипли.

— Может, авария?— Бену не хотелось думать о самом плохом.

— Тунджи водит не хуже Чebби,— отмахнулся Фэк-то.— И с легавыми сумел бы договориться в случае чего. Эх, неужели влипли?

Он подошел к Чebби, дернул его за руку.

— Чего тебе? — встрепенулся Чebби, заморгав.

— Кончай кемарить. Поставь машину за сарай, чтобы с улицы не было видно. Сматываться пора.

Чebби без лишних слов развернул «вольво» и подогнал машину впритык к задней стенке сарая так, что свисающий край крыши прикрывал ее сверху. Ключ он сунул в щель между двумя опорными балками. Кто знает этот тайник, найдет легко.

Выйдя со двора, все трое направились к стоянке такси. Их путь лежал в Аджегунле, район трущоб на окраине Лагоса.

Глава 12

В полицейском управлении у Фрэнка был хороший знакомый, комиссар Дэн Кацина. К нему-то Фрэнк и повез Ифриана после посещения больницы. Они провели

в полицейском управлении все утро.

— То, что вы мне рассказали, ужасно,— сочувственно произнес комиссар, выслушав Ифриана.— Я выясню, почему вас незаконно задержали в Бедо. Посмотрим, что тут можно сделать. Что же касается угона машины и нападения на вашу жену, обещаю принять все необходимые меры. Будьте уверены, мы поймаем преступников. Этим займется наш опытный сотрудник, хотя, возможно, расследование потребует немало времени. Наберитесь терпения. Ибеабучи!— позвал он.

В кабинет вошел помощник комиссара.

— Инспектора Эду ко мне.

Через минуту инспектор Эду, молодой, подтянутый мужчина в тщательно отутюженной форме, появился в кабинете. Закрыв за собой дверь, он отдал честь комиссару и замер навытяжку.

— Садитесь,— Кацина указал на свободный стул.— Эду, я поручаю вам сложное дело. Все остальные дела пока отложите. Угнана машина, и совершенно нападение на жену вот этого джентльмена. Знакомьтесь — господин Окон. А это свидетель происшествия Фрэнк Адедойин. Они изложат подробности в письменных заявлениях.

— Простите, а как же статья, которую вы поручили мне написать для полицейского журнала, сэр?— робко спросил Эду, напоминая своему грозному начальнику, стороннику суровой дисциплины, о его же собственном последнем распоряжении.

— Пусть напишет инспектор Иканем. Он, кажется, сейчас не слишком занят.

— Да, но...— возразил было Эду.

— Никаких «но»!— отрезал комиссар.— Выполняйте!

— Есть, сэр!

Вскочив со стула, инспектор Эду вытянул руки по швам.

Глава 13

В течение нескольких недель состояние Мерси было угрожающим. Она никого не узнавала и временами впадала в беспамятство. Высокая температура, когда она металась в жару, сменялась полным упадком сил — пульс едва прощупывался. Доктор Спирополус перевел Мерси в клинику неврозов под наблюдение своего друга доктора Окафора. Ощутимых результатов лечение пока не да-

вало. Для Ифриана это было время жестокого испытания. В том, что произошло с женой, он винил себя. Если бы не злосчастная авария, из-за которой он попал в полицию, Мерси не пришлось бы ночью выходить из дома и никто на нее не напал бы. Иногда Ифриану казалось, что он сходит с ума. После каждого посещения больницы он погружался в апатию, чувство подавленности долго не покидало его. Что-то в нем медленно умирало. Это был уже не прежний бодрый, уверенный в себе человек, который наслаждался жизнью, считая, что достиг заслуженного благополучия. Он превратился в издерганного, угрюмого субъекта. Куда девалось бывшее благодушие!

Джон и Рэчел, вернувшись из школы, большую часть времени проводили у Фрэнка Адедойина. Фрэнк старался помочь, чем мог. Ифриан приходил домой поздно вечером. Здесь все напоминало ему о Мерси, каждая вещь хранила тепло ее прикосновений. В этих стенах он не мог оторваться от гложущей тоски. На службе тоже все валилось из рук. Мысли возвращались к одному и тому же: больничная палата, изможденная, страдающая женщина под белоснежной простыней... Нет, так дальше продолжаться не может. Ифриан решил бросить работу.

Почти ежедневно он ездил в полицейский участок в Бедо и полицейское управление Лагоса. Тяжбе с капитаном Икабо не было видно конца. Несколько раз назначалось слушание дела, но Икабо в суд не являлся, и заседание откладывалось. Это выматывало нервы. На жалобу о незаконном задержании пришла формальная отписка. В ней сообщалось, что виновные будут наказаны в дисциплинарном порядке. Однако наказания никто не понес. В военном ведомстве, куда Ифриан наведывался несколько раз, надеясь привлечь внимание к своей тяжбе с капитаном, его часами мариновали в приемных. Здесь тоже ничего добиться не удалось, и он решил прекратить бесполезные хлопоты. Инспектор Эду тоже ничем не радовал. Когда Ифриан обращался к нему, он отделялся общими фразами: расследование-де идет по намеченному плану, нужно еще немного подождать. Однако дни сменялись днями, недели — неделями, а преступники разгуливали на свободе. Поймают ли их вообще? Ифриана охватывало отчаяние.

Сегодня в полдень была назначена встреча с Икабо. Пора наконец разобраться с ним. В сущности, как теперь думал Ифриан, спор идет из-за пустяков. Стоит

ли тратить время и нервы? Ущерб машине капитана не составит и тридцати найр: небольшая вмятина на крыле, несколько царапин. Нелепо до бесконечности судиться. Ифриан решил сегодня же заплатить капитану. Конечно, при этом пострадает самолюбие, ведь, заплатив добровольно, как бы признаешь свою вину — ну и черт с ним. Сейчас не до амбиций. Бедная Мерси! По сравнению с постигшим ее несчастьем все остальное кажется мелким, не имеющим значения.

Он ехал по Итире-роуд, свернул к Оджелеге и застрял в пробке. Сзади его поджимало такси, вперед нахально лезли еще два таксиста. Мерзавцы! Не хватало попасть еще в одну аварию. В последнее время Ифриан стал относиться ко многому иначе, чем прежде. Он стал обращать внимание на то, что раньше ускользало от его взгляда. Былого добродушия как не бывало. Вот хотя бы эти наглые таксисты. Он испытывал к ним жгучую неприязнь, считая их пособниками бандитов. Всем известно, что таксисты нередко помогают преступникам проворачивать темные делишки.

Пробка долго не рассасывалась. Таксисты и водители микроавтобусов высаживали пассажиров прямо посередине дороги. К счастью, «фольксваген» Ифриана оказался притертым к тротуару недалеко от переулка Шодипо. В этот узкий переулок ему и удалось свернуть после мучительного маневрирования. Он добрался до разворота на Укороду-роуд окольным путем, попав в лабиринт неприглядных, грязных улочек, застроенных ветхими лачугами. Из канав, проложенных вдоль тротуаров, воняло затхлой водой и нечистотами. Вот он, истинный лик города. Ифриан смотрел на бедно одетых людей, на мусорные кучи, в которых копошились ребяташки. Неужели все эти годы он жил иллюзиями? Он приехал из Англии с мыслями о преобразовании страны. Но в Нигерии, похоже, никому нет до этого дела. Малыши играют в грязных канавах, нищие протягивают руки за милостыней. Те, кому в жизни повезло больше, равнодушно проходят мимо. Каждый сам за себя. Деньги поработили всех. Деньги, деньги, деньги... Раньше Ифриан не задумывался над тем, что творится в стране. Он жил в фешенебельном Икойи и редко попадал в населенные беднотой районы, где бездомные ночуют под мостами. Кто виноват в том, что страна прозябает? Ты лично или все твоё поколение, предавшее идеалы молодости ради призрачного преуспевания?

Полуденное солнце припекало. По мере того как Ифриан приближался к Бедо, в нем крепло желание именно сегодня окончательно разобратся с Икабо. Дальше тянуть нельзя. На его счету в банке оставалось всего около трехсот найр. Надолго их не хватит. Пора наконец быть мужчиной. Если полиция не в состоянии найти преступников, то он сам найдет их. Он не успокоится, пока не отомстит за Мерси. А дальше видно будет. Когда жена выпишется из больницы, они вместе с детьми уедут в деревню, к нему на родину. Там они начнут новую жизнь. От таких мыслей на душе становилось легче.

Капитан Икабо поджидал Ифриана у входа в полицейский участок. Холодно поздоровавшись, они прошли в кабинет инспектора Обира.

— Присаживайтесь, господа,— пригласил Обир.— Господин Окон, мне кажется, вы настроены на мировую.— В его голосе нельзя было не почувствовать иронии.

Икабо уловил интонацию и ухмыльнулся. Он чувствовал себя хозяином положения.

— Я готов заплатить за ремонт. Капитан, назовите сумму, которую вы считаете достаточной, и покончим с этим,— сдержанно сказал Ифриан.

— Прекрасно!— воскликнул Обир.— Вот это деловой разговор. Итак, капитан, слово за вами.

— Давно бы так!— заявил Икабо и, помолчав немного для пушшего эффекта, начал излагать свои претензии:— Вмятина на крыле, покорежена дверь — придется замечать, покраска всего кузова... Я думаю, ремонт станет... сотни в две. Не хочу вас грабить. Так и быть, договоримся на полутора сотнях.

Ифриан чуть не задохнулся от возмущения. Однако он не успел возразить. Его опередил Обир:

— По-моему, сумма разумная. Господин Окон, конечно, не откажется удовлетворить ваше справедливое требование. Решено: сто пятьдесят найр. Поздравляю вас, господа, будем считать, что вы договорились.

— Расплата сейчас и наличными, чек в крайнем случае,— потребовал Икабо.

У Ифриана не было сил возражать. Черт с ними. Пусть подавятся этими полутора сотнями. Главное — поскорее развязаться с этим делом. Он молча выписал чек.

— Сержант, верните господину Окону документы на машину,— распорядился Обир.

Они вышли из кабинета и стояли теперь у барьерчика, за которым сидел дежурный.

— Почему бы вам не пожать друг другу руки в знак примирения? — притворно улыбнулся Обир.

Капитан протянул Ифриану руку, тот вяло пожал ее. Ему хотелось побыстрее уйти отсюда, чтобы больше не видеть этих людей. На улице он глубоко вдохнул свежий воздух. Оставалось заплатить еще один долг. Но на этот раз плата неведомым врагам будет особая.

Глава 14

Инспектор Эду отнюдь не сидел сложа руки, как казалось Ифриану. Он пока не обнаружил след преступников, однако ему удалось нащупать ход, который при благоприятном стечении обстоятельств мог привести к успеху.

Получив задание от комиссара Кацины, Эду первым делом запросил сведения о всех лицах, задержанных в последнее время. Таковых оказалось немало. Его внимание привлек некий Тунджи, владелец автомастерской. Инспектору показалось подозрительным, что накануне этого человека едва не линчевала толпа разъяренных горожан — случай не столь редкий, но примечательный тем, что жертвами подобных расправ чаще всего становятся уголовники. Проверка показала, что Тунджи вместе с погибшим приятелем разъезжал в ночь нападения на Мерси Окон в сером «пежо-504», значившемся в угоне. Это уже зацепка. Не участвовал ли Тунджи в нападении на миссис Окон? Свидетель Фрэнк Адедойин видел, как двое мужчин скрылись с места преступления на легковой машине марки «пежо», кажется серого цвета. «Вольво» угнали другие члены банды. Эду решил потянуть за обнаружившийся кончик нити — глядишь, клубок и размотается. Интуиция подсказывала ему, что Тунджи имеет прямое отношение к преступлению на улице Илабере. После допроса задержанного подозрения усилились. Тогда инспектор прибегнул к испытанному средству — посадил в камеру к Тунджи «утку».

Капрал Ачике Оквудили раньше успешно справлялся с такого рода поручениями. Он умел втереться в доверие к преступникам. По замыслу инспектора, за неделю-другую Ачике выудит у Тунджи нужную информацию, и тогда — если версия о причастности последнего к нападению на Мерси Окон и угону «вольво» подтвердится — можно будет выйти на всю банду.

Пока Ачике пытался расположить к себе Тунджи, Эду

наведалься в гараж. Этот визит прояснил многое. Воровской инструмент, поддельные документы, фальшивые печати различных учреждений — все это найти не представляло труда. Несколько автомобилей с тщательно перебитыми номерами двигателей и кузовов дожидались очереди на перекраску. Правда, «вольво» среди них не было. Эду не ожидал, что дело угонщиков поставлено на такую широкую ногу.

При появлении полицейского инспектора рабочие в гараже прекратили работать и потихоньку, один за другим, стали исчезать. Те же, кого удалось задержать, отмалчивались. Если уж хозяином заинтересовалась полиция, лучше держать язык за зубами. Добиться каких-либо сведений от угрюмых работяг инспектору не удалось. На все вопросы он получал однотипные ответы: «Не знаю. Не видел. Мое дело маленькое».

Вернувшись в управление, Эду сопоставил разрозненные сведения и пришел к выводу, что Тунджи, несомненно, член опасной шайки грабителей. Но кто сообщники? Пока это оставалось загадкой.

Спустя несколько дней Ачике доложил, что ему удалось кое-что выведать у Тунджи. Ачике разыгрывал из себя вора в законе, который водит полицию за нос. Попался он, мол, случайно, никаких серьезных улик против него нет, поэтому его скоро отпустят. Будучи в безвыходном положении, Тунджи рискнул довериться Ачике. Пообещал вознаграждение, если тот, выйдя на свободу, передаст главарю банды, что Тунджи в полиции — пусть выручают. Он назвал адрес кабака в районе Аджегунле, где можно встретить Фэкто.

— Фэкто... Фэкто. Кажется, кто-то проходил у нас под этим именем. Надо будет проверить в картотеке, — вслух размышлял Эду. Ачике находился тут же. — Вот что, кап-рал, придется тебе пойти на встречу с главарем. Иначе нам до банды не дотянуться.

— Я тоже так думаю, сэр.

Ачике был опытным полицейским. Полтора года назад его перевели в Лагос из Энугу. Там он проник в шайку контрабандистов и смелыми действиями способствовал ее разгрому, за что его повысили в звании. Но из Энугу пришлось уехать — оставаться на прежнем месте было опасно. После шумевшего дела тамошние уголовники слишком хорошо его знали. В Лагосе Ачике еще не примелькался, поэтому Эду и решил отправить его на рискованную встречу с Фэкто.

Тем временем Фэкто и его дружки тщетно пытались разузнать, что же стряслось с Тунджи и Бухим. Те словно в воду канули — никаких следов. Поиски ни к чему не приводили. В подпольном мире Лагоса о пропавших не было ни слуху ни духу. Оставалось надеяться, что рано или поздно столь таинственно исчезнувшие Тунджи и Бухой сами подадут о себе весточку.

Оставлять «вольво» в гараже при таких обстоятельствах было все равно что играть с огнем. Вдруг полиция на хвосте? Фэкто отогнал машину в Семе, городок неподалеку от границы с Бенином, — известное среди уголовников место для совершения темных сделок. Знакомый посредник Куджо обещал найти покупателя по ту сторону границы. Тот же Куджо в разговоре упомянул:

— Через несколько дней из Бенина поедет грузовик с контрабандными кружевами. Сведения надежные. Если интересно, за информацию много не возьму.

Фэкто наострил уши:

— Надо посоветоваться с ребятами.

— Валяй. Если что, свистни. Тут верняк.

Когда Ачике появился в кабачке матушки Бомбой, Фэкто и его дружки обсуждали предложение Куджо. Бен и Чебби считали, что упускать такой шанс глупо — добыча сама плывет в руки. Перехватить грузовик с контрабандой, если точно известны время и маршрут, ничего не стоит, с этим справится любой школьник. Куджо надежный парень, на него можно положиться. Кстати, «вольво» пригодится для налета.

— А потом загоним его в Бенин, и все шито-крыто, — доказывал Бен.

— Шофера грузовика тюкнем, я сяду за руль. А кто поведет легковушку? — спросил Чебби.

Его вопрос остался без ответа. И в этот момент к столику подошел незнакомец.

— Мне нужно поговорить с Фэкто, — сказал он, обращаясь к главарю. По описанию Тунджи узнать его было легко — высокий, светлокожий, лицо усыпано веснушками, что не так уж часто встречается среди африканцев.

Три пары глаз уставились на Ачике.

— Ты кто такой? — прищурился Фэкто.

— Я от Тунджи. Поговорить надо, — тихо произнес Ачике.

Трое бандитов переглянулись.

— Говори, чего тебе. Здесь все свои.

Бен пододвинул свободный стул. Когда Ачике сел, Фэкто продолжал:

— От Тунджи, говоришь? Где он?

— На нарах. Легавые шьют ему дело. Грозится заложить вас всех, если не поможете.

Фэкто сверлил незнакомца взглядом.

— Послушай, как там тебя...

— Ачике.

— А с Бухим что?

— Сыграл в ящик. Тунджи говорил, что какие-то чокнутые напали на них. Он спасся потому, что полиция его вовремя прибрала. А то бы и ему хана. О подробностях он не распространялся. Только сказал, что если я тебя разыщу, то в накладе не останусь.

— А ты сам-то чем раньше занимался?

— Да так, всяким... В основном машинами. Я классный шофер.

— Ну а конкретней?

Ачике рассказал про несколько ограблений, о которых знал по работе в Энугу, в которых якобы принимал участие. Проверить, врет он или нет, в Лагосе все равно нельзя. Получилось убедительно. Фэкто, похоже, удовлетворился его рассказом.

— Что мы можем сделать для Тунджи?

— Он еще не совсем оклемался,— сказал Ачике.— Его здорово помяли тогда, на улице. Говорит, нужно подмазать кое-кого в полиции. Иначе ему не видать свободы. «Пежо»-то, на котором его взяли, угнанный...

Он многозначительно цыкнул.

— Выпьешь? — предложил Фэкто, плеснув в пустой стакан виски и придвинув его к Ачике.

— Давай. Вообще-то, времени у меня мало. Подруга, понимаешь, ждет. Давно не виделись... А ее еще найти надо.

— Посиди здесь минутку. Мы сейчас.— Фэкто подал знак Чебби и Бену.

Они отошли к стойке и стали шептаться, то и дело искоса поглядывая на Ачике.

— Ну, что скажете? — спросил Фэкто.— Подозрительный тип. Хотя говорит складно.

— Да брось ты. Сам господь бог послал нам его. Шофер ведь нам нужен,— сказал Чебби.

Бен ответил не сразу:

— Тунджи не проведешь. Уж если он доверился этому парню...

— Я тоже так думаю,— согласился Фэкто.— Возьмем его на дело. Но ты, Бен, глаз с него не спускай. Если он задурит — знаешь, что делать.

— Все будет в порядке. Не беспокойся,— заверил главаря Бен.

Они вернулись к столику. Ачике успел опустошить свой стакан.

— Мы тут посоветовались,— сказал Фэкто.— Есть для тебя работенка, если не сдрейфишь. Машину надо перегнать в одно место. Приходи завтра, обо всем договоримся.

— Ты хоть намекни, что за дело.

Фэкто помедлил с ответом.

— Ладно, слушай. Но учти, с нами без выкрутасов. В случае чего живьем шкуру снимем. Понял?

— Ты меня не стражай. Пуганый. Говори лучше, что делать?

— В общем, так: грузовик с контрабандой из Бенина будем брать.

— Во, это как раз по мне,— Ачике изобразил на лице интерес.

— погоди, не перебивай,— нахмурился Фэкто.— Тебя грузовик не касается. Ты поведешь легковушку.

— Марка?

— «Вольво».

Глава 16

Эду в своем кабинете писал докладную записку, в которой излагал все, что удалось узнать по делу Мерси Окон. В дверь постучали, в комнату вошел Ифриан. Эду не мог не отметить, что за последнее время он сильно изменился: осунулся, на лице печать тоски. По всему видно — страдает человек.

— Добрый день. Садитесь, пожалуйста,— произнес Эду как можно доброжелательнее.

— Какие новости, инспектор? — без обиняков начал Ифриан.

— Пока ничего определенного, но, думаю, вскоре мы получим важные сведения о банде.— Он дописал строчку в докладной и добавил: — Кое-что удалось нащупать.

— Простите, но я слышу это от вас не впервые.— В голосе Ифриана нельзя было не почувствовать разочарования и усталости.

— Увы,— развел руками Эду,— расследование продвигается не так быстро, как хотелось бы.

В комнату заглянул помощник Дэна Кацины Ибеабучи.

— Сэр, вас вызывает к себе комиссар.

— Иду.— Инспектор взял со стола фуражку, захлопнул папку с бумагами.— Подождите меня. Я скоро вернусь,— сказал он Ифриану.

Уже в коридоре он подумал, что не следовало оставлять служебные документы на столе, когда в помещении посторонний.

— Ладно, ничего с этой докладной не случится,— бормотнул он, одергивая форму перед тем, как войти к комиссару.

Оставшись один, Ифриан несколько минут отрешенно смотрел в окно. Потом его взгляд скользнул по обшарпанному сейфу в углу, на мгновение задержался на объявлениях о разыскиваемых преступниках на стене и наконец упал на лежащую на столе папку. На обложке синими чернилами было выведено имя его жены. В нем проснулось любопытство.

Он открыл папку и стал торопливо читать докладную записку. В ней упоминались некий Тунджи, содержащийся в настоящее время под стражей, полицейский агент Ачике и главарь банды Фэкто. По предположению инспектора, именно банда Фэкто совершила нападение на Мерси. Тут же был указан адрес кабачка в районе Аджегунле — место встречи бандитов.

За дверью послышались шаги. Ифриан быстро захлопнул папку, однако вошедший Эду заметил его смущение.

— Что вы делаете? Это документы для служебного пользования! — сердито сказал он.

— Прошу прощения, инспектор. Любопытство одолело.— Ифриан оправдывался, как нашаливший ребенок.

— Предоставьте нам заниматься расследованием. Обещаю, результат скоро будет.

— Но я не могу сидеть сложа руки, пока преступники разгуливают на свободе. Поймите же вы, эти подонки искалечили мою жизнь. А я только и слышу: подождите да подождите!

— Наберитесь терпения. Сами вы бессильны что-либо сделать. Не знаю, что вы успели прочитать, но учтите — пока все это догадки. Не вмешивайтесь. Вы только помешаете.

— Будьте уверены, я вам не помешаю,— горячо возразил Ифриан. Его глаза лихорадочно блестели.

— Советую вам не предпринимать никаких действий. Мы имеем дело с очень опасными преступниками.

— Я вас понял. Спасибо за совет. До свидания.

Ифриан направился к выходу. Сейчас самым главным для него было не забыть адрес кабачка в Аджегунле.

Эду проводил его долгим взглядом и сочувственно покачал головой.

В коридоре Ифриан столкнулся с Ачике. Они мельком взглянули друг на друга и разошлись. Ачике вошел в кабинет инспектора.

— Я тебя жду, Ачике. Присаживайся.— Эду указал на стул, на котором только что сидел Ифриан.— С Фэкто встретиться удалось?

— Да. Бандиты готовят новое ограбление. Хотят перехватить грузовик с контрабандой из Бенина. Знаете, какая у них машина? «Вольво».

Эду вскочил из-за стола.

— Та самая?

— Возможно. Мне предложили участвовать в налете. Я буду за шофера.

— Значит, «вольво» у них.— Эду вышагивал по кабинету, размышляя вслух.— Даю голову на отсечение, это та самая машина, которую мы ищем. Вот оно, недостающее звено. Ох, подлецы! Стало быть, изнасилование Мерси Окон — их рук дело. Вот что, Ачике, сейчас у меня был муж пострадавшей. Он тут кое-что увидел в моих бумагах. Как бы не наделал глупостей. Возвращайся в Аджегунле, найди Фэкто и глаз с него не спускай. Эту шайку теперь нельзя упускать из виду.

— Но мы договорились встретиться завтра, и это подозрительно.

— Придумай что-нибудь, извернись. Не мне тебя учить. Ты должен там быть сегодня же. Если что, дай знать. Мы будем наготове.

— Слушаюсь! — Ачике встал со стула.

Когда он скрылся за дверью, Эду закурил. Ему надо было обдумать все детали предстоящей операции. Вот только Ифриан не выкинул бы что-нибудь непредвиденное.

Ифриан сел за столик в углу. Отсюда были хорошо видны входная дверь и стойка бара. Разыскать кабачок оказалось не так просто. Аджегунле — целый лабиринт узких улочек, захламленных битым стеклом, ржавым металлоломом, дохлыми крысами, кусками картона и другим мусором, который никогда не убирают. Здесь легко заблудиться чужаку. Вид убогих лачуг удручал. «Свихнуться можно», — думал Ифриан, осторожно объезжая открытые канализационные люки. Нужно было смотреть в оба, чтобы не покалечить выпрашивающих милостыню нищих. Они бросались чуть ли не под колеса.

На Границе, небольшой площади, отделяющей Аджегунле от остального Лагоса, вечное столпотворение. Автобусы, мотоциклы, легковые и грузовые автомобили, гужевые повозки — все стягиваются сюда. Здесь происходит погрузка и выгрузка. Те, кому надо в центр столицы, не минуют этой площади. Через нее погонщики гонят скот из деревень на городские бойни. А сколько здесь бездомных оборванцев! Их сразу отличишь в суевой толпе торговцев, уличных разносчиков, рабочего люда, мелких чиновников. Борьба людей за выживание предстает в Аджегунле в своем грубом, обнаженном виде. Еще будучи студентом в Англии, Ифриан познал, что такое бедность. Но то, что происходит здесь, ни с чем не сравнимо. Жестокая нужда — удел большинства обитателей Аджегунле. «Как можно жить в этом аду?» — не переставая думал Ифриан.

Мальчишка-официант принес пиво и извинился, что оно недостаточно холодное — долго не было электричества. Перебои с электроэнергией в Аджегунле в порядке вещей. Да, это вам не фешенебельный Икойи. Зато обслуживание в этой дешевой пивнушке куда лучше, чем в дорогих ресторанах и отелях. Однажды в шикарном «Федерал Палас» Ифриану пришлось битый час дожидаться заказанной выпивки.

— С вас одна найра пятьдесят кобо, сэр, — сказал официант, вытирая тряпкой столик, прежде чем поставить на него бутылку пива.

— Принеси еще одну, — Ифриан протянул ему пятинайровую бумажку.

Он откинулся на спинку стула и внимательно осмотрел помещение. Горели разноцветные фонарики, из стереоколонок звучала ритмичная музыка. Посетителей при-

бавлялось с каждой минутой. Мимо прошли две девицы, вихляя бедрами. Они призывно подмигнули Ифриану и поднялись по боковой лестнице на балкончик. Там маячило еще несколько женских фигур. Судя по всему, в кабачке проститутки чувствовали себя вольготно.

Ифриан вздрогнул, когда в зал вошел мужчина, с которым он накануне столкнулся в полицейском управлении. Мужчина сел за свободный столик, заказывать ничего не стал — даже отмахнулся от официанта, как от мухи. Ифриан закрылся газетой, делая вид, что читает.

Спустя некоторое время в кабачке появились несколько мужчин, человек из полицейского управления сразу подошел к ним. И все вместе они сели за столик неподалеку от Ифриана, так что он мог слышать, о чем они говорят.

— Привет, Фэкто,— сказал полицейский, обращаясь к одному из мужчин.

— А, это ты, Ачике. Я думал, ты у своей подружки.

— Нет подружки. В Порт-Харкорт мотанула с каким-то фрайером. В общем, некуда мне деваться. Потому и пришел.

— Правильно сделал,— ввернул Бен.

— Мы тебя пристроим,— зловеще ухмыльнулся Чебби.

— Не пугайся, ребята шутят. Наши планы слегка переменялись. Знакомься — Куджо. Это он устраивает дельце с грузовиком.

Ачике протянул руку незнакомцу. Тот ответил на рукопожатие.

— Сегодня ночью брать будем,— сообщил Фэкто вполголоса. Они стали шептаться. Ифриан отдал бы правую руку, чтобы услышать, о чем они договариваются. Но до него доносились лишь отдельные звуки.

К столику, за которым сидели бандиты, подошла хозяйка заведения. Важных клиентов она обслуживала сама.

— Матушка Бомбой, мяса нам и виски,— потребовал Фэкто.

Когда она ушла, Фэкто сказал Ачике, что они с ребятами решили подкупить кое-кого из полицейских и устроить Тунджи побег.

— Ты не передумал насчет грузовика? — добавил он.

— Мне деньги нужны,— ответил Ачике, с аппетитом уплетая жареное мясо, которое принесла матушка Бомбой.

Договорились о следующем: Куджо встретит грузовик с контрабандой в Акпоре у самой границы. Засада будет возле разъезда Гбово. После того как уберут шофера, Бен и Чебби сядут в грузовик. Ачике поведет «вольво». С ним сядет Фэкто. Грузовик будет следовать за легкой машиной. Если полицейские остановят «вольво», Фэкто будет изображать из себя большого человека и постарается с ними договориться. Бена и Чебби предупредит о полицейском кордоне Ачике — просигналит хвостовыми фонарями.

Время приближалось к полуночи, когда бандиты встали из-за стола и направились к выходу. Ифриан тоже поднялся. Он не знал еще, что предпримет, но решил следить за ними. С одного из столов он прихватил нож, который лежал среди неубранной грязной посуды, и сунул его в карман. Выпитое пиво действовало на него успокаивающе.

На улице Фэкто, Ачике, Бен и Чебби сели в такси. Куджо поехал отдельно, в другом такси. Обе машины одновременно тронулись с места. Ифриан бросился к своему «фольксвагену».

Вскоре Лагос остался позади. Дорога вела к границе. Минут через тридцать быстрой езды машина с Фэкто и его дружками свернула налево, такси, в котором ехал Куджо, скрылось по направлению к Бадагри, селению неподалеку от границы.

Ифриан притормозил у того места, где от главного шоссе ответвлялась дорога. Он выключил фары. Вдали мелькнули красные хвостовые фонари такси. Машина с бандитами остановилась. Ифриан тоже свернул налево и, проехав метров пятьдесят, припарковал «фольксваген» у обочины. Потом вышел на дорогу и, увидев, что такси возвращается, нырнул в придорожный кустарник. Он успел заметить, что бандитов в машине нет. Едва такси скрылось во тьме, там, где высадились бандиты, вспыхнули фары. Послышался звук мотора. Машина медленно выехала на шоссе и направилась в сторону Гбово. При виде ее у Ифриана бешено заколотилось сердце. Это был его «вольво».

Грузовик с контрабандой, как сообщил Куджо, должен пересечь границу около трех часов утра. К этому времени внимание полицейских и таможенников притупляется.

Бандиты доехали до Гбово. Чебби, сидевший за рулем, остановил машину на пустынном шоссе. Все четверо вышли размять ноги и осмотреться. Фэкто отвел Бена в сторону.

— Еще раз повторяю: не спускай глаз с Ачике. И Чебби напхни, чтобы рот не разевал. Мало ли что.

Бен понимающе кивнул.

Ачике стоял, опираясь на капот «вольво», и думал, как ему поступить в создавшейся ситуации. Один против троих, без оружия... Малейшее подозрительное движение — и его тут же прикончат. Жаль, не удалось предупредить Эду. Кто бы мог подумать, что налет состоится сегодня? И все-таки надо что-то делать. «Думай! Думай!» — подстегивал себя Ачике.

От его взгляда не ускользнуло, что Бен смотрит на дорогу со странным беспокойством. Луна не светила. Темное небо затянули облака. Бен шагнул к машине. Фэкто снова сел на заднее сиденье, теперь он держал в руках автомат.

— Дай тесак, — сказал Бен. — Схожу посмотрю. Кажется, вот там, за нами, стоит какой-то автомобиль. Клянусь, когда мы сюда ехали, его не было.

— Ты уверен? — спросил Фэкто.

— Я в темноте вижу, как кошка.

— Прихвати с собой Чебби. А я здесь побуду. Только быстрее.

Бен и Чебби скрылись во тьме.

— Уже пора? — подал голос Ачике.

— Нет еще. Не дергайся! — грубо сказал Фэкто, не выпуская из рук оружия.

Пройдя метров семьдесят по шоссе, Бен и Чебби и впрямь увидели припаркованный у обочины «фольксваген». Ни в нем, ни рядом никого не было.

— Эта колымага, видать, только что подъехала, — предположил Чебби.

— Вот и я о том. Еще теплый, — Бен прикоснулся ладонью к капоту мотора. — Похоже, за нами пёр. Смекаешь?

— С выключенными фарами,— добавил Чебби.— Иначе я заметил бы. Не нравится мне это, Бен.

В это мгновение впереди три раза подряд мигнули фары приближающегося автомобиля. Куджо сигнализировал, что грузовик с той стороны границы едет следом. Бен и Чебби, забыв о «фольксвагене», побежали обратно.

Куджо, не останавливаясь, проехал мимо. Через несколько секунд послышался рев мотора, тяжело груженный грузовик показался на дороге. До него оставалось не больше пятидесяти метров, когда вспыхнули фары «вольво». Яркий свет ослепил водителя грузовика. Он инстинктивно нажал на тормоз. Обдирая об асфальт резину, грузовик остановился. Ифриан, притаившийся в кустах, наблюдал за происходящим.

Чебби выскочил на проезжую часть и побежал к грузовику. Фэкто уже прыгнул на подножку и направил дуло автомата в водителя.

— Глуши мотор! — приказал он.

Перепуганный водитель повернул ключ зажигания. На мгновение воцарилась тишина. Водитель открыл дверцу кабины и спустился на землю. Автомат Фэкто упирался ему в спину. Бен подбежал к грузовику с другой стороны. Ачике был рядом.

Неожиданно фары «вольво» погасли. Бандиты изумленно оглянулись. Кто мог это сделать? Все четверо были возле грузовика. Вдруг фары «вольво» вспыхнули вновь. Водитель грузовика, воспользовавшись секундным замешательством бандитов, бросился наутек. Фэкто выпустил ему вслед очередь из автомата. Водитель упал, распластав руки. Ключи от машины, которые он сжимал в кулаке, полетели в сторону. Никто не понимал, что происходит.

— Эй, кто там в «вольво»? — крикнул Фэкто.

Ответа не последовало. Ифриан уже выбрался из салона и исчез в кустах. Еще одна автоматная очередь вдребезги разнесла фары. Все погрузилось во тьму.

Душераздирающий вопль пронзил тишину.

— Бен! Бен! Что с тобой? — крикнул Фэкто и резко обернулся к Чебби: — Что происходит, черт возьми? — Тот недоуменно моргал.

— Может, «фольксваген»? — пробормотал он.

— Какой еще «фольксваген»? — рявкнул Фэкто.— Быстро за руль. Сматываемся!

— Заводить нечем. Ключа нет,— отозвался из каби-

ны грузовика Чебби.— Может, у шоферюги. Сейчас посмотрю.

— Некогда. Уезжаем на легковушке.

Чебби выпрыгнул из кабины грузовика и, пригнувшись, словно под обстрелом, побежал к «вольво».

— Здесь тоже нет ключей! — с ужасом крикнул он.

Ачике понял, что лучшего момента не представится. Пора действовать.

— Бросай оружие, Фэкто,— громко произнес он.— Я из полиции. Приказываю сдаться.

Ответом ему была длинная очередь из автомата. Ачике бросился на землю. Спустя секунду, приподняв голову, он крикнул:

— Зря стараешься. Деваться тебе некуда. Утром мы все равно тебя арестуем.

Фэкто снова нажал на спусковой крючок автомата. В крошечной тьме ничего не было видно. Ачике успел отползти в кювет. Ни одна пуля не задела его. И тут предсмертно застонал Чебби. Звук гудящего клаксона «вольво» заглушил его стон. У Фэкто по спине пробежали мурашки. Он несколько раз выстрелил наугад и бросился в кусты, отбивая ветки дулом автомата. Потом он снова выскочил на дорогу. По шоссе мчался «фольксваген». Фэкто отчаянно замахал рукой, пытаясь привлечь внимание водителя. Это был его шанс. Только бы машина остановилась! Фэкто знал, что делать. В автомате еще остались патроны.

Однако, заметив выскочившего на дорогу человека, водитель легковой машины прибавил скорости и сшиб его. Изуродованное тело бандита осталось лежать на шоссе.

Тем временем Ачике осторожно подкрался к «вольво». В машине, уронив голову на руль, сидел залитый кровью Чебби. Горло у бандита было перерезано...

Ифриан мчался не разбирая пути. Его мучило. Он открыл боковое стекло, чтобы впустить свежий воздух. Прохладный ветерок несколько ободрил его. У дорожного знака с надписью «Бадагри» он остановил машину. Занимался рассвет. Ифриан повернул в сторону Лагоса.

Глава 19

Ифриан прошелся по комнатам. Все в порядке. Кажется, ничего не забыто. Он вернулся в гостиную, где на запакованных коробках его дожидались Джон и Рэчел.

После происшествия на шоссе у разъезда Гбово мину-

ло три дня. За это время Ифриан несколько раз навес-тил в больнице жену. Мерси чувствовала себя лучше, хотя еще не совсем окрепла. Ифриан часами просиживал возле нее, рассказывая о приготовлениях к отъезду. Они окончательно решили поселиться в деревне, на родине Ифриана. Только там, рядом с близкими, их ждут мир и покой.

С минуты на минуту должен был появиться Фрэнк Адедойин. Он отвезет их в аэропорт. Билеты до Калабара Ифриан приобрел заранее.

Он посмотрел на часы. Было около девяти часов утра. Через полтора часа надо быть в больнице. Врачи советова-ли не торопиться, но Ифриан настоял на том, чтобы Мерси выписали сегодня. В аэропорт ее отвезут на маши-не «скорой помощи».

На улице остановился полицейский «лендровер», из которого вышли Эду и Ачике. Ифриан не удивился их появлению. Он уже три дня ждал их. Странно, что поли-ция до сих пор не появлялась.

— Доброе утро, господин Окон,— поздоровался Эду, когда Ифриан открыл входную дверь.

Инспектор с удивлением посмотрел на упакованные вещи.

— Вы уезжаете? Куда же?

— В деревню, к родственникам. Хочу переменить мес-то жительства.

— Понимаю... Нельзя ли задать вам несколько воп-росов?

— Пожалуйста,— спокойно произнес Ифриан. Лицо его было безмятежным.

— Три дня назад бандиты, которых мы разыскивали, были убиты при странных обстоятельствах. Вы что-нибудь об этом знаете?

— Да, я читал в газетах.

— В связи с этим вопрос: где вы были в то время? Ифриан пожал плечами.

— Здесь. Где мне еще быть?

— Вы можете это доказать?

— Нет. А какие требуются доказательства?

Эду бросил взгляд на Ачике. Тот хранил молчание. В ту ночь он не видел Ифриана. А предположить, что стоящий перед ним человек способен расправиться с ма-терыми преступниками, просто не мог.

— Что ж, господин Окон, больше вопросов к вам нет. Оставьте на всякий случай ваш новый адрес. Вряд ли мы

вас потревожим. Это простая формальность,— сказал Эду.

Ифриан продиктовал адрес, который инспектор тщательно записал в блокнот.

— Всего доброго.

Полицейские вышли из дома. Сев в «лендровер», Эду дружески махнул Ифриану рукой.

— Папа, когда мы поедem к маме? Она будет волноваться,— дернул отца за рукав маленький Джон.

— Сейчас приедет дядя Фрэнк и отвезет нас...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Анджапаридзе. Изменчивость и стойкость жанра . . . .</i>	<i>5</i>
<i>Диксон Игхавини. Кровавый шантаж. Перевод Д. Ханова . . . .</i>	<i>15</i>
<i>Калу Окпи. БОСС терпит фиаско. Перевод В. Рамзеса . . .</i>	<i>119</i>
<i>Мохмед Тукур Гарба. Новость для первой полосы. Перевод В. Рамзеса . . . . .</i>	<i>187</i>
<i>Филип Фил-Эбози. Под покровом ночи. Перевод М. Вольпе . . . .</i>	<i>283</i>

**СОВРЕМЕННЫЙ
НИГЕРИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ**

Составитель
Дмитрий Авенирович Ханов

Редактор З. Полякова
Младший редактор И. Голосовская
Художник А. Еремин
Художественный редактор Н. Малкина
Технические редакторы О. Черкасова, О. Коган
Корректоры В. Лебедева, В. Пестова, Н. Лукахина

ИБ № 4043

Подписано в печать 18.08.89. Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Тип Таймс. Печать офсет. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 18,67. Тираж 100000 экз. Заказ № 1197. Цена 2 р. 20 к.
Изд. № 3634.

Издательство "Радуга" В/О Совэкспорткнига Государственного
комитета СССР по печати. 119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано с готовых пленок ордена Октябрьской Революции и ордена
Трудового Красного Знамени МПО "Первая Образцовая типография"

Государственного комитета СССР по печати, 113054, Москва,
Валовая, 28, на Можайском полиграфкомбинате В/О Совэкспорткнига
Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Scan Kreyder - 19.12.2018 - STERLITAMAK

